

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПРОВЕДЕНИЯ
БЕЛОРУССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ
ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» И ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ**

Минск, 12 июня 2024 г.

Минск
БГУ
2024

УДК 94(476)"1941/1945"(06)
ББК 63.3(4Бел)62я431
В27

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *В. И. Меньковский*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Темушев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Л. Лакиза*;
кандидат исторических наук, доцент *А. И. Маскевич*;
кандидат исторических наук, доцент *В. В. Ретин*;
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Солопова*;
кандидат исторических наук, доцент *М. Ф. Шумейко*;
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. М. Литвин*;
доктор исторических наук, профессор *С. П. Стренковский*

Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию проведения Белорус. стратег. наступат. операции «Багратион» и освобождения Беларуси, Минск, 12 июня 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 397 с.
ISBN 978-985-881-713-8.

Представлены материалы белорусских и российских историков, в которых рассматриваются актуальные вопросы истории Второй мировой войны, освобождения Беларуси в ходе Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион», а также отдельные аспекты предвоенного и послевоенного положения Беларуси и стран мира, сохранения исторической памяти белорусского народа о Великой Отечественной войне.

УДК 94(476)"1941/1945"(06)
ББК 63.3(4Бел)62я431

ISBN 978-985-881-713-8

© БГУ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война в историческом нарративе Беларуси, в формировании национально-государственной парадигмы видения исторического прошлого нашей страны занимает особое место. Разработке данной темы отводится ключевая роль в утверждении собственной исторической политики, определения контуров информационной безопасности белорусского государства, его идеологии. Историческая память о войне имеет фундаментальное значение для современного белорусского общества. В этой связи проведение международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа (к 80-летию Белорусской стратегической наступательной операции „Багратион“ и освобождения Беларуси)», состоявшейся на историческом факультете Белорусского государственного университета 12 июня 2024 г. стало вкладом белорусских и зарубежных коллег-историков в сохранение памяти об участниках войны, их героических поступках на фронте, в партизанском движении и подполье, самоотверженном труде в тылу и при восстановлении народного хозяйства Беларуси.

Отрадно видеть, что научный форум привлек большое количество участников из Беларуси и зарубежных стран. Более 100 ученых, исследователей, преподавателей и студентов из Беларуси и России, государств СНГ приняли участие в работе конференции. Это представители Белорусского государственного университета, Института истории Национальной академии наук Беларуси, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, Курского государственного университета и др. Обсуждение проводилось в том числе в формате online.

Пленарные доклады затрагивали вопросы сохранения памяти о Великой Отечественной войне через цифровые технологии (методика создания и образовательное значение цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны»), современные тенденции фальсификации истории войны, вопросы исследования лжепартизанских формирований на территории Беларуси, а так же современные подходы и методы в преподавании дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)».

В рамках обсуждения прошла работа шести секций: «Операция „Багратион“ в военно-стратегическом контексте Великой Отечественной войны», «Роль партизанского движения и подполья в освобождении Беларуси. Геноцид белорусского народа и оккупационная политика нацистов в годы Великой Отечественной войны», «Беларусь и мир накануне Великой Отечественной войны», «Послевоенное восстановление и развитие освобождённой Беларуси», «Память о Великой Отечественной войны в науке, культуре и искусстве» и «Нам мир завещано беречь»: подвиг Советского народа в годы Великой Отечественной войны в исследованиях молодёжи».

Свои исследования представили учащиеся школ г. Минска. Школьники смогли представить научные изыскания, получить ценный опыт публичного выступления и перенять навыки исследовательской работы у студентов университетов Беларуси. Самые юные участники конференции — ученики 7 класса ГУО «Гимназия № 22 г. Минска».

Кроме того, для гостей конференции работала выставка научных изданий, посвященных тематике Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления Беларуси. Авторами работ выступили сотрудники исторического факультета БГУ.

Великая Отечественная война, несмотря на то, что многие аспекты ее истории и мемориализации давно уже являются предметом пристального внимания и изучения белорусских исследователей, остается своеобразным маркером трендов в развитии исторического нарратива в нашей стране, требует дополнительных усилий научного сообщества по популяризации знаний и памяти о войне. Постоянно выходят на поверхность общественного внимания и исследовательского интереса новые темы и источники, необходимость их разработки и интерпретации. Тема войны звучала, звучит и будет звучать в работах белорусских историков, в том числе и представителей исторического факультета. Исторический факультет сегодня имеет значительные наработки в сфере популяризации и мемориализации памяти о Великой Отечественной войне: студентами и преподавателями реализуются тематические проекты «Память и слава», «Память живет в поколениях», «Шталаг 352. Биография побега».

А. Г. Кохановский

*Декан исторического факультета БГУ,
доктор исторических наук, профессор*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 378.4

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВЫСТАВКИ «БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» И ЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Т. Д. Гернович¹⁾, М. Ф. Шумейко²⁾, О. А. Яновский³⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, tat.gernovich@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

³⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru*

В статье рассматривается методика подготовки цифровой выставки документов «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны», разработанной научным коллективом исторического факультета БГУ. Отмечается, что современные цифровые технологии обогащают традиционные приемы работы с архивными документами и способствуют популяризации исторических событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Белорусский государственный университет; цифровая выставка документов; историческая память.

PRESERVING THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR THROUGH DIGITAL TECHNOLOGIES: METHODOLOGY FOR CREATING THE DIGITAL EXHIBITION “BELARUSIAN STATE UNIVERSITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR” AND ITS EDUCATIONAL SIGNIFICANCE

T. D. Hiarnovich¹⁾, M. F. Shumeyko²⁾, O. A. Yanovsky³⁾

¹⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tat.gernovich@gmail.com*

²⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, jesti@inbox.ru*

³⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru*

This article examines the methodology for preparing the digital exhibition “Belarusian State University during the Great Patriotic War” developed by the research team of the History Faculty of BSU. It is noted that modern digital technologies enrich traditional methods of working with archival documents and contribute to the popularization of historical events.

Keywords: Great Patriotic War; Belarusian State University; digital document exhibition; historical memory.

В эпоху стремительного развития цифровых технологий изучение истории Белорусского государственного университета обретает новое дыхание. Интегрируя современные инструменты для анализа и представления данных, исследователи получают новые возможности для создания многогранного и интерактивного образа документального наследия университета. Современные цифровые проекты (интернет-сайты, базы данных, цифровые выставки документов и т. д.) через размещение информации в интернет и обеспечение простого механизма «доступа для всех» восстанавливают нити времени и объединяют их в единое целое.

Цифровые проекты, связанные с сохранением исторической памяти, приобретают особую актуальность в связи с 80-летием проведения Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» и освобождением Беларуси, а также приближающимся 80-летием Победы в Великой Отечественной войне. Время неумолимо отдаляет от нас эти события, зачастую стирая следы прошлого. Потому сохранение памяти о Великой Отечественной войне становится актом глубочайшего уважения и благодарности. С помощью архивных свидетельств, воспоминаний очевидцев, фотографий и кинохроники возможно создать живую летопись, служащую вечным напоминанием будущим поколениям о величии духа и негнимоной воле защитников нашей Родины [1].

Проект «История создания и становления университета» является первым опытом использования цифровых технологий в популяризации истории Белорусского государственного университета [2]. Он представляет собой информацию об основных этапах развития университета начиная с его создания осенью 1921 г. и до 1961 г. Основу проекта составил корпус документов, опубликованных на страницах издания, вышедшего в рамках серии «Памяць і слава» [3; 4; 5; 6], а также материалы, хранящиеся в музее истории БГУ [7].

Важно отметить, что документальная публикация открывалась книгой об истории БГУ в годы Великой Отечественной войны. Инициатива ее подготовки во многом принадлежала ректору университета профессору В. И. Стражеву, написавшему проникновенное и в чем-то носившее личностный характер предисловие к книге, увидевшей свет в год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Активное Аучастие в работе над ней принял доцент И. П. Зяцьков, руководитель Совета ветеранской организации университета, насчитывавшей на то время свыше 140 членов¹.

¹ Пятью годами ранее одним из членов ветеранской организации, доцентом истфака, кандидатом исторических наук А. И. Котовым было подготовлено научно-популярное издание «Белгосуниверситет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Книга памяти» (Минск: БГУ, 2000. 95 с.), структура которого в некоторой степени была повторена в издании 2005 г.

Раздел, посвященный истории БГУ в годы Великой Отечественной войны, содержит тематические подразделы: «БГУ в первые дни войны», «На фронтах Великой Отечественной войны», «Участие в партизанских и подпольных формированиях», «Преподаватели и студенты БГУ в советском тылу», «Восстановление деятельности университета на станции Сходня», «БГУ в освобожденном Минске (1944–1945 гг.)», а также «Преподаватели и студенты БГУ — Герои Советского Союза». Каждый из этих подразделов сопровождается выдержками из архивных документов, воспоминаний участников, статьями из газет и журналов, что позволяет создать многоаспектную картину военного периода в истории университета.

Также на портале размещен биобиблиографический справочник «Вечно помним и чтим», который представляет информацию о сотрудниках БГУ — участниках Великой Отечественной войны. В ней содержатся сведения о дате рождения, воинском звании, годах службы, наградах, а также о занимаемой должности в БГУ [8].

Продолжая опыт использования цифровых технологий в деле формирования исторической памяти и патриотического воспитания студентов через изучение истории Alma mater, в 2024 г. научный коллектив исторического факультета БГУ (Т. Д. Гернович, М. Ф. Шумейко, О. А. Яновский) приступил к разработке нового проекта — «Цифровая выставка „Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны“», целью которого является создание комплексного цифрового архива документов.

Основным отличием цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» от предыдущих проектов является возможность представления цифровых образов документов, а не только их текстового воспроизведения. Этот подход позволяет создать условия для эмоционального восприятия событий, что существенно усиливает вовлеченность в них и помогает пользователям глубже понимать значимость и уроки тех трагических и одновременно героических лет.

Эмоциональное воздействие, которое оказывают цифровые образы документов, во многом играет ключевую роль в формировании интереса к истории. Когда перед глазами предстают не только набранные тексты, но и фотографии, кино- и аудиоматериалы, пользователи (студенты, школьники) могут ощутить атмосферу военных лет, почувствовать дух времени и глубже понять личные переживания людей, живших в ту эпоху. Такое погружение в исторический контекст через аудио и визуальные материалы позволяет сформировать целостное и глубокое понимание событий, происходивших в годы Великой Отечественной войны.

Особенно важным аспектом проекта является расширение доступа к разнообразным типам документов. В рамках выставки будут представлены не только текстовые материалы, но и фотографии, кинохроника и

аудиозаписи, что делает изучение истории многогранным и насыщенным. Такой подход позволяет не только узнать факты, но и прочувствовать эмоции и настроения, царившие в то время, что способствует живому восприятию фактов и лучшему усвоению материала.

Гибкость структуры проекта и возможности его пополнения представляют собой ещё одну важную инновацию. Проект разработан таким образом, что в будущем можно легко добавлять новые цифровые образы документов, тем самым расширяя и обновляя архив. Это означает, что с течением времени проект будет увеличиваться, предоставляя доступ к новым материалам и позволяя продолжать изучать историю университета.

Предполагается, что цифровая выставка «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» сможет представить новые возможности в образовательном процессе, позволяя использовать образы исторических документов на различных образовательных уровнях. В высшей школе они могут стать неотъемлемым элементом преподавания дисциплин «Университетоведение», «История белорусской государственности», «Великая Отечественная война советского народа», «Археография», «Источниковедение», «Архивоведение» и других, существенно обогащая учебные программы и предоставляя студентам уникальные возможности для написания курсовых и дипломных работ.

В средней школе использование архивных документов на уроках истории не только дополнит учебный материал, но и будет служить основой для творческих и научных работ учащихся, пробуждая у них интерес к исследовательской деятельности и развивая навыки критического мышления. Документы, представленные на проекте, будут погружать учеников в атмосферу исторической эпохи, позволят им лучше понять и прочувствовать значимость событий Великой Отечественной войны, формируя цельное представление о прошлом.

С другой стороны, важнейшей задачей цифровой выставки будет являться воспитание чувства патриотизма и любви к родине среди студентов и школьников. Проект через призму цифровых документов нацелен на формирование у молодых людей глубокого уважения к подвигам предков, их мужеству и самоотверженности.

Не менее значимой является развивающая задача проекта, заключающаяся в формировании у студентов и школьников компетенций и навыков работы с историческими документами. В процессе взаимодействия с цифровыми архивами они будут учиться анализировать источники, критически осмысливать информацию и делать самостоятельные выводы, что является важным элементом их интеллектуального и личностного роста.

При создании цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» были использованы

результаты проекта «Документальное наследие Белорусского государственного университета в отечественных архивах, библиотеках и музеях», который реализуется под руководством заведующего кафедрой источниковедения исторического факультета БГУ С. Н. Ходина при финансовой поддержке БРФФИ. Так, на основании составленного Перечня документов по истории БГУ, хранящихся в отечественных архивах, библиотеках и музеях, были отобраны наиболее информативные документы и изготовлены их цифровые образы.

Для представления материалов цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» был разработан интернет-сайт на базе CMS WordPress с открытым исходным кодом. Выбор данной платформы обусловлен её гибкостью и возможностью масштабирования, что позволяет создать интуитивно понятный и удобный для пользователей интерфейс. Благодаря системе управления контентом (CMS), разработчики могут легко обновлять и расширять материал, добавляя новые статьи, интерактивные элементы и мультимедийные ресурсы. Особенно следует подчеркнуть, что WordPress предоставляет возможность создания профессиональных и функциональных сайтов даже тем пользователям, которые не обладают глубокими навыками программирования. Благодаря простоте интерфейса и доступности обширной базы обучающих материалов, пользователь может создать и администрировать образовательный сайт, используя только визуальные инструменты и готовые шаблоны.

В результате структура сайта выглядит следующим образом. В верхней части страницы размещены переходы к разделам «О проекте», «Медиаархив», «Авторы проекта», «Контакты».

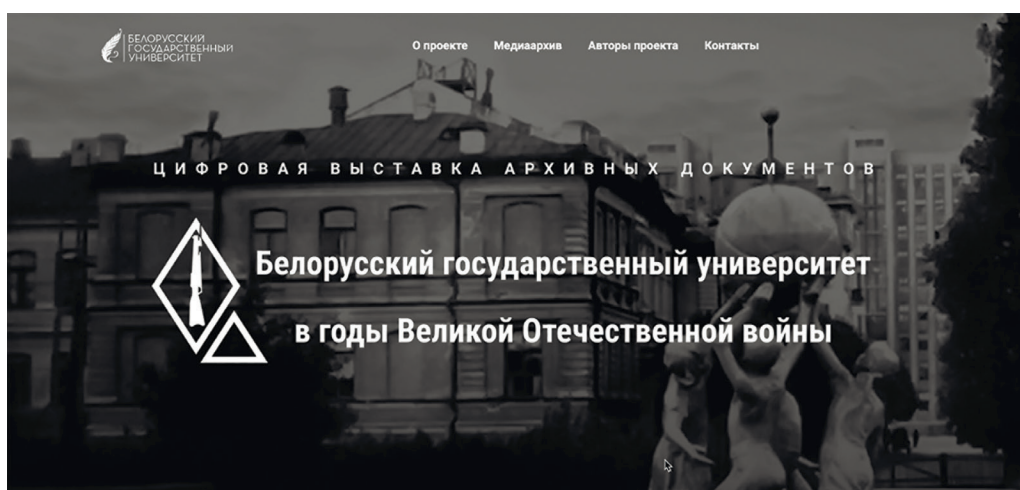

Рис. 1. Заголовочная часть главной страницы цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны»

В качестве визуального фона для заглавной страницы была выбрана фотография внутреннего двора БГУ военных лет с видом на несохранившийся фонтан в виде группы детей, держащих шар-планету Земля и виднеющимся в глубине Домом Правительства. На фоне этой фотографии размещено название проекта и логотип, стилизованный в виде мемориала «Память во имя живых», который был установлен в наши дни во дворе БГУ и посвящен сотрудникам и студентам БГУ, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Далее для пользователя предоставляется возможность знакомиться с информацией по выделенным группам: «Первые дни войны», «Преподаватели и студенты в Великой Отечественной войне», «Работа в советском тылу», которая реализована через систему фильтров, определенных разработчиками проекта.

Каждая группа объектов представляется в виде заглавного изображения группы (фотографии персоналии либо фотодокумента события), поверх которой размещается динамическая надпись с заглавием группы объектов.

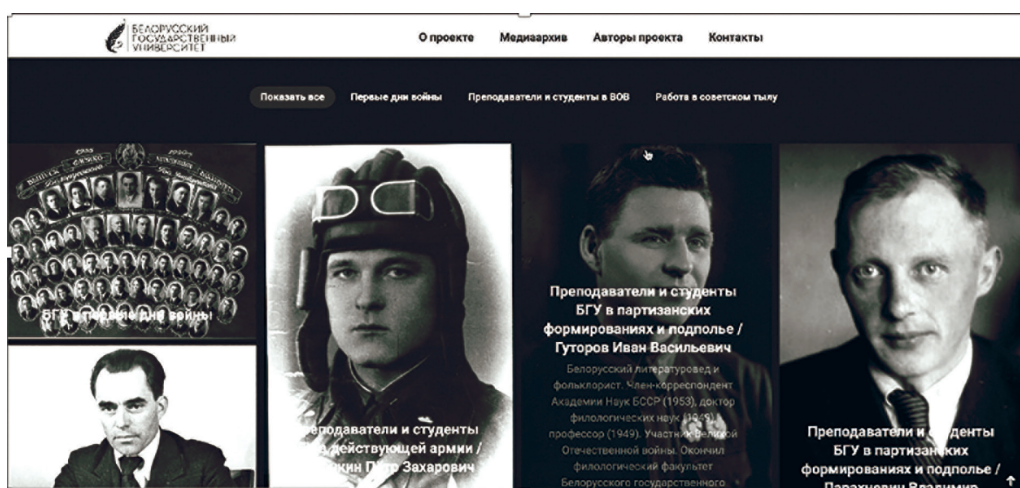

Рис. 2. Переход к группам документов с главной страницы сайта

После перехода на страницу раздела (группы объектов) информация представляется в виде заглавного фотодокумента, поясняющего текст и коллекцию документов, относящихся к данной группе.

Например, на странице раздела «БГУ в первые дни войны» в качестве заглавного фотодокумента отображается групповое фото студентов БГУ, а далее следует поясняющий текст, который разбивается на части. Между частями текста размещаются фотогалереи архивных документов, каждая из которых содержит ряд объектов соответствующей тематики (фотографии студенческих групп, документы о праздновании 20-летнего юбилея

БГУ и т. д.). Каждый фотодокумент из галереи может быть увеличен и просмотрен по отдельности. Между фотодокументами в режиме увеличенного просмотра реализована функция навигации между объектами группы, а также выхода в общую фотогалерею.

Рис. 3. Начало страницы раздела

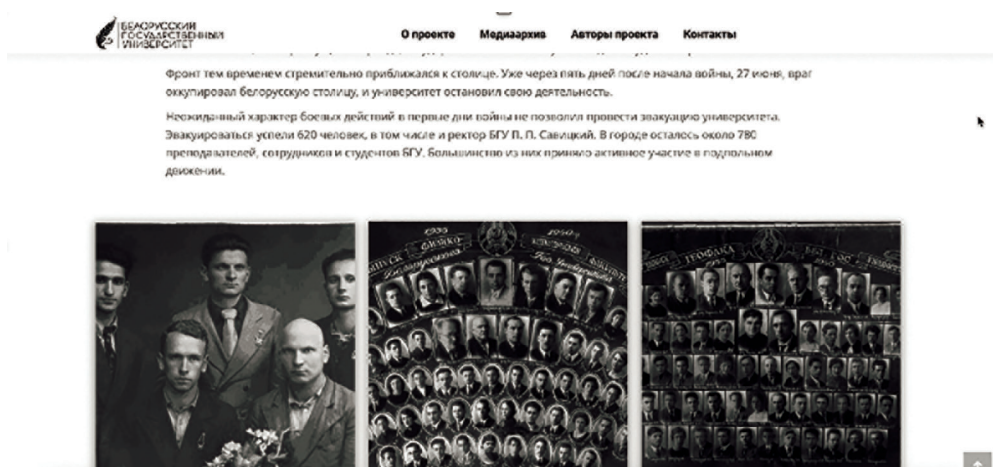

Рис. 4. Продолжение страницы раздела с текстом и фотогалереей

Страницы разделов, которые связаны с отдельными персоналиями, также состоят из заглавного фотодокумента, текстового блока (кратких биографических данных) и фотогалереи из цифровых образов документов.

Так, в разделе «Преподаватели и студенты БГУ в Действующей армии» на странице Савочкина Петра Захаровича представлены его фотография

военных лет, краткая биография, а в фотогалерее размещены изображения наградного листа и свидетельства об окончании военного факультета западных языков и др.

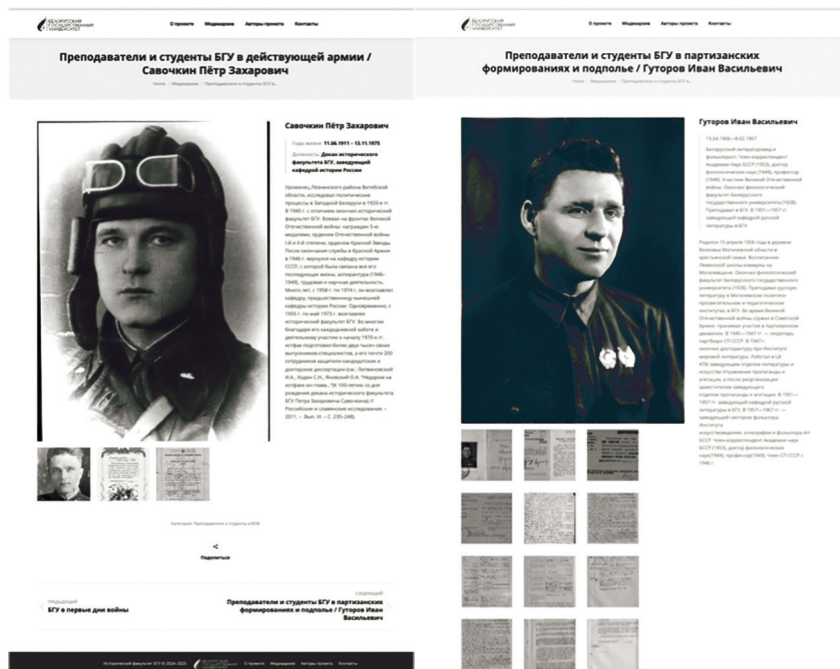

Рис. 5. Страницы сайта, посвященные Савочкину П. З. и Гуторову И. В.

В разделе «Преподаватели и студенты БГУ в партизанских формированиях и подполье» на странице, посвященной Гуторову Ивану Васильевичу, в фотогалерее размещены цифровые образы документов: автобиография, боевая характеристика, удостоверения и др. Особый интерес здесь представляют правленные Гуторовым стенограммы записей его воспоминаний об участии в партизанском движении на Брянщине, сделанные в августе 1943 г. в Москве сотрудниками Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б. Они могут быть с успехом использованы на практических и семинарских занятиях как по источниковедению, так и по археографии.

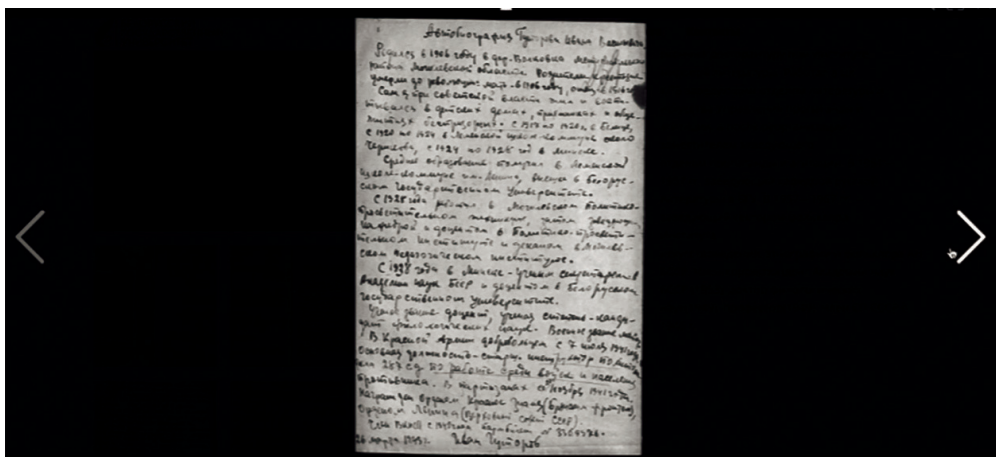

Рис. 6. Цифровой образ автобиографии Гуторова И. В. в фотогалерее

На странице Парахневича Владимира Алексеевича в фотогалерее кроме документов личного дела из фонда БШПД, хранящегося в НАРБ, свидетельств и удостоверений также размещена фотография памятника, установленного в его честь.

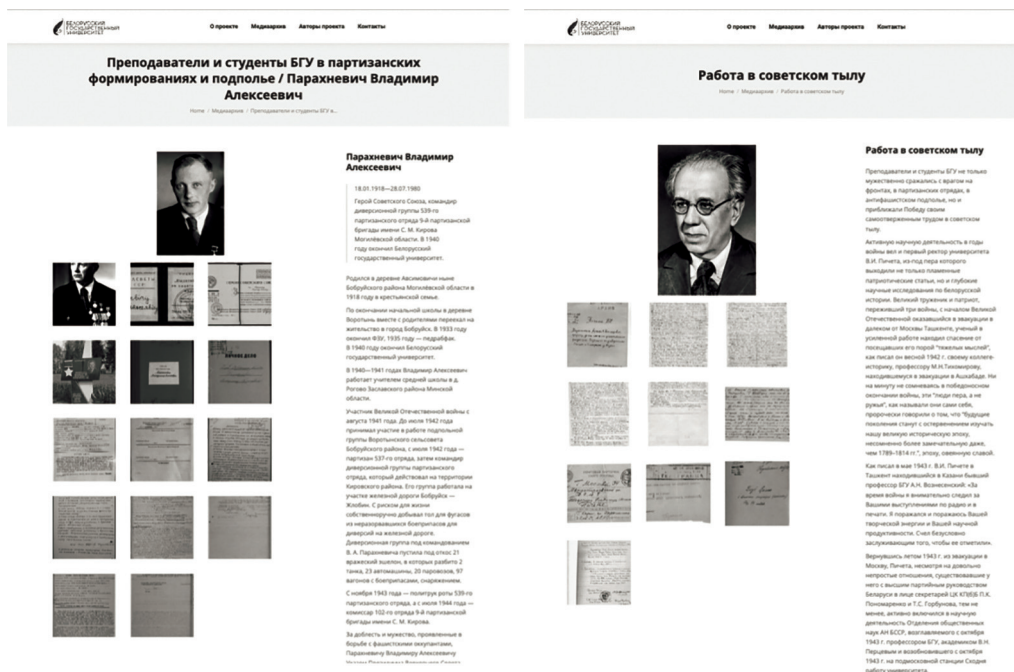

Рис. 7. Страницы сайта, посвященные Парахневичу В. А. и Пичете В. И.

Среди документов, которые размещены на цифровой выставке, ряд документов публикуется впервые.

Так, в разделе «Работа в советском тылу» на странице, посвященной В. И. Пичете, размещена переписка первого ректора БГУ, находившегося в эвакуации в Ташкенте, с коллегами, пребывавшими в Ашхабаде, Самарканде, Свердловске, Балаково Саратовской обл., Магнитогорске Челябинской обл. и др. «Люди пера, а не ружья», как называл себя будущий академик, историк М. Н. Тихомиров, очень тепло относившийся к своему старшему товарищу, провидчески писал 15 мая 1942 г. В. И. Пичете из Ашхабада: «Пребывание наше здесь закономерно, а когда понадобятся научные кадры, а понадобятся они в громадных размерах после войны, ни один путный человек не застрянет как попало».

11 марта 1942 г. один из первых профессоров БГУ Д. А. Жаринов пишет В. И. Пичете из Самарканда полное оптимизма письмо с уверенностью в скором возрождении университета: «Но если и возродится Белоруссия, и возродится ее славный университет, то Вы, конечно, возглавите его работу...». 21 января 1943 г., предчувствуя скорую кончину (Д. А. Жаринов умер 7 февраля 1943 г.), он, тем не менее, пишет В. И. Пичете: «Радуют, и

как-то посылают мне все-таки невероятную бодрость и утешения наши успехи на фронте. Наша Отечественная война — попросту блестящая страница в истории XX в., да, думаю, и на все времена. Если б дожить до конца войны! Может быть, тогда бы и поправился, и еще мог бы внести что-нибудь в дорогу для меня современную советскую науку».

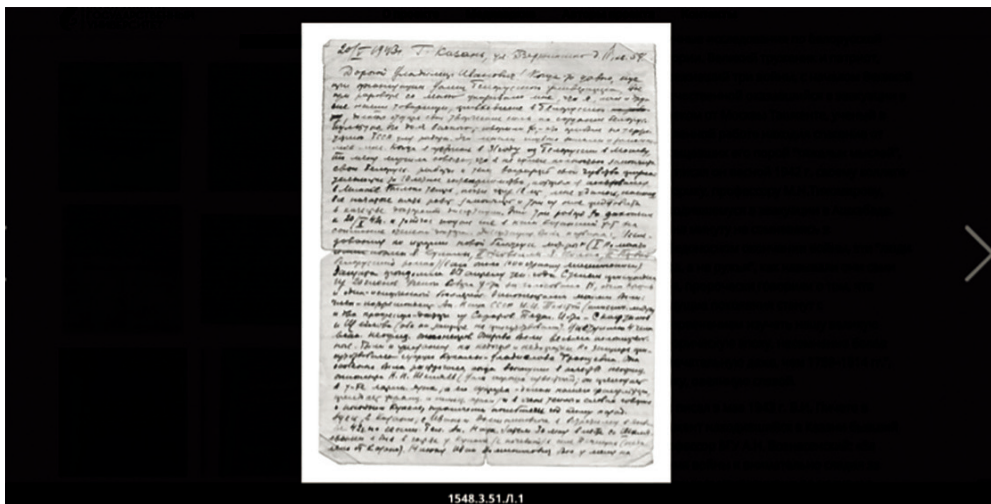

Рис. 8. Письмо Пичете В. И.

Не менее интересны документы декана исторического факультета (1937–1941) и проректора по научной работе БГУ (1948–1950), профессора-россиеведа Пьянкова Алексея Петровича. Они по-своему уникальны, так как стали доступны благодаря выходу одной из книг «Интеллектуальная элита Беларуси», приуроченной к 100-летию БГУ. Внук Алексея Петровича, Денис Александрович Пьянков, прочитав очерк о своем знаменитом родственнике, принес на исторический факультет университета большой личный архив своего деда-историка, бережно собранный бабушкой Серафимой Ивановной — женой ученого. После первичной систематизации и сканирования всех документов и фотографий этот бесценный дар был передан в Национальный архив Республики Беларусь для формирования личного фонда профессора А. П. Пьянкова.

Архив содержит просто уникальные документы: например, переписку декана истфака БГУ с советским академиком-историком Д. Б. Грековым. Или же письмо с просьбой оказать помощь в нахождении исторического источника, которое было послано Алексею Петровичу знаменитым М. Н. Покровским, бывшим на начальном этапе становления советской исторической науки и исторического образования в высшей школе «законодателем мод» в этих важнейших областях. Особое значение в восстановлении некоторых обстоятельств военных биографий преподавателей БГУ, их реакции на возникшую в 1943 г. возможность участвовать в возрождении

университета на станции Сходня под Москвой имеет проникновенное по стилю и мысли письмо известного довоенного белорусоведа Дениса Александровича Дудкова, которое в октябре 1943 г. было им с фронта направлено А. П. Пьянкову. Историк спрашивает своего декана и коллегу предвоенных лет: «Спасибо и за то, что пишете, и за то, о чём пишете. Правда, я очень интересуюсь самыми мелкими подробностями жизни нашего университета и прошу Вас писать мне обо всём... Лочмеля все же жаль (Иосиф Фадеевич погиб, защищая Ленинград в начале 1942 г. — авт.). Шабуне пишу письмо. Не знаете ли что-либо об Абецедарском? Привет всем „московским“ белорусам. Привет т. т. Савицкому, Шеченко, В. И. Пичете, В. Н. Перцеву и др.».

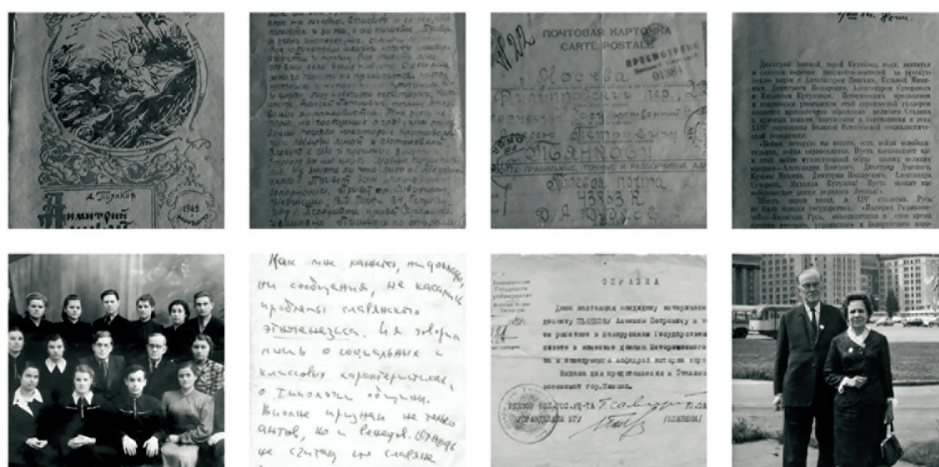

Рис. 9. Документы Пьянкова А. П.

Несомненный интерес вызывает историко-агитационная брошюра А. П. Пьянкова «Дмитрий Донской», изданная в 1942 г. в тогдашнем Молотове (совр. Пермь — авт.). Интересна и самим фактом обращения историка во время работы в тылу к личности князя, и даже авторской пометой на одной из страниц, написанной латинскими буквами: «A. Piankoff. 6/VIII. 42 г. Perm».

Открытие цифровой выставки документов для широкой общественности запланировано в мае 2025 г. Разработчики надеются, что она станет важным образовательным ресурсом, способствующим формированию уважения к достижениям предшествующих поколений. Изучение истории Великой Отечественной войны через призму Университета позволит не только сохранить и систематизировать бесценные архивные материалы, но и сделать их доступными широкой аудитории, трансформируя традиционные подходы к историческим исследованиям и способствуя глубокому пониманию прошлого. И тем самым собранный массив документов, несомненно, станет источниковой базой для написания различных по целям

и задачам научных работ, в которых роль БГУ и его профессорско-преподавательского коллектива, студенчества в достижении великой Победы советского народа над вероломным врагом будет раскрываться на новой информационной основе, с более выверенной аргументацией.

Библиографические ссылки

1. Яноўскі А. А. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: невычарпальнасць тэкставых і візуальных крыніц // Пічэтаўскія чытанні — 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў: матэрыялы міжнар. навук. канф., прысвеч. 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты, Мінск, 11 кастр. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2023. С. 12–20.
2. Проект «История создания и становления университета» [Электронный ресурс]. URL: <https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history.html> (дата обращения 12.04.2024).
3. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 / склад.: С. А. Балашэнка [і інш.]; рэдкал.: В. І. Стражаў (адк.рэд.) [і інш.]. Мн.: БДУ, 2005. 151 с.
4. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / склад. Ходзін С. М., Шумейка М. Ф., Яноўскі А. А. Мінск: БДУ, 2006.
5. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961 / склад. Ходзін С. М., Шумейка М. Ф., Яноўскі А. А. Мінск: БДУ, 2009.
6. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011.
7. Шумейка М. Ф. Столетняя история БГУ сквозь призму опубликованных документов // Пічэтаўскія чытанні — 2021: 100 гадоў БДУ — першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2021. С. 45–57.
8. Биобиблиографический справочник «Вечно помним и чтим» [Электронный ресурс]. URL: <https://time.bsu.by/ru/memoria> (дата обращения: 12.04.2024).

УДК 94(47)"1941/1945"(072)

**НОВЕЙШИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ
ДИСЦИПЛИНЫ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
СОВЕТСКОГО НАРОДА (В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ)» НА ФАКУЛЬТЕТАХ БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В. В. Сергееenkova

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, SergVV@bsu.by*

Рассказывается о новых подходах и методах в преподавании дисциплины Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): формирование личностной заинтересованности в изучении дисциплины, индивидуальный практико-ориентированный подход, использование презентаций нового поколения, аудио- и видеоматериалов, создание и использование видео-медиа фильма «Города-герои», написание творческих эссе о судьбах своих предков, о своих городах и малой Родине в годы Великой Отечественной войны. Итогом самостоятельной работы студентов стало создание электронного издания и его депонирование в электронной библиотеке БГУ общим объемом 284 с.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советский народ; индивидуальный практико-ориентированный подход; аудио- и видеоматериалы; видео-медиа фильм; творческие эссе; электронный сборник студенческих работ.

**THE LATEST APPROACHES AND METHODS IN TEACHING
THE DISCIPLINE “THE GREAT PATRIOTIC WAR OF THE
SOVIET PEOPLE (IN THE CONTEXT OF WORLD WAR II)”
AT THE FACULTIES OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY**

V. V. Sergeenkova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, SergVV@bsu.by*

It tells about new approaches and methods in teaching the discipline “The Great Patriotic War of the Soviet people (in the context of World War II)”: the formation of personal interest in the study of the discipline, an individual practice-oriented approach, the use of presentations of a new generation, audio and video materials, the creation and use of video-media of the film “Hero Cities”, writing creative essays about the fate of their ancestors, about their cities and their small homeland during the Great Patriotic War. The result of the student’s independent work was the creation of an electronic publication and its deposit in the electronic library of BSU with a total volume of 284 pages.

Keywords: The Great Patriotic War; the Soviet people; individual practice-oriented approach; audio and video-materials; video-media film; creative essays; electronic collection of student papers.

Великая Отечественная война и Вторая мировая война — величайшие трагические события в истории XX в. Жесточайшие, страшнейшие события, которые в той или иной степени затронули всю территорию СССР и, в частности, Беларуси. Именно наша республика, испытала жесточайший оккупационный режим, геноцид белорусского народа, убийства и страшные нечеловеческие испытания. На территории Беларуси было создано огромное количество различных концентрационных лагерей, гетто, тюрем, где люди прошли через невообразимые испытания. Уничтожались города и деревни. Нередко вместе с жителями.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь ведет официальное расследование геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Открываются новые акты преступления против человечности на территории нашей страны, новые места массового уничтожения людей, цифры жертв ужасающе увеличиваются. Эти данные становятся известны не только жителям нашей республики, опубликованы новые интереснейшие и ужасающие материалы о геноциде белорусского народа [1; 2; 3].

В ответ на территории Беларуси почти с первых дней начало развиваться массовое сопротивление немецко-фашистским захватчикам. Это — партизанское движение, подпольная борьба, другие формы сопротивления нацистам. С полным основанием можно утверждать, что нигде борьба населения с оккупантами не приобрела такого размаха, такой силы, как на территории Беларуси. Белорусский народ проявил невероятное мужество, стойкость, отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. При этом следует подчеркнуть, что в Законе «О геноциде белорусского народа», принятом в 2021 г. и вступившем в действие в январе 2022 г., совершенно справедливо подчеркнуто, что под белорусским народом в соответствии с этим законом, понимаются «советские граждане, проживавшие на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны и (или) послевоенный период» [4]. В мощном противостоянии фашизму участвовали, белорусы, русские, украинцы, евреи, люди разных национальностей.

Встают вопросы: как суметь донести до сознания студентов, сущность тех событий, которые происходили в 1941–1945 гг., как достучаться до их разума и понимания тех событий, как затронуть их души и сердца, чтобы объективно оценить вклад советского народа в Великую Победу, не допустить на фоне широкой информационной войны искажения событий, героической борьбы советского народа?

Дисциплина «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» преподается почти на всех факультетах Белорусского государственного университета. Как же достичь цели и

задач, которые поставлены в учебной программе дисциплины. Согласно программе, цель дисциплины — «углубленное изучение и осмысление студентами подвига советского народа и геополитических уроков Великой Отечественной и Второй мировой войн и на этой основе формирование у молодежи общественно-политического мировоззрения, которое будет содействовать их самоопределению в процессе сохранения и укрепления исторической памяти о роли Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции в победе над германским нацизмом, трансляции исторической правды и норм поведения, ценностей и традиций, выработанных белорусским народом в период борьбы с фашизмом и преодоления трагических военных событий». Цель очень серьезная. Не менее важны и задачи, определенные в программе: «формирование у студентов знаний о героических и трагических событиях и уроках Великой Отечественной и Второй мировой войн, вкладе представителей многонационального народа Беларуси в разгром германских захватчиков, повседневной жизни населения на оккупированной территории и в советском тылу, влиянии военных событий на судьбы народов Советского Союза и Европы; формирование у студентов гражданских и патриотических качеств личности; воспитание у студенческой молодежи чувства ответственности за будущее своего государства и мирового сообщества» [5].

Чтобы достичь поставленных цели и задач необходимо внедрение в учебный процесс новых подходов и методов. По нашему мнению, прежде всего необходимо быть очень честным человеком, объективным историком, профессионалом, четко осознавать, знать и понимать тот материал, который преподносится студентам на лекциях и семинарских занятиях. Нельзя ни в коем случае ограничиться только изложением фактического материала. Следует обязательно проводить самые новейшие концепции отечественной исторической науки, не обходя объяснения сложных моментов истории войны. Разумеется это предполагает недопущение никаких фальсификаций истории Великой Отечественной войны и вклада белорусского народа в Великую Победу.

В лекциях и на семинарских занятиях стало почти нормой использование презентаций разного уровня и характера. Прежде всего, в них необходимо использовать исторические карты, четко продуманную статистику, фото, структурно-логические схемы. При этом необходимо постоянное совершенствование не только содержания презентаций, но и их оформления (шрифт, размер, цветовая гамма и др.). Фактически речь идет о создании презентаций нового поколения.

Несомненным атрибутом дисциплины являются исторические источники, анализ которых дается на лекциях и семинарских занятиях.

Отличный результат, на наш взгляд, дает использование и на лекциях, и на семинарских занятиях небольших по времени аудио- и видеоматериалов. Это аудио-видео прослушивание песен, появившихся во время Великой Отечественной войны, и написанных о ней в последующее время. Это «Священная война» (поэт В. И. Лебедев-Кумач, композитор А. В. Александров); «Темная ночь», написанная композитором Н. Богословским и поэтом В. Агатовым в 1943 г. для фильма «Два бойца»; известная военная песня «Нам нужна одна победа» Булата Окуджавы, или, как ее еще называют, «Десятый наш десантный батальон», написанная для фильма А. Смирнова «Белорусский вокзал» в 1970 г.; советская песня Э. Колмановского на стихи К. Ваншенкина, посвященная памятнику советскому солдату «Алёша» в болгарском городе Пловдив и многие другие. Такие постоянные музыкальные «пятиминутки» в сочетании с видеоматериалом очень оживляют проведение лекции, дают студентам определенный перерыв в восприятии теоретического материала. Интересно, что некоторые песни студенты впервые слышат, а некоторые им хорошо известны, и они начинают тихонько подпевать. Это способствует и оживлению в восприятии лекционного материала, и установлению более тесного творческого контакта преподавателя со студентами.

Успешно также можно использовать фрагменты документальных фильмов, которые абсолютно наглядно позволяют воспринимать насыщенный фактический и теоретический материал. Использовались фрагменты документальных фильмов «Ржевская битва», «Багратион», «Тростенец», «Специальной репортаж. Оборона Могилева» и др. Конечно, во всем этом надо знать меру, заранее готовить и записывать те фрагменты, которые подтверждают лекционный материал.

Интересный опыт в нашей практике было создание и внедрение в учебный процесс видео-медиа фильма «Города-герои» при рассмотрении темы «Историческая память». Медиа-фильм называется «Города-герои», в том числе и «Минск Город-Герой, и «Брестская Крепость-Герой». По времени демонстрация фильма продолжается 22 минуты. В нем демонстрируются все Города-герои с показом наиболее знаменитых памятников, посвященных памяти героической борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Все представленные памятники и мемориалы подписаны. Показ фильма сопровождается мелодией песни «Журавли» композитора Яна Френкеля. Медиа-фильм с большим вниманием воспринимается студентами, изучающими дисциплину «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Медиа-фильм был успешно продемонстрирован на научной конференции международной конференции «Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў

канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя» 17 ноября 2023 г. (г. Минск). Фильм способствует укреплению патриотических чувств студентов и чувства гордости за великий подвиг советского народа и его вклад в Великую Победу над фашистской Германией.

При изучении дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» учебная программа предусматривает выполнение определенных заданий в рамках управляемой самостоятельной работы. В данном контексте использовался индивидуальный практико-ориентированный подход. В качестве заданий студентам в этом учебном году было предложено написание эссе по темам по выбору: «Моя семья в годы Великой Отечественной войны», «Мой город в годы Великой Отечественной войны», «Моя малая Родина в годы Великой Отечественной войны», а для написания реферата студенты выбирали темы, связанные с именами известных участников подпольной и партизанской борьбы в Беларуси, именами выдающихся советских военачальников. Результат выполнения этих заданий студентами в своем большинстве был поразительным. Студенты написали потрясающие по своей искренности, увлеченности работы о своих родных местах, о судьбах своих родных в годы войны. Студенты исторического, военного и юридического факультетов поделились семейными историями военных лет.

Большинство студенческих работ отражают восприятие и оценки современной молодежи подвига советского народа в борьбе с фашизмом. Общая тема раскрывается через конкретику истории семей, истории городов и населенных пунктов Беларуси в годы суровых испытаний. Показан геноцид белорусского народа на территории Беларуси. Все представленные материалы пронизаны любовью к истории Родины, пониманием того, что история — это то, что нас объединяет.

Выполняя свои письменные работы, студенты обратились к проблемам войны, рассказывая о важных событиях и эпизодах, о совсем неизвестных их участниках — фронтовиках, партизанах, подпольщиках. Как правило в центре студенческих эссе и даже микроисследований оказались рассказы о тех родственниках, которые внесли свой личный вклад в общую Победу советского народа.

В результате проверки выполненных студентами заданий зародилась идея создания электронного сборника студенческих работ, посвященных общей проблеме — 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. В результате проделанной большой работы появилось электронное издание «Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков)» [6].

Материалы, включенные в сборник, еще раз показывают, что создание всесторонней истории Великой Отечественной войны еще не закончено. Все те, кто вел самоотверженную борьбу с врагом, не могут быть забыты. Наши студенты с необыкновенной любовью возобновляют память о неординарных эпизодах войны, ее героических участниках. Поражает та сердечность, с которой авторы сочинений рассказывают о своих родственниках и семьях, в целом о патриотизме, силе духа победителей. Особенностью всех представленных в сборнике материалов является их литературное достоинство, авторская стилистика, попытки делать обобщения. Все, о чем написали студенты, подтверждается ссылками на исследования и различные документы. Многие студенты впервые узнали не только из воспоминаний членов своей семьи, но и из открытых электронных проектов, созданных на основе архивных документов («Партизаны Беларуси», «Память народа», сведения об участниках обороны Ленинграда и др.) многое ранее неизвестное о героических поступках предков. Впечатляет доказуемость утверждений о недопустимости повторения трагедии 1941–1945 гг. Некоторые работы сопровождаются созданными видеofilmами, написанными студентами стихами.

Логически сборник включает в себя проблемы геноцида белорусского народа, истории белорусских семей в годы Великой Отечественной войны, историю родного города, малой Родины в годы трагических испытаний, деятельность отдельных партизан и подпольщиков.

Главная цель публикации электронного издания — дать возможность современной молодежи переосмыслить основные события национальной военной истории, сформировать и выразить собственное восприятие и оценку подвига советского народа в борьбе с фашизмом. Публикации дополнены уникальными фотографиями и архивными данными, которые ранее не были представлены широкой общественности.

Интересно то, что, не все интересные работы студентов вошли в электронное издание. Работа с материалами требовала больших и физических, и временных, и интеллектуальных затрат. К тому же, надо было завершить всю работу и ее депонирование до конца апреля. Многие студенты продолжали выражать свою заинтересованность в публикации своих работ. Когда проходил уже в мае 2024 г. дифференцированный зачет, студенты приносили новые материалы, неизвестные ранее фотографии и настойчиво выражали просьбу издать к 80-летию Великой Победы еще один сборник. Прошел дифференцированный зачет, а на электронную почту студенты присылают мне свои новые материалы, копии архивных документов,

фотографии. Они выражают искреннее желание продолжить работу. Если статистически, то уже набралось порядка 30 работ, написанных студентами с желанием публикации этих материалов.

Таким образом, личностный практико-ориентированный подход, использование различных новых технологий в преподавании дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» (аудио- и видеоматериалы, видео-медиа фильм, презентации нового поколения, написание творческих работ) давало определенные положительные результаты, рос интерес студентов к изучению истории войны. Очень важно заинтересовать студентов, увлечь их в процессе прохождения дисциплины по истории Великой Отечественной войны, увидеть ее через призму личной истории семей, своей Родины.

Библиографические ссылки

1. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2022. 175 с. : ил.

2. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2023. 335 с. : ил.

3. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1. / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2023. 311 с. : ил.

4. Закон Республики Беларусь от 05.01.2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа». Pravo.by. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146> (дата обращения: 26.04.2024).

5. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны). Вучэбная праграма ўстановы вышэйшай адукацыі па вучэбнай дысцыпліне для ўсіх спецыяльнасцей першай ступені вышэйшай адукацыі. — 2022. / Складальнікі: А. Г. Каханоўскі, А. А. Яноўскі, А. В. Бурачонок. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290028> (дата звяртання: 20.04.2024).

6. Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) / БГУ, Исторический фак. ; [редкол.: В. В. Сергеевкова (отв. ред.), О. А. Яновский (отв. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2024. 284 с. : фото. Библиогр. в тексте. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311734>. № 007930042024, Деп. в БГУ 30.04.2024.

АРМИЯ И ТЫЛ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

УДК 94(100)"1941/1945"

ГРУ РККА И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. С. Александрович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, forman2003@yandex.ru*

Статья посвящена партизанскому движению под руководством Главного разведывательного управления (ГРУ) РККА в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрена специфика деятельности советских партизан под управлением военной разведки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; партизанское движение; ГРУ РККА.

THE GRU OF THE RED ARMY AND THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. S. Aleksandrovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, forman2003@yandex.ru*

The article is devoted to the partisan movement under the guidance of the Main Intelligence Directorate (GRU) of the Red Army during the Great Patriotic War. The specifics of the activities of soviet partisans under the control of military intelligence are considered.

Keywords: Great Patriotic War; partisan movement; GRU RKKA.

В период Великой Отечественной войны структура, которую принято называть Главным разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии, встретила с незамысловатыми расплывчатым наименованием (видимо, так того требовало время, обстановка и род занятий) — 5-е управление Красной армии. Управление подчинялось Генеральному штабу РККА. В общепринятом же варианте сохранялось название, установленное еще с 1934 г. — Разведывательное управление Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РУ ГШ РККА).

Уже 16 февраля 1942 г. приказом Наркома обороны СССР И. В. Сталина 5-е управление Красной армии было реорганизовано в Главное

разведывательное управление (ГРУ) Генштаба Красной армии. Именно тогда впервые в названии этой структуры появилось слово «Главное». 23 октября приказом наркома ГРУ было переведено из подчинения Генштабу в прямое подчинение Наркомата обороны (НКО). На ГРУ возлагалось ведение всей агентурной разведки и диверсионной деятельности, как за рубежом, так и на оккупированной территории СССР.

Одновременно в составе Генерального штаба было сформировано Управление войсковой/военной разведки Генштаба, которое руководило работой фронтовых разведывательных органов и войсковой разведки. Однако разделение функций между двумя разведывательными службами показало свою неэффективность. Поэтому приказом наркома от 19 апреля 1943 г. Управление войсковой разведки Генштаба было переименовано в Разведывательное управление (РУ) Генштаба, и ему было передано руководство агентурной работой и диверсионной деятельностью на оккупированной территории СССР. При этом ГРУ Наркомата обороны сохранило за собой только ведение агентурной разведки за границей. Начальником ГРУ был назначен генерал-лейтенант И. И. Ильичев, а начальником РУ Генштаба — генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. В июне 1945 г. ГРУ Наркомата обороны и РУ Генштаба были вновь объединены в Главное разведывательное управление Генерального штаба РККА под началом Кузнецова. В тексте статьи для удобства будет применяться название Главное разведывательное управление и аббревиатура ГРУ

Трудно объяснить столь частые бюрократические комбинации в руководстве, которые постигали данную структуру, тем более, что пертурбации с названием и подчинением продолжатся и после 1945 г. Заметим, что подобные процессы были свойственны советской военной разведке и до 1941 г. Видимо, сказывались секретность, конспирация, разнообразные источники информации и другие атрибуты, характерные организациям «невидимого фронта». Что же касается преобразований времен войны, особенно в чрезвычайно тяжелых условиях ее начального периода, то шел тяжелый и кропотливый процесс поиска наиболее эффективных форм организации и управления военной разведкой [1, с. 140].

В организации и управлении партизанским движением в годы войны принимали участие самые различные структуры: партийные, советские и комсомольские органы, органы НКВД-НКГБ, военная разведка, армейские политотделы, особые отделы фронтов и армий. Примечательно, что известный российский исследователь, директор фонда «Историческая память» А. Р. Дюков дал своей монографии, посвященной вопросам организации и руководства партизанским движением в годы войны, очень меткое название «Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос». В этом

деле существовало и достаточно серьезное межведомственное соперничество (в первую очередь, между НКВД и всеми остальными структурами, во вторую очередь, между НКВД и ГРУ), и различные взгляды на задачи партизанской борьбы, а, возможно, и на саму ее сущность [2, с. 77–78].

Такое противостояние продолжается и до сегодняшнего дня, но уже на страницах научных работ и в дискуссиях на научных форумах. В этом плане хрестоматийными являются монографии военного историка А. Ю. Попова «НКВД и партизанское движение» и «Соппротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.)» [3; 4]. Вот что он пишет: «В некоторых трудах, неизвестно по каким причинам, кадровые сотрудники органов государственной безопасности СССР отождествляются с офицерами Красной Армии, в результате работа, проделанная чекистами в тылу противника, приписывается совершенно другому ведомству. Так, например, в монографии кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института российской истории РАН В. А. Пережогина утверждается, что „нередко разведку в интересах Красной Армии партизаны проводили с армейскими разведывательными группами... Именно таким образом действовала группа разведчиков во главе с Н. И. Кузнецовым, заброшенная летом 1942 г. в район Ровно, где к тому времени обосновался партизанский отряд под командованием полковника Д. Н. Медведева“» [5, с. 245]. Представляется, что нужно более четко показывать ведомственную принадлежность партизанских разведчиков, так как ни Н. И. Кузнецов, ни Д. Н. Медведев к армейской разведке никогда никакого отношения не имели, а подчинялись непосредственно 4-му Управлению НКВД, ведавшему деятельностью за линией фронта» [3, с. 5]. И это действительно так, проблема изучения межведомственного взаимодействия в организации партизанского движения существует и поныне [6; 7]. С другой стороны, тот же А. Ю. Попов в монографии «Диверсанты Сталина. НКВД в тылу врага» отмечает: «...помимо органов государственной безопасности заброской партизанских отрядов в тыл противника занимались партийные и комсомольские органы, а также военная разведка. Однако наиболее боеспособными оказались именно партизанские отряды, созданные чекистскими органами» [8, с. 60].

Специфика работы ГРУ по организации и руководству партизанским движением на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны может быть суммирована в следующих положениях.

1. Военная разведка делала упор не на собственно развертывание партизанского движения, а на конкретную, зачастую точечную разведывательную, агентурную или диверсионную работу. На первом месте была именно разведка, сбор данных, и передача их за линию фронта. Отметим

наиболее известных командиров разведывательно-диверсионных отрядов ГРУ, действовавших в годы войны на оккупированной территории: Герои Советского Союза Антон Бринский (Западная Украина), Кузьма Гнидаш/Гнедаш (Левобережная Украина, Беларусь, погиб в 1944 г., похоронен в Слониме), Григорий Линьков «Батя» и его 1-й Белорусский отряд особого назначения (Витебская, Минская, Полесская, Гродненская области), Иван Банов (Полесская, Пинская, Барановичская, Брестская области). Отдельно следует упомянуть разведывательно-диверсионный отряд «Дима» (Минская обл.) и его командира Давида Кеймаха (погиб в сентябре 1943 г.).

2. Разведывательно-диверсионные группы/отряды ГРУ в тылу врага не находились длительное время на одном месте, часто меняли дислокацию, не создавали партизанских зон и краев. Последнее не являлось их задачей; противник же, в свою очередь, отслеживал, и постоянно преследовал такие отряды. Поэтому разведывательно-диверсионные формирования находились в постоянном движении, рейдировании. В качестве примера успешной деятельности таких подразделений упомянем рейд отряда И. Ф. Ширинкина. В сентябре–ноябре 1941 г. этот отряд прошел более 700 км по территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей, ведя разведку и совершая диверсионные акты на объектах и коммуникациях противника. Командир И. Ф. Ширинкин и комиссар отряда Ю. А. Дмитриев были награждены за это орденами Ленина.

3. Разведывательно-диверсионные группы/отряды ГРУ участвовали в организации массово партизанского движения в тылу врага в той степени, насколько это отвечало их задачам — создание безопасной материальной базы для обеспечения собственной деятельности, налаживание агентурной сети, сбор необходимой информации. Особенно это характерно для 1941–1942 гг.

4. Группы/отряды ГРУ были хорошо оснащены оружием и радиосвязью [1, с. 140]. В качестве примера, можно привести знаменитый радиоузел в отряде Григория Линькова, наверное, единственная крупная партизанская радиоточка такого уровня в Беларуси, с мощным оборудованием и высококлассными специалистами-радистами.

5. Разведывательно-диверсионные отряды ГРУ редко перерастали в бригады и соединения. Численность такого подразделения обычно составляло несколько сот человек, что позволяло сохранять высокую мобильность. На начальном же этапе деятельности количество бойцов в отряде могло составлять несколько десятков человек. Например, тот же отряд Ширинкина на момент десантирования в тыл врага включал 27 человек. Пополнение шло за счет местного населения, действующих партизанских отрядов, окруженцев из числа бойцов и командиров Красной

армии. Причем к кандидатам предъявлялись достаточно строгие требования, отбирали лучших, наиболее подготовленных физически, умственно и морально.

6. С появлением штабов партизанского движения весной—осенью 1942 г. роль ГРУ в организации партизанского движения в ряду других структур отошла на второй план. Об этом свидетельствует тот факт, что среди непосредственных руководителей штабов партизанского движения сотрудников ГРУ не было. Так, в основной руководящий состав Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) входили партийные работники, сотрудники органов государственной безопасности, имеющие опыт организации партизанского движения в первый год войны или необходимую для работы в штабе специальность.

7. Перечислим наиболее крупные штабы партизанского движения и их руководителей: ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования — П. К. Пономаренко [первый секретарь ЦК КП(б)Б]; Украинский — Т. Л. Строкач (НКВД); Белорусский — П. З. Калинин [второй секретарь ЦК КП(б)Б]; Западный, затем Смоленский — С. С. Бельченко (НКВД), затем Д. М. Попов [первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б)]; Карело-Финский — С. Я. Вершинин (НКВД); Ленинградский — М. Н. Никитин (секретарь Ленинградского обкома); Орловский (Брянский) — А. П. Матвеев (первый секретарь Орловского обкома). Из первых лиц среди руководства штабами партизанского движения определенное исключение представляют разведчики-диверсанты по линии ГРУ Илья Старинов — член УШПД с мая 1943 г. и Артур Спрогис — начальник Латвийского штаба партизанского движения (с января 1943 г.) [9, с. 75–76].

Любопытно, что до осени 1942 г. руководство ЦШПД представляло собой коллегию в составе начальника штаба и двух его членов (примечательно, что данный факт не нашел отражения в книге П. К. Пономаренко «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944»). Это были представители руководящего партийного органа, НКВД и ГРУ. Представителем от органов госбезопасности был В. Т. Сергиенко, до начала войны нарком внутренних дел СССР. От ГРУ (тогда Разведывательного управления НКО) в ЦШПД был направлен полковник Т. Ф. Корнеев [2, с. 122]. Данную коллегию можно рассматривать, как своеобразную попытку соединить воедино усилия трех ключевых конкурирующих ведомств в деле организации и руководства всенародной партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Однако вскоре коллегиальное управление было отменено, так как наибольшую эффективность в управлении в военных условиях, по мнению Пономаренко, обеспечивало единоначалие [9, с. 91]. В этой связи уместно мнение немецкого генерала вермахта, а затем

военного историка Курта фон Типпельскирха, который в своей «Истории Второй мировой войны» отмечал: «Русские осенью 1942 г. изменили свою тактику, перенесли партизанскую борьбу глубже в тыл... Теперь немецкие войска были спокойны за свой непосредственный тыл. Но тем тяжелее стало бороться с партизанским движением в далеких тыловых районах» [10, с. 329].

Библиографические ссылки

1. *Боярский В. И.* Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Минск: Харвест ; М/ АСТ, 2001. 301 с.
2. *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М. : Вече, 2012. 304 с.
3. *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.
4. *Попов А. Ю.* Сопротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М. : Алгоритм, 2016. 304 с.
5. *Пережогин В. А.* Г. К. Жуков и партизанское движение // Отечественная история. 1995. № 5. С. 21–33.
6. *Пережогин В. А.* Партизаны на приеме у И. В. Сталина // Отечественная история. 1999. № 3. С. 186–191.
7. *Пережогин В. А.* Солдаты партизанского фронта. М. : ИРИ РАН, 2001. 282 с.
8. *Попов А. Ю.* Диверсанты Сталина. НКВД в тылу врага. М. : Эксмо, 2008. 478 с.
9. *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М. : Наука, 1986. 440 с.
10. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб. : Полигон; М. : АСТ, 1999. 796 с.

УДК 94(57)"1944"

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» В СУДЬБАХ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Е. Х. Апажева¹⁾, Н. С. Лаврова²⁾

¹⁾ *Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, 360004, г. Нальчик, Россия, elena_apazheva@mail.ru*

²⁾ *Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, 360004, г. Нальчик, Россия, lawrova.natali2012@yandex.ru*

Одной из масштабных операций Великой Отечественной войны была Белорусская операция, предопределившая исход борьбы с фашизмом. Она имела огромное военно-политическое и стратегическое значение. Наголову разбив гитлеровскую группировку «Центр», советские войска освободили Белоруссию, части Литвы, Латвии и Польши и подошли к границам Германии. Плечом к плечу с советскими воинами разных национальностей были выходцы из Кабардино-Балкарии. Беларусь осталась в памяти и судьбах тех, кто освобождал ее и вернулся домой, и в памяти семей, чьи деды и прадеды остались навечно в белорусской земле.

Ключевые слова: операция «Багратион»; наступление по всем фронтам; братство народов СССР в годы Великой Отечественной войны; причастные к Великой победе.

OPERATION “BAGRATION” IN THE FATE OF THE VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR FROM THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC

E. Kh. Apazheva¹⁾, N. S. Lavrova²⁾

¹⁾ *Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Chernyshevsky st.,
173, 360004, Nalchik, Russia, elena_apazheva@mail.ru*

²⁾ *Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Chernyshevsky st.,
173, 360004, Nalchik, Russia, lawrova.natali2012@yandex.ru*

One of the large-scale operations of the Great Patriotic War was The Belarusian operation, which predetermined the outcome of the fight against fascism. She had enormous military-political and strategic significance. Completely having defeated the Nazi group “Center”, Soviet troops liberated Belarus, parts of Lithuania, Latvia and Poland and approached the borders of Germany. Shoulder to shoulder with Soviet soldiers of different nationalities were people from Kabardino-Balkar Republic. Belarus remains in the memory and destinies of those who freed it and returned home, and in the memory of families whose grandfathers and great-grandfathers remained forever in Belarusian soil.

Keywords: operation “Bagration”; attack on all fronts; brotherhood of the peoples of the USSR during the Great Patriotic War; involved in Great victory.

На советско-германском фронте Гитлер сосредоточил 4,3 млн человек, 59 тыс. орудий и минометов, 7,8 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,2 тыс. боевых самолетов [1, с. 500]. Стремясь удержать за собой Белоруссию, фашисты создали мощные оборонительные укрепления, однако сосредоточивали самые сильные группировки в районах Витебска, Бобруйска, восточнее Орши и Могилева, благодаря советской дезинформации. При планировании Белорусской операции Ставка верховного главнокомандования большое внимание уделяла материальному обеспечению войск, сосредоточение войск проводилось ночью, готовились ложные переправы и т. п.

23 июня 1944 г. войска 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов перешли в наступление. Уже на третий день враг был окружен в районе Витебска, а 27 июля уничтожены 5 пехотных дивизий, 20 тыс. человек убиты и более 10 тыс. попали в плен [1, с. 49]. Войска 1-го Белорусского фронта начали наступление 24 июня и уже к утру 27 июня окружили 40-тысячную группировку противника в районе Бобруйска. Массированный удар с воздуха нанесли 526 советских самолетов. 29 июня окруженная группировка была ликвидирована.

Одновременно с разгромом противника под Витебском и Бобруйском войска 2-го Белорусского фронта провели Могилевскую операцию. За шесть дней они форсировали шесть водных преград, в том числе Днепр, освободили Могилев и продвинулись на 90 км. В итоге наступления вражеская оборона была прорвана на фронте шириною в 520 км. Образовалась большая дуга, охватившая с трех сторон отступавшие соединения группы армий «Центр» и были созданы благоприятные условия для окружения противника восточнее Минска.

Утром 3 июля с северо-востока в Минск ворвались соединения 2-го гвардейского танкового корпуса и части 5-й гвардейской танковой армии, а через несколько часов с юга-1й гвардейский танковый корпус. В минском «котле» оказалось 105 тыс. солдат и офицеров Вермахта. Уникальность этой операции состоит в окружении врага сразу после разгрома его группировок на флангах, что стало возможным благодаря четкому взаимодействию фронтов.

В ходе ликвидации враг потерял свыше 70 тыс. человек убитыми и около 35 тыс. пленными, среди них 12 генералов-командиров корпусов и дивизий. Белорусские партизаны влились в ряды Красной армии. 28 июля был освобожден Брест. Для стабилизации фронта немецкое командование перебрасывает 46 дивизий и 4 бригады из оккупированных ими стран. Это дало возможность англо-американским войскам, высадившимся на севере Франции отразить контрудары гитлеровцев. Американская газета писала по этому поводу, что советские войска «помогали так, как если бы они

сами штурмовали укрепления на французском побережье, ибо Россия начала крупное наступление, вынудившее немцев держать миллионы своих войск на Восточном фронте, которые в противном случае могли легко оказать сопротивление американцам во Франции» [2, с. 23].

18 июля началось наступление левого крыла 1-го Белорусского фронта, которые за четыре дня разгромили превосходящие силы противника и вступили на территорию Польши. 24 июля был освобожден Люблин, а в начале августа наши войска на широком фронте вышли к р. Висла.

Успехи советских войск на центральном направлении содействовали переходу их наступления по всем фронтам от Балтийского до Черного моря. Разгром врага в Белорусской операции имел большое военно-политическое и стратегическое значение. Немецко-фашистские войска потерпели катастрофическое поражение. «В течение лета и осени 1944 г.», — писал генерал З. Вестфаль, — «немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже Сталинградское». Из 97 дивизий и 13 бригад противника, участвовавших в боях, 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава. В результате победы советских войск в Белоруссии коренным образом изменилась стратегическая обстановка на всем советско-германском фронте. Белорусская стратегическая операция характеризовалась большим размахом. Наступление, начавшееся на полосе в 500 км., завершилось на фронте протяженностью более 1100 км. В боях участвовало личного состава и боевой техники больше, чем в любой операции 1944 г. Численность войск противоборствующих сторон за счет резервов достигла в общей сложности почти 4 млн человек, более 60 тыс. орудий и минометов, 7,6 тыс. танков и более 9 тыс. самолетов [3, с. 5].

Белорусская операция получила высокую оценку у союзников. У. Черчилль, выступая 2 августа в палате общин, вынужден был признать, что Советская Армия «сыграла главную роль и выматывает кишки из германской армии. <...> В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранить наше положение, но не было в мире такой силы, разве что она могла быть создана еще через несколько лет, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали советские армии» [4, с. 523]. Даже битые фашистские генералы вынуждены были признать огромный размах и результаты Белорусской операции. Гитлеровский генерал Бутлар писал, что разгром группы армии «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке [5, с. 240]. Отметим, что одной из целей операции «Багратион» стояла задача освобождения Польши от фашизма.

Западные фальсификаторы на протяжении десятков лет прибегают к различным приемам, чтобы приуменьшить значение советской победы в Белоруссии летом 1944 г.: это и благоприятная обстановка в условиях высадки союзников, и слабость фашистских дивизий, находившихся на советско-германском фронте, и вина Гитлера, допустившего просчеты в руководстве войсками, и замалчивание самого факта Белорусской операции. Однако их попытки тщетны. Наши деды и прадеды, освобождавшие Беларусь от фашизма, доказали это своими подвигами.

Плечом к плечу с воинами-освободителями Беларуси стояли уроженцы Кабардино-Балкарии. Анатолий Антонов был призван в армию, через два года попал на Белорусский фронт. К этому времени он был дважды серьезно ранен. С боями прошел всю Беларусь — от деревни Киреево до границы с Литвой. 3 июля 1944 г. 611-й Минский полк в составе 88-й стрелковой Витебской дивизии ворвался в Минск и перекрыл фашистам дорогу на Бобруйск. А далее молодой лейтенант совершит свой подвиг, когда в руках с одной саперной лопаткой переплывет Неман, обезвредит немецких часовых, возьмет в плен десяток фашистов и без единого выстрела захватит 12 огневых точек противника. За этот подвиг маршал Советского Союза И. С. Конев представил Анатолия Антонова к званию Героя Советского Союза. Однако работники штаба утерятили наградные документы, и он был награжден орденом боевого Красного Знамени.

Еще один уроженец Кабардино-Балкарии, участвовавший в операции Багратион — известный в стране художник Анатолий Михайлович Сундуков, который с 17 лет воевал на фронтах Великой Отечественной, в том числе освобождал Беларусь. В перерывах между боями он рисовал. Так появились сотни фронтовых набросков, в том числе и о Беларуси, в частности о Слониме, как память о войне, переданная через рисунок. Они хранятся в музеях Москвы и Нальчика.

Кабардинец Туля Туганов, был похоронен в июле 1944 г. в деревне Лучинки под Слуцком. Во время наступательной операции на деревню Симаны в Полесской области, он первым поднялся в атаку и вместе с бойцами ворвался в расположение оборонительного рубежа фашистов, уничтожил 27 вражеских солдат, взял одного в плен, за что был удостоен ордена «Красной Звезды», говорится в наградном документе. Однако наш герой об этом никогда уже не узнает.

Наш земляк Макоев Наиб, был среди тех, кто освобождал белорусский город Мозырь, а за проявленный героизм в боях за г. Седлец получил орден Отечественной войны II-й степени в августе 1944 г. Карданов Сагид также воевал за освобождение Беларуси, погиб и был похоронен в

Витебской области. Старший лейтенант Герандоков Мухарби отличился в боях за Мозырь, посмертно награжден орденом «Кутузова 3-й степени», похоронен в братской могиле в с. Мелешковичи Гомельской области.

На белорусской земле воевали и другие наши земляки — Тлупов Озир, Темроков Амерхан, Хажхожев Мухаммед, Чеченов Сафарби, Шамурзаев Хамиша, Мамрешев Альбиян, Курсаков Павел. Многие из них не вернулись домой, нашли свое последнее пристанище в Беларуси, также, как и уроженцы Белоруссии, сложившие свои головы на территории Кабардино-Балкарии. Среди них летчики Роговин Абрам из г. Минска, погибший в воздушном бою 16 августа 1942 г., в станице Александровской ему установлен памятник; пилот Малькович Георгий, чей самолет был сбит в районе Курпских высот; Фурсиков Александр из Гомельской области, погибший при обороне г. Нальчика; Леш Фёдор уроженец Полесской области, погибший в августе 1942 г.; гвардии лейтенант Лобанов Леонид, уроженец Шкловского района, навечно оставшийся в Кабардино-Балкарии.

В рядах 115-й Национальной кавалерийской дивизии воевал с фашистами белорус — сержант Морозов Николай, награжденный медалью «За отвагу». Еще один ваш земляк, Дворак Николай из с. Добринь Гомельской области был участником боев за высоту 910 в Кабардино-Балкарии, часто переходивших в рукопашные схватки, представлен посмертно к ордену «Ленина». Цыганков Александр, уроженец Шкловского р-на, Могилевской области при обороне горы Хора Хора в Кабардино-Балкарии был ранен, лично уничтожил 16 гитлеровцев, награжден медалью «За отвагу»; Примако Петр, младший политрук, за пленение 16 фашистов у сел. Кишпек Кабардино-Балкарской республики был награжден медалью «За отвагу»; Шелешко Александр был участником боевых операций высот Кругозора Кавказского хребта, бесстрашно дрался с врагом на Моздокском направлении, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденом «Красная Звезда», погиб в феврале 1944 г.; Радевский Игнат, лейтенант, в бою с фашистами за Нижний Курп, был ранен. В ходе боя, когда погиб весь расчет орудия, он вывел из строя головной танк противника. За свой подвиг был награжден орденом «Красной Звезды».

В братской могиле, на территории парка г. Нальчика, был захоронен младший лейтенант Вигуро Сергей, белорус, помощник командира батареи, погибший в бою 28 августа 1942 г. при защите Кабардино-Балкарии.

Все эти и другие военные истории добыты в результате работы исследователей, союза ветеранов Великой Отечественной войны, национальными общественными движениями. Кабардино-Балкария связана с Беларусью не только общей фронтовой историей и современными экономическими проектами. С 2017 г. в рамках дружбы между нашим

университетом и Брестским государственным университетом студенты филологического направления изучают белорусский язык как второй славянский язык. В Кабардино-Балкарии проживают более 300 белорусов, действует Общественное движение «За единение — Сябры», председатель совета Сидорук Павел Федорович. Союз писателей Кабардино-Балкарии принимал активное участие в переводе на кабардинский и балкарский языки предисловия к изданию, посвященному 500-летию выпуска первой печатной книги Франциска Скорины.

Библиографические ссылки

1. История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1973–1982 / Гл. ред. А. А. Гречко. Том 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М.: Воениздат, 1977. 536 с.
2. Кобрин Н. И. Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии // Вопросы истории. № 6. 1984. С. 21–33.
3. Освобождение Белоруссии. 1944 / Под ред. и с предисл. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонова. М.: Наука, 1974. 799 с.
4. Внешняя политика Советского Союза. Ч. 2. М.: Наука, 1987. 523 с.
5. Операция «Багратион»: освобождение Белоруссии. М.: ОЛМА МЕДИА Групп, 2004. 486 с.

УДК 94(100)"1941/1945"

**К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ВОЗДУШНЫХ ТАРАНОВ,
СОВЕРШЕННЫХ СОВЕТСКИМИ
ЛЕТЧИКАМИ-ИСТРЕБИТЕЛЯМИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А. М. Ивицкий

*УО «Витебская ордена „Знак Почета“ государственная академия ветеринарной
медицины», ул. 1-я Доватора 7/11, 210026, г. Витебск, Республика Беларусь,
IvitskyA@yandex.by*

Исследование посвящено проблемам, которые возникают при подсчетах количества воздушных таранов, совершенных советскими летчиками-истребителями в годы Великой Отечественной войны. При подготовке статьи были использованы результаты научных исследований, а также воспоминания пилотов враждующих сторон. В результате было установлено, что имеющиеся на текущий момент данные о численности совершенных в годы Великой Отечественной войны воздушных таранов требуют определенной корректировки, осуществление которой осложняется ненадежностью немецких источников, несовершенством долгое время использовавшихся в историографии определений термина «таран», а также трудностями при разграничении таранов и неизбежных в воздушном бою случайных столкновений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; авиация; тараны.

**ON THE QUESTION OF THE NUMBER OF AIR RAMS
COMMITTED BY SOVIET FIGHTER PILOTS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

A. M. Ivitski

*“Vitebsk Order ‘Badge of Honor’ State Academy of Veterinary Medicine”,
st. 1-st Dovatora 7/11, 210026, Vitebsk, Republic of Belarus, IvitskyA@yandex.by*

The study is devoted to the problems, that arise when calculating the number of air rams, committed by Soviet fighter pilots during the Great Patriotic War. In preparing the article, the results of scientific research were used, as well as the memories of pilots of the warring parties. As a result, it was found, that the currently available data on the number of air rams committed during the Great Patriotic War require a certain adjustment, the implementation of which is complicated by the unreliability of German sources, the imperfection of the definitions of the term “ram” used in historiography for a long time, as well as difficulties in distinguishing rams and accidental collisions inevitable in air battle.

Key words: The Great Patriotic War; aviation; rams.

В советской исторической науке таран всегда считался подвигом — актом самопожертвования во имя Родины, однако, несмотря на это, долгое время изучению данной проблемы не уделялось должного внимания. По

всей вероятности, длительный период историография СССР вовсе не располагала даже приблизительными данными о количестве воздушных таранов, совершенных советскими летчиками-истребителями в годы Великой Отечественной войны. Так, например, в 41-м томе «Большой советской энциклопедии» (1956) указывалось лишь то, что они способом тарана «...сбили много вражеских самолётов», а во 2-м томе «Советской военной энциклопедии» (1976) вскользь упоминалось, что советские летчики «...в первый, наиболее трудный, период войны применили более 200 возд. таранов» [1, с. 614; 2, с. 205]. Интерес к этой теме в советской науке, вероятно, усилился лишь в 1980-е гг., по крайней мере, уже в «Военном энциклопедическом словаре» (1983), а затем и энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» (1985) приводятся данные о приблизительно 500 воздушных таранах, совершенных советскими летчиками уже за весь период Великой Отечественной войны [3, с. 139; 4, с. 148]. Однако, по-настоящему важный вклад в разработку данной проблемы в то время внес А. Д. Зайцев, автор наиболее полного в советской и современной российской историографиях исследования о воздушных таранах, совершенных советскими пилотами в период Великой Отечественной войны — «Оружие сильных духом» [5]. По его подсчетам, за годы Великой Отечественной войны советские летчики совершили 635 воздушных таранов, из которых 598 — пилоты истребительной, 18 — бомбардировочной и 19 — штурмовой авиации [6, с. 28]. Именно результаты исследований А. Д. Зайцева легли в основу современных представлений официальной науки по данной проблеме. Так, несомненно под их влиянием в 8-м томе российской «Военной Энциклопедии» (2004) утверждается, что за период Великой Отечественной войны советскими летчиками было совершено более 600 воздушных таранов, в которых участвовал 561 летчик-истребитель, 19 экипажей штурмовиков и 18 — бомбардировщиков [7, с. 42]. Однако, несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении темы таранов, данная проблема не потеряла актуальности и сегодня. С введением в научный оборот новых свидетельств и архивных материалов, а также с появлением доступа к документам люфтваффе, в исследовательских кругах все чаще звучат предложения о критическом переосмыслении устоявшихся данных о количестве воздушных таранов, совершенных советскими летчиками в годы Великой Отечественной войны.

Сегодня некоторые авторы излишне доверяют данным немецкой стороны о понесенных ею потерях, поэтому не редко подвергается сомнению сам факт тарана только из-за отсутствия его подтверждения в документах противника. Чаще всего это происходит в случае, когда по немецким данным в искомый период времени люфтваффе вовсе не несло потерь

или их причины не имели отношения к таранам [8, с. 120–124]. Однако отсутствие упоминаний о возможных жертвах таранных ударов в сводках люфтваффе не может являться бесспорным доказательством их вымысленности, из-за распространенных в немецкой авиации практик записывать в общую сводку не все потерянные самолеты, разносить их по другим дням или не засчитывать в это число пропавшие без вести экипажи. Также не может считаться неоспоримым доводом для сомнений в его достоверности и отсутствие в немецких документах упоминаний о таране, в качестве причины гибели самолета. Дело в том, что тараны сильно подрывали боевой дух пилотов люфтваффе и в противовес нацистской пропаганде доказывали храбрость и самоотверженность советских летчиков. Поэтому можно предположить, что в сводках люфтваффе в графе причин потерь, они не редко могли скрываться под другими формулировками, например, под столкновениями в воздухе [9, с. 158; 10, с. 81, 378–379; 11, с. 490].

С другой стороны, произошедшее в современной энциклопедической литературе уточнение определения термина «таран», позволившее четко разграничить сознательно осуществленные и случайные столкновения самолетов в воздухе, вероятно, потребует корректировки актуальных количественных данных по этой проблеме в сторону их уменьшения. Так, формулировки термина «таран» (или воздушный таран) в советских словарях и энциклопедиях в основном акцентировали внимание на технику его осуществления, при этом осознанный характер действий летчика в качестве обязательного условия напрямую не упоминался. Например, в 9-м томе «Малой советской энциклопедии» (1960) в отношении авиации под тараном понималось: «Нанесение удара винтом, крылом самолёта по вражескому самолёту...» [12, стб. 111]. В некоторых других советских справочных изданиях, например, в 41-м томе «Большой советской энциклопедии» (1956) или «Словаре военных терминов» (1988), даже с учетом повторения сути предыдущей формулировки, под тараном понимался один из способов или приемов воздушного боя, что все же подразумевает осознанное его применение. Однако напрямую в определении это не оговаривалось [1, с. 614; 13, с. 293]. Подобный подход, например, позволил исследователям М. А. Жирохову и А. В. Котловцовскому отнести произвольные столкновения самолетов к полноценным таранам на том основании, что в подобных случаях вражеский самолет «...как правило, уничтожался, и, если свой самолет оставался в воздухе, несмотря на полученные повреждения, то от летчика требовалось достаточно мастерства, дабы привести его на свой аэродром» [8, с. 8]. Однако в дальнейшем имеющиеся формулировки были внесены принципиальные и, как представляется, вполне обоснованные уточнения, установившие в качестве

обязательного условия преднамеренный характер тарана. Так, в изданном Министерством обороны Российской Федерации 8-м томе «Военной Энциклопедии» (2004) под воздушным тараном понимается «...один из приёмов возд. боя, заключающийся в преднамеренном механич. воздействии элементов конструкции самолёта (винт, крыло, шасси, фюзеляж), управляемого лётчиком, по вражескому самолёту в целях его уничтожения» [7, с. 42]. Тем самым произошло четкое и окончательное разграничение таранов и непреднамеренных столкновений самолетов, происходивших в горячке воздушного боя. В вопросе необходимости критического переосмысления и корректировки актуальных данных по численности воздушных таранов, совершенных советскими летчиками-истребителями в годы Великой Отечественной войны, данный вывод носит принципиальный характер, так как из-за особенности тактики противоборствующих сторон случайные столкновения самолетов, видимо, были достаточно частым явлением. Так, летчики-истребители люфтваффе предпочитали атаковать противника внезапно, сверху сзади, на повышенной скорости, открывая огонь с коротких дистанций. С другой стороны, в начале войны для советских пилотов, воюющих на устаревших истребителях И-15бис, И-16 и И-153 — менее скоростных, но более маневренных, чем немецкие Bf 109, чуть ли не единственным эффективным приемом был резкий разворот в сторону атакующего вражеского истребителя с последующим переходом в лобовую атаку [10, с. 171–172; 14, с. 371; 15, с. 213, 216; 16, с. 112; 17, с. 273]. Да и в дальнейшем, с появлением более совершенной авиационной техники, лобовые атаки продолжали широко применяться в советских военно-воздушных силах [17, с. 129, 136; 18, с. 167]. Однако, обратной стороной обоих тактических приемов было существенное увеличение риска столкновения, так как высокая скорость сближения требовала от пилотов поистине молниеносной реакции, а малейшая ошибка могла привести к гибели обоих противников [11, с. 155].

Таким образом, учитывая указанные выше риски, можно предположить, что некоторые из заявленных в качестве воздушных таранов случаи все же таковыми не являлись, представляя собой непреднамеренные столкновения. Причем наибольшие сомнения вызывают тараны, во время которых совершившие их пилоты погибли или пропали без вести, а о самом подвиге и деталях произошедшего известно лишь со слов третьих лиц. Существует вероятность того, что свидетели могли неправильно интерпретировать происходившие в небе события, приукрасить, а то и вовсе выдумать, возможно считая, что тем самым они почтут память погибшего боевого товарища.

С другой стороны, следует признать и то, что, к сожалению, на данный момент установлены имена далеко не всех советских летчиков, совершивших воздушный таран в годы Великой Отечественной войны. Так, только в документах противника нашли отражение еще 26 ранее неизвестных эпизодов, авторство которых установить не удалось [15, с. 322]. Поэтому можно предположить, что в дальнейшем, благодаря самоотверженной работе исследователей по поиску и увековечиванию погибших в воздушных боях пилотов, актуальные на сегодняшний день данные о количестве таранов будут меняться и в сторону увеличения.

Кроме того, представляется, что в исследованиях незаслуженно мало внимания уделяется неудавшимся попыткам тарана. Дело в том, что протаранить самолет противника весьма непросто, на что справедливо указывает Герой Советского Союза Б. Н. Еремин, по его словам, «...это как удача, редкость». Например, во время сближения с вражеским бомбардировщиком истребитель мог попасть под огонь его воздушных стрелков или просто быть отброшенным воздушным потоком самолета противника [10, с. 341, 349; 19, с. 158]. При этом, с большой долей вероятности можно утверждать, что осуществить таран вражеского истребителя (исключая лобовой) еще сложнее из-за его высокой скорости и маневренности. Поэтому, по всей видимости, за годы Великой Отечественной войны количество неудавшихся попыток тарана существенно превзошло число успешных. Пусть они и не завершились уничтожением или повреждением самолета противника, однако при этом советские пилоты осознанно принимали решение рискнуть собой для достижения победы над врагом, и в процессе их осуществления многие действительно погибали. Представляется, что главным в таране является все же не урон, нанесенный противнику, а готовность пожертвовать жизнью во имя Родины, а значит то, что попытка его осуществить не увенчалась успехом нисколько не умаляет героизм пилота. Кроме того, нельзя забывать о морально-психологическом аспекте, даже в случае отражения таранной атаки далеко не каждый экипаж вражеского самолета под воздействием пережитого стресса смог бы в дальнейшем эффективно выполнить поставленную задачу (например, поразить стратегический объект). Так, например, по свидетельствам советских летчиков, спасаясь от опасности, немецкие бомбардировщики часто преждевременно сбрасывали бомбы и разворачивались на обратный курс. А ведь именно в этом — в срыве авианалетов или, как минимум, в снижении возможного ущерба, а не в уничтожении самолетов противника, и заключалась одна из ключевых задач советской истребительной авиации в годы Великой Отечественной войны [18, с. 260; 20, с. 130, 152].

Сложно судить о количестве неудавшихся попыток тарана, осуществленных советскими летчиками-истребителями в годы Великой Отечественной войны, однако, судя по послевоенным свидетельствам, пилоты противника не считали их чем-то из ряда вон выходящим. Так, один из подобных случаев, произошедших на Кавказе, описал в своих воспоминаниях немецкий эксперт Й. Штайнхоф. По его словам, во время боя «...я впервые увидел, как русские пытаются таранить наши истребители. Они действительно хотели этого. Мы сбили несколько самолетов без потерь с нашей стороны, но это был потрясающий момент. Позднее я видел это еще пару раз» [16, с. 97]. А другой эксперт В. Крупински и вовсе утверждал, что «...русские без колебаний шли на таран, если выпадал шанс» [16, с. 151]. Таким образом, немецкие пилоты прекрасно знали и обоснованно опасались этого приема советских летчиков, которые, в свою очередь, нередко использовали страх противника в своих целях. Так, Герой Советского Союза В. Ф. Голубев утверждал, что они «...разгоняли вражеские группы, имитируя таран» [14, с. 315].

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день назрела необходимость критического переосмысления устоявшихся в исторической науке данных о количестве совершенных советскими летчиками-истребителями воздушных таранов в годы Великой Отечественной войны. Однако, при этом необходимо учитывать множество факторов, таких как: недостаточная надежность немецких официальных источников, произошедшая корректировка формулировки термина «таран», а также продолжающаяся работа исследователей по поиску ранее неизвестных науке эпизодов. Кроме того, представляется, что несколько больше внимания следует уделить неудавшимся попыткам воздушного тарана, сыгравшим важную роль в подрыве боевого духа пилотов люфтваффе.

Библиографические ссылки

1. Большая советская энциклопедия: в 51 т. Москва: Большая советская энциклопедия. 1956. Т. 41.
2. Советская Военная энциклопедия: в 8 т. Москва: Воениздат, 1976. Т. 2.
3. Военный энциклопедический словарь. Москва: Воениздат, 1983.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1985.
5. Зайцев Алексей Дмитриевич (историк) [Электронный ресурс] // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Зайцев,_Алексей_Дмитриевич_\(историк\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Зайцев,_Алексей_Дмитриевич_(историк)) (дата обращения: 24.05.2024).
6. Зайцев А. Д. Хроника воздушных таранов // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 24–30.
7. Военная Энциклопедия : в 8 т. Москва: Воениздат, 2004. Т. 8.

8. *Жирохов М. А., Котловский А. В.* «Иду на таран!». Последний довод «сталинских соколов». Москва: Яуза : Эксмо, 2007.
9. *Хазанов Д. Б.* 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. Москва: Яуза : Эксмо, 2006.
10. *Корнюхин Г. В.* Воздушная война над СССР. 1941. Москва: Вече, 2008.
11. *Солонин М.* На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. Москва: Яуза : Эксмо, 2006.
12. Малая советская энциклопедия: в 10 т. Москва: Советская Энциклопедия. 1960. Т. 9.
13. Словарь военных терминов. Москва: Воениздат, 1988.
14. *Мухин Ю. И.* Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. Москва: Яуза : Эксмо, 2005.
15. *Дегтев Д. М., Zubov Д. В.* ЛаГГ-3. Истребитель, штурмовик, разведчик. Дерево против металла. Москва: Яуза : Эксмо, 2018.
16. *Мюллер Й.* Асы немецкой авиации. Москва: Вече, 2021.
17. *Драбкин А.* Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945. Москва: Яуза : Эксмо, 2006.
18. *Якименко А.* Прикрой, атакую! В атаке — «Меч». Москва: Яуза : Эксмо, 2006.
19. *Драбкин А.* Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941–1942. Москва: Яуза : Эксмо, 2006.
20. *Архипенко Ф. Ф.* Я начал войну на «Чайке». Записки летчика-истребителя. Москва: Яуза : Эксмо, 2007.

УДК 355.244.1(476)(096)"1941/1945"

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В БССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

У. А. Колобаева

- 1) Национальный архив Республики Беларусь, пр. Независимости, 116, 220114,
г. Минск, Республика Беларусь, kolobaeva1567@mail.ru;*
- 2) Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kolobaeva1567@mail.ru*

В статье рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность в БССР в годы Великой Отечественной войны и ее роль в мобилизации и поддержке населения в условиях военного времени, влияние на морально-психологическое состояние советского населения. Освещаются основные методы пропагандистской работы, а также их результат и значимость в контексте истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Белорусская ССР; идеологическая работа; пропаганда; агитация; партизанское движение.

AGITATION AND PROPAGANDA IN THE BSSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

U. A. Kolobaeva

- 1) National Archive of the Republic of Belarus, Niezaliežnasci Avenue, 116, 220114, Minsk,
Republic of Belarus, kolobaeva1567@mail.ru;*
- 2) Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kolobaeva1567@mail.ru*

The article examines the agitation and propaganda activities in the BSSR during the Great Patriotic War and its role in mobilizing and supporting the population in wartime conditions, its impact on the moral and psychological state of the Soviet population. The main methods of propaganda work are highlighted, as well as their result and significance in the context of the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Byelorussian SSR; ideological work; propaganda; agitation; partisan movement.

В годы Великой Отечественной войны Беларусь столкнулась с серьезными вызовами, требующими мобилизации всего общества для победы над немецко-фашистскими захватчиками. Важную роль в этом процессе играли агитация и пропаганда, которые стали мощным инструментом воздействия на массовое сознание людей.

Агитационно-пропагандистская работа в БССР была направлена на мобилизацию всех слоев общества, поддержку фронта, обеспечение

бойцов Красной Армии всем необходимым, поддержании боевого духа среди солдат и граждан, укреплении патриотизма и готовности к самопожертвованию ради победы.

В 1939 г. было основано Управление пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б) для руководства всей идеологической партийной работой. Его возглавлял Г. Ф. Александров. Внутри УПА были созданы отделы, отвечающие за партийную пропаганду, агитацию, подготовку кадров, печать и т. д. [1, с. 131].

Отдел агитации и пропаганды должен был готовить квалифицированных пропагандистов, лекторов, докладчиков, консультантов, в задачу которых входило сотрудничество с центральными газетами, выступления с лекциями и докладами на местах.

С началом Великой Отечественной войны встал вопрос по выработке эффективных методов агитации в войсках противника. Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1941 г. приняло постановление о создании Советского бюро военно-политической пропаганды. Под руководством бюро разрабатывались и выпускались листовки, призванные подорвать моральный дух гитлеровской армии [2, с. 108].

Освещением международных событий, внутренней жизни и боевых действий на фронтах в печати и по радио Политбюро ЦК ВКП(б) возложил на Совинформбюро. Начальником был назначен секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, заместителем — С. А. Лозовский [3, с. 32].

С первых дней Великой Отечественной войны ЦК КП(б)Б систематически направлял во вражеский тыл пропагандистов и советскую литературу: за два года войны по состоянию на июнь 1943 г. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б издано и направлено в районы оккупированной Беларуси 2632 экземпляра газет, 20 199 листовок, 601 плакат, 1495 брошюр, журналов и книг. С начала 1943 г. была налажена регулярная отправка в тыл противника центральных газет «Правда», «Известие», «Комсомольская Правда» и «Красная Звезда». За 15 дней июня 1943 г. Белорусским штабом партизанского движения и отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б послано в партизанские отряды 2454 экземпляра центральных газет [4].

Особое внимание в печатных изданиях уделялось освещению героического образа советского солдата и труженика тыла. На страницах газет и журналов прославлялись подвиги белорусских воинов и тружеников, показывались примеры мужества и самоотверженности. Это способствовало укреплению единства народа и повышению боеспособности армии. Также активно публиковались антифашистские материалы, вызывающие ненависть к врагу и поддержку советского правительства [5; 6; 7].

Информационное противостояние в БССР в годы войны также велось на оккупированных вражескими войсками территориях. Подпольщики и

партизаны в своих изданиях разъясняли лживость немецкой пропаганды и распространяли свою литературу, которая основывалась на конкретных материалах — зверствах немецких захватчиков, с указанием сожженных немцами деревень, убитых людей [8].

По состоянию на 22 июня 1943 г. отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б на занятую врагом территорию Беларуси заслано 83 портативных типографических машинки, соответствующее количество бумаги, краски, что дало возможность к исходу второго года войны подпольным райкомам и партизанским отрядам систематически выпускать 55 районных и областных газет, 9 журналов, несколько бюллетеней и большое количество листовок.

По областям выпуск изданий распределяется следующим образом (по состоянию на 22 июля 1943 г.): в Вилейской области 2 газеты («Сялянская газета», «Чырвоны сцяг»); в Витебской области — 8 газет («Ленінскі сцяг», «Сацыялістычная праца», «Віцебскі рабочы» и др.); в Брестской области — 1 («Заря»); в Барановичской — 5 («Партызан Беларусі», «Чырвоная звезда», «Уперад», «Красное знамя» и др.); в Минской области — 23 («Чырвоная змена», «Советский патриот» «Кліч Радзімы», «Калгаснік Капыльшчыны», «Большэвіцкая трыбуна», «Большевистская правда» и др.); в Могилевской — 9 («Партизанская правда», «За Радзіму» «За Советскую Родину» и др.); в Пинской — 1 («Палеская праўда»); в Полесской — 3 («Голас партызана», «Бальшавік», «Народны мсцівец»); Гомельской — 2 («Партызан Гомельшчыны», «Наша перамога») [4].

Во всех областях к этому времени, за исключением Белостокской, издавались областные газеты, как органы подпольных обкомов партии. Кроме того, в тылу регулярно издавал свой печатный центральный орган ЦК КП(б)Б — «Советская Беларусь» тиражом 30 тысяч экземпляров, а также плакат «Раздавим фашистскую гадину» тиражом 15 тысяч экземпляров.

Подпольными райкомами и обкомами создавались коллективы пропагандистов и агитаторов. Их учили, что перед выступлением они должны прочитать газету сами, выбрать из нее наиболее важное и интересное: в первую очередь — зачитать сообщения Совинформбюро, корреспонденции с фронтов Отечественной войны, о зверствах, грабежах гитлеровцев. Агитатор должен был уметь разъяснять и дополнять сообщения Совинформбюро, рассказывать о славном прошлом Родины и ее героях [8].

Большое влияние и помощь в агитационной работе имела печатная литература — «Краткий курс истории ВКП(б)» и тесно примыкающее к нему постановление от 14.11.1938 г. «О перестройке партийной пропаганды в связи с выходом краткого курса», книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», «Памятка сельского агитатора на уборке урожая», «Пропаганда и агитация в условиях военного времени».

Осенью 1942 г. Руденский райком партии силами своих пропагандистов провел ряд собраний и бесед в деревнях Руденского и Пуховичского районов. Населению были розданы листовки, доклады Сталина о 25-й годовщине Октябрьской социалистической революции. В документах отмечается, что население всюду хорошо встречало большевистских агитаторов — 380 человек из этих деревень с оружием в руках ушли в партизаны.

В Докшицком районе группой пропагандистов было роздано населению 2500 экземпляров листовок. В Лепельском районе силами комсомольцев было переписано от руки 150 экземпляров листовок и 100 экземпляров художественных плакатов и роздано населению. Ушачский подпольный райком партии издал много листовок и обращений к населению, к полиции и к немецким солдатам. В ряде районов Минской и других областей в связи с 25-й годовщиной Октябрьской социалистической революции партизанами и населением были вывешены красные флаги, расклеены лозунги ЦК ВКП(б) и выставлены портреты Сталина [4].

В партизанской бригаде «Дяди Коли», действующей в Минской области, имелась группа агитаторов, которая систематически посещала соседние деревни и вела массовую пропагандистскую работу среди населения.

Секретарь Пуховичского райкома партии Шклярник сообщал, что ими за последнее время проведено в деревнях сотни бесед и докладов. В разные деревни Пуховичского района подпольным райкомом партии было послано в 1942–1943 гг. свыше 125 докладчиков и беседчиков. Райком партии и партизаны были тесно связаны с местным населением, которое их всемерно поддерживало.

За период с августа 1942 г. по май 1943 г. Пуховичским подпольным райкомом партии было выпущено и распространено среди населения в общей сложности 53 листовок на различные темы.

Как сообщал секретарь подпольного Могилевского обкома КП(б)Б Д. С. Мовчанский, за апрель и май 1943 г. Могилевский обком и райкомы партии выпустили 35 листовок на различные темы, тиражом 10 тысяч экземпляров. За это же время было выпущено 10 номеров областных газет и 55 номеров районных газет общим тиражом 10 800 экземпляров. Кроме того, Могилевский обком партии за это же время получил из Москвы 20 000 листовок и около 2 тысяч газет и журналов. Могилевским подпольным обкомом партии регулярно доставлялись журналы и газеты в города: Могилев, Бобруйск, Осиповичи, Кличев, Березино и др.

Агитаторы партизанского отряда № 44 посетили соседние деревни и провели там несколько собраний. В результате местное население принесло в отряд 33 винтовки, 4 пулемета, 6 минометов, 200 шашек тола и много боеприпасов. 50 человек жителей были приняты в партизанские отряды [4].

Большой интерес со стороны населения проявлялся к центральной печати: «Правда», «Известие», «Комсомольская Правда», «Красная Звезда».

В конце 1942 г. в Ветрино прибыла диверсионная группа Авдеевко и принесла с собой несколько экземпляров газеты «Правда». Партизанский отряд, где находилась группа Авдеевко, за один экземпляр газеты «Правда» выменял лошадь у другого партизанского отряда. С мая 1943 г. центральные газеты в районы оккупированной Беларуси попадали чаще.

Кроме того, агитация и пропаганда оказывали влияние на духовное состояние советского населения. С помощью художественных произведений, песен, стихов поддерживался патриотический дух и вера в победу [9; 10; 11; 12], создавалась атмосфера единства и братства, что сплачивало общество вокруг общей цели — победы над фашизмом. Важным источником партизанского творчества является книга «Борьба и творчество народных мстителей» И. В. Гуторова, который был крупным белорусским фольклористом первого послевоенного десятилетия. В книге содержатся партизанские частушки, песни, стихи, боевые марши, рассказы, очерки, поговорки и пословицы [13].

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны встал вопрос об выработке эффективных методов агитации среди населения и войск противника.

В июне 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании Советского бюро военно-политической пропаганды, деятельность которого была направлена на мобилизацию всех слоев общества, поддержку фронта, обеспечение бойцов Красной Армии всем необходимым, поддержании боевого духа среди солдат и граждан, укреплении патриотизма.

С первых дней Великой Отечественной войны ЦК КП(б)Б систематически направлял во вражеский тыл пропагандистов и советскую литературу. Был налажен выпуск подпольными райкомами и партизанскими отрядами районных и областных газет, журналов, бюллетеней и листовок.

Подпольными райкомами и обкомами создавались коллективы пропагандистов и агитаторов. Агитация и пропаганда способствовали поддержанию и укреплению морально-политического единства страны, показывали народу путь к победе над врагом, вдохновляли на героические поступки.

Библиографические ссылки

1. *Борков А. В.* СССР в мировом информационном пространстве (1917–1945 гг.). Нижний Новгород: Б. и., 1995. 142 с.
2. *Хазиев Р. А.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: некоторые аспекты новейшей англоязычной историографии // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 108–118.
3. *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941–1944 гг. Москва: Мысль, 1988. 277 с.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 523.
5. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 73.
6. НАРБ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 182.
7. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 643.
8. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 70.
9. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1755.
10. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 63.
11. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 16. Д. 24.
12. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 16. Д. 26.
13. *Гуторов И. В.* Борьба и творчество народных мстителей. Минск: Госиздат БССР, 1949. 304 с.

УДК 343.163

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. В. Купченко

*Смоленская государственная сельскохозяйственная академия,
ул. Большая Советская, д. 10/2, 214000, г. Смоленск, Российская Федерация;
Смоленский филиал РАНХиГС, ул. Чуриловский тупик, 6/2, 214025,
г. Смоленск, Российская Федерация, konstan1977@yandex.ru*

В статье рассмотрены эпизоды деятельности сотрудников органов советской прокуратуры на территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны. Основными целями исследования являются выявление ранее малодоступной информации о сотрудниках и подразделениях Смоленской прокуратуры, непосредственно принимавших участие в описываемых в работе событиях: обеспечение точного исполнения законодательства в условиях военного времени, выполнение надзорных функций, участие в партизанском движении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Смоленская область; повседневность; прокуратура.

ACTIVITIES OF PROCURATORIAL BODIES IN THE SMOLENSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

K. V. Kupchenko

*Smolensk State Agricultural Academy, Smolensk Branch of The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, 214025, Smolensk, Russia;
konstan1977@yandex.ru*

The article considers episodes of activity of employees of the Soviet Prosecutor's Office in the Smolensk region during the Great Patriotic War. The main objectives of the study are to identify previously inaccessible information about employees and subdivisions of the Smolensk Prosecutor's Office, who directly participated in the events described in the work: ensuring the accurate implementation of legislation in wartime, supervising, participating in the guerrilla movement.

Keywords: The Great Patriotic War; Smolensk region; everyday life; prosecutor's office.

После нападения нацистской Германии на СССР в июне 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» [1], согласно которому в местностях, объявленных на военном положении, была перестроена вся судебная-следственная система страны в связи с условиями военного времени. В первые месяцы Великой Отечественной войны штат прокуратуры Смоленской области оказался полностью разукomплектован:

большую часть оперативных работников призвали на фронт, кто-то ушел в партизанские отряды, другие были эвакуированы в тыл. Чтобы важные сведения не попали в руки врагов, в спешном порядке стала уничтожаться секретная документация за 1936–1941 гг. [2, с. 187].

В июле 1941 г., в связи с оккупацией Смоленска, областная прокуратура была эвакуирована в Вязьму, где находилась по октябрь этого же года.

Важно отметить, что с первых дней Великой Отечественной войны прокуратура не прекращала своей работы. Возникла острая необходимость сосредоточиться на обеспечении точного исполнения законов об укреплении тыла и оказании помощи фронту, а так же на содействие военному командованию в борьбе с паникерами и дезертирами из рядов Красной Армии. Но при этом основное внимание уделялось осуществлению надзора за выполнением законов о военном положении, за своевременным осуществлением поставок для нужд армии, за выполнением постановлений правительства о размещении и обеспечении эвакуированного населения питанием, а также за выполнением решений обкома ВКП(б) и облисполкома о проведении посевных и уборочных кампаний. Отдельно выполнялась работа по обеспечению семей красноармейцев в части выполнения Указа Президиума Совета Союза СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего состава в военное время» [3].

Как уже говорилось выше, многие прокуроры стали вступать в партизанские отряды, и Смоленская область не стала исключением. Приведем наиболее яркие примеры. Так, Петр Баранов, пришедший в органы прокуратуры в 1929 г., а к началу войны занимавший должность заместителя прокурора города Вязьма, с августа 1942 г. по сентябрь 1943 г. был инспектором прокуратуры и заместителем командира взвода в партизанском отряде. Был ранен, с октября 1943 г. и до победы в войне служил народным инспектором в прокуратуре Демидовского района Смоленской области и прокурором в прокуратуре этого района. После войны продолжил работу в органах прокуратуры в должностях заместителя межрайонного прокурора, прокурора района и прокурора округа [Подробнее см.: 4].

Прокурор Сычевского района И. А. Кудрявцев воевал командиром взвода в партизанском отряде «Отечество». П. И. Титов, прокурор Глинковского района, в 1941 г. был оставлен в области по решению Смоленского обкома ВКП(б) для организации подполья и партизанского движения. Организовывал и возглавлял партизанские отряды в Глинковском районе. А. А. Решетников с октября 1941 г. по июль 1942 г. был начальником штаба партизанского отряда «Народные мстители», который действовал

в оккупированных немцами Сафоновском и Холм-Жирковском районах. После освобождения района Красной Армией он был назначен заместителем районного прокурора по особо важным делам, а затем работал прокурором Дорогобужского и Ельнинского районов, Вязьминского и Рославльского районов. Прокурор Ершичского района К. В. Алексеев руководил особым отделом НКВД по Смоленской области, участвовал в боевых действиях в составе партизанского полка и был удостоен звания «партизан Отечественной войны». И. Е. Махов, прокурор Темкинского района, с октября 1941 г. по июнь 1942 г. участвовал в боевых действиях в составе партизанского отряда района. Народный инспектор Духовщинского района М. Н. Лучинович с января по март 1942 г. служил в Бельском партизанском отряде. Заместитель прокурора Смоленской области по особо важным делам А. Коваленко руководил партизанским отрядом в Демидовском районе с декабря 1941 г. по март 1942 г. [Подробнее см.: 4]. Некоторые из упомянутых лиц награждены наградами за участие в боевых действиях в составе партизанских отрядов [5 с. 249].

В декабре 1941 г., сразу после разгрома немецких войск под Москвой, началось освобождение Смоленщины; зимой 1941–1942 гг. фашисты были изгнаны из восточных районов Смоленской области; в ходе зимнего наступления 1943 г. советские войска выбили захватчиков из Гжатска и Вязьмы; только ко 2 октября 1943 г. в ходе Смоленской наступательной операции Смоленская область была полностью освобождена. Сразу после освобождения территорий области Смоленская прокуратура приступала к непосредственной работе. Отдельным направлением была деятельность прокуроров в составе Смоленской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям (Создана 12 марта 1943 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Прекратила деятельность в 1945 г.). Материалы комиссии были положены в основу обвинительного заключения по «Смоленскому процессу» (декабрь 1945 г.), и в отношении преступлений, не имеющих сроков давности, которые актуальны и в настоящее время.

Прокурором области в это время был Василий Георгиевич Каша, назначенный на эту должность Приказом прокурора СССР от 24 января 1942 г. [5, с. 230]. Руководство деятельностью прокуратуры осуществлялось из Москвы [6, с. 285].

По мере освобождения Смоленской области укомплектовывался штат прокуратур. В основном это было за счет специалистов,

прикомандированных прокуратурой Союза и РСФСР: военные юристы, возвращавшиеся из партизанских отрядов, не эвакуированные бывшие работники прокуратур, принятые вновь по направлению ВКП(б). На 1 июля 1942 г. из 54 районов Смоленской области полностью и частично были освобождены 32 района, в которых сразу же налаживалась прокурорская работа. К этому времени в штате Смоленской прокуратуры находились 40 районных прокуроров, 32 народных следователя и 5 помощников прокурора [7, л. 84]. Отметим, что согласно справке прокурора области от 19.05.1942 г. на имя заместителя прокурора Союза и прокурора РСФСР, к середине мая указанного года штат прокуратуры области был укомплектован лишь наполовину [7, лл. 1–4 об.].

Вся работа прокуратуры области строилась в соответствии с условиями военного времени. От работников требовалась максимальная отдача на рабочих местах и безукоризненное исполнение дисциплины.

Сотрудникам районных прокуратур приходилось работать в тяжелейших условиях: отсутствие телефонной и телеграфной связи, разбитая инфраструктура. Зачастую работа прокурора зависела от хода военных действий. Но самое главное, многие сотрудники районных прокуратур в большинстве совсем не имели специального юридического образования и опыта в расследовании преступлений, особенно в условиях военного времени, в связи с чем прокурор Смоленской области издает распоряжение № 134 от 24 ноября 1944 г., согласно которому все прокурорско-следственные, оперативные сотрудники, не имеющие высшего юридического образования, должны были немедленно приступить к учебе [8, л. 55].

Вклад работников прокуратуры Смоленской области в общее дело Победы был по достоинству оценён. Решением исполнительного комитета Смоленского областного Совета депутатов трудящихся от 3 декабря 1945 г. 25 сотрудникам облпрокуратуры была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [4, с. 386].

В послевоенное время основной костяк Смоленской прокуратуры составляли участники Великой Отечественной войны, часть из которых работали здесь вплоть до 1990-х гг.

В заключении отметим, что вклад Смоленской прокуратуры в обеспечении законности и осуществлении надзорных функций в условиях войны является крайне значительным. Несмотря на то, что полномасштабное функционирование ведомства (особенно, в условиях оккупации) было невозможным, однако действующая в реалиях войны прокурорско-следственная система справлялась с большей частью поставленных задач.

Библиографические ссылки

1. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении» / «Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР (1938 г. – 1/IV 1944 г.)». М., 1944.
2. *Альбицкий П. А.* Вопросы общего надзора в практике советской прокуратуры / Под ред. В. А. Болдырева. М.: Госюриздат, 1956.
3. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 (с изм. от 19.04.1942) «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» / «Законы, принятые ВС СССР, и указы Президиума ВС СССР (1938 г. – 1/IV 1944 г.)». М., 1944.
4. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы / Партийный архив Смоленского обкома КПСС. Государственный архив Смоленской области. Редакционная коллегия: И. Е. Клименко (главный редактор), М. В. Воробьев, А. Т. Гнедов, С. К. Магидов, М. П. Филиппенкова, М. З. Хенкин. Москва: Московский рабочий, 1977.
5. Смоленские прокуроры. Страницы истории. Проблемы. Судьбы. / Авторский коллектив под руководством Е. А. Агаркова. Смоленск. 2001.
6. Возрожденный из руин. Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии г. Смоленска 1943–1962 годов / Центральный Государственный архив РСФСР. Партийный архив Смоленской области. Государственный архив Смоленской области. Составители: И. И. Белов (ответственный составитель), Т. П. Коржихина, З. И. Парамонова, Т. П. Иделевич, В. И. Радикорский. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1963.
7. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Смоленской области). Ф. 6. Оп. 1. Д. 944.
8. ГАНИСО. Ф. 1216. Оп. 2. Д. 123.

УДК 94(100)"1944"

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» В БЕЛОРУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Д. Мацукевич

*Брестский Государственный Университет им. А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Беларусь, sergeybretsky0706@gmail.com*

В работе рассматриваются основные тенденции современных белорусской, польской и российской историографий в интерпретации событий операции «Багратион». Анализируется различие подходов исторических школ разных стран к данному историческому событию.

Ключевые слова: операция «Багратион»; историография; Вторая мировая война.

OPERATION «BAGRATION» IN BELARUSIAN, POLISH AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

S. D. Matsukevich

*Brest State University named after A. S. Pushkin, Kosmonavtov Boulevard 21, 224016,
Brest, Belarus, sergeybretsky0706@gmail.com*

The work examines the main trends of modern Belarusian, Polish and Russian historiographies in the interpretation of the events of Operation Bagration. The differences in approaches of historical schools of different countries to this historical event are analyzed.

Keywords: Operation Bagration; historiography; World War II.

Операция «Багратион» являлась одной из самых крупномасштабных операций Второй мировой войны. Суммарно в ней было задействовано более трёх миллионов человек и нескольких десятков тысяч орудий. Несмотря на важность данной операции для разгрома гитлеровских войск, всё же в историографии разных стран имеются различия в интерпретации её событий. В статье предлагается сравнить взгляд на операцию «Багратион» в работах отечественных, польских и российских историков.

Изучение операции «Багратион» началось ещё в советский период. Среди множества работ советской историографии, посвящённых данной теме, следует выделить энциклопедию «Великая Отечественная Война 1941–1945» [1] в издании 1985 г. под редакцией М. М. Козлова, где присутствует раздел, посвящённый операции «Багратион», а также многочисленные публикации и сборники Воениздата, часто связанные с воспоминаниями на тот момент ещё живых участников операции. Кроме того, необходимо отметить работу Н. А. Антипенко «На главном направлении» [2], где автор повествует о тяжёлой работе тыла при подготовке к

проведению операции по освобождению Беларуси. Отдельно можно выделить работы историков БССР, среди которых особую ценность представляет работа А. Л. Манаенкова «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной Войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)» [3]. Следует отметить, что советская историография отличается наличием ссылок на мемуары участников планирования операции, которые помогают более детально рассмотреть условия планирования операции и замысел командования.

В отечественной историографии тема операции «Багратион» и в наше время продолжает быть актуальной, несмотря на ее значительную проработанность в научной литературе. Большое количество материалов, относящихся к исследованию операции в белорусской историографии, позволяет выделить основные тенденции в работах отечественных историков. Это, прежде всего, — военно-стратегический аспект операции, хронология событий и роль партизан и подпольщиков в проведении операции. Авторитетным исследователем темы историографии Великой Отечественной войны в Беларуси является доктор исторических наук, профессор В. В. Зданович, который в своей монографии «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі» [4] рассматривает достижения отечественной историографии в изучении темы. Следует отметить его участие в написании четвёртого тома пятитомного издания «История Белорусской Государственности» под подзаголовком «Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления» [5], где комплексно рассматривается ход войны на территории Беларуси и, в частности, операции «Багратион». Данная работа является весьма значимой для отечественной историографии ввиду участия в ней и доктора исторических наук, академика НАНБ А. А. Ковалени — авторитетного исследователя периода Второй мировой войны на территории Беларуси.

В контексте изучения военно-стратегического значения операции «Багратион» в современной белорусской историографии можно выделить книгу А. А. Ковалени «Беларусь 1939–1945» [6] и статью доцента ГГУ им. Франциска Скорины Л. С. Скрыбиной «Белорусская стратегическая наступательная операция „Багратион“» [7].

Говоря о тенденции к изучению хронологии операции, следует упомянуть работу старшего преподавателя ВГУ им. Машерова С. Ю. Зыбина «Освобождение Беларуси (хроника основных событий)» [8], где автор подробно рассматривает ход операции и её итоги. Внимания заслуживает также статья доктора исторических наук С. Н. Темушева «Современное картографирование белорусской наступательной операции „Багратион“» [9], в которой рассматривается картографическая составляющая операции.

Изучение роли подпольного и партизанского движения в операции «Багратион» имеет отражение в статье адъюнкта Института национальной безопасности Республики Беларусь А. В. Сивцова «Организация и тактика зафронтовой работы органов государственной безопасности в период подготовки и проведения операции „Багратион“» [10], где автор рассматривает организацию подпольно-диверсионной и агентурной деятельности на территории Беларуси, занятой немецкими войсками. Внимание уделяется деятельности военной контрразведки «Смерш» и НКВД в подготовке к реализации плана операции. В контексте участия партизан в операции следует отметить работу доктора исторических наук А. М. Литвина «Операция „Багратион“: Встречный фронт. Белорусские партизаны в битве за освобождение страны» [11].

Операция «Багратион», основной целью которой был разгром немецкой группы армии «Центр», не ограничилась территорией Советского Союза. Набрав стремительный темп наступления, уже в конце июля 1944 г. Красная армия вступила на территорию Польши и устремила к Варшаве. В связи с этим, польская историография рассматривает Брестско-Люблинскую операцию и попытку прорыва частей РККА к варшавским повстанцам как часть операции «Багратион», имея свой взгляд на события операции. Значимой работой в польской историографии Второй мировой войны стала «Encyklopedia II wojny światowej» [12], в которой имеется раздел, посвящённый операции «Багратион». Автором энциклопедии является польский военный и профессор истории Казимир Собчак. Под его редакцией был издан первый вариант энциклопедии в 1975 г. В ней содержится обширная информация о подготовке и ходе операции. Первое издание энциклопедии в целом поддерживало советскую концепцию о целях, ходе и итогах проведения операции, но после смены политической ориентации Польши в 1989 г. некоторые акценты в энциклопедии были изменены. В относительно новом издании 2006 г. произошли уже существенные изменения в плане историографических оценок. Так, если оценка операции на территории Беларуси в польской историографии не отличается от оценок отечественной историографии, то в интерпретации момента описания вхождения частей Красной армии на территорию Польши уже наблюдаются отличия. Энциклопедия содержит информацию о случаях конфликтных ситуаций между польским населением и советскими солдатами, а также о борьбе частей РККА с польскими повстанцами Армии Крайовой. В целом, операция «Багратион» на территории Польши в книге не оценивается как освободительная, что существенно отличает отношение к операции в отечественной и польской историографии. Также стоит отметить, что в энциклопедии широко затрагивается и вопрос итогов операции, где

говорится, что именно успешное проведение операции «Багратион» позволило Красной армии в дальнейшем вести наступательные действия в Румынии и на Балканском полуострове.

При этом следует сказать, что уже в 1990-х гг. акцент польской историографии сместился на политические итоги операции и действие Армии Крайовой в ходе операции. В современной же польской историографии можно выделить работы доктора исторических наук, профессора Мариуша Волоса. Профессор подчеркивает политическое значение операции и влияние данного крупного разгрома немецких войск на укрепление дипломатической позиции СССР по отношению к союзникам [13].

Современная польская историография обрела тенденцию к пересмотру итогов Второй мировой войны в сторону оценок польской эмиграции. Так, ещё в 1973 г. в Лондоне польскими эмигрантскими организациями было опубликовано четырёхтомное издание «Armija Krajowa w dokumentach 1939–1945» [14], где в том числе имеются сведения о действии данного военного формирования на территории Западной Беларуси. В книге Януша Правдзица-Шляского «Nowogródzczyzna w walce 1940–1945», изданной в 1976 г. [15], описываются действия Армии Крайовой на территории Новогрудчины, при этом насильственные действия её представителей в отношении белорусского населения замалчиваются, несмотря на то, что автор сам являлся членом военных формирований Армии Крайовой в том районе.

Российская историография Второй мировой войны обширная и многосторонняя. Использование большого количества документов того периода позволяет историкам рассмотреть разные аспекты операции. В современной российской историографии наблюдаются тенденции к изучению военно-стратегического аспекта, политического значения и материально-тыловой базы операции. Из современных работ, рассматривающих военно-стратегический аспект операции, следует выделить статью кандидата исторических наук А. Смирнова «Брусиловский прорыв Черняховского: роль самого молодого советского генерала в операции „Багратион“, освободившей Белоруссию» [16]. Автором описываются действия командующего 3-м Белорусским фронтом во время проведения операции. Также данной теме посвящена и монография доктора исторических наук В. А. Жилина «Операция „Багратион“. Освобождение Белоруссии» [17]. В ней автор излагает поэтапное развитие хода операции день за днём, используются оперативные сводки Генштаба РККА и документы немецкой группы армии «Центр».

Политический аспект операции рассматривается в статье доктора исторических наук М. Ю. Мягкова «Операция „Багратион“ (Белорусская

операция)» [18], в которой анализируются замысел и подготовка, ход и итоги операции, а также оперативные находки, которые позволили успешно провести освобождение Беларуси в специфических географических условиях. Большое внимание в связи с операцией «Багратион» уделено Варшавскому восстанию, поднятому Армией Крайовой 1 августа 1944 г. Делается акцент на то, что советское командование не было заранее проинформировано о времени восстания, а когда оно разгорелось, Красная армия и Войско Польское предприняли ряд безуспешных попыток пробиться к городу.

Результаты изучения роли тылового обеспечения в проведении операции отражена в статье «Финансирование операции „Багратион“» [19] под авторством М. В. Карачева и М. П. Маргулиса. В ней описывается объём ресурсов, использованных во время проведения наступательной операции, отдельно отмечена роль ленд-лиза в снабжении РККА. Внимания заслуживает статья «Организация медицинского обеспечения белорусской операции 1944 г. „Багратион“» [20] под совместным авторством профессора А. М. Шелепова, доцентов С. И. Леоника и В. Н. Пономаренко. В исследовании дается научное представление о характере и объеме работы органов управления медицинской службы оперативных объединений при подготовке медицинского обеспечения и проведении лечебно-эвакуационных мероприятий всеми звеньями медицинской службы в ходе операции. Выявлены недостатки как в планировании медицинского обеспечения, так и в реализации намеченных мероприятий, что представляет определенный интерес для военных врачей.

Подводя итог, можно сказать, что после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза национальные историографии стали менять свой взгляд при рассмотрении событий, связанных с проведением операции «Багратион», в зависимости от сложившейся политической парадигмы в государстве. Так, отечественная историография после выхода Беларуси из состава СССР продолжила углубленное изучение событий Великой Отечественной Войны на территории страны. Тема войны стала играть большую роль в формировании национального самосознания, став символом единства белорусского народа. Вместе с тем в современной отечественной историографии историки не стали менять основные концепции советских исследователей, можно отметить, что наблюдается лишь незначительный сдвиг в сторону вопроса о вкладе белорусского народа в освобождении страны. Больше внимание стало уделяться подпольной и партизанской борьбе, в том числе, и при проведении операции «Багратион». С другой стороны, мы имеем иное представление о данной операции в исследованиях историков из соседних стран. Так, польская историография отошла от советского подхода (научно объективного, доказательного) об

освободительном для Польши значении операции «Багратион». Польские исследователи стали уделять больше внимания национальному характеру борьбы за освобождение Польши от гитлеровцев. Были реабилитированы и героизированы солдаты Армии Крайовой, сражавшиеся против немецких захватчиков в годы Второй мировой войны, которые после окончания войны продолжали действовать, ориентируясь на польское правительство в изгнании. Это было сделано с целью демонстрации роли отдельно польского народа в борьбе с оккупантами. Важно отметить, что польская историография в 1990-е гг. основательно пересмотрела своё восприятие событий Второй Мировой войны на территории Польши, что стало существенно отличать взгляды польских историков на некоторые аспекты операции от позиции белорусской историографии. Российская историография не претерпела серьёзных изменений в сравнении с советской. Заявив себя в качестве полноправных продолжателей научного наследия историков Советского Союза, российские исследователи не стали изменять советскому взгляду на операцию «Багратион», как на освободительный поход РККА. Больше внимания стало уделяться политическому значению операции и отдельным аспектам её проведения.

Библиографические ссылки

1. Козлов М. М. «Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия». М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
2. Антипенко Н. А. «На главном направлении». М.: Наука, 1967. 496 с.
3. Манаенков А. Л. «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)». Минск: Беларусь, 1983. 765 с.
4. Здановіч У. В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі : манаграфія. Брэст: БрДУ, 2012. 283 с.
5. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларус. навука, 2018–2020. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). 2019. 567 с.
6. Коваленя А. А. «Беларусь, 1939–1945 гг. : Война и политика». Минск: Веды, 2001. 204 с.
7. Скрыбина Л. С. Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» // Векапомныя дні вызвалення : материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Гомель, 02 мая 2019 года. Гомель: Учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта», 2019. С. 11–22.
8. Зыбин С. Ю. Освобождение Беларуси (хроника основных событий) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2004. № 2 (32). С. 3–8.
9. Темушев С. Н. Современное картографирование Белорусской наступательной операции («Багратион») // Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 23–24 апреля 2020 года. Мінск: Беларуский государственный университет, 2020. С. 211–221.

10. *Сивцов А. В.* Организация и тактика зафронтовой работы органов государственной безопасности в период подготовки и проведения операции Багратион // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 205–209.
11. *Литвин А. М.* Операция «Багратион»: встречный фронт. Белорусские партизаны в битве за освобождение страны // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2024. № 1–2 (60–61). С. 70–85.
12. *Sobczak K.* Encyklopedia II Wojny Swiatowej. Warszawa; Ministerstwo Obrony Narodowej, 1975. 793 s.
13. *M. Wołos:* Operacja “Bagration” wzmocniła pozycję Stalina względem aliantów [Электронный ресурс]. URL: <https://dzieje.pl/wiadomosci/prof-m-wolos-operacja-bagration-wzmocnila-pozycje-stalina-wzgle-dem-aliantow> (дата обращения: 23.08.2024).
14. *Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945* : in 4 vol. / ed.: Polish Underground Movement 1939–1945 Study Trust. London : Studium Polski Podziemnej, 1973. 4 vol.
15. *Prawdzic-Szlaski J.* Nowogródzczyzna w walce, 1940–1945. London ; Oficyna Poetów i Malarzy, 1976. 283 s.
16. *Смирнов А.* Брусиловский прорыв Черняховского Роль самого молодого советского генерала в операции «Багратион», освободившей Белоруссию // Родина. 2021. № 8. С. 101–104.
17. *Мягков М. Ю.* Операция «Багратион» (Белорусская операция) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 2. С. 8.
18. Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии / В. А. Жилин и др. М. : ОЛМА-Пресс, 2004.
19. *Карачев М. В., Маргулис М. П.* Финансирование операции «Багратион» // Вестник магистратуры. 2021. № 1–2 (112). С. 42–43.
20. *Шелепов А. М., Леоник С. И., Пономаренко В. Н.* Организация медицинского обеспечения Белорусской операции 1944 г. «Багратион» // Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335, № 6. С. 13–23.

УДК 94(47).084.8

**ПОДВИГ БОЙЦОВ 873-го АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
33-й АРМИИ 2-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
У ДЕРЕВНИ РАТКОВЩИНА**

Д. С. Лосева

Учреждение «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны», пр. Победителей, 8, 220004, г. Минск, Беларусь, darya-85@internet.ru

873-й отдельный Смоленский армейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк 33-й армии 2-го Белорусского фронта во время Великой Отечественной войны отличился в бою 5 июля 1944 г. В этот день бойцы этого артполка на протяжении 11 часов вели бои с врагом, который пробовал прорваться из «Минского котла» у деревни Ратковщина Смолевичского района Минской области, и уничтожили 140 автомашин с грузом, 6 танков, 10 самоходных орудий, 9 минометов, 37 пулеметов и 1500 фашистов, взяли в плен 300 солдат и офицеров противника. Пять человек из личного состава полка были удостоены звания Героя Советского Союза, а весь личный состав наградили орденами и медалями СССР.

Ключевые слова: Ратковщина; подвиг бойцов; фондовые материалы; А. К. Авдеев; В. Т. Завадский; Н. Т. Макулин.

**THE FEAT OF THE SOLDIERS OF THE 873rd ARTILLERY
REGIMENT OF THE 33rd ARMY OF THE 2nd BELORUSSIAN
FRONT NEAR THE VILLAGE OF RATKOVSHCHYNA**

D. S. Loseva

*Institution “Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War”,
Pobediteley ave., 8, 220004, Minsk, Belarus, darya-85@internet.ru*

The 873rd separate Smolensk Army Fighter-anti-tank Artillery Regiment of the 33rd Army of the 2nd Belorussian Front distinguished itself in battle on July 5, 1944 during the Great Patriotic War. On this day, the fighters of this artillery regiment fought for 11 hours with the enemy, who tried to break out of the “Minsk boiler” near the village of Ratkovshchyna in the Smolevichi district of the Minsk region, and destroyed 140 trucks with cargo, six tanks, ten self-propelled guns, nine mortars, 37 machine guns and 1500 fascists, captured 300 soldiers and enemy officers. Five members of the regiment’s personnel were awarded the title Hero of the Soviet Union, and all personnel were awarded orders and medals of the USSR.

Keywords: Ratkovshchina; feat of fighters; stock materials; A. K. Avdeev; V. T. Zavadsky; N. T. Makulin.

873-й отдельный Смоленский армейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк 33-й армии 2-го Белорусского фронта во время Великой Отечественной войны отличился в бою 5 июля 1944 г. В этот день бойцы этого артполка на протяжении 11 часов вели бои с врагом,

который пробовал прорваться из «Минского котла» у деревни Ратковщина Смоленвичского района Минской области, и уничтожили 140 автомашин с грузом, шесть танков, десять самоходных орудий, девять минометов, 37 пулеметов и 1500 фашистов, взяли в плен 300 солдат и офицеров противника. Пять человек из личного состава полка были удостоены звания Героя Советского Союза, а весь личный состав наградили орденами и медалями СССР (рис. 1).

Рис. 1. Фотография офицеров и бойцов 873-го артполка

Среди тех, кто отличился в этом бою, — **Анатолий Константинович Авдеев** — красноармеец, наводчик оружия [1, с. 22].

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится комплекс документов А. К. Авдеева: фотографии (рис. 2), наградной лист, автобиография, лист с описанием его подвига [1–4; 9].

В своей автобиографии, датированной 21 мая 1954 г., Анатолий Константинович пишет, что родился в семье крестьянина в деревне Сырокоренье Смоленской области Новодугинского района. В 1939 г. окончил семь классов, работал в колхозе до октября 1941 г. В 1941 г. их местность была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. Как известно из наградного листа, 16 марта 1943 г. Новодугинский РВК Смоленской области его призвал в Красную Армию (служил наводчиком орудия). С частями Советской армии прошел от Днепра до Эльбы. Участвовал в освобождении городов Ярцево, Смоленска, Орши, Витебска, Минска, Гомеля, Могилева, Вильнюса, Волковыска, Варшавы, Бранденбурга и во взятии Берлина. За это получил девять благодарностей Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Анатолий Константинович награждался орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской Армии и Флота», «За взятие Варшавы». Удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [2; 3].

Рис. 2. Фотография А. К. Авдеева

Смелый воин вспоминал о важном эпизоде из своей военной жизни — о боях возле деревни Ратковщина. С 4 на 5 июня 1944 г. перед полком была поставлена задача прорваться в тыл противника на 25 км и захватить перекресток шоссейных дорог в районе этой деревни, а также удержать его до подхода основных частей и тем самым разрезать группировку противника, не дав ему возможности выйти на магистраль Москва–Минск. Прорвав передний край противника, 1-й батареи приказали идти в авангарде полка, очищая ему путь своим огнем. В составе этой батареи имелось и его оружие, у которого Анатолий Константинович был наводчиком. Дойдя до перекрестка, противник обстрелял полк. В коротком, но сильном бою, удалось сжечь один танк противника и несколько десятков солдат и офицеров.

Захватив перекресток дорог, полк занял круговую оборону, так как оказался отрезанным от основных частей. Орудие А. К. Авдеева поставили на восточной окраине для охраны дороги.

С рассветом, когда враг подошел к нашим огненным позициям, его встретили сильным орудийным огнем, и фашисты вынужденно отошли, а из-за заболоченных мест не смогли продвинуться дальше. При поддержке артиллерийского и танкового огня немцы решили прорваться через боевые порядки полка. Так как орудие А. К. Авдеева стояло на восточной окраине деревни по охране шоссе, то весь удар пришелся на него. Пять вражеских контратак бойцы отбили благодаря огню орудия и личному оружию расчета. При отражении 4-й и 5-й контратак весь расчет был выведен из строя. Предпринятую 6-ю контратаку пришлось отбивать одному Анатолию Константиновичу при поддержке танков. Остановив три танка (один из них «Тигр»), А. К. Авдеев в рукопашном бою зарубил топором двух солдат и одного офицера из экипажа танков, а также уничтожил три орудия, более 300 солдат и офицеров. Немцы применили бронебойные снаряды. Последний снаряд А. К. Авдеев оставил для взрыва орудия, но увидел, что враги стали забрасывать гранатами наших раненых. Выбежала Зина, девушка-санинструктор, с гранатой в руках. Она не хотела сдаваться в плен — взорвала себя. Последний бронебойный снаряд А. К. Авдеев из-за этой разыгравшейся трагедии решил отправить к погребу, откуда били немцы. Ему удалось уйти в лес, что был возле деревни, где встретил своих боевых товарищей.

Рис. 3. Фотография офицеров 873-го армейского истребительно-противотанкового артполка. Сидят справа налево: командир 5-й батареи И. А. Мальковец, рядом — парторг И. Е. Андросов

Как вспоминал Анатолий Константинович, «это была за всю историю битва 873-го полка, где были горы трупов фашистов и их техники. За этот бой полк был награжден орденом Красного Знамени» [3].

Майор Нагорный Владимир Алексеевич о боевом подвиге А. К. Авдеева написал следующее: «возле одной деревушки, что в 70-ти километрах от Минска, наводчик А. К. Авдеев, маленький и верткий, сражался против фашистов вместе с сержантом Макулиным (тяжело был ранен) и заряжающим Лошкаревым (убит). На него шло несколько танков, катились четыре бронетранспортера, бежала пехота. А. К. Авдеев выпустил снаряд в «Тигр». Бой продолжался полсуток. Тогда из орудия было выпущено 280 снарядов» [4].

Со своим орудием Анатолий Константинович прошел от Смоленска до Берлина.

Еще один герой битвы у деревни Ратковщина — **Василий Тимофеевич Завадский** — старший сержант, командир орудийного расчета, участник освобождения БССР (рис. 4).

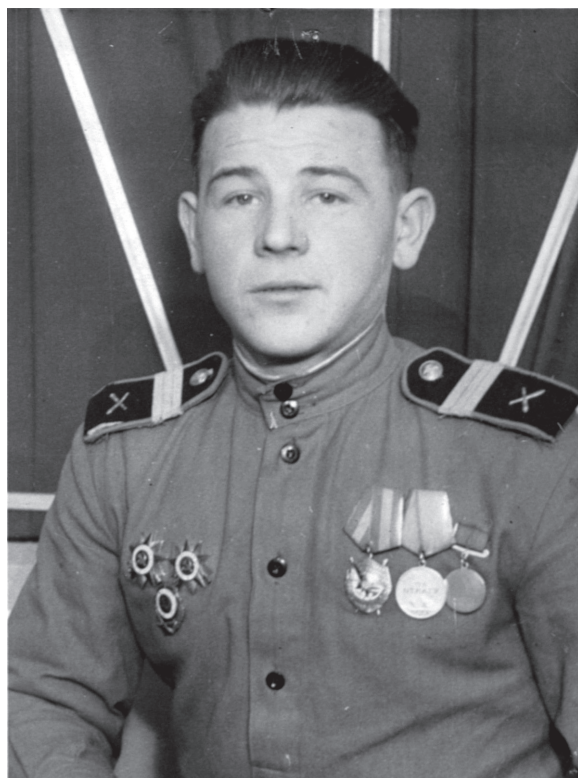

Рис. 4. Фотография В. Т. Завадского

Родился в 1921 г. в деревне Подгайщина Мошковского сельсовета Оршанского района Витебской области. С 1930 по 1937 гг. учился в школе и окончил семь классов. С 1937 по 1940 гг. работал в колхозе, и в 1940 г. был призван в ряды Советской Армии. Служил под Москвой в военном

городке Кудпино в 251-м зенитном артполке по противовоздушной охране Москвы. Здесь его и застала Великая Отечественная война. Через месяц после ее начала по приказу Ставки Главного командования был организован 873-й истребительный противотанковый армейский полк, в состав которого он входил в должности разведчика 2-й батареи. Вскоре полк был отправлен на Центральный, позднее — 1-й Белорусский фронт. Прошел с полком от Москвы и до Берлина. Участвовал в освобождении городов Калинин, Ржев, Смоленск, Орша и всей Беларуси (рис. 5), Варшавы и других городов, а также во взятии Берлина.

Рис. 5. Фотография орудийного расчета старшего сержанта В. Т. Завадского — стоит первым справа

Интересны воспоминания Василия Тимофеевича о сражениях на территории БССР в июле 1944 г.

«После освобождения Орши наши войска вели стремительные наступательные бои. Немцы колоннами отступали на запад. Некоторые огромные немецкие колонны двинулись к большаку, который проходил через деревню Ратковщину. Полк получил задание заехать в тыл противника у этой деревни. В пути повезло — захватили немецкого мотоциклиста. Он и сообщил о движении немецкой колонны, которую прикрывали самоходные орудия» [5].

Интересно, как В. Т. Завадский написал о своих ощущениях того сложного сражения. Подпустив вплотную противника, их орудийный расчет прямой наводкой с пулеметов и автоматов открыл сокрушительный огонь.

Фашистам казалось, что здесь укрепились целая армия, а не полк. Это был бой не на жизнь, а на смерть с несметным количеством озверевших отступающих немецких войск, к тому же имевших превосходство как в численности, так и в боевой технике. Мужественно сражались бойцы орудийных расчетов. Легко раненые оставались у орудия, тяжело раненых уносили в бывший немецкий блиндаж для оказания медицинской помощи. Сложилась критическая обстановка: была разбита рация связи со штабом армии, угасла надежда на скорое подкрепление. К тому же в отдельных орудийных расчетах оставалось по одному-два человека, но они продолжали упорно удерживать наши позиции.

На рассвете 5 июля наступило затишье, но оно длилось недолго: немцы открыли сокрушительный артиллерийско-минометный огонь по Ратковщине. Василию Тимофеевичу казалось, что горела сама земля. Большинство орудий вышло из строя. Немцы плотными шеренгами танков и пехоты двинулись на их позиции. В это время в орудийном расчете В. Т. Завадского он один остался в живых, а из всей его 2-й батареи, которой командовал, — 5–6 человек. Тогда было решено вместе со старшим сержантом Андреем Довбышем удерживать сокрушительный натиск фашистов. Однако немцы стали прорываться. Выпустив последний снаряд, под прикрытием двух автоматчиков двинулись в сторону 6-й батареи, где еще раньше заметили одно исправное орудие. Когда немцы бросились в сторону орудия В. Т. Завадского, он бросил туда противотанковую гранату.

Отважным бойцам удалось добраться к исправному орудью, за которым стоял наводчик 6-й батареи А. К. Авдеев. Но выяснилось, что у него осталось лишь несколько снарядов. И тут разыгралась настоящая трагедия: немцы вплотную подошли к укрытию с тяжело ранеными и стали забрасывать их гранатами. Наши бойцы на ходу старались их словить и бросить в фашистов. В том ужасном сражении в живых осталось лишь немного солдат и офицеров из всего полка, но бой отстояли — немцам не удалось пройти.

Сам же Василий Тимофеевич был награжден за боевые заслуги следующими орденами: Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Среди участников освобождения БССР — **Николай Титович Макулин** — младший сержант, командир расчета 873-го армейского истребительно-противотанкового артполка (рис. 6). Родился в 1920 г. В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранятся его воспоминания и дубликат красноармейской книжки [6; 7]. Из последней известно, что военную присягу Николай Титович

Рис. 6. Фотография Н. Т. Макулина

Рис. 7. Фотография Н. Т. Макулина

принял 12 февраля 1944 г. и был демобилизован по указу от 25 сентября 1945 г. До войны получил общее образование в пять классов. Призван в армию 14 августа 1941 г. Выгинчевским РВК Орловской области.

Награждался гвардейским значком Отечественной войны, медалью «За отвагу» и значком «Отличный артиллерист» 873-го истребительно-противотанкового полка, орденом Отечественной войны II степени. Участвовал в боях на 1-м Белорусском фронте. Награжден медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В воспоминаниях Николай Титович рассказывает о своем боевом пути (рис. 7).

С 1943 г. он был отправлен в 873-й истребительный полк — стал командиром орудия. После освобождения г. Ярцева их наградили медалью «За отвагу». Стала задача по освобождению г. Смоленска: должны были первой пехотой, тремя батареями ворваться в город — так и сделали. За это полку присвоили звание Смоленского, развивая наступление по направлению г. Орши. Освобождая Смоленскую область, награждают орденом Красной Звезды. Зимой 1944 г. их бросили под г. Витебск (называли его мешком) — там вели тяжелые бои. Далее полк освобождал Польшу, дошел до Берлина.

Подвиг бойцов у деревни Ратковщина стал примером мужества

и стойкости для многих бойцов в Великую Отечественную войну. Несмотря на многочисленные потери, которые несли наши войска, благодаря силе воле и стойкости духа советских солдат победа над врагом была успешно одержана. На подвигах наших скромных героев учится современное поколение. Мы помним об этом.

Библиографические ссылки

1. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 1. / Абаев—Любичев / Пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1987. 911 с., с порт.
2. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Фонды. Н/В 6211. Наградной лист А. К. Авдеева.
3. БГМИВОВ. Фонды. Н/В 16803. Автобиография А. К. Авдеева.
4. БГМИВОВ. Фонды. Н/В 7443/14. Описание подвига А. К. Авдеева майором В. А. Нагорным.
5. БГМИВОВ. Фонды. Н/В 41680/44. Воспоминания В. Т. Завадского.
6. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680/18. Воспоминания Н. Т. Макулина.
7. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680/16. Красноармейская книжка Н. Т. Макулина.
8. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680/43. Фотография офицеров и бойцов 873-го артполка.
9. БГМИВОВ. Фонды. КП 35233_1. Фотография А. К. Авдеева.
10. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680/40. Фотография В. Т. Завадского.
11. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680/42. Фотография орудийного расчета.
12. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680_14. Фотография Н. Т. Макулина.
13. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680_15. Фотография Н. Т. Макулина.
14. БГМИВОВ. Фонды. КП 41680_12. Фотография офицеров 873-го армейского истребительно-противотанкового артполка. Сидят справа налево: командир 5-й батареи И. А. Мальковец, рядом — парторг И. Е. Андросов.

УДК 94(47)"1943/1945"

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ: ОПЕРАЦИЯ «МОТРЯ»

В. Н. Надтачаев

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, vn3968@mail.ru

В статье рассмотрены отдельные вопросы и направления борьбы советских органов внутренних дел и госбезопасности с вооруженными националистическими формированиями на территории Беларуси, Литвы и Украины в 1943–1945 гг.

Ключевые слова: органы государственной безопасности; Армия Крайова; НКВД БССР; спецгруппа; ОУН–УПА; вооруженные формирования; борьба.

FROM THE HISTORY OF DOMESTIC SPECIAL SERVICES: OPERATION “MOTRYA”

V. N. Nadtachayeu

State Scientific Institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”, 1 Akademicheskaya str., 220072, Minsk, Belarus, vn3968@mail.ru

The article deals with some issues and directions of the struggle of Soviet internal affairs and state security bodies with armed nationalist formations in the territory of Belarus, Lithuania and Ukraine in 1943–1945.

Keywords: state security bodies; Army of Krajowa; NKVD BSSR; special group; OUN–UPA; armed formations; struggle.

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков на территории республики остались многочисленные вооруженные националистические формирования и антисоветское подполье. К июлю 1944 г. в БССР действовали более 35 тысяч участников различных белорусских коллаборационистских организаций, около 20 тысяч военнослужащих Армии Крайовой, до 14 тысяч членов Организации украинских националистов (ОУН) и бойцов Украинской повстанческой армии (УПА), а также около тысячи участников литовского антисоветского подполья, подчинявшихся Верховному комитету освобождения Литвы [1, с. 175].

Об этом малоизвестно, но борьба с ними началась еще в 1939–1940 гг., продолжилась во время войны и завершилась в начале 1950-х гг. Полное раскрытие темы, как мне представляется, возможно только в рамках специальной научно-практической конференции. Остановимся на отдельных малоизвестных вопросах.

В апреле 1944 г. в преддверии операции «Багратион» нарком НКВД Белорусской ССР С. С. Бельченко получил строго секретный приказ НКВД СССР № 00388 «Об организации оперативно-чекистских групп НКВД на оккупированной противником территории БССР». Перед ними стояла задача по выявлению и учету создаваемых немецкими разведывательными органами бандформирований, повстанческих организаций белорусских и польских националистов («Польская повстанческая армия», «Белорусская повстанческая армия»), установлению складов вооружения, продовольствия, боеприпасов и снаряжения [2, с. 476–477].

Отметим, что в указанном направлении в период оккупации активно работали оперативно-чекистские областные центры, созданные при каждом областном партизанском соединении, и в целом все органы партизанской контрразведки и разведки. По мере приближения освобождения Беларуси борьба приобретала все более непримиримый характер. В основе лежал территориальный вопрос, рассмотрение которого в формате данного выступления не предусмотрено.

Для иллюстрации приведем 2 примера. Партизанской контрразведкой было установлено наличие польской тайной организации в Юратишковском районе Барановичской области и добыты данные о планах на 1943 г. Предусматривалось «до 15.07.1943 очистить территорию между Неманом и Березой¹ (так в тексте — В. Н.) от партизан, выставив на этот участок до 4000 поляков с задачей не допускать туда ни партизан, ни немцев». Далее — обратиться к немецким властям с просьбой «сжечь д. Барово, Николаево и Чапунь как партизанские» [3, л. 60–60 об.].

В ходе проверки указанной информации установлено, что в настоящее время в Ивьевском районе находятся деревни Барово, Миколаево и Чапунь. По данным прокуратуры Гродненской области, в д. Чапунь осенью 1943 г. немцы сожгли 10 хозяйственных построек партизан и их домов. Деревня Миколаево была полностью уничтожена в 1941 г. Факт сожжения Чапуни отражен в соответствующем сборнике проекта «Без срока давности», по другим деревням информация отсутствует [4, с. 196].

В декабре 1943 г. завершилось следствие по делу руководителей белопольской контрреволюционной националистической повстанческой организации «Польски Звензек Повстанчи». К расстрелу были приговорены 9 человек. Заключение по делу утвердил уполномоченный ЦШПД при Ставке ВГК и ЦК КП(б)Б по Барановичской области генерал-майор Платон (Чернышев), а согласовал — помощник уполномоченного ЦШПД при Ставке ВГК и ЦК КП(б)Б по Барановичской области подполковник Донской (Армянинов). Документ подписали руководитель

¹ Видимо, имеется в виду р. Западная Березина. — В. Н.

следственной группы — начальник особого отдела партизанской бригады им. В. П. Чкалова Д. К. Зухба, пом. руководителя группы — помощник уполномоченного ЦК КП(б)Б по Столбцовскому межрайцентру и начальник особого отдела бригады им. Г. К. Жукова А. Л. Степченко [5, л. 212–215].

Как отмечает И. В. Валаханович, успешно проводила оперативную разработку украинских националистов в Брестской области спецгруппа НКГБ БССР «Искра». С октября 1943 г. по апрель 1944 г. чекисты выявили более 500 украинских националистов, из числа которых были арестованы 26 человек [4, с. 298]. Действовавшая с января 1944 г. в Брестской и Пинской областях спецгруппа НКГБ БССР «Борцы» вскрыла в Антопольском и Дивинском районах Брестской области крупное вооруженное формирование украинских националистов численностью до 5 тыс. человек [6, с. 89].

Действительно, местечко Дивин и в целом Дивинский район являлись, образно выражаясь, оплотом украинских националистов в Брестской области. Однако, наличие такого мощного соединения вызывает сомнение.

После освобождения республики к этой работе подключились органы НКГБ БССР и дислоцированные в Белорусском военном и Белорусском пограничном округах отделы контрразведки «Смерш» [7]. Одним из каналов проникновения агентуры спецслужб противника и членов различных националистических и антисоветских организаций в войска рассматривался призыв с ранее оккупированной территории. По этой причине работе с контингентом мобилизованных военные контрразведчики придавали важное значение. Остановимся исключительно на интересующих нас категориях граждан. Для наглядности информация представлена в виде таблицы [8, с. 179, 192–193].

Количество членов антисоветских организаций, выявленных среди контингента, призванного в ряды Красной армии с территории освобождённой Беларуси за выбранные месяцы 1944 г.

Воинская часть	Период	Количество призванных	Выявлено
5-я запасная стрелковая дивизия (зсд)	08.–09.1944	13 530 (8195 из Западной Беларуси)	Членов «Союза борьбы против большевизма» (СБПБ) — 9; участников Белорусской краевой обороны (БКО) — 25 человек.
18-я зсд	08.–11.1944	7875 (4352)	СБПБ — 4; «Союз Белорусской молодежи» — 19; БКО — 34.
3-я зсд	08.–11.1944	12 300	БКО — 42

12 октября 1944 г. вышел совместный приказ НКВД СССР и НКГБ СССР №001258/00389 «О мероприятиях по усилению борьбы с

антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд в западных областях Белорусской ССР», согласно которому руководство агентурно-оперативной работой УНКВД–УНКГБ Барановичской, Молодеченской, Гродненской, Пинской и Брестской областей возлагалось на наркома НКВД БССР комиссара госбезопасности С. С. Бельченко. В помощь ему назначены заместитель наркома НКГБ БССР полковник госбезопасности Д. С. Гусев и начальник внутренних войск НКВД Белорусского округа генерал-майор В. И. Киселев. Отдел по борьбе с бандитизмом НКВД БССР был реорганизован в управление под руководством полковника А. К. Гранского [2, с. 436–437].

В борьбе с антисоветским подпольем и вооруженными бандами успешно использовались созданные НКВД–НКГБ ложные отряды. Для ликвидации остатков соединения «Юг» (АК) в декабре 1944 г. на базе спецотряда НКГБ СССР «Богатыри» (командир Герой Советского Союза А. Н. Шихов) создается специальная группа НКВД–НКГБ БССР в количестве 120 человек, легендированная под отряд Армии Крайовой. Отряд Шихова перебазировался в Липичанскую пушу (Козловщинский р-он Барановичской обл.), где действовали 2 формирования соединения «Рагнера» общей численностью 200 человек. Руководили ими А. Василевский и И. Герус. Для демонстрации своих возможностей в начале января 1945 г. А. Н. Шихов организовал «нападение» на гарнизон 267-го стрелкового полка внутренних войск в д. Лоски Козловщинского района. На следующий день начальник гарнизона отправил в Слоним подводы с якобы ранеными солдатами, что стало известно агентам аковцев. Проведенное мероприятие способствовало установлению доверия между руководителями польских групп и лжеотрядом АК. В ходе одной из встреч А. Василевский предложил совершить налет на райцентр с целью захвата районного руководства. 7 февраля 1945 г. при очередной встрече бойцы опергруппы арестовали И. Геруса, А. Василевского и еще 9 участников. На следующий день в ходе боя основные силы упомянутых формирований АК были уничтожены [1, с. 179–180].

3 июля 1945 г. в Паневежском уезде оперативной группой Героя Советского Союза Е. И. Мирковского (бывший командир спецгруппы НКГБ СССР «Ходоки»), действующей под легендой банды «власовцев», в результате оперативных комбинаций захвачены 16 активных участников банд «Литовской армии свободы», а 21 — уничтожен в ходе боя [2, с. 291].

И в заключение приведем еще один пример работы «под чужим флагом». Речь об операции «Мотря». Под этим псевдонимом скрывалась руководитель Буковинского провода ОУН Артемизия Галицкая (учительница, образование высшее педагогическое, гражданка СССР, член ОУН с 1937 г.).

27 декабря 1944 г. ее и другого члена Буковинского провода Мирослава Гайдука (член ОУН с 1941 г., псевдонимы: «Бичук», «Довбуш», «Шапка», «Гаврил», «Федор», инженер-строитель и архитектор. До войны работал в Управлении военного строительства погранвойск) арестовали на явочной квартире в с. Васловцы Садогурского района Черновицкой области.

«Мотря», не желая сдаваться живой, выстрелила себе в голову, однако ранение оказалось не смертельным. В тяжелом состоянии ее отвезли в поликлинику г. Черновцы. Палата усиленно охранялась. Придя в сознание, она попыталась пальцем вскрыть раны в области головы. Гайдук был не столь фанатичен и начал сотрудничать с чекистами, преследуя свои цели. Он же охарактеризовал «Мотрю» как волевою женщину, которую не «расколоть» ничем. Тогда и родилась идея провести комбинацию или, выражаясь современным языком, ролевую игру. Чекисты написали сценарий, а «Мотря», сама того не подозревая, блестяще сыграла отведенную ей роль.

Согласно замыслу, отобрали 3 сотрудников управления НКВД по Черновицкой области, которым предстояло перевоплотиться в представителей центрального провода ОУН. Так, заместитель начальника управления подполковник госбезопасности Н. Е. Биленко стал одним из руководящих работников центрального провода ОУН по кличке «Тарас», начальник оперативного отделения старший лейтенант госбезопасности Гончаренко примерил личину референта Службы безопасности (СБ) по кличке «Иван», а оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) старший лейтенант госбезопасности Гусак — подпольщика по кличке «Стецко».

По легенде группа прибыла на Буковину для выполнения задания центрального провода ОУН. Получив информацию об арестах «Мотри», «Федора» и других, приняли решение освободить «Мотрю», находившуюся в больнице. По их заданию «оуновцы» вывезли «Мотрю» из больницы и разместили на одной из квартир. В это время дежурила санитарка, пользующаяся доверием Галицкой, что должно было сыграть на руку «похитителям». Однако, это было всего лишь начало, при том, не самое трудное. Дальнейшее зависело от игры «новоиспеченных бандеровцев». Неизвестно чем руководствовались чекисты, но «освободили» «Мотрю» в ночь на православное Рождество.

На первой же встрече «Иван» пояснил Галицкой, что ее освободили с целью выяснения причин провала. И, если поначалу, появление представителей центрального провода ОУН вызвало у «Мотри» настороженность, то впоследствии она поверила в происходящее.

Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, Биленко — «Тарас» оказался похож на реального работника центрального провода по кличке «Ярый», которого, к счастью, Галицкая знала только по приметам. Во-вторых, в качестве лечащего врача был «приглашен» профессор хирург Булевский, украинец, которому пришлось изображать

«мельниковца-бульбовца». Профессор Булевский ранее работал врачом в партизанском отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева (спецгруппа НКГБ СССР «Победители»), в силу чего хорошо знал быт и боевые «подвиги» бульбовских сечевиков. В-третьих, «Мотрю» несколько раз перевозили с квартиры на квартиру, якобы в целях безопасности. Вскоре она стала давать показания. Точнее, ей объяснили, что «Ивану» поручено найти предателей и покарать их. А потом, независимо от результатов расследования, ее вывезут за кордон...

В результате удалось получить сведения на 242 члена ОУН на Буковине, не считая личного состава куреня УПА, а также на оуновцев из других областей, в общей сложности более чем на 600 человек. Итогом операции, длившейся с 1 января по 20 февраля 1945 г., стал арест 99 и ликвидация 123 бандитов. Избежало арестов незначительное количество оуновцев, находившихся на момент операции в Румынии, Чехословакии и Венгрии [2, с. 270–273].

За 1944–1956 гг. органами государственной безопасности и внутренних дел БССР ликвидированы 1264 бандитские группы, в том числе 840, связанных с антисоветским вооруженным подпольем, и 16 466 их участников [9, с. 128].

Библиографические ссылки

1. Щит и меч Отечества / Под ред. В. И. Дементя. Минск : Междунар. центр интеграц. информ. Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. 340 с.
2. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. Москва : Объединенная редакция МВД России, 2008. 638 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Польские формирования и националистические организации.
4. Без срока давности. Беларусь. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область. Сборник архивных документов и материалов / сост. А. Р. Дюков [и др.]. Минск–Москва, 2021. 267 с.
5. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 50. Польские формирования и националистические организации.
6. Валаханович И. В. Нейтрализация органами госбезопасности антисоветского подполья ОУН–УПА на территории Белорусской ССР в 1939–1952 годах // Беларуская думка. 2016. № 11. С. 86–92.
7. Надтачаев В. Н. Борьба органов госбезопасности с агентурой германских спецслужб на освобожденной территории Беларуси в 1944 г. // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2023 г. Вып. 22 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) і [інш.]. Мінск : МДЛУ, 2024. С. 134–142.
8. Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы... Минск : Кавалер, 2008. 416 с.
9. Валаханович И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2002. 146 с.

УДК 94(476)"1941"

**«...НЕ СТАЛО ЕЩЕ ОДНОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА».
БОМБАРДИРОВКА ГОМЕЛЯ ЛЮФТВАФФЕ
В СЕРЕДИНЕ АВГУСТА 1941 г.**

Ю. В. Панков

Государственное историко-культурное учреждение «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», пл. Ленина, 4, 246050, г. Гомель, Беларусь, jouluyura@mail.ru

На основе документов, воспоминаний и фотографий реконструируется эпизод периода гомельской оборонительной операции, когда люфтваффе совершало массированные налеты на Гомель, превративший его центр в руины. Приводятся аргументы в пользу того, что данная акция имела все признаки военного преступления.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; бомбардировка Гомеля люфтваффе; военные преступления Германии.

**“...ANOTHER SOVIET CITY HAS NOT BECOME”.
LUFTWAFFE BOMBING OF GOMEL IN MID-AUGUST 1941**

Y. Pankou

*State Historical and Cultural Institution “Gomel Palace and Park Ensemble”,
pl. Lenina, 4, 246050, Gomel, Belarus, jouluyura@mail.ru*

An episode from the period of the Gomel defensive operation, when the Luftwaffe carried out massive raids on Gomel, which turned its center into ruins, is reconstructed on the basis of documents, memories and photographs. Arguments are given in favor of the fact that this action had all the signs of a war crime.

Keywords: Great Patriotic War; Luftwaffe bombing of Gomel; German war crimes.

Сражение за Гомель в августе 1941 г. является одной из трагических страниц в истории начального периода Великой Отечественной войны. В конце июля 1941 г. войска 2-й Армии и 2-й танковой группы вермахта, в связи с образовавшимся выступом, грозившим немецким флангам, повернули с московского направления на гомельское. 18 августа 1941 г. немецкая армия вплотную подобралась к Гомелю, а на следующий день вторглась в его границы. С северо-запада на населенный пункт наступали части 17-й пехотной дивизии, с северо-востока — 131-я пехотная дивизия и подчиненный ей 192-й дивизион штурмовых орудий. На востоке со стороны Ветки через Добруш и Романовичи город обходила 1-я кавалерийская дивизия. На западном направлении в районе Речицы бои вела 260-я пехотная дивизия. Таким силам противостояли подразделения 67-го стрелкового корпуса, в подчинении которого находились городские ополченцы и

украинский коммунистический батальон. Гомель был взят и удержан вермахтом в течение четырех дней. 19 августа — захвачена правобережная часть. 20 августа — бои в Новобелицком районе, зачистка городского центра, столкновения в районе «Залинии» и его окраинах. 21–22 августа — бои по удержанию Новобелицкого района. Событиям предшествовала массированная бомбардировка города боевыми соединениями 2-го воздушного флота люфтваффе. В историографии данная тема упоминалась лишь фрагментарно, отдельных публикаций по ней не встречено.

Первые налеты на областной центр БССР начались в конце июня 1941 г., предваряла им воздушная разведка местности. Бомбардировка не носила массовости. Прилетали небольшие группы самолетов, точечно осуществляя бомбометание. Таким налетам подвергались военные объекты и инфраструктура (аэродром, железная дорога, мосты и др.). Однако случались и «бесцельные» сбросы. Одна из первых бомб упала на жилой дом на углу улиц Песковатой (ныне — Белорусская) и Леваневского, образовав вместо него воронку. В июле — начале августа 1941 г. интенсивность возрастала, что находит отражение в эпистолярных источниках. «3-го [июля] противник бомбил Гомель. Летело 15 бомбовозов и сбросили несколько бомб... Есть много убитых и раненых». «...28 июля в Гомеле явилось 38 самолетов германца и сбросило много бомб по Залинейному району... Разбито домов 40». «30 [июля] был налет очень порядочный... Дрожал весь город от зенитных выстрелов и бомб... Много очень жертв» [1, с. 520–521].

С первых дней войны в Гомеле действовал режим светомаскировки. В темное время суток ни один источник света не должен был гореть. Нарушителей ждало суровое наказание. Каждый такой поступок публиковался в местной прессе. К примеру, газета «Гомельская праўда» приводила следующие случаи: «Кириллова С. Ф. во время воздушной тревоги зажгла свет в доме, не затемнив окна... осуждена на 10 лет лишения свободы с поражением в правах», «заведующий магазином № 27 райтрансторгпита Маянц С. М. два дня, 26 и 27 июня, оставлял в магазине в ночное время электрическое освещение... 6 лет лишения свободы», «3 июля работник комбината „Спартак“ Акинчиц Э. К., не смотря на повторные предупреждения, в ночное время зажигал на улице спички и курил папиросы... осужден на 5 лет тюремного заключения» [2, с. 2].

Городское население вырыло большое количество траншей и щелей для укрытий от бомбардировок. Были подготовлены бомбоубежища, самое известное из которых находилось в бывшем дворце Паскевичей. Жителей обучали борьбе с пожарами от зажигательных бомб. Еще в 1930-е гг. на крышах ряда домов установили вышки ПВО, которые летом 1941 г. использовались для наблюдения за немецкими самолетами. Местная

противовоздушная оборона была укомплектована 45-мм зенитными пушками. Действующие подразделения 21-й Армии располагали 85-мм зенитными орудиями, которые также участвовали в отражении авианалетов [3]. Воздушное пространство прикрывали самолеты 126-го истребительного авиационного полка, которым удавалось в небе над Гомелем сбивать противника, хотя люфтваффе и имело превосходство.

31 июля 1941 г. решением исполкома Гомельского городского совета депутатов трудящихся все граждане областного центра после сигнала «воздушная тревога» обязаны были прятаться в ближайших щелях и бомбоубежищах до сигнала «отбой воздушной тревоге»; категорически запрещалось собираться возле мест поражения, тем самым давая противопожарной охране своевременно устранить последствия налетов; домовладельцев обязывали размещать указатели к ближайшим щелям и бомбоубежищам; домовладельцы и собственники частных домов должны были установить возле каждого дома бочку с водой, ящик с песком, лопаты, ведра и организовать возле этих мест круглосуточное дежурство [1, с. 513].

Кульминацией авианалетов на Гомель стали дни середины августа 1941 г., когда силы вермахта подходили к окрестностям города. В журнале военных действий армий Центрального фронта было скупно зафиксировано: «Город Гомель и штаб фронта в течение ночи с 13 на 14 августа подверглись сильной бомбардировке авиацией противника». Следующая запись располагала большей информацией: «Вторую ночь с 14 на 15.8 противник бомбит Гомель. Вновь возникло большое количество пожаров. Имеются жертвы среди гражданского населения. Военные объекты не пострадали». Еще одно указание зафиксировано 17 августа: «...Авиация противника в течение дня и ночи производила периодические бомбардировочные налеты на Гомель...» [4]. О ночной бомбежке Гомеля 17 августа 1941 г. упомянул в своем дневнике рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс [5, s. 247].

Детальную характеристику действиям люфтваффе дали в служебной записке от 4 сентября 1941 г. начальник управления ПВО Брянского фронта генерал-майор И. Н. Березовский (также руководил противовоздушной обороной Гомеля) и начальник I отдела УПВО Брянского фронта майор И. В. Ставцев [6]. Бомбардировке предшествовала разведка одиночными самолетами «Me-110», «Fw 189» (в документе ошибочно указано «Fw 198») либо «Ju-88» на высоте 800–2000 м. Налеты производились одиночно либо группами от 3 до 27 самолетов типа «He-111», «Ju-88», «Do-17», «Ju-52» в сопровождении 1–3 истребителей. Высота бомбометания колебалась с планирования — от 2500 до 4000 м; с пикирования — от 3000 до 4500 м. Первый массированный авианалет, осуществленный в ночь с 13 на

14 августа 1941 г., производился в несколько волн. Первая группа самолетов спускала светящиеся парашюты и сбрасывала зажигательные бомбы; последующие группы — преимущественно фугасные вперемешку с зажигательными бомбами.

Эмоциональная картина событий середины августа 1941 г. передана через мемуары свидетелей и очевидцев. Фронтовой корреспондент газеты «Красная Звезда» П. И. Трояновский вспоминал: «И вот наступил роковой для Гомеля день. Ранним утром несколько эскадрилий фашистских «юнкерсов», подавив предварительно довольно слабую противовоздушную оборону города, обрушили на дома, школы, больницы, детские сады, на подъездные пути и железнодорожную станцию буквально ливень обычных и зажигательных бомб. Добровольные отряды горожан — женщины, старики и подростки — храбро вступили в неравную борьбу с пожарами. Но огонь продолжал распространяться. А тут ещё налетела новая волна «юнкерсов». Они сбросили теперь только фугасные бомбы, пытаясь, видимо, помешать противопожарным работам и ещё больше терроризировать население. Грохот взрывов и треск огня заглушали крики о помощи, проклятия в адрес фашистских варваров. Рушились целые кварталы, пожары сливались в единое бушующее пламя. Над городом поднялась, все время сгущаясь, темно-красная туча из огня и дыма, которая вскоре заслонила собой и небо и солнце. За каких-нибудь два-три часа не стало еще одного советского города...» [7].

Вместе с П. И. Трояновским в Гомеле находился еще один корреспондент «Красной Звезды» В. С. Гроссман. В повести «Народ бессмертен», художественно переработав, он также оставил свои впечатления о тех событиях: «Налет немецкой авиации начался около двенадцати часов ночи. Первые самолеты-разведчики, шедшие на большой высоте, сбросили осветительные ракеты и несколько кассет зажигательных бомб. Звезды стали исчезать и меркнуть, когда белые шары ракет, подвешенные к парашютам, разгораясь, повисли в воздухе. Мертвый свет спокойно, подробно и внимательно освещал площади города, улицы и переулки...» [8, с. 25–26].

Первый секретарь Гомельского обкома ЛКСМБ А. Д. Рудак так охарактеризовал бомбежку города: «Первый налет на город фашистская авиация совершила в ночь с 13 на 14 августа. Сотни фугасов причинили огромные разрушения, а зажигательные бомбы вызвали множество пожаров. Утром 14 августа горели уже не отдельные дома, а целые кварталы. А над городом через каждые 30–40 минут появлялись новые группы фашистских самолетов со смертоносными грузами» [9, с. 12].

Пожар в городе был виден и в Гомельском районе. Очевидец событий А. И. Руденков (1931 года рождения) в беседе с автором вспоминал, что в середине августа 1941 г. его семья ушла из Гомеля в д. Зябровка

Гомельского р-на. Залезая на забор, он наблюдал за огненным заревом над областным центром. Когда дул ветер от города по направлению деревни, то вместе с ним прилетал пепел пожарищ [10].

К такому массированному налету город был не готов. Не справилось с ним ни ПВО, ни пожарная охрана. Последствия запечатлел фотокорреспондент фронтовой газеты «В бой за Родину» Западного фронта А. Шаевич. На его снимках от 14–17 августа 1941 г., хранящихся в фондах музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля, представлены виды разрушений и пожаров в центральной части города после налетов люфтваффе [11]. Выжженные кирпичные «коробки», а также фундаменты и печи сожженных деревянных домов показывают серьезный урон, нанесенный жилому фонду. В те дни фотофиксацией занимался и фотокорреспондент газеты «Красная Звезда» О. Г. Кнорринг, показав не только разрушения, но и жителей, переживших трагедию [12, с. 4]. Аналогичные кадры оставили и немецкие военнослужащие, оказавшиеся в населенном пункте после его захвата.

В фондах гомельского музея находится трофейная разведывательная аэрофотосъемка от 18 августа 1941 г., сделанная самолетом из 1-й эскадрильи 122-й разведывательной авиагруппы в небе над городом (не затрагивая Новобелицкий р-н). Она демонстрирует масштаб трагедии. Немецкие специалисты, работавшие с ней, выделили зону, которая подверглась массированной бомбардировке. В ее границы вошли: участок ул. Советской от пересечения с ул. Рогачевской до площади Восстания – вдоль ул. Садовой до р. Сож – участок набережной до Петропавловского собора – площадь им. Ленина до территории хлебозавода по проспекту Ленина – район переулка Спартака до перекрестка ул. Пролетарской и ул. Гагарина далее, диагонально перерезая участок застройки, до ул. Плеханова затем сплошной прямой линией до конца ул. Столярной – рядом с железной дорогой до дома № 6 по ул. Киселева – перерезая Привокзальную площадь до крупозавода (ул. Шевченко, 19) далее по направлению несохранившегося участка бывшей ул. Почтовой до перекрестка проспекта Победы с ул. Ветковской – по ней идет линия до перекрестка с ул. Рогачевской и далее – по направлению к ул. Советской [13, с. 306]. Периметр разрушений составил около 7,26 км, а общая площадь — около 2,49 км².

Важно отметить, что территория, в основном, представляла собой жилую застройку, административные здания, социальную инфраструктуру и небольшие предприятия. Исключение составил только станкостроительный завод им. С. М. Кирова. Военные и стратегические объекты находились вне обозначенной зоны. Нахождение военных подразделений в те дни было минимальным. Основная группа обороны — народное ополчение выдвинулось в ночь с 14 на 15 августа 1941 г. на боевые позиции за пределы города [1, с. 514].

Из вышеуказанного следует, что бомбардировка Гомеля с разрушением жилищ без военной необходимости в середине августа 1941 г. имела характер целенаправленного акта террора и психологического давления на мирных жителей и солдат Красной армии. Данный факт считается тяжким нарушением международного гуманитарного права во время ведения военных действий. Лишь единичные сооружения остались практически не пострадавшими. Но разрушения не ограничились центральной частью города. Боевые соединения 2-го воздушного флота люфтваффе перешли к налетам на Новобелицкий р-н Гомеля, который располагался со стороны левого берега р. Сож. Ударам подвергалась также жилая застройка и городская инфраструктура в центре района.

Воздушные атаки на Гомель в середине августа 1941 г. отличались от предыдущих налетов своей массовостью и целями. Уничтожался населенный пункт, а не военные объекты, что является военным преступлением. Они предвещали наземное наступление вермахта на город. Данные факты позволяют выделить их в отдельный эпизод боев за Гомель летом 1941 г.

Библиографические ссылки

1. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля. Кн. 1. Мінск: БЕЛТА, 1998. 608 с.
2. Гомельская праўда. 13 ліпеня 1941. № 166. С. 2.
3. Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Коллекционный предмет 221.
4. Журнал военных действий армий центрального фронта. 27 июля–25 августа 1941 года [Электронный ресурс]. URL: <http://militarylib.com/ww2/ww2-documents-book/3494-zhurnal-voennykh-dejstvij-armij-centralnogo-fronta-iyul-avgust-1941-g.html> (дата обращения: 17.04.2024).
5. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Band I / Bearbeitet von Elke Fröhlich. München, New Providence, London, Paris: K. G. Saur, 1996. 546 s.
6. О действиях ВВС противника и средствах ПВО в полосе Центрального фронта за август месяц 1941 года [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454719923> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Трояновский П. И. На восьми фронтах [Электронный ресурс] // Москва: Воениздат, 1982. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/troyanovsky/01.html> (дата обращения: 24.04.2024).
8. Гроссман В. Годы войны. Москва: ОГИЗ, 1946. 504 с.
9. Рудак А. Д. Экзамен на зрелость. Минск : Беларусь, 1981. 288 с.
10. Руденков Александр Иванович, 1931 г.р. (г. Гомель). Интервью. Опросил Ю. В. Панков. 28.01.2023.
11. Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. Коллекционные предметы 212; 286; 288–289; 291–293.
12. Красная Звезда. 23 августа 1941. № 198. С. 4.
13. Панков Ю. В. Аэрофотосъемка Гомеля 1941 года из фондов музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии | редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.). Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. С. 305–308.

УДК 94(100)"1941/1945"

**РОЛЬ У. А. ГАРРИМАНА
В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Г. А. Петаченко¹⁾, М. А. Шабасова²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, petakoff@yandex.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, shabasovamarina@gmail.com*

У. А. Гарриман сыграл ключевую роль в советско-американских отношениях в годы Великой Отечественной войны. Он являлся основным американским дипломатом в СССР в военные годы и стал близким советником президента Ф. Д. Рузвельта по вопросам помощи Советскому Союзу. Американский дипломат сыграл важную роль в организации ленд-лиза, который помог советской армии во время Великой Отечественной войны. У. А. Гарриман содействовал подготовке Тегеранской конференции. Его работа по укреплению отношений между США и СССР была признана важным фактором победы союзников во Второй мировой войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; У. А. Гарриман; Ф. Д. Рузвельт; антигитлеровская коалиция; ленд-лиз; Тегеранская конференция.

**THE ROLE OF W. A. HARRIMAN
IN THE SOVIET-AMERICAN RELATIONS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

G. A. Petachenko¹⁾, M. A. Shabasova²⁾

¹⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, petakoff@yandex.ru*

²⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, shabasovamarina@gmail.com*

W. A. Harriman played a key role in the Soviet-American relations during the Great Patriotic War. He was the main American diplomat who worked in the USSR during the war years and became a close adviser to President F. D. Roosevelt on issues of aid to the Soviet Union. The American diplomat played an important role in organizing the Lend-Lease program, which helped the Soviet army during the Great Patriotic War. W. A. Harriman helped to prepare the Tehran Conference. His work on the strengthening of the relations between the USA and the USSR was recognized as an important factor in the Allied victory in the World War II.

Keywords: the Great Patriotic War; W. A. Harriman; F. D. Roosevelt; Allies; Lend-Lease; Tehran Conference.

Среди выдающихся американских дипломатов XX в., представлявших США в Москве, особое место занимает Уильям Аверелл Гарриман. Обладая выдающимися личными качествами, он особенно ярко проявил

себя в период формирования антигитлеровской коалиции. Будучи специальным представителем Ф. Д. Рузвельта в Москве, а затем американским послом в СССР, он пользовался большим авторитетом по обе стороны океана.

История особых отношений американца с Советским Союзом началась еще в 1920-х гг. с подписания концессионного договора между правительством СССР и «У. А. Гарриман энд К» относительно марганцевых залежей в грузинских Чиатурах. Это была исключительно важная сделка на сумму 4 млн долларов. Широко известными являются визит У. А. Гарримана в СССР в 1926 г. и переговоры с Л. Д. Троцким и другими советскими лидерами. В 1928 г. по различным причинам продление концессии стало невозможным, и У. А. Гарриман вынужден был свернуть свою деятельность в СССР.

Если история с концессией вызвала недовольство у обеих сторон, то визит У. А. Гарримана в Москву в 1941 г. закончился ко взаимному удовлетворению. У. А. Гарриман сыграл ключевую роль в предоставлении Советскому Союзу помощи со стороны США и Великобритании. В Москве он увидел возможности для будущего сотрудничества не только во время войны, но и после нее. Речь идет об известной миссии Гарримана-Бивербрука в Москву в сентябре–октябре 1941 г., первой встрече представителей трех государств, положившей начало масштабной помощи Советскому Союзу со стороны США и Великобритании. Благодаря активной позиции и конструктивному подходу, У. А. Гарриман получил роль представителя президента США. Он сочетал твердость в отстаивании американской позиции с пониманием советских интересов. Во время встречи с И. В. Сталиным американец «аргументированно парировал все заходы, оперируя количественными показателями по производству и потребностям самих США. Здесь переиграть его было трудно. Это была его стихия. Он ловко жонглировал номенклатурой товаров: невозможно было полностью покрыть советские запросы по танковой броне — он предлагал увеличить поставки внедорожников» [1]. Наконец, его выдержка и самообладание в условиях психологического нажима И. В. Сталина произвели немалое впечатление на советское руководство и способствовало успеху миссии. И. В. Сталин поблагодарил Ф. Рузвельта за поручение вести переговоры «столь авторитетному лицу, как г. Гарриман», участие которого в работе Московской конференции трех держав было столь эффективно [2, с. 11].

Несмотря на сложность переговоров, желаемый результат был достигнут, и СССР оказался не одинок в войне с нацистской Германией и ее союзниками.

У. А. Гарриман отлично понимал историческое значение происходящего, хотя и вкладывал в него несколько иной смысл. В Москве американский дипломат увидел страну, с которой США, казалось, вполне могли иметь дело не только во время войны, но и после нее.

По возвращении в Вашингтон У. А. Гарриман с энтузиазмом распространял свои убеждения в правительственных кругах и на закрытых брифингах для американской прессы. Поскольку И. В. Сталин, как убедился У. А. Гарриман, в созданной им командно-административной системе был единственным человеком, принимавшим серьезные решения, то личный контакт с ним имел решающее значение. Уже тогда, после первой поездки в Москву, в Вашингтоне предложили У. А. Гарриману сменить в Москве посла США Л. Штейнгардта. Однако он отказался, желая остаться специальным представителем президента США по оказанию материальной помощи Великобритании, где был принят, по его словам, практически «в качестве члена кабинета» [3]. Играя роль посредника между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, У. А. Гарриман попытался одновременно стать главным посредником между Рузвельтом и И. В. Сталиным. С ведома и одобрения президента он начал свою личную переписку со И. В. Сталиным и В. М. Молотовым по проблемам поставок в СССР и вооружения польских частей, воевавших на территории Советского Союза. У. А. Гарриман активно вмешивался в принятие решений по важнейшим вопросам советско-американских отношений.

Следующий визит У. А. Гарримана в Москву состоялся в августе 1942 г. Он прибыл вместе с У. Черчиллем, взявшим на себя трудную миссию объяснения И. В. Сталину причин задержки открытия второго фронта, еще раз подтвердив особую роль американского дипломата как доверенного лица «большой тройки». По приглашению И. В. Сталина У. А. Гарриман принял участие в переговорах с У. Черчиллем. И хотя разговор получился не совсем приятный, встреча способствовала упрочению личного контакта между его участниками.

Часто бывая в Вашингтоне, У. А. Гарриман способствовал положительному рассмотрению советских заявок в американских коридорах власти. Хорошо осведомленный обозреватель газеты «Вашингтон Пост» Дрю Пирсон так описывал эту закулисную активность Гарримана: «Особенно критически он относится к скрытой, но все же имеющей здесь место точке зрения, что нам следует держать Россию в таком положении, чтобы позволить ей ослабить Гитлера, но не стать мощной силой после войны. Гарриман считает, что подобные настроения крайне опасны и должны выжигаться каленым железом...» [3].

В начале 1943 г. при непосредственном участии У. А. Гарримана американская сторона пошла навстречу советским требованиям по 3-му протоколу о поставках в отношении тоннажа, предоставляемого США и Англией. Другим осязаемым вкладом американского дипломата в осуществление

программ ленд-лиза для СССР была его личная инициатива по реконструкции железнодорожного пути через Иран, который уже к весне 1943 г. стал важнейшей артерией союзнических поставок в СССР.

В июне президент Ф. Д. Рузвельт предложил У. А. Гарриману, взять на себя важную миссию налаживания прямых отношений со И. В. Сталиным. В августе 1943 г. У. А. Гарриман, наконец, согласился. Момент в отношениях союзников с СССР и в самом деле был критическим. Советская сторона не скрывала своего возмущения очередной отсрочкой в главном для нее вопросе об открытии второго фронта в Европе. Поэтому И. В. Сталин тянул с согласием на встречу «большой тройки» и обязательством по Японии, отозвал популярных на Западе послов М. М. Литвинова и И. М. Майского из Лондона и Вашингтона, медлил с ответом на предложения союзников о военном сотрудничестве. Все это вызывало у американцев большое беспокойство. В США не только ждали решений СССР по «японскому вопросу», но и опасались односторонних действий Кремля в отношении Германии и Восточной Европы, а также нуждались в более тесной военно-стратегической координации своих действий с Советским Союзом в ходе подготовки открытия второго фронта, решение о котором было принято на англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. Все это придавало особое значение роли посла США в Москве.

У. А. Гарриман еще до своего официального назначения тщательно готовился к предстоявшей ему миссии. Он начал готовить серьезную реформу американского посольства в Москве. Главной трудностью, хорошо знакомой по личному опыту в работы Лондоне, была разрозненность действий между дипломатическим составом, аппаратом военных атташе и миссией снабжения.

Во время встреч с Ф. Д. Рузвельтом У. А. Гарриман получил развернутое представление о настроении и планах президента по отношению к СССР. Ф. Д. Рузвельт искренне надеялся, что ему удастся удержать И. В. Сталина от неприемлемых для Запада односторонних действий, в том числе и по части территориальных претензий в Восточной Европе, за счет признания Советского Союза в качестве полноправной великой державы, предоставления ему гарантий безопасности и свободы коммуникаций, а также помощи в послевоенном восстановлении. Впоследствии У. А. Гарриман вспоминал, что ехал в Москву, считая главной своей задачей максимально помочь СССР в борьбе с гитлеровской Германией и подтвердить вступление Советского Союза в войну с Японией.

В Москве У. А. Гарриман, даже не успев представить свои верительные грамоты председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину, сразу же оказался в центре большой дипломатии. Началась Московская

конференция министров иностранных дел трех великих держав, где впервые обсуждался широкий круг политических и военных вопросов. На долю У. А. Гарримана, как это обычно бывает с послами в таких ситуациях, выпала роль главного советника делегации и гостеприимного хозяина посольства США в Москве.

Приоритетными задачами У. А. Гарримана во время Московской конференции было успокоить советскую сторону относительно второго фронта, а также получить более надежные гарантии будущего вступления СССР в войну с Японией. Здесь по обоим пунктам американцам сопутствовал успех. Тактика, предложенная У. А. Гарриманом на совещании в американском посольстве и заключающаяся в предоставлении советской стороне максимум информации о военных усилиях и планах союзников, чтобы убедить ее в серьезности их намерений, избегая при этом новых конкретных обязательств, помогла укрепить взаимное доверие. Намеки же советских руководителей недвусмысленно говорили об их намерениях в отношении Японии [3]. На конференции были достигнуты и другие важные договоренности, а именно о создании Европейской консультативной комиссии, о принципах безоговорочной капитуляции Германии и обращении с ней, создании Консультативного совета по Италии и др. В целом итоги конференции были безусловно положительными для всех трех сторон, создали благоприятные условия для встречи «большой тройки» в Тегеране.

После конференции в качестве главной задачи У. А. Гарриман на совещании в американском посольстве назвал сохранение и развитие доверительного духа между союзниками. Он считал, что американцы должны были продемонстрировать Москве серьезные намерения в отношении войны, уважение как к равноправному партнеру, а также заинтересованность в послевоенном восстановлении СССР. В экономической помощи Советскому Союзу американский дипломат видел средство для поддержания хороших отношений и инструмент влияния на советскую политику.

В преддверии Тегеранской конференции У. А. Гарриман вылетел в Каир навстречу американской делегации для участия в подготовке к конференции. Вопрос же об открытии второго фронта был окончательно, как известно, решен в Тегеране. У. А. Гарриман назвал важнейшим психологическим эффектом Тегерана то, что конференция «рассеяла русские ощущения недостаточности наших действий и их сомнения в наших намерениях». Не менее важным, на его взгляд, было и установление прямого личного контакта между И. В. Сталиным и Ф. Д. Рузвельтом. Слова Тегеранского коммюнике о союзниках как «настоящих друзьях по духу и общей цели», заключил посол, «исполнены реального смысла и хорошо описывают содержание переговоров и их воздействие на главных участников» [3].

Ободренный итогами Тегеранской конференции, У. А. Гарриман начал активно содействовать нескольким направлениям американо-советского сотрудничества. Он предложил предоставить СССР кредит на закупки американских товаров и оборудования после войны [4, р. 70]. Впервые он поднял эту тему по своей инициативе еще в октябре 1943 г. в беседе с наркомом внешней торговли А. И. Микояном, проявившим к ней, по его словам, «большой интерес». Как бизнесмен и дипломат, У. А. Гарриман прекрасно понимал все значение этого вопроса для решения «самой главной после войны политической и экономической проблемы советского руководства — послевоенного восстановления». Сам он видел в экономической помощи СССР и американские интересы. Он считал, что советско-американское сотрудничество будет содействовать американской торговле и занятости в трудный период реконверсии экономики США. Как деловой человек, У. А. Гарриман стремился получить долю в послевоенном советском бизнесе, а также укрепить отношения с СССР и вынудить советское руководство сотрудничать в международных делах по американским правилам [3]. Этот последний мотив будет усиливаться по мере нарастания разногласий вокруг советской политики в Восточной Европе.

Продолжая с ведома Белого дома предварительный разговор о послевоенном кредите с В. М. Молотовым и А. Микояном, У. А. Гарриман послал в Вашингтон свои соображения, запрашивая конкретные инструкции на этот счет. Более развернутые указания поступали послу с задержками и мало помогали делу. Общая поддержка идеи кредита увязывалась в них с окончательным расчетом по ленд-лизу и напоминанием о жестких юридических ограничениях на предоставление государственных кредитов Советскому Союзу в связи с законом Джонсона. Одновременно предлагалось создать межведомственную группу под эгидой госдепартамента для проработки этого вопроса. Хорошо зная практику подобных проволочек, У. А. Гарриман настаивал на скорейшем решении вопроса и представлении советской стороне конкретного предложения. В Вашингтоне, однако, дело застопорилось, и переговоры по вопросу о кредите начались лишь осенью 1944 г.

Другим полем приложения усилий У. А. Гарримана стало развитие военного сотрудничества, предложенного Соединенными Штатами в Тегеране, прежде всего по вопросу о размещении в СССР баз ВВС США для челночных бомбардировок в Восточной Европе и для последующей войны с Японией.

Однако даже этот период больших надежд не был свободен от взаимных претензий. К началу 1944 г. посольство и военная миссия США, отслеживая по мере сил практику использования советской стороной поставок по ленд-лизу, пришли к выводу, что СССР запрашивает больше,

чем может реально использовать для ведения войны, особенно по части промышленного оборудования. У. А. Гарриман обратился к Г. Л. Гопкинсу с просьбой предоставить посольству полномочия по проверке советских запросов и потребовать от СССР более подробной информации об использовании американских поставок. В Вашингтоне мнения разошлись, и часть политического истеблишмента высказалась против продолжения программы ленд-лиза. В дело вмешался Ф. Д. Рузвельт, который с подачи Г. Л. Гопкинса дал твердое указание госсекретарю: «Россия остается главным фактором в разгроме Германии. Поэтому мы должны продолжать помощь СССР путем доставки максимального объема поставок в ее порты. Это дело первостепенной важности» [5, с. 142].

Однако к концу войны ситуация стала стремительно меняться. В результате обсуждения в Конгрессе вопроса о продлении закона о ленд-лизе на новый срок до 30 июня 1946 г. в текст закона было внесено дополнение, «запрещающее использование полномочий, предоставленных президентом США, в целях послевоенной помощи и послевоенного восстановления странам — участникам ленд-лиза, за исключением выполнения тех контрактов с иностранными правительствами, которые заключены на основе закона, а их выполнение не является угрозой для обороны США». В результате ленд-лизевская помощь США СССР за 9 месяцев 1945 г. составила 1,7 млрд долларов, тогда как в этот же период 1944 г. она составляла 2,6 млрд долларов [6]. Постепенно к концу войны разногласия между СССР и западными союзниками обострялись, что приводило к частым столкновениям между У. А. Гарриманом и В. М. Молотовым и во многом способствовал росту негативных чувств У. А. Гарримана по отношению к советскому руководству. Он занимал пост посла в Советском Союзе до января 1946 г., а после был назначен послом США в Великобритании.

У. А. Гарриман сыграл ключевую роль в советско-американских отношениях в годы Великой Отечественной войны. Он являлся основным американским дипломатом в СССР в военные годы и стал близким советником президента Ф. Д. Рузвельта по вопросам помощи Советскому Союзу. У. А. Гарриман активно общался с советскими лидерами, в том числе с И. В. Сталиным, что помогало обеспечить поставки военной помощи и координацию союзнических усилий. Он сыграл важную роль в организации ленд-лиза, который помог советской армии во время Великой Отечественной войны. У. А. Гарриман также содействовал подготовке Тегеранской конференции, где лидеры США, СССР и Великобритании обсуждали общую стратегию ведения войны. Его работа по укреплению отношений между США и СССР была признана важным фактором победы союзников во Второй мировой войне. Таким образом, У. А. Гарриман

сыграл значительную роль в формировании и укреплении сотрудничества между США и СССР во время Великой Отечественной войны, что имело решающее значение для победы над нацистской Германией и ее союзниками в Европе.

Библиографические ссылки

1. *Кравченко И.* Аверелл Гарриман. Олигарх на дипломатической службе // Международная жизнь. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2638> (дата обращения: 17.08.2024).
2. И. В. Сталин Ф. Д. Рузвельту. 3 октября 1941 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.) / МИД СССР. М.: Госполитиздат, 1958. С. 11–12.
3. *Harriman W. A.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. Random House Inc, 1975. [Электронный ресурс]. URL: <https://dokumen.pub/special-envoy-to-churchill-and-stalin-1941-1946-0394482964-9780394482965.html> (дата обращения: 17.08.2024).
4. *Paterson T. G.* The Abortive American Loan to Russia and the Origins of the Cold War, 1943–1946 // The Journal of American History. 1969. Vol. 56. P. 70–92.
5. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2006. 752 с.
6. «Наркомвнешторг считает целесообразным организовать закупочную комиссию». История ленд-лиза в документах РГАЭ. Февраль 1942 – март 1945 г. Исторический архив. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgae.ru/publikacii/narkomvneshtorg-schitaet-tselesoobraznym-organizovat-zakupohnuyu-komissiyu-istoriya-lend#06> (дата обращения: 17.08.2024).

УДК 658.8(091)(476)"1941/1945"

ВКЛАД БЕЛОРУССКИХ СВЯЗИСТОВ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С. О. Сидорова

*Белорусский государственный университет физической культуры,
пр-т Победителей, 105, 220004, г. Минск, Беларусь, lana0415@mail.ru*

В данной статье рассмотрено положение связистов Бреста, Минска, Могилева, Орши и других городов Беларуси в первые дни Великой Отечественной войны. Дана оценка роли и значения технических и стратегических аспектов работы связистов, их участие в операциях по разгрому врага и организации коммуникаций между различными частями Красной Армии и партизанскими отрядами. Представлен анализ значимости вклада воинов-связистов в освобождение Беларуси от оккупантов и победу над фашизмом.

Ключевые слова: связисты; партизаны; аварийно-восстановительные бригады; связь.

THE CONTRIBUTION OF BELARUSIAN SIGNALMEN TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. O. Sidorova

*Belarusian State University of Physical Culture,
Pobeditelej Avenue, 105, 220004, Minsk, Republic of Belarus, lana0415@mail.ru*

This article examines the situation of signalmen in Brest, Minsk, Mogilev, Orsha and other cities of Belarus in the early days of the Great Patriotic War. An assessment of the role and importance of the technical and strategic aspects of the work of signalers, their participation in operations to defeat the enemy and organize communications between various parts of the Red Army and partisan detachments is given. The analysis of the significance of the contribution of soldiers-signalers to the liberation of Belarus from the invaders and the victory over fascism is presented.

Keywords: signalmen; partisans; emergency recovery teams; communications.

22 июня 1941 г. нацистская Германия без объявления войны напала на Беларусь. В четыре утра начался артиллерийский обстрел и авиационная бомбардировка Бреста, из строя вышли все телеграфные связи, кроме связи на Минск. Брестские телеграфистки не оставляли свои рабочие места даже в условиях постоянной бомбежки и окончательно покинули телеграф только после того, как уничтожили все документы, хранившиеся в сейфе, чтобы важная информация не досталась немцам.

Первыми тревожными сигналами для работников Минского телеграфа стали перерывы связи в западном направлении: сперва — с Берлином и Варшавой, затем — с Брестом, Гродно, Волковыском и другими городами. Узнав, что началась война, все руководители и инженерно-технический персонал учреждений связи Минска незамедлительно прибыли на свои

рабочие места. Под непрерывными бомбовыми ударами на Минской междугородной телефонной станции дежурили телефонистки и ответственные дежурные по связям.

В первую очередь, немцы бомбили наиболее важные объекты Минска: здание ЦК КП БССР, телеграф, междугородную и городскую автоматическую телефонные станции, электростанции и др. Деревянные постройки города вспыхивали один за другим, от жара дымились и загорались телеграфные столбы. Во многих местах были повреждены воздушные и кабельные линии связи. На их восстановление немедленно направлялись работники линейно-технического узла (ЛТУ), вошедшие в состав созданных 22 июня 1941 г. аварийно-восстановительных бригад. Они занимались восстановлением разрушенных фашистами линий связи и демонтажем оборудования для отправки на восток. Специалисты Минского аварийно-восстановительного отряда связи проявляли подлинную стойкость и творческую инициативу: работали от рассвета до темноты, сами находили недостающие материалы и детали, своими силами изготавливали запасные части и инструменты для восстановления линий электропередач [1, с. 17].

Тактика немцев была достаточно простой: вражеские самолеты на рассвете каждого дня сбрасывали на линии связи небольшие бомбы, таким образом, они практически не причиняли вред столбам, однако сильно повреждали провода. Военным и гражданским связистам, рискующим жизнями, удавалось восстановить два-три провода и пользоваться ими до следующего утра, пока немцы вновь не повредят линии.

Связистам-линейщикам под руководством начальника Минского линейно-технического узла связи Е. Н. Процкого приходилось работать под охраной взвода бойцов, так как из засад их обстреливали диверсанты, заброшенные в город немцами.

23 июня во время бомбежки Станкостроительного завода имени С. М. Кирова была разрушена воздушная линия связи Минск–Москва. Исправлять поврежденные снарядами линии связи приходилось работникам Минской городской телефонной сети. Немецкие солдаты пулеметным огнем не раз пытались сбить монтеров, работавших на опорах.

25 июня 1941 г. в квартале, где находился Минский телеграф, случился пожар. Работникам было предложено эвакуироваться вглубь территории страны через сборный пункт в Червене. Однако, телеграф прекратил работу только 26 июня 1941 г. после захвата Минска немецкими оккупантами.

Основная часть минских связистов под руководством начальника Минского областного управления связи А. Б. Когана направилась в сторону

линии Червень—Березино—Могилев, где был сформирован 20-й отдельный восстановительный отряд связи, выполнявший задания Западного фронта под руководством начальника связи Западного фронта генерала Н. Д. Псурцева, впоследствии — министра связи СССР. С группой связистов отправили наиболее ценное оборудование, однако, это была лишь малая часть всей техники столицы, так как для демонтажа остальной времени не хватило.

Могилев в июле 1941 г. находился в кольце вражеских войск, самолеты постоянно бомбили город. Один из снарядов попал в чердачное перекрытие коммутаторного зала Могилевской междугородной телефонной станции. Связистов, находящихся внутри здания сутками напролет, завалило обрушившимся потолком, однако, они смогли выбраться и вытащить из-под обломков своих наиболее пострадавших коллег. В коммутаторном зале взрывной волной выбило все окна и двери. Работники перенесли уцелевшую аппаратуру в другое помещение, окна которого заложили мешками с песком, установили оставшееся оборудование, и в Могилеве снова заработала связь.

По воспоминаниям современников, в Оршанской конторе связи, несмотря на самолеты врага, постоянно кружившие над городом, работа велась четко и организованно. По телеграфу и телефону шли распоряжения, связанные с мобилизацией, поддерживалась устойчивая связь с Минском и Смоленском. В это же время комплектовались аварийные бригады для восстановления линий связи в случае их разрушения вражеской авиацией. После того, как оборудование Оршанской конторы связи было демонтировано и вывезено, здание взорвали, чтобы оно не досталось противнику [2, с. 371].

Всех связистов, годных к военной службе, призвали в армию и зачислили в сформированную 423-ю отдельную телеграфно-строительную роту под командованием заместителя начальника Оршанской конторы связи Н. Маньковского. Стоит отметить, что рота в составе Западного, позднее — 3-го Белорусского фронта, прошла большой боевой путь и была награждена орденами Красной Звезды и Александра Невского.

В первые дни войны большинство связистов БССР пополнило ряды действующей армии и вместе с советским народом вело активную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, сражаясь в числе солдат Красной армии и партизанских отрядах. Так, в составе особых батальонов связисты занимались организацией связи в районах боевых действий между Ставкой Верховного Главнокомандования и штабами командующих фронтами, принимали участие в строительстве и восстановлении разрушенных линий связи, создании новых и модернизации ранее действующих вещательных станций.

Также в историю боевых действий партизан Беларуси вписано немало примеров, как связисты в чрезвычайно сложных условиях обеспечивали

надежное оперативное руководство действиями партизанских отрядов и соединений. Связисты были и в рядах подрывников, и среди разведчиков, и среди командного состава партизанских подразделений. Специалисты связи организовывали телефонные узлы, строили линии из трофейного полевого кабеля или сохранившихся воздушных линий связи. Кроме радиосредств для управления отрядами широко использовалась проводная телефонная связь.

Одним из примеров самоотверженной работы связистов стала партизанская бригада «Железняк», действовавшая на широком фронте (до 300 км). Белорусские связисты обеспечивали надежной связью эту и другие бригады, чем заслужили немало похвальных отзывов партизанского командования [3, с. 23].

Партизаны-связисты нередко из деталей трофейных радиостанций монтировали широкопередаточные приемники и с их помощью организовывали регулярный прием информации Совинформбюро. Зачастую радиотехнику собирали практически из ничего. Источниками питания для аппаратуры служили аккумуляторы, снятые с подбитых автомашин противника. Канифоль для пайки добывали из сосновой смолы, кислоту для аккумуляторов — из ампул огнетушителей, которые партизанам удавалось доставать из немецких складов. Агрегат с ножным приводом для подзарядки аккумуляторов монтировали из деталей велосипедов и динамо-машин от мотоциклов.

Связь партизан с «большой землей» посредством радиопередач имела огромное значение, поскольку стояла необходимость не только обеспечивать местное население информацией о положении на фронте и в тылу, но и разъяснять настоящее значение оккупационных мероприятий, проводимых фашистскими захватчиками, раскрывать истинный смысл коварных вражеских обещаний.

Связь с западными областями Беларуси в первые дни войны осуществлялась с помощью радиосредств Белорусского радиоцентра. В дальнейшем 180 портативных переносных коротковолновых радиостанций связывали партизанские отряды и бригады со штабом партизанского движения на неоккупированной советской территории. Радиосвязь помогала передавать в штабы Красной армии разведданные, направлять действия различных партизанских соединений, организовывать их боевое взаимодействие, выручала, если кто-то попадал в беду. С помощью радиосигналов советская авиация находила пункты расположения партизан и снабжала участников вооруженной борьбы оружием, боеприпасами, продовольствием. В то же время высокочастотная телефонная связь была основным средством связи высших органов государственного управления.

Стоит отметить, что во время Великой Отечественной войны радиовещание на белорусском языке велось редакцией Всесоюзного радиокомитета через радиостанции Москвы. Позывной у радиостанции был «Савецкая Беларусь», она регулярно передавала сводки Совинформбюро, рассказывала о героической борьбе белорусского народа с нацистскими оккупантами.

В 1943 г. Красная армия начала освобождать от немецко-фашистских захватчиков территорию Беларуси. 15 ноября 1943 г. на основании приказа № 594 народного комиссара связи СССР И. Т. Пересыпкина возобновило деятельность Минское областное управление связи (МОУС) с временным расположением в Москве. Штат управления составлял всего 11 человек. После освобождения Гомеля в ноябре 1943 г. МОУС переехало в областной центр и только 6 июля 1944 г., после освобождения Минска, вернулось в столицу БССР.

В первом освобожденном областном центре Беларуси — Гомеле — в 1943 г. сразу восстановили телефонную сеть на 30 номеров, в 1944 г. сеть станции расширили до 300 номеров, а в марте 1944 г. в город была доставлена и запущена в эксплуатацию 10-киловаттная радиостанция вагонного типа, смонтированная московскими связистами. В пригороде Гомеля, в Новобелице, в здании, занятом радиокомитетом одна из комнат была задрапирована материей и оборудована под студию для вещания. Соединительные линии часто повреждались во время бомбежек, так как фронт проходил всего в 60 км от Гомеля, однако, радиовещание продолжалось в городе вплоть до начала наступления Советской армии [4].

В период проведения операции по освобождению Беларуси связь имела важное стратегическое значение. С помощью большого количества радиостанций различного типа обеспечивалась связь командования фронтов, армий, корпусов, дивизий, полков и батальонов. Связь была настроена между пехотой, кавалерией, авиацией и другими подразделениями. Развертывание воинских сил от Витебска до Минска под командованием генерала армии И. Д. Черняховского, а от пинских болот до Бреста — под командованием маршала К. И. Рокоссовского обеспечивалось хорошо налаженной радиосвязью.

Радиотрансляциям на освобождаемых территориях уделялось особое внимание. По мере освобождения районов БССР налаживалась радиофикация. Изначально устанавливались временные радиоузлы, которые затем заменялись постоянными. Так, 26 июня 1943 г. через два часа после освобождения Витебска радиотрансляционный узел мощностью 50 Вт начал работать с четырьмя уличными динамиками и автономной энергобазой переменного тока.

3 июля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов при поддержке партизанских соединений освободили Минск, а вскоре

очистили от врага всю территорию БССР. Предстояла напряженная работа по восстановлению средств связи республики. После освобождения Минска передвижная вещательная станция из Гомеля переместилась в столицу и начала работать на территории парка Челюскинцев все в том же вагончике [4, л. 20].

Настало время перемен к лучшему: восстанавливались разрушенные здания и сооружения, социально важные учреждения, к которым относились и отделения связи. Перед сотрудниками отрасли стояла задача в кратчайшие сроки обеспечить связь во всех областных и районных центрах республики.

Более 300 связистов стали Героями Советского Союза, из них 9 уроженцев Беларуси: А. А. Белый, Я. И. Гончаров, С. Ш. Гуревич, И. Р. Карасев, П. В. Костючик, Т. С. Мариненко, М. К. Пилипенко, Е. К. Слемпковская, Е. М. Телешев. За героизм, проявленный в борьбе с оккупантами, 47 работников телеграфа были награждены орденами и медалями Советского Союза. Свой вклад в борьбу в тылу врага внесли связисты, в том числе студенты минского техникума связи: А. А. Белый, М. М. Носович, Л. М. Ромаева, Н. А. Соловьянчик, А. С. Павлович и другие.

В историческом параде Победы, который состоялся на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г., принимали участие воины-связисты, в числе которых были уроженцы Беларуси [5, с. 88–131].

Таким образом, во многом именно от четкой и очень ответственной работы связистов зависели быстрота и своевременность передачи важной информации с фронтов и из Ставки Верховного Главнокомандования. Без хорошо организованной телеграфной, телефонной, радиосвязи управление войсками было бы затруднено. Ценой собственной жизни, ценой колоссальных потерь, в самый разгар боя, при нескончаемом артиллерийском обстреле связисты шли и восстанавливали линии, чтобы обеспечить связь, чтобы не оставить белорусский народ один на один с немецкими оккупантами, навсегда вписав свои имена в историю Великой Победы.

Библиографические ссылки

1. Связисты Минщины : [70 лет со дня образования Мин. обл. упр. связи, 1938–2008] / Белтелеком. Минск: [б. и.], 2008.
2. Развитие связи в СССР, 1917–1967 / М. А. Власов [и др.] ; под общ. ред. Н. Д. Псурцева. М.: Связь, 1967.
3. Связь в Белоруссии: [исторический очерк] / Министерство связи Белорусской ССР, Белорусское республиканское правление НТОРиЭ им. А. С. Попова, Институт научно-технической информации и пропаганды при Госплане БССР. Минск: ИНТИП, 1967.
4. Доклад Уполномоченного наркомата связи СССР при СНК БССР о ходе восстановления средств связи в БССР по состоянию на 10.12.1944 // НАРБ. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 110.
5. *Пересыпкин И. Т.* Связисты в годы Великой Отечественной войны. М.: Связь, 1972.

УДК 94(470.3)"1944"

КУРЯНЕ — ГЕРОИ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

К. В. Яценко

*Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, г. Курск, Россия
kw.hist.russ@mail.ru*

Рассматривается участие курян в одной из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны — Белорусской (операции «Багратион»), десять из них за свои подвиги на белорусской и польской земле были удостоены звания Героя Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; операция «Багратион»; Белорусская наступательная операция; Герои Советского Союза; куряне.

KURSK RESIDENTS — HEROES OF THE OPERATION “BAGRATION”

K. V. Yatsenko

Kursk State University, Radisheva St., 33, Kursk, Russia, kw.hist.russ@mail.ru

The participation of Kursk residents in one of the largest strategic offensive operations of the Great Patriotic War — the Belarusian (operation Bagration) is considered; ten of them were awarded the title of Hero of the Soviet Union for their deeds of valour on Belarusian and Polish land.

Keywords: Great Patriotic War; operation Bagration; Belarusian offensive operation; Heroes of the Soviet Union; Kursk residents.

Стратегическая наступательная операция Красной Армии «Багратион» — одна из крупнейших в годы Великой Отечественной войны. Ее результатом стали разгром германской группы армий «Центр», освобождение от немецко-фашистской оккупации Советской Белоруссии и восточных районов Польши. История этой операции полна примеров героизма советских воинов. Героически себя проявили в боях за освобождение Белоруссии и куряне.

В боях на белорусской земле наши земляки участвовали с первых дней Великой Отечественной войны. Например, заместитель командира батальона по политической части 33-го инженерного полка Иван Солдатов в течение трех недель сражался в осажденной Брестской крепости. Будучи тяжело раненым, попал в плен. Из фашистского лагеря был освобожден Красной Армией весной 1945 г., успел принять участие в битве за Берлин. Был дважды награжден орденом Красной Звезды [1, с. 135].

Что касается операции «Багратион», то в первую очередь следует назвать командуемого войсками 1-го Белорусского фронта Константина

Константиновича Рокоссовского, сыгравшего одну из ключевых ролей в разработке и проведении Белорусской наступательной операции. Строго говоря, курянином он не был, но 1 июня 1967 г. ему было присвоено звание «Почётный гражданин города Курска», за выдающиеся заслуги при освобождении города Курска и Курской области от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [2].

Конечно, невозможно в рамках одной статьи представить даже малую часть подвигов, совершенных в 1944 г. в ходе боевых действий на территории Белоруссии и восточных районов Польши. Поэтому мы ограничимся персоналиями тех курян, которые за мужество, проявленное именно в ходе операции «Багратион», были удостоены звания Героя Советского Союза. Это были представители различных видов Вооруженных Сил — сухопутных, военно-воздушных.

Так, в районе населенного пункта Седлище отличился уроженец села Волфино Глушковского района Курской области майор Евгений Александрович Азаров. Командир эскадрильи 19-го истребительного авиационного полка воевал в составе 6-й воздушной армии. 21 июля 1944 г. летчик на истребителе Ла-5 тараном уничтожил вражеский самолет, сам приземлился с парашютом. К августу 1944 г. Е. А. Азаров совершил 339 боевых вылетов, провёл 101 воздушный бой, сбил 15 фашистских самолётов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 г. майору Азарову Евгению Александровичу было присвоено звание Героя Советского Союза [3, с. 12].

Артиллерист Василий Алексеевич Сидоренко родился в селе Касторное Касторенского района Курской области. Младший лейтенант В. А. Сидоренко, командир взвода противотанковых орудий 599-го стрелкового полка 145-й стрелковой дивизии, воевал в составе 43-й армии, отличился при освобождении Белоруссии. 10 июля 1944 г. в районе города Постава Витебской области его батальон оказался в окружении. В течение 9 часов взвод В. А. Сидоренко отразил 6 атак противника. Командир умело руководил орудийным огнём, заменил наводчика, а когда закончились снаряды, бойцы в рукопашной схватке вырвались из окружения. На поле боя остались трупы 120 гитлеровцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. младшему лейтенанту Сидоренко Василию Алексеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза [3, с. 108].

Гвардии старший лейтенант Борис Васильевич Овчинников, уроженец г. Льгова Курской области, командовал ротой 51-го отдельного моторизованного сапёрного батальона 2-го гвардейского танкового корпуса. В ночь на 1 июля 1944 г. сапёры захватили подготовленный противником к взрыву мост через реку Березина в районе деревни Черневка (Борисовский район). Немецкое охранение взорвать мост не успело, и он был удержан до подхода

главных сил корпуса. В ночь на 3 июля 1944 г. передовой отряд сапёров Б. В. Овчинникова, вновь двигаясь впереди главных сил, поджег несколько автомашин противника и закупорил движение по дороге, что способствовало освобождению Минска. Указом Президиума Верховного Совета от 24 марта 1945 г. гвардии старшему лейтенанту Борису Васильевичу Овчинникову было присвоено звание Героя Советского Союза [3, с. 88].

В боях за освобождение Витебской области, при форсировании Западной Двины 24 июня 1944 г. совершили свои подвиги воевавшие в составе 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии командир пулеметной роты 199-го гвардейского стрелкового полка гвардии лейтенант Николай Степанович Доровский и гвардии красноармеец Николай Филиппович Воротынцев, пулемётчик отдельного учебного батальона — оба уроженцы Горшеченского района Курской области. Пулеметная рота под командованием Н. С. Доровского, преодолев реку, захватила плацдарм и удержала его, несмотря на многочисленные контратаки противника. Когда кончились патроны, бойцы отбивались гранатами. Гвардии лейтенант Н. С. Доровский погиб 25 июня 1944 г., звание Героя получил посмертно.

Н. Ф. Воротынцев одним из первых форсировал Западную Двину у деревни Узречье, поддерживал огнем пулемета наступление своего подразделения, подавил несколько огневых точек противника. Герой Советского Союза Николай Филиппович Воротынцев 24 июня 1945 г. участвовал в Параде Победы в Москве [4, с. 71, 95].

Также в Витебской области совершил подвиг, за который был удостоен звания Героя, красноармеец Кузьма Иванович Новиков, родившийся в Курском районе Курской области. В ходе боя в районе деревни Заболотники Городокского района 23 июня 1944 г. он первым ворвался в немецкую траншею, уничтожил станковый пулемёт, офицера и 5 солдат [3, с. 86].

Михаил Кондратьевич Буянов, уроженец Хомутовского района Курской области, до призыва в Красную Армию успел повоевать в партизанском отряде имени Ворошилова на территории Курской, Орловской и Сумской областей. В составе действующей армии сержант М. К. Буянов продолжил сражаться с врагом командиром отделения 609-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии, 50-й армии. 28 июня 1944 г. первым в полку форсировал Днепр в районе города Могилёва, ворвался в траншею противника и уничтожил пулеметный расчет. Много гитлеровцев отделение М. К. Буянова уничтожило в ходе уличных боев в Могилеве. М. К. Буянов погиб в бою в июле 1944 г. и был похоронен в Могилёве. Звание Героя Советского Союза было присвоено Михаилу Кондратьевичу Буянову 24 марта 1945 г. посмертно, его именем назван переулок в Могилёве [3, с. 29].

Погиб на польской земле и был удостоен звания Героя посмертно Алексей Михайлович Максин, родившийся в селе Малые Крюки Обоянского

района Курской области. Старшина роты 1266-го стрелкового полка 385-й стрелковой дивизии 50-й армии, сержант А. М. Максин 27 июня 1944 г. в числе первых с подразделением форсировал реку Днепр в районе деревни Дашковка (Могилевская область), при этом лично уничтожил более 10 гитлеровцев. Свой последний бой он принял 26 августа 1944 г. при освобождении поселка Старе-Емелите (Подляское воеводство) [3, с. 76].

В бою за деревню Тетерин Могилевской области повел своих бойцов в штыковую атаку, а затем забросал противника гранатами командир взвода 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии (33-я армия) сержант Василий Андреевич Соловьёв. При ликвидации немецкой группировки, окруженной восточнее Минска, В. А. Соловьёв лично взял в плен 9 гитлеровцев, его взводом было уничтожено более ста солдат и офицеров. 24 марта 1945 г. старшине Василию Андреевичу Соловьёву, уроженцу Черемисиновского района Курской области, было присвоено звание Героя Советского Союза [3, с. 113].

Николай Максимович Дьяконов хотя и родился в Пензенской области, но по праву может считаться курянином, так как после войны долгие годы жил в Курской области. В январе 1943 г. был призван на службу в Красную Армию, с февраля того же года — на фронте. К лету 1944 г. красноармеец Н. М. Дьяконов был наводчиком ручного пулемёта 415-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии 70-й армии 1-го Белорусского фронта. Отличился во время проведения Люблин-Брестской операции — составной части стратегической наступательной операции «Багратион».

Подразделение Н. М. Дьяконова 28–29 июля 1944 г. пятнадцать раз подвергалось контратакам противника, пытавшегося прорваться из окружения в районе населённого пункта Березувка в 23 километрах к северо-востоку от Бялы-Подляски. Когда закончились патроны, Н. М. Дьяконов гранатами отбивал атаки гитлеровцев. Им было уничтожено более 200 солдат и офицеров противника, что способствовало задержке противника до подхода советских частей и недопущению выхода его из окружения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за проявленные мужество, отвагу и героизм красноармеец Николай Максимович Дьяконов был удостоен звания Героя Советского Союза [5].

В 1950 г. в звании майора Н. М. Дьяконов был уволен в запас, много лет работал председателем Киреевского сельского совета Суджанского района Курской области. Именем героя названа улица в Курске. Пулемет Н. М. Дьяконова является экспонатом Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации в Москве [6].

Приведенные примеры являются ярким свидетельством массового героизма представителей всех краев и регионов Советского Союза, их вклада в общую победу в Великой Отечественной войне.

Библиографические ссылки

1. *Гришков И. Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1999.
2. Рокоссовский Константин Константинович [Электронный ресурс] // Администрация города Курска. Официальный сайт. URL: https://kurskadmin.gosuslugi.ru/gorod-kursk/pochetnye-grazhdane/pochetnye-grazhdane_2.html?ysclid=lwncdtnwpb858747447 (дата обращения: 27.05.2024).
3. Золотые звезды курян. Курск: ООО «Планета+», 2019.
4. Звезды славы боевой. Курск: Изд-во «Курскинформпечать», 1995.
5. Центральный архив Московской области. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 14.
6. Рабочее действие [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-43304331_3258?ysclid=lwp98oba79219118455 (дата обращения: 27.05.2024).

**ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОДПОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.
ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94(47).084.8

**МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

О. Н. Аргунов

*Государственный архив Курской области, ул. Ленина, 57, 305000, г. Курск,
Российская Федерация, argunovleg-poet@mail.ru*

Трагедия мирного населения оккупированных гитлеровскими захватчиками территорий Советского Союза лишь сравнительно недавно вошла в проблемное поле российской исторической науки. В настоящее время события тех лет еще проходят стадию рефлексии в обществе, отчего объективное их изучение все еще затруднено. Между тем, анализ архивных документов показывает реальные условия, с которыми столкнулись наши предки в период военного лихолетья. В настоящей работе дается краткий обзор ключевых событий, происходивших на оккупированных территориях Курской области в 1941–1943 гг., и рассматривается, как они повлияли на выживание мирного населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Курская область; оккупация; немецко-фашистские захватчики; выживание.

**CIVILIENT POPULATION UNDER THE GERMAN-FASCIST
OCCUPATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
THE PROBLEM OF SURVIVAL
(BASED ON MATERIALS OF THE KURSK REGION)**

O. N. Argunov

*State Archives of the Kursk Region, st. Lenina, 57, 305000, Kursk, Russian Federation,
argunovleg-poet@mail.ru*

The tragedy of the civilian population of the territories of the Soviet Union occupied by the Nazi invaders only relatively recently entered the problem field of Russian historical science. Currently, the events of those years are still going through the stage of reflection in society, which is why their objective study is still difficult. Meanwhile, the analysis of

archival documents shows the real conditions that our ancestors faced during the hard times of war. This paper provides a brief overview of the key events that took place in the occupied territories of the Kursk region in 1941–1943, and how they affected the survival of the civilian population.

Keywords: Great Patriotic War; Kursk region; an occupation; Nazi invaders; survival.

До начала 2020-х гг. в России трагедия оккупированных территорий была фактически за рамками научно-исследовательских интересов историков. Исторические проблемы, связанные с осуществлением оккупационного режима нацистской Германии и ее союзников на территории Советского Союза, в течение длительного времени находились в тени изучения боевых действий. Изначально, нам видится, это было обусловлено идеологическими соображениями и недоступностью источниковой базы (архивные фонды, которые сохранили документацию этого периода времени фактически до начала 1990-х гг. находились на секретном хранении или имели ограниченный доступ) [1]. В более поздние годы отсутствие интереса можно объяснить сложностью исторических источников данного периода: они зачастую малоинформативны, но достаточно тяжелы для восприятия с точки зрения описываемых в них событий.

Определенный импульс в деле изучения обозначенной проблемы дала реализация проекта «Без срока давности», в ходе которого в период с 2019 г. по настоящее время историками и архивистами была проделана колоссальная работа по введению в научный оборот документов и материалов, связанных с реализацией и результатами оккупационной политики гитлеровцев и их союзников в годы Великой Отечественной войны. Уже в 2020 г. увидели свет 22 тома издания «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны». Один из них включал в себя документы Курской области [2]. Кроме того, на сайте Федерального архивного агентства в начале 2021 г. начал работать информационный портал Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [3], в котором публикуются архивные документы, раскрывающие подробности оккупационной политики нацистов.

Введение в научный оборот благодаря федеральному проекту «Без срока давности» внушительного корпуса исторических источников позволило актуализировать изучение жизни мирных граждан на оккупированных территориях, а также дало историкам возможность начать детально изучать данную проблематику, в первую очередь, на региональных материалах.

Отметим, что Курская область в годы Великой Отечественной войны так и не была полностью оккупирована: 18 сельсоветов трех северо-восточных районов региона — Большеполянського, Воловского и Тербунского, которые в настоящее время входят в Липецкую область, — так и не были оккупированы гитлеровцами. Однако остальные территории области были в оккупации от 8-и до 23-х месяцев (с первых чисел октября 1941 г. по 2 сентября 1943 г.), а некоторые районы подвергались оккупации дважды [4, с. 834–844]. Все это определенным образом сказалось на действиях оккупантов по отношению к мирным жителям.

На нетерпимость немцев и их пособников к членам ВКП(б) и комсомола, советским активистам и «пособникам партизан» также накладывалось то, что мирные жители фактически воспринимались ими как военные цели, за убийства и издевательства над которыми не следовало наказания. Поэтому в абсолютном большинстве оккупанты вели себя по отношению к советским гражданам любой национальности, оставшимся на оккупированных территориях, предельно жестоко. И данный тезис подкрепляют сотни документов, отложившихся в ведомственных, государственных и федеральных архивах России. Приведем примеры.

Так, уже в первые дни оккупации немцы начали массово издеваться над людьми и с особой жестокостью убивать. Согласно разведсводке УНКВД по Курской области от 19 декабря 1941 г. при отступлении из Тимского района фашисты увели с собой 200 женщин, детей и стариков, используя их в качестве живого щита. Во время сожжения села Гвоздева, предположительно Касторенского района, ими были выброшены из люлек на улицу три грудных ребенка. В Советском районе оккупанты производили массовые казни: например, расстреляли колхозника В. С. Шевелева, жителя деревни Николаевки, только за то, что он прятался от немцев. Кроме того, фашисты массово сжигали дома мирных жителей: в Мансуровском сельсовете ими уничтожены до 200 дворов, в Емельяновском — более 300, в Переволоченском — более 200, в Нижнегуровском — более 250. Полностью уничтоженными оказались деревни Шатиловка и Седелевка. Отчасти, такие массовые злодеяния стали возможны благодаря активной помощи фашистам со стороны предателей отца и сына Сапрыкиных, выдавшие немцам более 20-и человек советских, партийных и комсомольских активистов, которые были арестованы и убиты [5, л. 41–42].

Вслед за немцами в регион пришел и голод. Спецсводка № 1 Политуправления войск НКВД СССР «О зверствах и издевательствах немецких захватчиков над пленными и населением от 29 декабря 1941 г. свидетельствует: «Население города Белгорода голодает, магазины закрыты, на базаре торговли нет, хлеба в продаже нет. Немцы грабят население, забирают

продукты, обувь, одежду, ценности. Ввиду недостатка горючего, отбирают у местных жителей керосин. <...> На Базарной площади установлено три виселицы, на которых публично вешают жителей города, особенно евреев. 24.11.41 г. были повешены три человека — зубной врач и работники пошивочной мастерской» [6, л. 18–22].

В то же время многие куряне были арестованы и отправлены в тюремные застенки. Е. С. Ветрова, свидетельница бесчеловечных преступлений в городе Белгороде зимой 1942 г., так описывала увиденные ею события: «С приходом немецко-фашистских войск в Белгород мне, как члену ВКП(б), пришлось сидеть в гестаповском застенке... Вот что мне довелось там увидеть и пережить. Нас в камере находилось больше 100 человек женщин. Ужасная теснота, сесть невозможно, приходилось все время стоять, воздух наполнен каким-то смрадом. В соседней камере, где находилось больше 400 человек евреев — мужчин и женщин с грудными детьми, было еще темнее. Их не выпускали из камеры даже по естественным надобностям. Питание наше состояло из воды, заправленной незначительным количеством муки. От голода и антисанитарных условий многие заключенные, особенно дети, болели, медицинской помощи им не оказывалось. Многие заключенные обессилили от голода, и очень часто можно было слышать крики и стоны „дайте хоть кусочек хлеба“. В этом же помещении, в подвале томилось большое количество заключенных мужчин, условия их были невыносимые» [7, л. 199].

Подобное отношение к советским гражданам оккупантами было вполне типичным, так как белгородские материалы полностью коррелируются с данными по другим районам и населенным пунктам. К примеру, актом обследования останков зверски замученных мирных граждан г. Рыльска и Рыльского района Курской области от 22–24 октября 1943 г. зафиксировано следующее: «...ямы находятся за стеной тюрьмы на расстоянии в 10–20 метров от последней. Всего ям пять, размеры ям: 15×15 метров — 2 штуки, 12×4 метра — 3 штуки и подвал размером 15×6×3 метра, заваленный трупами. Находящиеся в ямах трупы были едва присыпаны землей, и, как обнаружено при изъятии останков из ям, между трупами находились прослойки земли, что свидетельствует о том, что зверски замученных и расстрелянных бросали в ямы не одновременно, а разновременно, что послужило быстрому разложению трупов. Между трупами, брошенными беспорядочно в ямы, обнаружены полуразложившиеся трупы домашних животных (лошади, собаки). Большинство трупов, находившихся в верхних рядах, оказались без одежды и обуви, а некоторые совершенно голые. Опознать трупы невозможно, так как при прикосновении к ним последние разваливались. В нижних же рядах разобрать отдельно

трупы оказалось совершенно невозможно, так как последние кроме разложения находились в переплетенном положении, и последние извлечены частями. <...> Глубина ям оказалась до трех метров, что в общем составляет 1152 кубических метра. По объему ям комиссией установлено, что немецкими оккупантами зверски замучено, расстреляно и брошено вместе с трупами животных в ямы более 2000 человек мирных граждан, в числе которых находились старики, женщины, дети и военнопленные» [8, л. 54–55]. И подобных примеров по области многие тысячи, только большинство из них менее масштабные.

Необходимо отметить, что террор по отношению к мирному населению со стороны немцев и их пособников был совершенно обыденным явлением в Курской области в период ее оккупации. Масштабы его поражают. По нашим подсчетам, осуществленным совместно с кандидатом исторических наук С. А. Никифоровым, за период с октября 1941 по сентябрь 1943 г. немецкими захватчиками и их пособниками были уничтожены не менее 45-и тысяч человек. И это только те случаи убийств, которые удалось подтвердить документально, основываясь на изучении архивных документов, хранящихся в Государственном архиве Курской области. Однако, как нам кажется, эти данные отражают лишь часть трагедии, действительные же масштабы немецкой политики зверств по отношению к мирному населению были значительно больше.

Подводя итогу, мы вынуждены констатировать, что именно мирное население в годы Великой Отечественной войны пострадало больше всего. Десятки тысяч человек были убиты, тысячи человек умерли от голода, сотни тысяч остались без крова и средств к существованию, что красноречивее всего говорит об истинном лице европейской экспансии на востоке, которую некоторые историки-ревизионисты и примкнувшие к ним общественные деятели пытаются преподнести как благо для восточнославянских народов. Однако, представленные выше подлинные документальные свидетельства говорят ровно об обратном...

Библиографические ссылки

1. *Аргунов О. Н.* Видовая характеристика источников по истории злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Курской области в период оккупации (1941–1943 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований в контексте 80-летия начала Великой Отечественной войны [Текст]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 июня 2021 г.) / ответственный редактор К. В. Яценко; Курский государственный университет. Курск: Издательство КГУ, 2022. С. 9–16.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной

войны. Курская область: Сборник документов / отв. ред. В. В. Раков; отв. сост. О. Н. Аргунов; авт. науч. ст. С. А. Никифоров; авт. археогр. предисл. О. Н. Аргунов, Л. С. Ласочко. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 488 с.

3. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // URL: <https://victims.rusarchives.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

4. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Часть III. Сборник документов / Курск: ОАО «ИПП «Курск», 2008. 880 с.

5. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 6.

6. Российский государственный военный архив. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 278.

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 104.

8. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 280.

УДК 94(476.5)"1943/1945"

**БОРЬБА ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ ВИТЕБЩИНЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Е. ЛОБАНКА)**

А. Б. Богданович¹⁾, Ю. В. Каркин²⁾, А. С. Щур³⁾

*^{1), 2), 3)} Университет гражданской защиты, ул. Машиностроителей, 25, 220118,
г. Минск, Беларусь, gumanitar@ucp.by*

Тема Великой Отечественной войны актуальна и сегодня несмотря на то, что со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков прошло вот уже 80 лет. И в настоящее время продолжается написание летописи о подвигах и мужестве героев, внесших огромный вклад в Великую Победу.

Ключевые слова: война; партизаны; подпольщики.

**FIGHT OF PARTISANS AND UNDERGROUND WORKERS
OF THE VITEBSK REGION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON THE EXAMPLE OF V. E. LOBANKA'S ACTIVITIES)**

A. B. Bogdanovich¹⁾, Y. V. Karkin²⁾, A. S. Shchur³⁾

*^{1), 2), 3)} University of Civil Protection, Mashinostroiteley str., 25, 220118, Minsk, Belarus,
gumanitar@ucp.by*

The theme of the Great Patriotic War is still relevant today, despite the fact that 80 years have passed since the liberation of Belarus from the Nazi invaders. And currently, the writing of a chronicle about the exploits and courage of the heroes who made a huge contribution to the Great Victory continues.

Keywords: war; partisans; underground fighters.

Среди тех, кто вписал в славную летопись сражений незабываемые страницы мужества, героизма, стойкости, отваги, самоотверженности и самопожертвования, мы можем назвать и Героя Советского Союза Владимира Елисеевича Лобанка [2, с. 3].

Владимир Елисеевич Лобанок родился 3 июля 1907 г. в крестьянской семье в деревне Остров Пуховичского района Минской области. Он был сыном малоземельного белорусского крестьянина, его детство не было легким [5, с. 7]. Тем не менее, по воспоминаниям В. Е. Лобанок был человеком с тихим голосом и застенчивой улыбкой [21, с. 4].

После окончания Марьиногорского сельскохозяйственного техникума, а затем Белорусской сельхозакадемии в 1931 г., В. Е. Лобанок работал в системе наркомата земледелия БССР, а с 1933 г. он уже был агрономом-экономистом

уполномоченного Наркомата совхозов СССР по Беларуси. Затем в 1934 г. он был назначен директором Белицкого, а в 1940 г. и Смольнянского сельскохозяйственных техникумов Витебской области.

В мае 1941 г. В. Е. Лобанок был избран первым секретарем Лепельского райкома КП(б)Б [21, с. 7]. Здесь на Витебщине и застала его Великая Отечественная война.

Владимир Евсеевич вспоминал, что утром 22 июня 1941 г. его разбудил телефонный звонок и секретарь Витебского обкома партии сообщил, что началась война. Было принято решение оперативно провести заседание районного партийного собрания [18, с. 281].

Была организована мобилизация. Очень важна была грамотная разъяснительная работа среди населения. Жители небольшого города в 12 часов слышали В. М. Молотова и узнали о начале войны.

Летом 1941 г. тяжёлые бои велись на всей территории Беларуси. С первых дней войны немцы бомбили Лепель. 2 июля немецкая авиация разбомбила военкомат с военнообязанными, собранными для отправки на фронт. Город защищали группы войск в составе местного гарнизона, курсантов Лепельского артиллерийско-минометного училища, созданного в июне 1940 г., ряд других подразделений [17]. Красная армия упорно сопротивлялась, но силы были не равны и 3 июля Лепель был захвачен. А 6 июля бойцами Красной армии был нанесен сильнейший контрудар по фашистам, состоялось одно из крупных сражений [20]. Контрудар наносился из района Богушевска в направлении на Сенно и Лепель по 3-й танковой группе немецко-фашистских войск силами 20-й армии Западного фронта. 7 июля — освобожден Лепель.

С обеих сторон задействовано до 3 тысяч танков бронетранспортеров, но у наших войск не было поддержки с воздуха. Отсутствовали снабжение топливом и боеприпасами. Большую часть Советской группировки составляли устаревшие танки БТ-7; Т-26. В результате кровопролитных боев части Красной армии отступили к Орше. С 10 июля начался устанавливаться фашистский режим зверств, геноцида и изуверский издевательств над населением Лепельщины и военнопленными. Лепель имел важное стратегическое значение, т. к. был размещен на магистралях, которые связывали его с Минском, Витебском, Полоцком, Оршой, Борисовом. В Лепеле, Баровке размещались тылы 3 танковой армии войск немецко-фашистских захватчиков. Оккупация района длилась почти 3 года [18, с. 205].

Вся Витебская область была оккупирована к 15 июля 1941 г. [14, л. 117].

Еще до завершения захвата территории Беларуси партийные органы провели большую работу по разворачиванию партизанского движения. В первые дни войны формировались отряды народного ополчения, истребительные

отряды, батальоны для охраны предприятий, мостов, и борьбы с вражеским диверсантами. Райкомы партии и их руководство развернули среди населения работу, направленную на создание партизанских отрядов [15, с. 288].

В июле 1941 г. В. Е. Лобанок по заданию руководства был оставлен на временно оккупированной территории, а затем вышел за линию фронта, в Гомель, где прошел краткосрочные курсы при ЦК КП(б)Б. В августе он вернулся в район, где все годы оккупации возглавлял подпольный райком партии, опираясь на ближайших соратников К. А. Яско, П. Т. Прудникова, П. В. Хатько, Ф. Ф. Садовской, Ф. М. Юревич, А. С. Милого, Анатолия Адамовича Марунько и др. [15, с. 223].

Партизанские формирования были организованы в соединения, бригады, полки, отряды, группы. Предпосылками к разворачиванию партизанского и подпольного движения стали: директивы СНК СССР и ЦК ВКПБ(б) от 29 июня 1941 г. — «О мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом», ЦК КП(б)Б от 30 июня 1941 г. — «О подготовке к переходу на подпольную работу», от 1 июля 1941 г. «О развертывании партизанской войны в тылу врага» [19]. Партизанское движение и антифашистское подполье разворачивались в исключительно сложных условиях фашистской оккупации [1, с. 38].

Документ «Совершенно секретная директива верховного командования германскими вооружёнными силами от 16 декабря 1942 г.» № 1a 1388/42 «О борьбе с бандами» (партизанами — А. Б.) гласила: «Войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения даже против женщин и детей, если это только способствует успеху. Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и их сообщников... Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за своё поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечён к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке» [16].

Партизанские годы, безусловно, составляли важнейший период жизни В. Е. Лобанка [7–8]. В августе 1941 г. он возглавил Лепельский подпольный райком; одновременно с марта 1942 г. был командиром партизанского отряда № 681; с августа 1942 г. стал комиссаром Чашникской партизанской бригады «Дубова» (командир бригады, Герой Советского Союза, генерал-майор Ф. Ф. Дубровский) [15, с. 288], а в июле 1943 г. — командиром Лепельской партизанской бригады [9, с. 271].

Немецкие войска, вторгшиеся на территорию Беларуси, действовали в соответствии с расовой доктриной нацизма, не предполагавшей жалости к «унтерменшам». Так, немецкий солдат Эмиль Гольц в своём дневнике

писал: «В одной деревне мы схватили первых попавшихся жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады» [6, с. 29].

В районе Лепеля фашистами был создан лагерь для военнопленных. Их удерживали в чистом поле, обтянутом колючей проволокой, в районе нынешних построек автовокзала, сельхозтехники, госпиталя, а также в деревнях Камень, Губино, Боровка. Большой концлагерь был размещен около железнодорожной станции в траншеях, часть которых была залита водой. Также в Лепеле был создан концлагерь для гражданского населения. Численность гражданских пленников возросла после карательной экспедиции «Котбус» и карательной операции против партизан «Праздник весны» на 1 тыс. человек [6].

Одной из составляющих частей фашистского оккупационного режима было проведение геноцида в отношении еврейского населения. В конце июля 1941 г. в Лепеле было создано гетто. Сразу после захвата Лепеля фашисты собрали всех евреев и переселили в гетто, которое находилось в районе улиц Вокзальной, Ленинской и Канальной. В него были заключены тысячи советских военнопленных. Условия там были невыносимыми: полная антисанитария, нехватка воды и пищи [16].

28 февраля 1942 г. квартал концентрационного лагеря гетто в г. Лепель оцепил наряд гитлеровцев и полицаев. В сильный мороз евреев выгоняли раздетыми из домов, грузили на автомашины и везли в д. Черноручье к приготовленным ямам, куда сваливали трупы расстрелянных стариков, женщин, детей. Убито более 2 тысяч человек [6].

В городском саду «Динамо», между улицами Советской и К. Маркса к заранее подготовленным ямам подвозили евреев из концентрационного лагеря гетто, затем избивали, заставляли раздеться и группами по 15–20 человек расстреливали. Замучено и загублено около 1 тысячи человек разных возрастов обоего пола. В г. Лепель на еврейском кладбище в 1942 г. гитлеровцы и полицаи провели массовые расстрелы евреев — стариков, женщин, детей и мужчин из концентрационного лагеря гетто. В 0,5 км севернее от д. Камень, слева от дороги в урочище Борки, похоронено 1500 евреев, которых 16–17 сентября 1941 г. гитлеровцы замучили и расстреляли.

С целью прямого физического истребления значительной части населения Беларуси гитлеровские оккупанты проводили карательные экспедиции. Так, 10 июня 1942 г. фашисты расстреляли всех жителей деревни д. Кистелёво. 28 октября 1942 г. за недовыполнение поставок зерна жителями деревни Кветча были расстреляны 40 человек, а деревня сожжена.

Карательная операция деревни Слободка, Пунище и Кривицы. За годы войны на Лепельщине были расстреляны свыше 4700 человек из них 550 детей и 903 человека вывезены в Германию на каторжные работы, сожжены 47 деревень [6, 13, л. 45].

Когда осенью 1943 г. началось освобождение северо-восточных областей Беларуси частями Красной армии силы и средства партизанских отрядов были сосредоточены на ударах по тыловым коммуникациям 3-й немецкой танковой армии. Для руководства и координации боевых действий партизан в декабре 1943 г. была создана оперативная группа ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Полоцко-Лепельской партизанской зоне и ее возглавил В. Е. Лобанок. Группа базировалась в г. п. Ушачи и поддерживала связь с 1-м Прибалтийским фронтом и партизанским соединением других зон. Она координировала деятельность 16 партизанских бригад, в том числе во время Полоцко-Лепельской битвы, которая началась 11 апреля 1944 г. и продолжалась до 5 мая [3].

Полоцко-Лепельская битва — бои партизанских бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны против немецко-фашистских захватчиков. К концу 1943 г. площадь Лепельской партизанской зоны, созданной осенью 1942 г. в результате боевой работы белорусских партизан на территории Ушачского, части Лепецкого, Полоцкого и Глубокского районов, составила 3,2 тыс. км. Она включала 1220 населенных пунктов и более 73 тыс. человек населения. В зоне была восстановлена советская власть издавались районные и многотиражные газеты, действовали партизанские аэродромы, работали заводы и предприятия, три электростанции [20, с. 353].

В конце декабря 1943 г., когда фронт приблизился к северной границе зоны, гитлеровцы решили оттеснить партизан от дороги Витебск-Лепель-Парафьяново, которая связывала 3-ю немецкую танковую армию с тылом. Не добившись успеха, захватчики до февраля 1944 г. организовали карательные операции. Им противостояли 16 партизанских бригад (17,5 тыс. человек, 21 орудие, 143 миномета, 151 противотанковое ружье, 721 пулемет и другое вооружение), объединенных под руководством оперативной группы ЦК КП(б)Б и БШПД (руководитель В. Е. Лобанок), находившейся в г. п. Ушачи [11].

6 апреля 1944 г. Лобанком был подписан приказ опергруппы с требованием «Повысить боевую готовность и организованность. Взыскивать и наказывать трусов и паникёров. На примерах героических подвигов бойцов-партизан воспитывать в личном составе мужество и бесстрашие к врагу» [12, л. 22].

5 мая партизанские бригады 1-я Антифашистская, 16-я Смоленская, им. Ворошилова, им. ВЛКСМ и др. прорвали вражеское окружение в направлении д. Паперино–Плино и вывели из блокады 15 тысяч мирных жителей.

В ходе боев (декабрь 1943–5 мая 1944 гг.) партизаны нанесли фашистам большой урон в живой силе и техники, прорвали блокаду и рассредоточились по партизанским зонам Витебской и Минской областей.

За успешно проведенную операцию по прорыву блокады в ночь с 4 по 5 мая 1944 г. и вывод из окружения 15 тысяч мирных жителей В. Е. Лобанок был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Как считает доктор исторических наук, профессор Э. Г. Иоффе: «Военным орденом Суворова награждались маршалы и генералы — командующие фронтами и армиями, представители высшего военного командования и Генштаба. Всего за годы войны только орденом Суворова 1-й степени награждено свыше 390 человек. Мало кому известно, что среди них был и прославленный партизанский командир — Герой Советского Союза Владимир Елисеевич Лобанок. В истории партизанского движения на белорусской земле это единственный случай награждения партизанского командира этим высоким полководческим орденом» [4].

За особенные заслуги в развитии партизанского движения полковнику Владимиру Лобанку еще в сентябре 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Данная награда была вручена за умелое командование партизанской бригадой в тылу немецко-фашистских войск, проявленный при этом мужество и героизм.

В. Е. Лобанок был награжден также тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и многими медалями.

На территории области в разное время действовало 39 партизанских бригад, объединявших 325 отрядов. В связи с освобождением Красной армией территории Витебской области партизанские отряды численностью около 30 тысяч человек соединялись с нашими войсками для дальнейшего освобождения нашей Родины и поработанных нацистами государств [20, с. 288].

После освобождения Беларуси Владимир Лобанок с июня 1944 г. работал на ответственных государственных и партийных должностях.

Умер Владимир Елисеевич Лобанок в 1984 г. До последнего дня он был в строю, служил родной Беларуси, которую так горячо любил. Именем Владимира Лобанка названы улицы в Лепеле и Минске. На одном

из памятников в мемориальном комплексе «Прорыв» высечена надпись «Мужество народа победило. Смерть стала бессмертием» [10]. Это в полной мере относится и к Герою Советского Союза — Владимиру Елисеевичу Лобанку.

Библиографические ссылки

1. Брюханов А. И. В штабе партизанского движения. Минск: Беларусь, 1980. 256 с.
2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) / Под ред. А. А. Ковалени; пер. с бел. яз. А. В. Скорохода. Минск: Изд. центр БГУ, 2004. 279 с.
3. Гигин В. Ф. Порыв [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comparty.by/vgigin-proguv> (дата обращения: 15.05.2024).
4. Иоффе И. Г. Кавалер ордена Суворова [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.mgatk.by/material-o-lobanke> (дата обращения 15.05.2024).
5. Кавалёу П. Н. Герой Савецкага Саюза Уладзімір Лабанок. Мн.: Дзярж. Выд-ва БССР, 1945 40 с.
6. Лепель 1941. Великая Отечественная война [Электронный ресурс]. URL: <http://mistikatv.ru/istoriya-lepelya/lepel1941.-velikaya-otechestvennaya-voyna.html> (дата обращения: 15.05.2024).
7. Лобанок В. Е. В боях за родину. Минск: Беларусь, 1964. 411 с.
8. Лобанок В. Е. Партизаны принимают бой. Минск: Беларусь, 1976. 272 с.
9. Навечно в сердце народном / Гл. ред. П. У. Бровка. Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1975. 475 с.
10. Народный музей истории Учреждения образования «Марьиногорский государственный ордена «Знак Почёта аграрно-технический колледж имени В. Е. Лобанка» [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.mgatk.by/material-o-lobanke> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1403. Оп. 1. Ед. хр. 40.
12. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Ед. хр. 41.
13. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Ед. хр. 47.
14. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 1. Ед. хр. 5.
15. НАРБ. Ф. 3893. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1. С. 288.
16. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 т. / Под ред. К. П. Горшенина. М.: Юридическая литература, 1987–1999.
17. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга. Мінск: Бел. Эн., 2005. 592 с.
18. Памяць: Лепельскі раён: Гіст.-дак. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск: Бел. Эн., 1999. 640 с.
19. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944 / Минск: Беларусь, 1965. 464 с.
20. Регионы Беларуси: энциклопедия. В 7 томах. Том 2. Витебская область. Книга 2. Кривоблоцкий — Яцкевич / Под ред. Т. В. Беловой. Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2011. 636 с.
21. Тараткевич М. В. Такой и должна быть легенда: О партизанах и подпольщиках. М: Политиздат, 1985. 159.

УДК 94(476)"1941/1944"(093)

**СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1944 гг.:
ПЛАНЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ**

К. И. Козак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, kuzma.kozak@icloud.com*

Стратегия германской оккупационной политики на территории Беларуси планировалась еще до нападения на Советский Союз. Сожженные деревни, лагеря смерти, места принудительного содержания и массового уничтожения стали характерными проявлениями политик геноцида. Его жертвами стал каждый третий житель Беларуси.

Ключевые слова: Геноцид; Холокост; оккупация; карательная акция; лагерь; вермахт; Беларусь, Минск; историческая память.

**STRATEGY OF GERMAN OCCUPATION POLICY ON THE
TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC
WAR OF 1941–1944: PLANS AND IMPLEMENTATION**

K. I. Kozak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kuzma.kozak@icloud.com*

The strategy of German occupation policy on the territory of Belarus was planned even before the attack on the Soviet Union. Burnt villages, death camps, places of forced detention and mass extermination became characteristic manifestations of genocidal policies. Every third resident of Belarus became its victims.

Keywords: Genocide; Holocaust; an occupation; punitive action; camp; Wehrmacht; Belarus, Minsk; historical memory.

Историография. В годы Великой Отечественной войны германский оккупационный режим на территории Беларуси воплощал в себе наиболее жесткие формы антигуманного массового насилия. Не менее трех миллионов человек стали жертвами геноцида белорусского народа. Тем не менее историками данная проблема активно стала исследоваться лишь со второй половины XX в. [1; 2; 3; 4; 5; 6], а более системно в 1990-е гг. [7; 8, с. 52; 9; 10; 11; 12]. В ряду главных тем — трагедия военнопленных Красной Армии. На организационно правовые основы для их массового убийства обратили внимание немецкие историки. Хартмунд Ленхард в работе «Жизненное пространство на Востоке. Немцы в Белоруссии 1941–1944»

уточнил, что непосредственными создателями «жизненного пространства» на Востоке были не столько местные органы управления, сколько представители немецкой администрации [13; 14; 15; 16]. Пока же авторские работы белорусских исследователей остаются немногочисленными [17; 18; 19]. Тем не менее, с 2022 г. наиболее активно в исследовательском направлении геноцида белорусского народа работает Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Она привлекла историков к разработке малоисследованных источников, в частности из российских архивов, инициировала ряд важных законодательных и нормативных положений. В их ряду Закон о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [20; 21; 22; 23].

Основы войны на уничтожение. Следует отметить, что еще до нападения Германии на Советский Союз были разработаны основы оккупационной политики: директива № 21 (операция «Барбаросса») о подготовке к войне против Советского Союза (18.12.1940); специальная «Инструкция об особых областях» к Директиве № 21 (план «Барбаросса»), отдельные положения, расширяющие нормативно-правовую деятельность для немецкого солдата в документах «*О военной подсудности в районе „Барбаросса“ и об отдельных полномочиях войск*» (13.03.1941). Важным стало заявление Гитлера, что война против Советского Союза будет резко отличаться от войны на Западе, это будет «борьба между расами», «борьба идеологий», «борьба на уничтожение» (30.03.1941). В соответствии с данным принципом были разработаны уточняющие приказы об установлении военного оккупационного режима (03.04.1941), о деятельности особых команд — «зондеркоманд» и специальных групп полиции безопасности и СД (28.04.1941) оперативных «Айнзацгрупп» рейхсфюрера СС для массового уничтожения противника национал-социализма (13.05.1941), «*12 заповедей поведения немцев на востоке и их обхождения с русскими*» (01.06.1941), «*Об обращении с политическими комиссарами*» (06.06.1941). С учетом принятого, что «в борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя!<...> Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью...», нормативно-правовой порядок организации лагерей советских военнопленных на Востоке был дополнен приказом «О службе содержания военнопленных по плану „Барбаросса“» (16.06.1941). Он предусматривал создание лагерей, в которых предстояло размещать военнопленных до максимального предела их вместимости [24, с. 102; 25; 26; 27; 28, с. 34–39; 29, с. 150–152; 30, с. 217; 31, с. 55–58].

В совокупности, специфические цели нацистской войны против СССР были определены: уничтожение государственности Советского Союза;

захват новых территорий для их последующей колонизации и эксплуатации в соответствии с концепцией расширения «жизненного пространства» германской нации. Для реализации этих целей на стадии подготовки нападения на Советский Союз политическим, экономическим и военным руководством нацистской Германии были разработаны и доведены до исполнителей специальные директивные документы, санкционировавшие: физическое уничтожение «враждебных» групп, рассматриваемых в качестве защитников советского строя (к таковым в первую очередь причислялись сотрудники государственного аппарата, партийные активисты и состоявшие на государственной службе евреи); применение германскими войсками безнаказанного избыточного насилия в отношении советских военнопленных и мирного населения (как славян, так и, прежде всего, евреев); организацию массовой смертности от голода военнопленных и мирного населения (как евреев, так и, прежде всего, славян) [32, с. 424; 33, с. 48].

Структура оккупационного режима. Для управления оккупированными территориями на совещании в ставке Гитлера 16 июля 1941 г. была утверждена структура военно-полицейской и гражданской оккупационной власти, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей. В соответствии с данным оккупированная территория была разделена на 5 административных частей. Самая большая вошла в состав тыла группа армий «Центр». Ее 10 контрольных округов соответствовали Витебской, Могилевской, частично Гомельской и Минской областям. Генеральный округ Вайсрутиен составил одну треть территории Беларуси. Остатки вошли в состав генерального округа Литва и административной области Белосток. Таким образом в зоне гражданского управления было введено военное административно-территориальное управление Берюк, Корюк с тыловыми районами и военными структурами. В составе оперативных «Айнзацгрупп» рейхсфюрера СС для особых практик массового убийства сформировано 6 подразделений. Всю систему оккупационного режима будут обеспечивать не менее 43 дивизий, 117 полков (пехотные, добровольческие, кавалерийские, егерские, СС); 114 батальонов (1941), 380 (1942), всего около 500 батальонов, в том числе восточные полицейские батальоны (37 латышских, 26 литовских, 18 украинских, 16 белорусских, 3 эстонских). Дивизионы составили 19 единиц. Для усиления к ним придавались части полиции безопасности и СД, СС. Германии удалось привлечь для усиления оккупационного режима Италию, Венгрию, Словакию, Румынию, Финляндию, а также формирования из Франции, Дании и других стран. Для оперативного управления были созданы около 200 главных, полевых, окружные, районных местных и

другого типа военных комендатур, не менее 2,5 тыс. полицейских гарнизонов и опорных пунктов. Военно-полицейский аппарат включал от 160 тыс. в 1941–1942 гг. до 350–500 тыс. в 1943–1944 гг. [34; 35; 29, с. 153–154].

Места принудительного содержания. Первыми местами массового принудительного содержания стали лагеря для военнопленных. С июня 1941 г. действовало 12 армейских сборных пунктов, 23 дулага, 18 шталагов, 2 офлага, 3 пересыльные и еще 121 лагерь неустановленной квалификации. Всего противников германского режима, по определению Генеральной прокуратуры, было организовано 588 мест принудительного содержания, из которых 560 лагерей смерти. Для массового уничтожения евреев до октября 1943 г. ликвидировано 360 гетто (91 гетто, 1941; 153 — 1942, 116 — 1943). На территории Беларуси также оперативно был осуществлен нацистский декрет об эвтаназии — умерщвлении душевно- и неизлечимо больных. В Минске над больными психиатрической больницы «Новинки» нацисты учинили в сентябре–ноябре 1941 г., тяжелобольными 2-й клинической больницы в ноябре–декабре 1941 г. Также не менее 75 тюрем обеспечивало порядок для различных категорий гражданского населения [29, с. 156–163; 36].

Регуляторами соотношения военных и гражданских структур в местах их дислокации и проживания, партизанских зонах, прифронтовых областях, а также особых категорий как военнопленные, евреи, партизаны и участники саботажа стали 187 карательных акций, проводимые силами вермахта, СС, полиции безопасности и СД с участием местных вспомогательных полицейских формирований. Так, начальник оперативного штаба полиции безопасности и СД в Минске штандартенфюрер СС Пифрадер в директиве начальникам разведывательных команд от 18 ноября 1942 г. требовал, чтобы сжигание деревень обязательно сопровождалось уничтожением всех жителей: «опыт учит, что коллективные расстрелы, сжигание деревень без полной ликвидации или выселения их жителей приводят только к отрицательным результатам». Также активно использовались для этого союзные Германии военные подразделения Венгрии, Словакии, Дании, Франции, Румынии. Так, при выполнении оперативных задач и обеспечения безопасности тыла группы армий «Центр», силами вермахта совместно с венгерской армией и частями, подчиненными высшему фюреру полиции и СС «Россия–Центр» и командующему вермахтом в Беларуси, было проведено 16 карательных операций. Каждая из них охватывала территорию одного или нескольких районов Брестской и Пинской областей (2 акции в феврале, 5 в марте, 3 в апреле, 5 в мае, одна в июне 1944). Наиболее масштабные из них «Хортобадь» (5–8.05), «Мишкольц» (9–12.05) и «Брюлл» (18–20.05), где имели место сожжение деревень вместе с их жителями [19, с. 74; 37, с. 16, 320–321; 38; 34; 39, с. 107].

В качестве одного из эффективных регуляторов количества населения служил голод с помощью реквизиции у населения продуктов питания, сельскохозяйственной продукции. Этому способствовали созданные с 1941 г. хозяйственные подразделения в составе вермахта. Только в тыловой части территории Беларуси действовали 3 армейских хозяйственных штаба с 2 хозкомандами, 21 продовольственное управление с 180 различными сельскохозяйственными производствами (03.1944). В области гражданского управления — армейский хозяйственный штаб с оперативной командой, 5 военно-хозяйственных команд и оперативных групп. Проводимые ими спецоперации, как и созданные для этого «оборонные деревни» — для «плана голода» или «политики голода» вызывали голод, болезни, массовые эпидемии несущие смерть и разруху. Им удалось перед наступающими частями Красной армии оставлять только мертвые зоны. Примером такой деятельности является с истощенным и зараженным инфекционными болезнями населением прифронтовой лагерь Озаричи [40, с. 98; 30, с. 174, 180; 29, с. 313–314].

Еще один способ уничтожения — депортация гражданского населения на принудительные работы в Германию (около 400 тыс.), а часть, подверженных советскому влиянию, в лагеря смерти Аушвиц (Освенцим), Майданек, Собибор или концентрационные лагеря Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и другие. Суть инструкций заключалась в том, что расово неполноценных русских нельзя содержать в тех же условиях, что англичан или французов. Соответственно, нормы питания должны быть меньше, а нормы выработки — больше [33, с. 27, 29–30, 36–37, 39].

В итоговой деятельности зафиксированы трагические последствия геноцида. Из 12 348 полностью или частично сожженных населенных пунктов, не менее 288 из которых разделили участь Хатыни. Такими же символами стали сожженные деревни Беловежской пуши (07–08.1941, Брестская обл.), Борки — 2027 жертв (15.06.1942, Могилевская обл.), Хатынь — 149 жертв (22.03.1943, Минская обл.). Ола — убито и сожжено 1758 мирных жителей, из них 200 сельчан преклонного возраста, 100 мужчин, 508 женщин, 950 детей (14.01.1944, Гомельская обл.). Минск, как один из самых крупных городов Беларуси и ее столица, только в лагерях за 1941–1944 гг. имел потери в составе 826 тыс.: Дрозды (10 тыс.), на Широкой (20 тыс.), шталаг 352 (80 тыс.), гетто (зондергетто) — около 100 тыс., Тростенец (Шашковка, Благовщина, Малый Тростенец) — 546 тыс. Всего же в Беларуси каждый третий стал жертвой геноцида: около 1060 тыс. гражданского населения, 810 тыс. военнопленных, 715 тыс. евреев, 173 тыс. из 400 тыс. депортированных для принудительного труда,

251 тыс. солдат Красной Армии, 25 тыс. партизан, а также около 55 тыс. привлеченных в систему коллаборации [29, с. 164–166, 175–189; 30, с. 219, 224; 35].

Борьба за память. Историческая память трагедии Беларуси в годы Великой Отечественной войны призвана предотвращать искажение нацистской политики геноцида. Для этого предприняты меры по углубленному изучению и введению новых данных, прежде всего из российских архивов. Что касается зарубежных представлений с отрицанием фактов геноцида, наличия на территории Беларуси лагерей смерти, концентрационных лагерей, уменьшения показателей потерь в два и более раза, то при сопоставлении, например, 546 тыс. в лагере Тростенец в зарубежной историографии отмечены только 50–60 тыс., 20 тыс. в лагере Озаричи — только 6 тыс., а трагедии Холокоста из более 700 тыс. — от 230–350 тыс. Таким же образом принятая европейским странами политика декоммунизации и десоветизации несет подмену понятий о нацизме, вымыванию трагического прошлого, разрушения многочисленных памятников и мест захоронений солдат Красной Армии [41].

Библиографические ссылки

1. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941–1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. М.: Политиздат, 1965. 388 с.
2. Манаенков А. Л. Грубое нарушение законов и обычаев войны в обращении с военнопленными // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1965. С. 330–339.
3. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы / Сост. полк. В. И. Дашичев. Под ред. ген.-майора Н. Г. Павленко. М.: Наука, 1967. 762 с.
4. Романовский В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944): Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Минск, 1974. 46 с.
5. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 / [редкол.: В. Е. Лобанок (отв. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 1984. 271 с.
6. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Заставенко Г. Ф. [и др.]; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. 3-е изд. М.: Экономика, 1985. 328 с.
7. Савоняко М. Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Белор. госуд. ун-т. Минск, 1993. 31 с.
8. Павлов Я. С. Система фашистских концлагерей для советских военнопленных в Белоруссии // Трагедия войны. Фронт и плен: 50-летию окончания Второй мировой войны: научная конференция, 4–8 июня 1995 г.: сборник материалов. Минск, 1995. 114 с.
9. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / Пад агул. рэд. У. М. Міхнюка. Мінск: БелНДЦДААс, 1995. 416 с.

10. Месцы прымусовага ўтрымання грамадскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Даведнік. Мінск: БелНДІДАС, 1996. 75 с.
11. Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Минск: Натаско, 1998. 80 с.
12. Озаричи — лагерь смерти: документы и материалы / сост. Н. А. Яцкевич. Минск: НАРБ, 1997. 132 с.
13. *Kogon E.* Der SS-Staat. Das System des deutschen Konzentrationslager. München, 1946. 339 s.
14. *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. Перевод с немецкого И. Дьяконова. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. 480 с.
15. *Ленхард Х.* «Жизненное пространство на Востоке». Немцы в Белоруссии 1941–1944 // Неман. 1993 № 5. С. 119–160.
16. *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtsschafts- und Vernichtungs- politik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. 1232 s.
17. *Козак К. И.* Некоторые аспекты германской правовой концепции ведения войны на Востоке // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. У 2 ч. Ч. I. Мінск: БДПУ, 1999. С. 147–149.
18. *Литвин А.* Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941–июнь 1944 г.): общие черты и особенности практического осуществления // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: материалы международной научной конференции, Москва, 26–28 апреля 2010 года. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 67–86.
19. *Литвин А. М.* Геноцид: истребление белорусского народа в годы нацистской оккупации (июнь 1941–июнь 1944) // Беларуская думка. № 4. 2022. С. 68–77.
20. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2022. 175 с.
21. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1. Минск: Беларусь, 2023. 312 с.
22. Архивы. Ничего, кроме правды. Минск: Белта, 2023. 250 с.
23. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. [Витебская, Гродненская, Могилевская, Гомельская область]. Минск: НАРБ, 2020–2022.
24. *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen : die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt am Main, 1993. 395 s.
25. Федеральный военный архив Германии. 17/44.
26. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 941. Л. 12.
27. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 943. Л. 44–45.
28. Преступные цели — преступные средства: Док. об оккупац. политике фашист. Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г. Ф. Заставенко; под ред. Е. А. Болтина, Г. А. Белова. 3-е изд. М.: Экономика, 1985. 328 с.
29. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.

30. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 3. Минск: Беларусь, 1985. 531 с.
31. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1987. 302 с.
32. Hitler's Table Talks. 1941–1944. NEW YORK, 1953. P. 424. 476 s.
33. Дюков А. Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал Российских и восточноевропейских исторических исследований № 2 (25) 2021. 68 с.
34. НАРБ. Ф. 1401. Оп. 1. ЕХ. 257. Л. 40–40 об.
35. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 745. Л. 104.
36. Докунова Е. Н. Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Минск, 2012. 24 с.
37. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов. Минск : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. 484 с.
38. Пособники Холокоста: преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг.: [перевод с английского] / Мартин Дин. Санкт-Петербург : Академический проект, ДНК, 2008. 267 с.
39. Хатынские Деревья жизни: документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Минск : Минск: НАРБ, 2015. 430 с.
40. Факторович А. А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии / А. А. Факторович. Минск: Наука, 1979. 152 с.
41. Закон Республики Беларусь о геноциде белорусского народа от 5 января 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: etalonline.by (дата обращения: 10.06.2024).

УДК 94(476)"1941/1942"

208-й ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА: ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1941–1942)

А. М. Лукашевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, lukashevand@mail.ru*

В статье раскрывается процесс формирования и боевой деятельности 208-го партизанского отряда имени И. В. Сталина под командованием полковника В. И. Ничипоровича, который впоследствии вырос в Кличевское партизанское соединение. Отмечается роль Минского антифашистского подполья в формировании и снабжении отряда в конце 1941 – начале 1942 г. Анализируется боевая деятельность отряда в Минской и Могилевской областях в течение 1942 г., прослеживается судьба командования отряда (В. И. Ничипоровича, В. М. Айрапетова).

Ключевые слова: 208-й партизанский отряд; Минское антифашистское подполье; В. И. Ничипорович; В. М. Айрапетов; Минская область; Могилевская область.

208th GUERRILLA DETACH NAMED AFTER J. V. STALIN: FORMATION AND COMBAT ACTIVITIES (1941–1942)

A. M. Lukashevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
lukashevand@mail.ru*

The article reveals the process of formation and combat activity of the 208th partisan detachment named after I. V. Stalin under the command of Colonel V. I. Nichiporovich, who later grew into the Klichev partisan unit. The role of the Minsk anti-fascist underground in the formation and supply of the detachment at the end of 1941 – beginning of 1942 is noted. The combat activities of the detachment in the Minsk and Mogilev regions during 1942 are analyzed, the fate of the command of the detachment (V. I. Nichiporovich, V. M. Airapetov) is traced.

Keywords: 208th partisan detachment; Minsk anti-fascist underground; V. I. Nichiporovich; V. M. Airapetov; Minsk Region; Mogilev region.

Роль Минского подполья в организации партизанского движения. Становление партизанского движения в Минской области во многом было связано с деятельностью Минского антифашистского подполья. Это и обусловило сложность изучения данного вопроса. Дело в том, что долгие годы Минский подпольный горком КП(б)Б и Военный совет партизанского движения (далее — Военный совет) считались «подставным центром, созданным гестапо».

Патриотическое подполье в Минске возникло стихийно в первые месяцы оккупации. К концу 1941 г., по неполным данным, в городе и окрестностях действовало более 50 организаций и групп. В конце ноября 1941 г.

их удалось объединить и создать руководящий орган — Минский подпольный горком КП(б)Б. Во главе партийной организации стоял бывший секретарь Заславского райкома КП(б)Б по кадрам (1940–1941) Иван Кириллович Ковалёв, направленный в Минск по заданию ЦК КП(б)Б [1, с. 500].

В сентябре 1941 г. минские подпольщики, преимущественно офицеры-окруженцы Красной армии, по собственной инициативе создали Военный совет партизанского движения [2, с. 14–15]. Это был первый координирующий центр партизанского движения на оккупированной территории Беларуси, когда еще не существовали ни Центральный (далее — ЦШПД), ни Белорусский штабы партизанского движения (созданы 30 мая и 9 сентября 1942 г.). Долгое время о деятельности Военного совета было не принято говорить, а его роль в Минском подполье замалчивалась [3, с. 128–130].

Причин для этого было две. Как справедливо отмечал В. Н. Надтачаев, для секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко и наркома внутренних дел БССР Л. П. Цанавы, отвечавших за организацию антифашистского сопротивления на оккупированной территории республики, «самопровозглашенные организаторы Военного совета партизанского движения априори были конкурентами» [4, № 8, с. 89]. Негативные последствия имели и обвинения руководителей Военного совета в предательстве (они основаны на немецких сообщениях, воспоминаниях отдельных подпольщиков и показаниях свидетелей, в т. ч. бывших сотрудников полиции и агентов) [4, № 8, с. 89]. Поэтому подробнее остановимся на деятельности этого подпольного органа.

По мнению В. С. Давыдовой, видную роль в создании Военного совета сыграли воины 13-й армии, которые сражались на подступах к Минску и в самом городе. Многие из них, в т. ч. раненые, попали в окружение и нашли убежище у жителей Минска. В дальнейшем они приняли участие в подпольной борьбе. Впрочем, среди перечисленных В. С. Давыдовой военнослужащих (батальонный комиссар Б. Г. Бывалый, политрук В. М. Бочаров, младший лейтенант И. К. Кабушкин, старший лейтенант А. Макаренко, полковник В. И. Ничипорович, майор И. З. Рябышев, бригадный комиссар Н. И. Толкачев) [5], были и те, кто служил в частях и соединениях 10-й армии (например, В. И. Ничипорович).

Военный совет возглавлялся тройкой, в которую входили бывший инженер-интендант 2-го ранга И. И. Рогов (председатель), капитан П. И. Антохин (заместитель) и капитан И. Н. Белов (начальник штаба). Штаб Военного совета делился на 10 отделов (по аналогии со штабом дивизии): хозяйственный, финансовый, политический и пропагандистский, приказов, информационный, санитарный, кадров, разведки, оперативный, связи [4, № 8, с. 89–90]. Всего в состав Военного совета входило до 300 человек [3, с. 128].

Одним из важных направлений в деятельности Военного совета являлось создание партизанских отрядов (за это отвечал лично И. И. Рогов). Непосредственно в Минске, по различным данным, действовало от трех до девяти партизанских групп (с частью из них не было связи) [4, № 8, с. 91].

Поскольку в Минске не могло оставаться большое количество окруженцев, многих из них подпольщики вывезли за пределы города. Именно они и стали формировать первые партизанские отряды. К концу 1941 г. в окрестностях Минска действовало 20 небольших отрядов, которые находились на связи с Военным советом [5].

Полковник В. И. Ничипорович и отряд Н. П. Покровского. В истории 208-го партизанского отряда важная роль принадлежала бывшему командиру 208-й моторизованной дивизии полковнику Владимиру Ивановичу Ничипоровичу (Ничипурович, Нечипорович) (1900–1945) [6].

В начале войны 208-я дивизия, находившаяся в стадии формирования (штаб в Гайновке), входила в состав 13-го механизированного корпуса 10-й армии Западного фронта. В полдень 22 июня 1941 г. в составе корпуса она вступила в сражение, обороняя линию Брянск–Бельск–Орля–Гайновка–Беловеж [6]. До 25 июня 208-я дивизия, удерживая оборону, дважды попадала в окружение. Затем она прикрывала отход 10-й армии на рубеж Наревка–Свислочь–Волковыск. В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. бойцы дивизии В. И. Ничипоровича отошли к р. Зельва. Здесь они снова попали в окружение. Совершив прорыв, в ночь на 2 июля остатки 208-й дивизии отступили в направлении на Слоним [6].

С оставшимися в живых 60 военнослужащими В. И. Ничипорович 16 июля вышел к Фаниполю, где вступил в бой с ротой противника и потерял еще 11 человек. Не имея возможности пробиться за линию фронта, он, по собственным словам, в сентябре 1941 г. «с небольшой группой командиров пробрался в Узденские леса и перешел к активным партизанским действиям» [6].

О том, чем занимался В. И. Ничипорович во второй половине июля–сентябре 1941 г., в официальных документах он избегал рассказывать. По данным историка В. С. Давыдовой, уже в конце июля 1941 г. полковник находился в Минске (взял псевдоним «Владимир Будилович»). Здесь он установил связь с подпольщиками и военнослужащими. По заданию В. И. Ничипоровича в одном из барачных для гражданского населения подпольщик П. Ф. Казимиров установил радиоприемник и начал принимать передачи московского радио. За сводками приходил сам В. И. Ничипорович, или его товарищи. Размножались сводки уже силами подпольной группы [5].

О том, как происходило формирование и объединение различных подпольных групп сообщал политработник Б. Г. Бывалый. Его раненого

приютили две женщины-минчанки. Они же помогли с получением временного удостоверения из Минской городской управы. С этим документом Б. Г. Бывалый мог сравнительно беспрепятственно ходить по городу. «Я постепенно знакомился с целым рядом коммунистов и командиров, которые находились в таком-же положении как и я, — сообщал в объяснительной записке осенью 1942 г. в ЦШПД политработник. — Мною была организована боевая группа командиров, которая занималась мелкими диверсионными и террористическими актами. Позже я познакомился с полковником т. Нечипоровичем В. И. (у которого также была группа комсостава) и мы решили искать партизанский отряд и выходить в лес» [7].

Когда пребывание в Минске стало небезопасным, В. И. Ничипорович с группой единомышленников покинул город. По некоторым данным, в нее входили бывший комиссар 383-го гаубичного артиллерийского полка 86-й стрелковой дивизии Иванов Иван Григорьевич (ставший политруком роты 208-го партизанского отряда, а затем его комиссаром) и бывший помощник командира полка по строевой части капитан Кудинов Терентий Федорович (впоследствии командир роты 208-го партизанского отряда) [8]. Не исключено, что все трое скрывались у Е. Т. Кудиновой — жены Т. Ф. Кудинова, которая проживала по ул. Интернациональной, д. 31, кв. 3.

В конце декабря 1941 г. эта группа военнослужащих во главе с В. И. Ничипоровичем прибыла в партизанский отряд «Беларусь» под командованием секретаря Руденского райкома КП(б)Б Н. П. Покровского (действовал в Пуховичском районе Минской области) [6].

В сборнике 1961 г., посвященном Минскому подполью говорилось, что во второй половине декабря 1941 г. «из Минска на автомашине радиозавода в партизанские отряды А. Д. Сергеева и Н. П. Покровского были вывезены 19 патриотов», в основном, офицеры-окруженцы [2, с. 49]. По предположению В. Н. Надтачаева, в организации вывоза команды В. И. Ничипоровича в лес, вероятно, принимал участие Военный совет [4, № 8, с. 92].

Об этом же в докладной записке в ЦК КП(б)Б осенью 1942 г. сообщал и Н. П. Покровский: «В декабре 1941 г. из дер. Вороничи нач. штаба отряда лейтенантом Денисевич в лагерь отряда был приведен полковник Ничипорович. Из его рассказа он скрывался в Минске до середины ноября у двух женщин и вынужден был, якобы, бежать от ареста в Руднянский район, дер. Вороничи, где и работал на поденных работах и последнее время не то сторожем, не то конюхом. <...> Ничипорович стал просить меня принять в отряд, хотя бы его лично. Я дал согласие на прием его и группы командного состава, которым угрожал со слов Ничипоровича арест. 24.XII-41 г. Ничипорович, батальонный комиссар Иванов, капитан Кудинов, лейтенант

Никитин были вывезены из Минска вместе с группой тов. тов. из еврейского гета. <...> С прибытием Ничипоровича 24.XII я предложил ему быть начальником штаба отряда, на что Ничипорович согласился» [6].

О том, что группа В. И. Ничипоровича дважды безуспешно пыталась влиться в отряд Н. П. Покровского, сообщал в объяснительной записке и Б. Г. Бывалый. «С помощью одной моей новой знакомой, коммунистки т. Голубовской Надежды, я и полковник Ничипорович В. И. выехали в д. Вороничи Руденского р-на, — уточнял политработник. — В этом районе действовал отряд т. Покровского. В конце ноября мы связались с отрядом и после двух неудачных попыток влились в декабре м-це 1941 г. в отряд» [7].

Через некоторое время партизаны приняли решение об объединении (путем слияния) отрядов Н. П. Покровского и офицера госбезопасности А. Д. Сергеева в отряд под командованием В. И. Ничипоровича [7]. «Двойственное руководство мешало подчас проводить более эффективные меры в тылу противника и поэтому я начал уговаривать Сергеева объединить отряды в один, — сообщал Н. П. Покровский осенью 1942 г. в ЦК КП(б)Б. — На что он согласился. Учитывая долголетнюю службу в РККА Ничипоровича, мы с Сергеевым решили в интересах дела предложить командование объединенным отрядом Ничипоровичу. Он, конечно, с радостью согласился» [6].

208-й партизанский отряд. Новый отряд первоначально получил наименование — отряд В. И. Ничипоровича (политрук — Н. П. Покровский, начальник штаба — К. А. Артюшин, заместитель командира — А. Д. Сергеев) [9]. 12 февраля 1942 г. этому отряду В. И. Ничипорович присвоил 208-й номер, в честь 208-й дивизии, которой он командовал, а еще через месяц, 11 марта 1942 г. — имя И. В. Сталина. В итоге, в историю он вошел как 208-й партизанский отряд имени И. В. Сталина. 18 февраля 1942 г. в него также влился отряд Д. И. Самсонова [9].

В феврале 1942 г. по решению Военного совета Минск покинул полковник-пограничник В. М. Айрапетов. Он получил направление в 208-й партизанский отряд, и с 12 февраля являлся в нем начальником штаба (сменил на должности К. А. Артюшина) [10, с. 447].

Полковник Айрапетов (Айропетов, Айэропетов) Ваагн (Вааг, Ваак) Мартиросович (Мартырасович) (1901–1964) [10, с. 447; 11] встретил Великую Отечественную войну в должности начальника 1-го (оперативного) отдела штаба Управления пограничных войск НКВД БССР. В первые дни войны он, вместе с другими офицерами управления отступал из Белостока в направлении на восток. По некоторым данным, в боях В. М. Айрапетов получил ранение и попал в окружение в районе Волковыска. Долгое время о его судьбе ничего не было известно. Поэтому в документах пограничных войск НКВД СССР за 1941 г. он проходил как пропавший без вести.

В действительности, не сумев пробиться к линии фронта, в середине июля 1941 г. В. М. Айрапетов оказался в оккупированном Минске. Скрывался у местных жителей, вероятно, поправлялся после ранения. Затем установил связь с первыми подпольщиками, и под именем «Георгия Арутюновича Акопяна», вступил в его ряды [10, с. 447; 12, с. 127]. Впрочем, по данным, указанным в учетной карточке, членом подпольной организации г. Минска В. М. Айрапетов являлся с февраля 1942 г. [13, карт. 3049].

«В январе и феврале в отряд прибыли майор Горностаев, бат. комиссар Бывалый, политрук Бочаров, в конце февраля полковник Айэропетов и другие все люди служившие в других частях... — сообщал Н. П. Покровский осенью 1942 г. в ЦК КП(б)Б. — Они были связаны между собой тем, что скрывались с Минске у жен командного состава, которые их кормили и между собой перезнакомили» [6].

В целом, становление 208-го отряда проходило в сложных условиях: наблюдалась нехватка всего самого необходимого. Значительную помощь отряду оказывал Военный совет, который до марта 1942 г. имел с ним тесную связь. Минские подпольщики неоднократно направляли В. И. Ничипоровичу пополнение (рабочих и военнослужащих), оружие, боеприпасы, снаряжение, медикаменты и пропагандистский материал.

Как отмечалось в сборнике 1961 г., «20 января [1942 г.] городской партийный комитет передал отряду значительное количество медикаментов, перевязочных материалов, мыла, рукавиц. Вскоре отряд получил от подпольщиков и котлы для варки пищи» [2, с. 49]. Кроме того, в первой половине февраля 1942 г. «на явочной квартире ВСПД (Военного совета партизанского движения. — Авт.) по Надеждинской улице, 14-а, представителю партизанского отряда № 208 И. З. Рябышеву были переданы: ящик ручных гранат марки Ф-1, пишущая машинка „Ундервуд“, копировка, несколько стоп бумаги, теплые вещи (шерстяные носки, перчатки, большое количество ватников), листовки, отпечатанные в типографии» [2, с. 49–50]. При этом связным между Военным советом и партизанским отрядом выступал И. К. Кабушкин.

В начале 1942 г. партизаны 208-го отряда очистили от противника территорию в радиусе 100 км от своего лагеря. В ответ на это, нацисты провели карательную операцию. Они попытались блокировать и уничтожить партизан, однако это не удалось. «В одном только январе месяце, — говорилось в докладной записке В. И. Ничипоровича Военному совету Западного фронта от 2 июля 1942 г., — мы уничтожили 3 карательных отряда немцев в Рудинском и Уздинском районах численностью до 400 человек, пустили под откос 5 поездов, сожгли на станции Рудинск 120 тонн бензина, 350 пудов зерна, разгроми в м. Рудинск продовольственный склад

и тут надо сказать, нам партизанам подвезло — захватили у немцев папирос на 98 тысяч, около миллиона пачек, курили их 4 месяца (здесь и далее сохранена орфография оригинала. — Авт.)» [6].

5–7 марта 1942 г. каратели повторно попытались блокировать 208-й партизанский отряд (около 400 человек), на этот раз в Клинокском лесу Червенского района. «Немцы нас окружили со всех сторон двумя полками, привлекли 2 артбатареи, минометную батарею и 5 самолетов, — сообщал В. И. Ничипорович Военному совету Западного фронта 2 июля 1942 г., — казалось, что живого места от партизан не должно быть, однако немцы в этом бою потеряли свыше 300 человек. Одних только офицеров — 28, а потери партизан 7 человек» [6]. Хотя бойцы 208-го отряда прорвали кольцо окружения, они были вынуждены перебазироваться из Минской в Могилевскую область.

К этому времени на руководящие должности в отряде В. И. Ничипорович назначил кадровых офицеров-окруженцев, что вызвало ропот среди бойцов отряда Н. П. Покровского. «С начала прихода Ничипоровича во главе рот и взводов были поставлены им люди с ним пришедшие, на что партизаны глухо роптали, — сообщал в ЦК КП(б)Б осенью 1942 г. секретарь подпольного райкома. — Я не придавал этому значения, думал что это делается в интересах дела и что если подразделениями будут командовать опытные командиры, больше пользы» [6].

Впоследствии В. И. Ничипорович перестроил отряд по образцу Красной армии: отделение, взвод, рота. В отряде имелся штаб с четырьмя отделениями (оперативное, разведывательное, 4-е и 3-е «особистское»), три стрелковые роты, батарея и отдельные взводы — минометный, связи, разведки, хозяйственный, санчасть и пекарня [6].

Впрочем, в 208-м партизанском отряде не было единства. Между В. И. Ничипоровичем и бывшим командиром отряда Н. П. Покровским (впоследствии Героем Советского Союза) возникли не только разногласия, но и вражда (она породила обширную переписку с ЦШПД). Поэтому уже к осени 1942 г. из 208-го отряда выделилась часть партизан под командованием Н. П. Покровского. Новый отряд получил название «Беларусь» (в марте 1943 г. он был реорганизован в одноименную бригаду) [6; 14].

Боевая деятельность отряда в Могилевской области. В начале апреля 1942 г. 208-й партизанский отряд под натиском карателей был вынужден перебазировался в Кличевские леса (Кличевский район Могилевской области). Полковник В. И. Ничипорович установил связь с командованием действовавших в этом районе отрядов.

По его инициативе 3 апреля 1942 г. состоялось совещание командно-политического состава партизанских отрядов. Для улучшения координации, боевого взаимодействия и усиления активности в действиях

всех отрядов было решено объединить партизанские силы. В итоге, В. И. Ничипорович, как старший воинский начальник, подчинил своему руководству пять партизанских отрядов (Кличевский, В. И. Ливенцева, В. М. Сырцова, В. П. Свистунова, Г. М. Колбнева) [1, с. 506].

«В свое оперативное руководство подчинил себе все партизанские отряды и дал им номера также своей дивизии для удобства управлением по этому принципу, — сообщал 2 июля 1942 г. В. И. Ничипорович Военному совету Западного фронта. — Все партизанские отряды носят номера» [6]. Так, к концу лета 1942 г. было создано крупнейшее на Могилевщине Кличевское партизанское соединение.

Когда партизаны В. И. Ничипоровича смогли установить связь с «Большой землей», в июле 1942 г. деятельность Кличевского соединения санкционировал Военный совет Западного фронта и возложил руководство им на командование 208-го партизанского отряда. Соответственно, В. М. Айрапетов параллельно стал начальником штаба Кличевского соединения [10, с. 447]. 2 сентября 1942 г. по распоряжению ЦШПД руководство соединением было возложено на Клический оперативный центр. В то время в его подчинении находилось 17 партизанских отрядов, которые насчитывали в своих рядах 2985 человек. Соединение распространяло боевую деятельность на Кличевский, Могилевский, Бельничский, Березинский, Осиповичский, Кировский, Быховский районы Могилевской, а также Рогачевский и Журавицкий районы Гомельской областей [1, с. 506–507].

Характерной чертой Кличевского соединения являлось наличие большого количества военнослужащих-окруженцев, в том числе командно-политического состава. Частично это сказалось и на организационной структуре отрядов, которые строились на принципах Красной армии.

Согласно донесению В. И. Ничипоровича, на 2 июля 1942 г. в 208-м отряде насчитывалось 700 человек, «исключительно — кадровые бойцы и командиры Красной Армии». На вооружении они имели кроме винтовок и автоматов, 43 ручных и 9 станковых пулеметов, 2 батальонных и 12 ротных минометов, 4 орудия, снарядов 45 мм — 1500 штук, 76 мм — 344 штук, винтовочных патронов 150 000 штук [6].

Благодаря успешным действиям партизан была создана Кличевская партизанская зона — одна из крупнейших в Беларуси. Она включала территории Кличевского и частично Осиповичского, Бельничского, Быховского, Бобруйского и Кировского районов Могилевской области, Березинского района Минской области. Здесь была восстановлена советская власть, базировались могилевские подпольные обкомы КП(б)Б и ЛКСМБ, ряд подпольных райкомов партии и комсомола, штаб Могилевской военно-оперативной группы, работали типографии. В партизанской зоне

была налажена мирная жизнь (пекарни, мельница, подсобное хозяйство, оружейная мастерская). Действовали два аэродрома, которые принимали грузы с «Большой земли». К концу 1942 г. площадь Кличевской зоны составляла 1,9 тыс. км², а к началу 1944 г. — почти 3 тыс. км² [1, с. 507].

О том, как было налажено снабжение и обеспечение 208-го отряда В. И. Ничипорович подробно проинформировал Военный совет Западного фронта. «Питание за счет немцев и населения достается с трудом. Население все дает и чем только может помогает, — говорилось в докладной записке от 2 июля 1942 г. — У немцев приходится брать главным образом муку с боем. Норма продуктов для бойца установлена мною в настоящее время следующая: хлеба 500 г, мяса 350 г, картофеля 1 кг, крупы 100 г (раненые по одному литру молока кроме этого) и больше ничего, это связано с тем, что продуктов нет, запас хлеба у меня на 15 дней, запас мяса на 1 месяц (имею 80 голов крупного рогатого скота). Хлебопечение было затруднительно на первое время, особенно зимой, мною сделана партизанская печь, которую вожу с собой, дает в сутки 10 кг, зимой при 30 градусов хлеб выпекался отличный» [6].

Впрочем, наибольшие проблемы существовали с лечением раненых. «С ранеными дело обстоит очень тяжело, — сообщал В. И. Ничипорович Военному совету Западного фронта, — особенно в декабре, январе, феврале и марте месяцах лежали на санях при самом сильном морозе, смертность все же небольшая, в строй уже стало больше 70 человек. Медикаменты добывали среди населения и при возможности трофеи у немцев. Сейчас имею 3 врача и 7 медсестер» [6].

Оккупанты неоднократно предпринимали попытки по ликвидации партизанской зоны. Так, в июле–августе 1942 г. бойцы 208-го отряда вели упорные бои с немецкими частями, принимавшими участие в карательных операциях «Майкефер–Адлер» (в районе Бобруйск–Могилев). «Мы, двигались к фронту, у всех стремление соединиться с частями Красной Армии и там где мы проходили везде устанавливали Советскую власть, — сообщал В. И. Ничипорович 2 июля 1942 г. — Задержались в Клическом р-не из-за сильных боев, а также помешал весенний разлив таких рек как Друть, Днепр, Сож» [6].

15 июля 1942 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками в тылу врага и проявленные при этом мужество и отвагу», 107 бойцов и командиров 208-го партизанского отряда были отмечены правительственными наградами. Среди них 7 человек удостоились ордена Ленина (в том числе командир отряда В. И. Ничипорович и начальник штаба — В. М. Айрапетов), орденами Боевого Красного Знамени — 66, Красной Звезды — 34 [15].

В ноябре 1942 г. в целях усовершенствования структуры и улучшения руководства Кличевским партизанским соединением все его отряды были сведены в шесть партизанских бригад. Так, 27 ноября 1942 г. по приказу Кличевского оперативного центра 208-й партизанский отряд был преобразован в 1-ю Кличевскую бригаду (20 мая 1943 г. решением Могилевского подпольного обкома КП(б)Б она реорганизована в отдельно действующий отряд) [9].

Трагедия на «Большой земле». Поскольку полковники В. И. Ничипорович и В. М. Айрапетов настойчиво высказывались за продолжение борьбы в составе действующей армии, в сентябре 1942 г. они были переправлены на «Большую землю». При этом эвакуация совпала с необходимостью доставки в Москву для лечения тяжело раненого в бою В. М. Айрапетова. Последний, с 23 сентября по 15 ноября 1942 г. находился на излечении в госпитале в Москве [11] после чего поступил в распоряжение Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР. 19 октября 1942 г. В. М. Айрапетову вручили заслуженную награду — орден Ленина.

Пока В. М. Айрапетов находился на излечении в Москве, из Беларуси в ЦШПД пришли сведения об очередных арестах минских подпольщиков, и что некоторые из них, не выдержав пыток, согласились на сотрудничество с оккупантами. В действительности, как стало известно после войны, нацисты провели хорошо спланированную операцию по дискредитации минского подполья и его руководителя И. К. Ковалева [12, с. 24–25].

Минский подпольный обком КП(б)Б и ЦШПД, ревниво относившиеся к деятельности минского антифашистского подполья, не стали проверять эту информацию. Более того, 2 ноября 1942 г. за подписью П. К. Пономаренко в партизанские бригады и отряды была разослана радиограмма. В ней сообщалось, что в Минске германская разведка «организовала подставной центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей, провокационных директив и ликвидации отрядов» [12, с. 18]. Следствием подобного обвинения стали аресты около 200 подпольщиков и партизан, как функционеров «провокационного» горкома партии (из них к 1995 г. было реабилитировано 113) [12, с. 19, 26].

После ряда провокационных публикаций в оккупационной прессе о руководстве минского подполья начались аресты и среди тех партизан и подпольщиков, которых удалось эвакуировать на «Большую землю». В мае 1943 г. полковник В. М. Айрапетов и бывший командир Кличевского партизанского соединения В. И. Ничипорович, произведенный уже в генерал-майоры, были арестованы. Они обвинялись в измене Родине в рамках дела о предательстве в рядах минского антифашистского подполья.

Полковник В. М. Айрапетов не признал себя виновным. Тем не менее, 22 апреля 1944 г. Особое совещание НКВД СССР осудило его к 5 годам лишения свободы «как социально опасного элемента», считая срок с 22 мая 1943 г. [10, с. 448]. 31 января 1945 г. в Бутырской тюрьме умер, «находясь под следствием органов», генерал-майор В. И. Ничипорович.

Проведя в заключении более двух с половиной лет, В. М. Айрапетов, 14 декабря 1946 г. был освобожден в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» от 7 июля 1945 г. Наконец, постановлением Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР 26 января 1952 г. его приговор был отменен, а дело прекращено из-за отсутствия состава преступления [10, с. 448].

Таким образом, в становлении и боевой деятельности 208-го партизанского отряда имени И. В. Сталина в 1941–1942 гг. можно выделить несколько периодов. В июле–декабре 1941 г. происходило формирование партизанского отряда — первоосновы под командованием секретаря Руденского райкома партии Н. П. Покровского. В декабре 1941 г. в состав отряда Н. П. Покровского влилась группа офицеров-окруженцев во главе с бывшим командиром 208-й моторизованной дивизии В. И. Ничипоровичем, которая имела тесную связь с минским антифашистским подпольем. После слияния отрядов Н. П. Покровского, А. Д. Сергеева и Д. И. Самсонова, новый отряд возглавил В. И. Ничипорович. В январе–феврале 1942 г. офицеры заняли руководящие должности в отряде, и он был реорганизован по образцу частей 208-й дивизии (в честь которой получил наименование). При этом Н. П. Покровский и его соратники из-за разногласий к осени 1942 г. были вынуждены покинуть этот отряд.

Первоначально 208-й партизанский отряд действовал в Минской области. Однако под натиском карателей, в марте–апреле 1942 г. он был вынужден перебазироваться в Могилевскую область. Здесь В. И. Ничипоровичу удалось подчинить себе еще пять партизанских отрядов (Кличевский, В. И. Ливенцева, В. М. Сырцова, В. П. Свистунова, Г. М. Колбнева), в результате чего к концу лета 1942 г. было создано крупнейшее на Могилевщине Кличевское партизанское соединение. Под командованием В. И. Ничипоровича 208-й партизанский отряд и Кличевское соединение действовали до сентября 1942 г. Значительный вклад в боевую деятельность отряда внес его начальник штаба полковник В. М. Айрапетов (февраль–сентябрь 1942 г.).

После установления связи с Военным советом Западного фронта, руководство 208-го партизанского отряда было эвакуировано на «Большую землю». В. И. Ничипорович и В. М. Айрапетов удостоились орденов Ленина, однако затем были обвинены в измене Родине и пособничестве оккупантам

из-за связи с Военным советом партизанского движения и Минским подпольным горкомом КП(б)Б. Негативное отношение партийно-советского руководства БССР к минскому подполью привело к тому, что реабилитация многих его участников, в т. ч. партизан 208-го отряда, растянулась на десятилетия.

Библиографические ссылки

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2006.
2. О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 года). Минск: Гос. изд-во БССР, 1961.
3. Памяць. Мінск: Гіст.-дакум. хроніка Мінска: у 4 кн. Кн. 4. [уклад.: В. С. Семёнякоў, А. А. Ляўшэвіч; навук. рэд. Г. В. Штыхаў]. Мінск: БЕЛТА, 2005.
4. *Надтачаев В. Н.* Метаморфозы Минского антифашистского подполья // *Беларуская думка*. 2013. № 8. С. 88–95; № 9. С. 91–96; № 10. С. 84–89.
5. *Давыдова В. С.* В битве за Отечество [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия. URL: <http://www.molodguard.ru/heroes119.html> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Ничипурович Владимир Иванович [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/179733> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Бывалый Борис Григорьевич [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/112782> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Кудинов Терентий Федорович [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/23737> (дата обращения: 10.03.2024).
9. 208-й отдельный полк им. И. В. Сталина [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/brigade/157> (дата обращения: 10.03.2024).
10. Воины-армяне в боях за Беларусь (1941–1944 гг.) / А. В. Хечоян [и др.]; под общ. ред. А. М. Литвина, А. В. Хечояна. Минск: Беларуская навука, 2019.
11. Айрапетов Ваак Мартиросович [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/209297> (дата обращения: 10.03.2024).
12. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-укл. Я. І. Бараноўскі, Г. Дз. Кнацко, Т. М. Антановіч [і інш.]. Мінск : Беларусь, 1995.
13. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Картотека участников партизанского движения и подпольной деятельности на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.
14. Покровский Николай Прокофьевич [Электронный ресурс] // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisans/25072> (дата обращения: 10.03.2024).
15. Приказ войскам Западного фронта № 0758 от 15 июля 1942 г. [о награждении командиров и бойцов 208-го партизанского отряда имени И. В. Сталина] // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 342. Л. 35–43.

УДК 94(100)"941/1945"

**НАГРАЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ-ПАРТИЗАН
БАРАНОВИЧСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ
МЕДАЛЬЮ «ПАРТИЗАНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»**

В. А. Менча

*Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка», ул. Советская, 18, 220030, Минск, Беларусь,
Menchavalentina@mail.ru*

Статья посвящена проблеме создания и практике награждения медалью «Партизану Отечественной войны» I и II степеней уроженцев Казахстана, сражавшихся в партизанских формированиях Барановичской области БССР в годы Великой Отечественной войны. В качестве источников использованы архивные материалы, данные интернет-ресурсов, справочной и научной литературы. Выявлена информация о количестве партизан награжденных и представленных к награде. Приведены факты конкретных подвигов партизан-казахстанцев удостоенных этой высокой награды на территории Барановичской области Беларуси в годы борьбы с фашизмом.

Ключевые слова: наградная система СССР; медаль «Партизану Отечественной войны»; Барановичская область БССР; казахстанцы-партизаны.

**AWARDING THE KAZAKHSTAN PARTISAN GUERRILLAS
OF THE BARANOVICH PARTISAN UNIT
WITH THE MEDAL “GUERRILLA OF THE PATRIOTIC WAR”**

V. A. Mencha

*Educational Institution “Belarusian State Pedagogical University named after Maxim
Tank”, Sovetskaya St., 18, 220030, Minsk, Belarus, Menchavalentina@mail.ru*

The article is devoted to the problem of creation and practice of awarding the medal “Partisan of the Patriotic War” I and II degrees to natives of Kazakhstan who fought in the partisan formations of the Baranovichi region of the BSSR during the Great Patriotic War. Archival materials, data from Internet resources, reference and scientific literature were used as sources. Revealed information is given on the number of partisans awarded and presented for the award. The facts of the specific exploits of the Kazakhstani partisans awarded this high award in the territory of the Baranovichi region of Belarus during the years of the struggle against fascism are presented.

Keywords: USSR award system; medal “To the Partisan of the Patriotic War”; Baranovichi region of the BSSR; Kazakhstani partisans.

К концу 1942—началу 1943 г. борьба советских партизан против немецко-фашистских захватчиков постепенно приобретает всенародный характер. Боевые действия окрепших и умноживших свои ряды партизанских формирований становились всё более эффективными, разнообразными по

форме, отчётливо приобретая наступательный характер. К этому времени партизаны Беларуси истребили более 100 тыс. гитлеровцев, разгромили 24 штаба воинских частей и соединений, подорвали свыше 5 тыс. автомашин, пустили под откос 1180 воинских эшелонов, уничтожили свыше 280 складов, 1057 железнодорожных и прочих мостов, много другого вооружения и военного имущества врага [1, с. 551].

За боевые заслуги в борьбе с врагом на оккупированной территории народных мстителей нужно было поощрять. К началу войны советская наградная система насчитывала несколько различных орденов и медалей. Нередко за подвиги и личное мужество «лесных солдат» их командиры награждали как в годы Гражданской войны — самодельными наградами, памятным подарками, например, именными часами, портсигарами или денежным вознаграждением. Назрела необходимость в учреждении награды, предназначенной исключительно для партизан, отличившихся в борьбе с врагом на захваченной территории.

В январе 1943 г. начальник центрального штаба партизанского движения П. К. Понамаренко на одном из заседаний в Кремле предложил учредить отдельную награду для советских партизан. Учитывая размах партизанской борьбы на оккупированной территории, Президиум Верховного Совета СССР указом от 2 февраля 1943 г. по ходатайству Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и ЦК КП(б)Б учредил специальную медаль «Партизану Отечественной войны» I и II степени для награждения ими партизан отличившихся своими боевыми подвигами. Указ был опубликован 3 февраля 1943 г., в газете Красная Звезда. В этом же номере газеты было опубликовано положение о медали, где говорилось, что медалью «Партизану Отечественной войны» I степени награждаются партизаны, начальствующий состав партизанских отрядов и организаторы партизанского движения за особые заслуги в деле организации партизанского движения, за отвагу и героизм и выдающиеся успехи в партизанской борьбе. Медалью второй степени награждались рядовые партизаны и командиры за личный вклад и личное мужество в дело общей борьбы с фашистами [2, с. 2].

Медаль «Партизану Отечественной войны» стала первой из двух советских медалей, разделенных на степени. Автором рисунка медали является художник Николай Москалев (рис.). Рисунок взят из неосуществленного проекта медали «25 лет Советской Армии». Медаль «Партизану Отечественной войны» имеет круглую форму диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали помещено профильное изображение В. И. Ленина

и И. В. Сталина. На оборотной стороне медали отчеканена надпись: «За нашу Советскую Родину». Медаль I степени изготавливалась из серебра, II степени — из латуни [3, с. 408].

Медаль «Партизану Отечественной войны» первой и второй степени

Вскоре в тыл врага были заброшены тысячи экземпляров указа об учреждении новой медали. Это должно было поддерживать боевой дух партизан и привлекать новых «народных мстителей» для борьбы с врагом. Партизаны видели, что Родина помнит о них, и их боевая деятельность высоко ценится руководством страны. Вопросами представления к награждению орденами и медалями занимался главным образом отдел кадров Белорусского штаба партизанского движения. Оформленный наградной материал рассматривался подпольными райкомами и обкомами КП(б)Б и утверждался ЦК КП(б)Б. После этого проекты указов представлялись на утверждение Президиуму Верховного Совета СССР. БШПД разослал в партизанские бригады специальные формы информационно-статистических

сведений о награждении, вручении медали «Партизану Отечественной войны» и о составе награждённых. На 15 августа 1943 г. медалью «Партизану Отечественной войны» I степени было награждено 1572 чел., а медалью «Партизану Отечественной войны» II степени — 1121 чел. [4, л. 41, 62].

За весь период Великой Отечественной войны медалью «Партизану Отечественной войны» I и II степени было награждено 78 696 партизан БССР [5, с. 107].

Партизанское движение в Барановичской области, как и в целом в Беларуси, а также во всех захваченных гитлеровцами советских районах, уже с самого начала имело ярко выраженный интернациональный характер. С первых дней вражеской оккупации национальный состав партизанских формирований определялся тем, что на территории Барановичской области проживало не только белорусское, но и польское, русское, украинское, еврейское население, а также участием во всенародной борьбе советских воинов, вышедших из окружения, среди которых были представители многих республик Советского Союза, в том числе Казахской ССР.

Казах Асанов Пернебай до войны проживал в с/с Каратас, колхоза Жана-Куш, Ленгерский района Южно-Казахстанской области. С 20 марта 1942 г. он занимал должность заместителя комиссара по комсомолу партизанского отряда им. 1 Мая Первомайской бригады (командир Ковалев Н. Г.) (Столбцовская зона). П. Асанов был представлен командованием отряда к награде медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени. В его наградном листе говорится: «Участвовал в 19 боях с немецкими захватчиками, где было убито 150 гитлеровцев. В группе спустил под откос 2 вражеских железнодорожных эшелона, где было разбито 2 паровоза, 8 вагонов с военным имуществом, сжёг 2 деревянных моста. Перерезано связи 3 км. Сплотил в отряде комсомольскую организацию» [6].

Казахстанцы воевали практически во всех крупных формированиях Барановичской области: в бригаде им. В. П. Чкалова (8 чел.), в бригаде «25 лет БССР» (7 чел.), в бригаде им. В. И. Ленина (7 чел.), в бригаде им. К. Г. Жукова (6 чел.), в бригаде им. И. В. Сталина (5 чел.), в бригаде «За Советскую Белоруссию» (5 чел.). Самое большое количество казахстанцев (15 чел.) было представлено в партизанской бригаде им. Ф. Э. Дзержинского. В рядах названного партизанского формирования вели борьбу с врагом: рядовые А. Б. Айтжанов, Д. Г. Афанасьев, И. В. Громов, К. Ф. Григорьев, С. А. Фёдорова, И. Д. Колиберда, П. Ф. Скрыпников; командиры отделения П. В. Игнатенко, Ф. В. Пожаров, К. Сапаков; командиры взвода И. А. Двоянов, М. М. Беспалов, Д. Т. Воликов; заместитель командира отряда им. Г. И. Котовского по разведке П. Н. Горобцов [7, л. 26, 36, 46, 52, 56,

59, 67]; командир партизанского отряда К. Е. Ворошилова А. И. Гавриш [8, л. 9, 11, 18, 40, 56, 84]. Были награждены или представлены к награде медалью «Партизану Отечественной войны» 12 человек.

Одним из первых казахстанцев награжденных медалью «Партизану Отечественной войны» I степени был уроженец села Вознесенское Махинского района Акмолинской области Казахской ССР, начальник штаба отряда «Большевик» бригады им. И. В. Сталина — А. И. Гавриш. В период проведения фашистами карательной операции против партизан Ивенецко-Налибокской зоны под кодовым названием «Герман» рота бойцов под руководством отважного казахстанца 31 июля 1943 г. на дороге Ивенец — Полдорожье разгромила штаб особого батальона СС Дирлевангера и захватила документы, в том числе подробный оперативный план экспедиции «Герман» и боевой приказ фон Готберга [9, с. 110–125]. Таким образом были раскрыты замыслы гитлеровцев, что позволило партизанскому командованию произвести перегруппировку своих сил и отбить атаки противника.

Медалью «Партизану Отечественной войны» I степени был награждён уроженец села Бурас Бескарагайского района Павлодарской области, Ковязин Андрей Петрович 1918 г. р. С марта 1943 г. по июль 1944 г. Андрей Петрович занимал должность комиссара партизанского отряда «Борьба» Ленинской бригады. Смелый и энергичный казахстанец много сделал для налаживания политмассовой работы как в отряде, так и среди местного населения. В отряде регулярно, раз в месяц, выходила стенгазета «За Родину», а в ротах выпускались «боевые листки», где отражалась повседневная жизнь и боевая работа подразделения. Наряду с разнообразной политмассовой деятельностью А. П. Ковязин проявил себя и как смелый и решительный в своих действиях командир, умеющий командовать и принимать обоснованные решения в сложной обстановке. Своим личным примером, решительностью и отвагой он вдохновлял партизан на боевые подвиги. Партизанский комиссар из Казахстана непосредственно принимал участие в открытых боях, налётах и засадах, взрывах железнодорожных эшелонов и разгроме вражеских гарнизонов [10, с. 192].

Таким образом, в 25 партизанских бригадах и 10 отдельных отрядах Барановичской области мужественно сражались с оккупантами 97 партизан-казахстанцев. Медалью «Партизану Отечественной войны» было награждено и представлено к награде 63 партизана (64,9 % от общего числа награжденных). По полу: мужчин — 60, женщин — 3. По национальности: русские — 43, казахи — 9, украинцы — 9, белорусы — 1, татары — 1.

Среди 18 партизан-казахстанцев (18,5 %) 17 человек (17,5 %), были награждены медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, 4 человека (4,12 %) — медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Библиографические ссылки

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. Минск: Беларусь, 1983–1985. Т. 2. 1984.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» первой и второй степени» и «Положение о медали «Партизану Отечественной войны» второй степени» // Красная Звезда. 1943. 3 февр.
3. *Шушиков С. С.* Ордена и медали СССР: в 2 т. Владивосток: «Ворон», 1996.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 2. Д. 3.
5. Хранители документальной памяти: история партизанского движения 3-е изд. Минск: Колорград, 2021.
6. Асанов Пернобай [Электронный ресурс]. URL: <https://partizany.by/partisans/29013> (дата обращения: 10.10.2024).
7. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 405. Л. 26, 36, 46, 52, 56, 59, 67.
8. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 404. Л. 9, 11, 18, 40, 56, 84.
9. *Чернышов В. Е.* Во главе народных масс против фашистских захватчиков // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944: Страницы воспоминаний. Вилей., Баранович., Пин., Брест., Белосток. обл. Минск: Беларусь, 1986.
10. *Наумов Д. Ф.* Лесная война. Алма-Ата: Казахстан, 1972.

УДК 9.93/94

УЧАСТИЕ УРОЖЕНЦЕВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Г. Мирзоева¹⁾, Л. З. Бегидова²⁾

¹⁾ *Кабардино-Балкарский государственный Университет имени Х. М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 176, 360004, г. Нальчик, Российская Федерация,
mirzoevasveta@mail.ru*

²⁾ *Кабардино-Балкарский государственный Университет имени Х. М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 176, 360004, г. Нальчик, Российская Федерация
begidovaura5@gmail.com*

Тема Великой Отечественной войны была и остается наиболее актуальной в истории Российской Федерации и государств бывшего СССР, одним из которых является Беларусь. Героизм советских людей, а в частности уроженцев Кабардино-Балкарии, способствовал разгрому фашистских оккупантов на белорусской территории.

В статье раскрывается роль представителей Кабардино-Балкарии в защите отчизны, участвовавших в партизанском движении на территории Белорусской Советской Социалистической Республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; освобождение Беларуси; партизанское движение; кабардинцы; балкарцы.

PARTICIPATION OF NATIVES OF KABARDINO-BALKARIA IN THE PARTISAN MOVEMENT ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. G. Mirzoeva¹⁾, L. Z. Begidova²⁾

¹⁾ *Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
st. Chernyshevsky, 176, 360004, Nalchik, Russian Federation, mirzoevasveta@mail.ru*

²⁾ *Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
st. Chernyshevsky, 176, 360004, Nalchik, Russian Federation, begidovaura5@gmail.com*

The topic of the Great Patriotic War was and remains the most relevant in the history of the Russian Federation and the states of the former USSR, one of which is Belarus. The heroism of the Soviet people, and in particular the natives of Kabardino-Balkaria, contributed to the defeat of the fascist invaders on Belarusian territory.

The report reveals the role of representatives of Kabardino-Balkaria in defending their homeland, participating in the partisan movement on the territory of the Belarusian Soviet Socialist Republic.

Keywords: Great Patriotic War; liberation of Belarus; partisan movement; Kabardians; Balkars.

Великая Отечественная война стала одной из самых значимых и трагических страниц в истории Беларуси. На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, начала войну

против Советского Союза. Германское наступление осуществлялось в соответствии с планом «Барбаросса». Против советских войск было выставлено 166 дивизий с 4,3 млн солдат и офицеров, 42,6 тыс. орудий и минометов, около 4,1 тыс. танков и штурмовых орудий. Их поддерживал воздушный флот из 4,8 тыс. самолетов. С советской стороны им противостояли 190 дивизий и 2 бригады (3,2 млн солдат и офицеров), 59,7 тыс. орудий и минометов, 15,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 10,7 тыс. самолетов.

В Беларуси в условиях оккупации, продолжавшейся три года, оказалось около 8 млн жителей и около 900 тыс. советских военнопленных. Главным средством насаждения «нового порядка» нацисты избрали политику геноцида и массового террора. Концлагеря, тюрьмы, гетто действовали практически в каждом районе Беларуси. Всего в пределах республики было создано 260 лагерей смерти и 70 гетто.

Находившийся под Минском лагерь смерти Тростенец считается крупнейшим по количеству жертв (206,5 тыс. человек) после Освенцима, Майданека и Трешлинка. В массовом порядке совершались убийства еврейского населения Беларуси и евреев, вывезенных из других стран Европы. На белорусской территории установлено более 530 мест их уничтожения.

В Беларуси за время оккупации фашистские захватчики истребили свыше 1,4 млн мирных граждан и более 810 тыс. военнопленных, угнали на каторжные работы в Германию около 380 тыс. человек. Во время карательных операций было уничтожено около 5,5 тыс. населенных пунктов, в том числе 630 вместе с жителями [1].

Советский народ не желал покоряться оккупантам. Захватчикам пришлось столкнуться с различными формами сопротивления — партизанским движением, подпольной борьбой, организованным саботажем.

Партизанское движение объединило советских людей разных национальностей, особенно сплотившихся в борьбе с фашистами в годы войны.

Подсчет количества партизан — представителей Северного Кавказа в историографии не производился, однако косвенные данные можно получить из документов Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). Согласно им, национальный состав участников партизанского движения Беларуси за период 1941–1944 гг. выглядит следующим образом: белорусы — 71,1 % (201 101); русские — 19,3 % (54 322); украинцы — 3,9 % (10 968); евреи — 2,2 % (6031); поляки — 0,9 % (2410); представители других национальностей — 2,7 % (7626) [2, с. 119].

Как мы видим, народы Северного Кавказа, как и представители народов Закавказья, Центральной Азии, Поволжья, Сибири и других регионов относятся к категории «представители других национальностей» и суммарно составляют 7626 человек.

Одним из легендарных участников этого движения был Махти Кульчаев, который начал войну командиром взвода и секретарем партийной организации 7 роты 786 стрелкового полка [3, л. 4–6]. Он принимал участие в боевых операциях под Слонимом, Барановичами, взорвал мост через реку Птичь, оборонял Могилев, Смоленск, бился с фашистами под Вязьмой. Партизаны во главе с М. Т. Кульчаевым взорвали мост через реку Березину, сожгли немецкую комендатуру, где находились списки советских людей, которых фашисты собирались увезти в рабство. Они пускали под откос поезда, нападали на вражеские гарнизоны. Уже в первые дни войны стрелковый полк, в котором служил М. Т. Кульчаев, вступает в ожесточенные бои с фашистами, а 10 октября 1941 г. под Вязьмой попадает в окружение. Через 10 дней группе бойцов во главе с М. Т. Кульчаевым удается вырваться из окружения. До мая 1942 г. они скрываются в деревне Заболотная Борисовского района. Здесь М. Т. Кульчаеву удалось собрать группу из 10 человек. Позже эта группа прибыла в партизанский отряд им. Кутузова бригады «Буревестник», которой командовал Герой Советского Союза М. Г. Мармулев. Как воин, партизан М. Т. Кульчаев прошел славный путь от бойца пулеметчика, командира взвода, а затем комиссара отряда им. Кутузова бригады «Буревестник». За время пребывания в партизанах Беларуси со 2 мая 1942 г. по 20 июля 1944 г. М. Т. Кульчаев лично руководил 25 боями и участвовал в 156 открытых лобовых боях против немецко-фашистских захватчиков. За участие в партизанском движении, проявленные мужество и героизм М. Т. Кульчаев награжден орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды и пятью медалями.

Другой выходец из Кабардино-Балкарии Азиз Каматович Афашоков до Великой Отечественной войны работал в школе селения Этоко. В 1939 г. он добровольно пошел служить в Красную армию. В начале Великой Отечественной войны А. К. Афашоков служил в должности заместителя политрука роты 2 стрелкового полка 50 стрелковой дивизии. В июле 1941 г. эта часть во время боев попала в окружение в районе Белостока. 1 января 1942 г. группе наших бойцов и офицеров удалось вырваться из окружения и соединиться с партизанской бригадой «Дубова», которой командовал генерал-майор Ф. Ф. Дубровский. Немного позже из бригады выделилась новая бригада, названная именем знаменитого русского полководца М. И. Кутузова. Восьмым отрядом новой бригады стал командовать А. К. Афашоков. После того как немцы объявили награду за его голову, А. К. Афашокову пришлось сменить фамилию [4, с. 550]. Штаб партизанского соединения выдал ему документы на имя белорусского крестьянина Михаила Ивановича Боровицкого. О М. И. Боровицком писала

местная партизанская многотиражка, на эту фамилию адресовалась почта, сбрасываемая с самолетов над партизанами. Более того, когда партийная организация партизанских отрядов приняла кандидата А. К. Афашокова в члены ВКП(б), то партийный билет ему был выписан на новую фамилию. За свои подвиги М. И. Боровицкий неоднократно получал правительственные награды.

Среди советских военнослужащих, переброшенных в глубокий тыл противника, в Дятловский район Барановичской области БССР для ведения партийно-политической работы, был и Борис Юсупович Семенов, 1918 г. р., уроженец селения Шалушка Кабардино-Балкарской АССР. С мая 1942 г. по 14 июля 1944 г. он находился в партизанском отряде «Борьба» Ленинской партизанской бригады [5, л. 2]. Сначала занимал должность командира взвода разведки, затем политрука отряда. За время нахождения в отряде, Б. Ю. Семенов участвовал в 12 открытых боях. В одном из таких боев со своей ротой в селении Накришки Дятловского района взял в плен 128 немецких солдат и офицеров, 35 солдат и офицеров оставил убитыми на поле боя. Было пущено под откос 32 вражеских эшелона. За мужество и отвагу в борьбе с оккупантами, дисциплинированность и безупречное поведение в партизанском отряде политруку Б. Ю. Семенову неоднократно объявлялись благодарности по Ленинской партизанской бригаде. Также ему было присвоено воинское звание лейтенанта [6, л. 4].

Уроженец с. Малка Зольского района Кабардино-Балкарской АССР Дмитрий Асанович Канкулов войну встретил в Дретунских летних лагерях, где находились бойцы отдельного дивизиона 360 гаубично-артиллерийского полка Резерва Главного командования. 22 июня 1941 г. дивизион, где служил Д. А. Канкулов, вступил в бой с передовыми механизированными частями гитлеровцев. Под командованием майора И. И. Бойко дивизион с боями отступал к г. Витебску. Однако город оказался уже захваченным гитлеровцами. Поняв, что попали в окружение, бойцы предприняли несколько попыток прорвать оборону противника севернее Витебска. Одна из таких попыток увенчалась успехом. Только арьергарду, в котором находился Д. А. Канкулов, не удалось вырваться, так как подошли танковые и пехотные части противника. Пришлось отступить вглубь леса. Семь оставшихся в живых бойцов под руководством политрука Д. А. Канкулова решили идти к Дретунским лагерям в надежде соединиться с остатками 10 армии. Горстка бойцов влилась в партизанский отряд и продолжила борьбу с захватчиками. 24 апреля 1942 г. Витебский обком партии направил Д. А. Канкулова в первую партизанскую бригаду. Будучи начальником разведки отряда им. Курмалева, Д. А. Канкулов принимал активное участие

в разгроме немецких и полицейских гарнизонов Городка, Понизовья, Оболя, Усвят, Козлович и в других операциях, которыми руководили известные подпольные партийные работники: начальник Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, командир соединения С. И. Сикорский, командир отряда И. А. Стулов, командир бригады имени Фрунзе И. К. Захаров, командир бригады Ф. А. Рябцев, комиссар бригады Р. В. Шкредо, командир бригады М. Ф. Шмырев, комиссар бригады В. Р. Кудинов, командир отряда М. И. Дьячков, комиссар Н. Ф. Левин [7, л. 5]. За активное участие в партизанском движении и проявленные при этом мужество и отвагу Д. А. Канкулов был удостоен нескольких правительственных наград [8, л. 17].

В партизанском движении Беларуси активное участие приняли и другие представители Кабардино-Балкарии. В их числе уроженец с. Куба Х. А. Хуштов — партизан отряда им. Кирова бригады № 37 им. А. Я. Пархоменко Минской области. В партизанском отряде им. Фрунзе № 18 Барановичской области служил с октября 1943 г. уроженец с. Алтуд Мухамед Аубекирович Кумыков. Отважно сражались с гитлеровцами в лесах Беларуси Хасан Юсуфович Османов — партизан отряда им. Т. Т. Ульяшева, Константин Титович Нальчиков, состоявший в бригаде № 122 «За Родину» Могилевской области. В деревне Н. Мосино Хотимского района похоронен Т. Ф. Жданов, погибший в бою в марте 1942 г.

Список отважных партизан можно продолжать: К. Х. Диданов, И. А. Ахкобеков, С. А. Курданов, К. Х. Анижев, Д. Т. Натбиев, И. У. Тохов, Х. Б. Жамурзов, З. М. Агиров, К. С. Инароков, З. Ш. Лиев, Н. И. Нагаев. Многие из них пали смертью храбрых, другие продолжали сражаться [9, с. 64].

Таким образом, вклад уроженцев Кабардино-Балкарии в освобождение территории Беларуси от оккупации фашистов невозможно переоценить. Представители республики проявили себя как истинные герои и достойные сыны своей Родины, вошли в историю благодаря своей отваге и сделали всё, что было в их силах для мирной жизни своих потомков. Именно поэтому, оставившие такой яркий и поистине великий след в истории, герои нашей малой Родины навсегда останутся в памяти, живущих ныне и будущих поколений.

Библиографические ссылки

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: цифры и факты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/ose-belarus-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-tsifry-i-fakty-446805-2021> (дата обращения: 10.03.2024).

2. Ермолович В. И. К вопросу о национальном составе партизан и подпольщиков Беларуси периода войны (1941–1944) // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. Минск: БДПУ, 1997. С. 115–124.

3. Центр Документации новейшей истории КБР (ЦДНИИ КБР). Ф. 972. Оп. 3. Д. 416.
4. Партизанские формирования в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск: Беларусь, 1983. 765 с.
5. ЦДНИИ КБР. Ф. 972. Оп. 1. Д. 11.
6. ЦДНИИ КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 344.
7. ЦДНИИ КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 427.
8. ЦДНИИ КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 204.
9. *Койчуев А. Д., Болурова А. Н., Текеева Л. К., Чотчаев Д. Д.* Горцы Кабардино-Балкарии в рядах партизан Белоруссии // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1. С. 60–65.

УДК 94(476)"1941/1944"

**ПОЛОЦКОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
1941–1944 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АНТИНАЦИСТСКОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БССР**

И. К. Петрович

*Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт (технический университет)», кафедра истории и культурологии,
ул. Красноказарменная, дом 14, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация,
igor-petrovich-1995@mail.ru*

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. значительный вклад в борьбу против нацистской агрессии внесли участники партизанского и подпольного движения. На основе сведений источников мемуарного характера и исторических исследований в докладе рассказывается о формировании и деятельности антифашистского подполья на территории Полоцка и Полоцкого района Витебской области в годы немецкой оккупации, комплексно анализируются процессы диверсионно-подрывной и агитационно-пропагандистской работы полоцких подпольщиков. Кроме того, автор раскрывает роль Полоцкого антифашистского подполья в истории антинацистского сопротивления на территории Белорусской ССР.

Ключевые слова: оккупация; партизаны; подпольное движение; Сопротивление; антинацистская борьба.

**POLOTSK PATRIOTIC UNDERGROUND 1941–1944 IN THE
CONTEXT OF THE HISTORY OF ANTI-NAZI RESISTANCE ON
THE TERRITORY OF THE BSSR**

I. K. Petrovich

*National Research University "Moscow Energy Institute (Technical University)",
Department of History and Cultural Studies, st. Krasnokazarmennaya, house 14, building 1,
Moscow, Russian Federation, igor-petrovich-1995@mail.ru*

During the Great Patriotic War of 1941–1945. Participants in the partisan and underground movements made a significant contribution to the fight against Nazi aggression. Based on information from sources of a memoir nature and historical research, the report describes the formation and activities of the anti-fascist underground in the territory of Polotsk and the Polotsk region of the Vitebsk region during the years of the German occupation, and comprehensively analyzes the processes of sabotage, subversion and agitation and propaganda work of the Polotsk underground. In addition, the author reveals the role of the Polotsk anti-fascist underground in the history of anti-Nazi resistance on the territory of the Belarusian SSR.

Keywords: occupation; partisans; underground movement; Resistance; anti-Nazi struggle.

Патриотическое подполье в Полоцке начало формироваться практически сразу же после оккупации города в июле 1941 г. Организатором одной из первых подпольных в городе стал бывший заведующий районным отделом народного образования, капитан пограничных войск С. В. Суховой. Активными членами этой группы были Ф. К. Безер, А. Ф. Шрамко, Д. И. Клепиков, Н. А. Мание, Ф. Н. Лоевский и др. Группа ставила целью собирать сведения о противнике. В группу также входили А. Марченко, Н. Павловский, И. Антонов, И. Жак, Ю. Журова. Большинство участников группы составило ядро партизанского отряда, созданного в мае 1942 г. во главе с А. Марченко. Активное участие в этой группе принимала комсомолка И. Г. Полозова.

Основной задачей полоцких подпольщиков было развёртывание партизанского движения на территории региона. Они собирали оружие и боеприпасы как в самом городе, так и за его пределами. За город, на места боев, посылались члены организации, которые подбирали оружие и прятали его в тайниках. Первую попытку создания отряда предприняли в районе д. Сухой Бор. П. Е. Гуков связался с группой коммунистов Сестренского сельсовета. В нее входили бывшие работники Полоцкого райкома КП(б)Б, в том числе П. Хлудков, оставленный по решению райкома для организации партизанского отряда, и местный активист, участник гражданской войны П. Т. Козлов.

Среди организаторов и руководителей патриотических подпольных групп в Полоцке было немало бежавших из фашистского плена командиров и политработников Красной Армии.

Одним из основных направлений деятельности полоцких подпольщиков была агитация среди мирного населения. Под влиянием политической работы и известий об успехах РККА под Москвой ряды участников Полоцкого подполья существенно пополнялись. Также в течение осенних месяцев подпольщики Я. Х. Сташкевич, И. С. Гуков, Е. Г. Рыжик, В. В. Жиганов и другие организовали ряд диверсий. Диверсионные группы уничтожали гитлеровских офицеров, а также некоторых коллаборационистов [1, с. 23–26].

Наиболее известными операциями полоцкого подполья можно назвать освобождение ряда военнопленных из концентрационного лагеря, а также детей, содержащихся в Полоцком детском доме № 1 (Операция «Звёздочка», проходившая в ноябре 1943 – апреле 1944 гг.).

Активное участие в организации побегов военнопленных принимали сестры Ксения, Анна и Вера Смирновы, Т. Никитина, Г. Рыльков, другие подпольщики. В октябре – ноябре 1941 г. они организовали побег группы военнопленных во главе с комиссаром полка А. Владимировым и врачом

А. Воробьевым. Часть освобождённых из лагеря военнопленных ушла за линию фронта, другие скрывались в деревнях и лесах Полоцкого и соседних районов и вливались в формировавшиеся партизанские отряды.

Усилиями П. Ф. Самородкова, С. В. Суховея, П. Е. Гукова и других подпольщиков была налажена работа по разложению различного рода коллаборационистских формирований. Были организованы подпольные группы среди военнопленных, работавших на строительстве моста через Западную Двину, на сооружении железнодорожных объектов и на центральной нефтебазе.

В начале февраля 1942 г. до Полоцка дошли слухи о наступлении советских войск Калининского фронта. Подпольщики и партизаны решили связаться с командованием Красной Армии, вышестоящими партийными органами в советском тылу. Для этого они направили через линию фронта А. Я. Марченко. Он побывал в штабе 3-й ударной армии. Там его принял первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. Марченко подробно рассказал о борьбе подпольщиков Полоцка и партизан Полоцкого района, получил указания о дальнейшей работе. Возвратившись из-за линии фронта, он повстречался с руководителями подпольных групп Полоцкого района и передал им указания ЦК КП(б)Б о необходимости объединиться в партизанский отряд. К такому же решению пришла и группа подпольщиков Полоцка, возглавляемая П. Ф. Самородковым. Для усиления борьбы против оккупантов подпольщики решили ускорить выход большой группы рабочих из города в лес с целью присоединения к партизанскому движению [2].

После ареста П. Ф. Самородкова весной 1942 г. подпольную группу возглавил Я. Х. Сташкевич. В конце апреля 1942 г. полоцкими подпольщиками был создан крупный партизанский отряд, который именно он и возглавил. Комиссаром отряда стал И. С. Гунов, начальником штаба — Ф. И. Соловьев. Сначала отряд насчитывал 100 человек, а в июле 1942 г. — свыше 400 человек. Оставшиеся в городе подпольщики по заданию Я. Х. Сташкевича организовали связь с арестованными подпольщиками, оказали им помощь. Одновременно в районе был создан и второй партизанский отряд во главе с А. Я. Марченко. Возглавляемая им группа поддерживала тесную связь с полоцкими подпольщиками, благодаря чему она быстро пополнялась за счёт городских рабочих и бежавших из «лагеря смерти» военнопленных. Отряды Я. Х. Сташкевича и А. Я. Марченко стали базой создания в Полоцком районе 3-й Белорусской партизанской бригады.

Особенно большое внимание уделял райком партии работе в Полоцке. Опираясь на партизанские отряды и в особенности на отряд Сташкевича, а затем на штабы партизанских бригад «Неуловимые» и 3-й Белорусской, он установил постоянные связи со многими подпольными группами, снабжал их листовками, сводками Совинформбюро.

Активно работал в подполье в это время оказавшийся в тылу врага бывший начальник геофизической экспедиции АН СССР Ф. К. Безер, устроившийся переводчиком ортскомендатуры. Он снабжал подпольщиков немецкими документами, по его рекомендации многие подпольщики устроились на работу в гитлеровские оккупационные учреждения. Главное, чем занимался Ф. К. Безер, это «разведка и разоблачение шпионов и провокаторов». Безер не раз спасал от расправы подпольщиков и партизан. Связными активно работали Мария Метлюк, Вера Лямина, Фруза Соколова, Мария Петровская, Ефросинья Свирко, Надежда Муменок, Мария Скрипко, Лилия Костецкая, Ефросинья Макарова и др. Они передавали полоцким подпольщикам задания райкома, доставляли листовки, сводки Совинформбюро, советскую литературу. Также, как известно, одной из активных полоцких подпольщиц была Татьяна Мариненко.

Значительная часть подпольщиков ушла в партизанские отряды, однако борьба против гитлеровцев в городе не ослабевала. В Полоцке был организован ряд новых подпольных групп, которые работали по заданию штабов отдельных партизанских отрядов и бригад. Так, в июне 1942 г. была создана группа из 60 человек под руководством Петровского и Коваленко, которая вела диверсионную работу по заданию командования бригады «Смерть фашизму» [3].

Дмитрий Брониславович Петровский некоторое время занимал должность бургомистра Полоцка, оставаясь при этом активным участником Полоцкого патриотического подполья. Согласно сведениям воспоминаний руководителей Витебского областного комитета КП(б)Б, он «оказался неплохим конспиратором... фашисты ценили Петровского, считали, что с помощью таких, как он, смогут успешнее проводить свою политику на Востоке, при этом Дмитрий Брониславович делал всё, чтобы лучше выполнять указания подпольного райкома партии и как можно больше нанести вреда гитлеровским захватчикам. Он устраивал на работу подпольщиков и партизанских разведчиков, помогал им прописаться в городе, найти жилье, передавал партизанскому командованию сведения о намерениях оккупационных властей» [4, с. 124].

Подпольщики вели наблюдение за прохождением воинских эшелонов, собирали сведения о воинских частях противника, следовавших через город, и т. д. Им удалось достать и передать партизанам план Полоцка с подробным указанием военных объектов врага. Известны, что переданная подпольщиками информация использовалась советской авиацией. В июле 1942 г., например, советские самолёты разбомбили три эшелона гитлеровцев.

Кроме того, активное участие в борьбе против нацистов принимали местные железнодорожники. Диверсии на Полоцком железнодорожном узле проводили группы Н. В. Еремеева и Л. А. Осташева, на ст. Горяны — группа А. Г. Вишневого. Группа Н. В. Еремеева, как известно, была связана с подпольщиками Орши, где действовал К. С. Заслонов [3]. Большую диверсионную работу в городе проводили партизаны бригады «Смерть фашизму».

Наряду с осуществлением различных диверсий подпольщики продолжали выводить из города в партизанские отряды рабочих и бежавших из лагерей военнопленных. Активное участие в этом деле принимали медсёстры Л. Воронина и Л. Волкова из подпольной группы Г. Д. Миндалева.

К лету 1943 г. Полоцкая районная партийная организация значительно усилилась. С 1 июля 1942 г. по 1 июля 1943 г. в ее ряды было принято свыше 230 человек, т. е., она выросла вдвое.

Подпольщики укрепляли и расширяли связи с Полоцко-Лепельской партизанской зоной, куда входили Ушачский, частично Полоцкий, Лепельский, Бешенковичский, Ветринский, Улльский и Плисский районы Вилейской обл. Сосредоточенные в зоне крупные партизанские силы находились в 20–25 км от наших передовых частей, удерживали выгодным плацдарм на левом берегу Западной Двины и угрожали с тыла боевым порядкам фашистских дивизий. Многие из партизанских бригад в этой зоне были связаны с полоцким подпольем и получали от него разведданные [4].

Партизаны и подпольщики Полоцка и Полоцкого района активно помогали в ведении боевых действий военнослужащим РККА. Первостепенной задачей для них был срыв перевозок военных грузов противника. С этой целью партизанские отряды Полоцко-Лепельской зоны приняли активное участие в подготовке и проведении «рельсовой войны», начавшейся в ночь на 3 августа на всех железных дорогах БССР. Так, в течение первого этапа «рельсовой войны», с 3 августа по 15 сентября 1943 г., было взорвано на железной дороге Молодечно–Полоцк 10 132 рельса, Полоцк–Невель — 1285, Полоцк–Двинск — 3406, Полоцк–Витебск — 1058 рельсов. Движение вражеских эшелонов по железной дороге Полоцк–Двинск на участке Борковичи–Дрисса–Бигосово после первой же операции по подрыву рельсов было прекращено на несколько дней [4].

В конце сентября 1943 г. войска левого крыла Калининского фронта начали наступление в направлении Витебска. В начале ноября были частично освобождены Городокский, Меховский, Полоцкий, Сиротинский и Россонский районы, в декабре — районные центры Езерище и Городок. Партизанские отряды Полоцко-Лепельской зоны активно участвовали и в осуществлении второго этапа «рельсовой войны», начавшегося

25 сентября. В частности, партизаны бригады «За Советскую Белоруссию» за ночь взорвали более 2,5 тыс. рельсов на железной дороге Полоцк–Молодечно. Бывший командир партизанской бригады им. К. Е. Ворошилова Д. В. Тябут так вспоминал о событиях, происходивших в конце ноября 1943 г.: «Рано утром в штаб бригады пришло донесение из Полоцка. Наши подпольщики сообщали, что на станцию пришел эшелон с живой силой и танками. Враг проводил перегруппировку сил, готовясь к наступлению на партизанский край... Через машинистов и диспетчера, связанных с подпольщиками, удалось установить время отправки эшелона, его направление. Эшелон надо было взорвать во что бы то ни стало» [5, с. 138]. Операция, согласно воспоминаниям организаторов и участников подпольной борьбы на территории Витебской области, была выполнена успешно [3].

Рассмотрев основные аспекты формирования и деятельности Полоцкого антифашистского подполья, можно прийти к следующим выводам. Основными направлениями деятельности подпольщиков Полотчины были организация подрывной и диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника, освобождение военнопленных и других узников концлагерей и организованных нацистами специальных детских домов, проведение агитационно-пропагандистской работы среди как мирного населения, так и коллаборационистов. Также полоцкие подпольщики активно содействовали РККА, работали в тесной кооперации с белорусскими партизанскими и подпольными формированиями, среди которых отдельно можно выделить бригаду «Неуловимые», 3-ю Белорусскую партизанскую бригаду, партизанские отряды и подпольные группы соседних районов и регионов. Полоцкое патриотическое подполье принимало непосредственное участие в массовой борьбе против оккупантов и, на наш взгляд, внесло весомый вклад в достижение освобождения территории Беларуси и впоследствии Победы над нацистами.

Библиографические ссылки

1. *Лобанок В. Е.* Партизаны принимают бой. Минск: Государственное издательство политической литературы, 1976. 306 с.
2. Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: справочник / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Э. Г. Иоффе. Мн.: «Беларусь», 2009. 271 с.
3. *Жилинин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И.* Без линии фронта. Мн.: «Беларусь», 1975. 320 с.
4. Памяць: Полацк. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / склад. С. С. Чарняўская. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя», 2002. 907 с.
5. *Карасёў В. Р.* У памяці людской назаўжды. Барысаў: Барысаўская ўзбуйненая друкарня імя 1 Мая, 2010. 267 с.

УДК 94(574)355.4"1941/1945"

КАЗАХСТАНЦЫ В СОСТАВЕ КОМАНДОВАНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ БАРАНОВИЧСКОЙ ОБЛАСТИ БССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Ф. Ратько

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
ул. Советская, 18, г. Минск, Беларусь, alratko@mail.ru*

Размещена информация о военнослужащих Казахской ССР, занимавших командные посты в партизанских отрядах Барановичской области БССР в годы Великой Отечественной войны. На основе данных интернет-портала «Партизаны Беларуси» и материалов архивных источников описываются конкретные примеры антифашистской борьбы некоторых командиров на фоне становления и развития партизанского движения в области. На основании собранного и введённого в научный оборот и образовательные практики материала о казахстанцах-командирах делается обоснованный вывод об интернациональном характере партизанского движения на территории Барановичской области и всей Беларуси в годы борьбы с фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; партизанское движение; казахстанцы; командный состав партизанских отрядов; Барановичская область БССР.

KAZAKHSTANIS AS PART OF THE COMMAND OF THE PARTISAN UNITS OF THE BARANOVICHI REGION OF THE BSSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. F. Ratko

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Sovetskaya street,
Minsk, Belarus, alratko@mail.ru*

There is information about servicemen of the Kazakh SSR who held command posts in partisan units of the Baranovich region of the BSSR during the Great Patriotic War. Concrete examples of the anti-fascist struggle of some commanders against the background of the formation and development of the partisan movement in the region are described based on the data from the Internet portal "Partizans of Belarus" and materials from archival sources. On the basis of the material collected and introduced into scientific circulation and educational practice about Kazakh commanders, a substantiated conclusion is made about the international nature of the partisan movement in the territory of Baranovich region and the whole of Belarus during the struggle against fascism.

Keywords: Great Patriotic War; partisan movement; Kazakhstanis; command staff of partisan units; Baranovich region, BSSR.

В создании первых партизанских групп и отрядов на временно оккупированной территории БССР большая заслуга принадлежала военнослужащим Красной армии. Большинство из них, несмотря на специфику

борьбы в тылу врага, заняли командные должности в партизанских формированиях. Массовый приток в отряды необученной молодёжи призывного возраста резко повысил спрос на командиров отделений, взводов, рот, отрядов. Создание партизанских отрядов и бригад потребовало руководителей с военным образованием и опытом, которым не обладали многие командиры из числа гражданских лиц. «Окруженцы», верные присяге, испытавшие лишения войны, обладая организаторскими способностями, военными и политическими знаниями, оказали неоценимую помощь местным подпольным партийным органам. По данным Центрального штаба партизанского движения, в Беларуси командиры отрядов и бригад из числа военнослужащих составляли 42 % (комиссаров — 27,4 %, начальников штабов — 44,9 %) [1, с. 30].

Кадровые военные, как отмечал начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, привнесли в партизанское движение знание оружия, военной техники и навыки пользования ими, умение разбираться в сложной военной обстановке, знание топографии и многое другое, в чём очень нуждались многие партизаны из местных гражданских лиц. Политработники сыграли большую роль в совершенствовании методов политической работы [2, с. 30–31].

В годы Великой Отечественной войны в белорусских лесах мужественно сражались с врагом сыновья и дочери более 70 наций и народностей, проживавших в Советском Союзе. Среди них было немало представителей Казахстана, оказавшихся за тысячи километров от своей родины на временно оккупированной белорусской земле. В начале войны в результате ожесточённых боёв и вынужденного отступления на восток большое количество солдат и офицеров — уроженцев Казахстана — оказалось в окружении. Те, кто смог вырваться из «Новогрудского котла», стремились как можно быстрее соединиться со своими отступающими на восток подразделениями. Но сделать это было очень сложно: многие были больны, ранены, физически ослаблены и истощены от перенесённых лишений. Часть из них сумела впоследствии перебраться через линию фронта, остальные вынуждены были остаться на оккупированной территории. Они приняли участие в становлении и развитии партизанского движения на территории западного региона БССР, в том числе и Барановичской области.

Исключительно сложные условия борьбы с врагом в 1941 г. являются причиной отсутствия документации по учёту личного состава, вооружения и боеприпасов, продовольствия первых партизан. Многие материалы были утеряны в ходе тяжёлой лесной жизни. Первые группы и отряды довольно часто меняли места дислокации, переходя из района в район, из области в область. Нередки были случаи смены командования, слияния с

другими отрядами, а иногда и вовсе прекращения существования партизанских формирований. И тем не менее, на сегодня известно, что в партизанских отрядах и группах на территории Барановичской области в 1941 г. действовало 115 человек, в числе которых 65 русских, 24 белоруса, 11 украинцев, 10 евреев, 3 татарина и 1 кабардинец [3, с. 117]. Как видим, окруженцы из Казахстана ещё не смогли включиться в борьбу в этот период. Но они не сидели сложа руки. Шёл процесс адаптации, постепенного знакомства с местностью, людьми. Будущие командиры собирали оружие и боеприпасы, налаживали связи с организаторами сопротивления врагу.

Разгром немцев под Москвой вселил в людей надежду на избавление от гитлеровского гнёта, вдохновил патриотов на вооружённое сопротивление фашистским захватчикам. С весны 1942 г. стали возникать партизанские отряды на территории Лидского, Ивенецкого, Мирского, Кореличского, Зельвенского, Дятловского и других районов области.

Командир в партизанском отряде играл ключевую роль. В период становления партизанского движения должность командира была выборной, а не назначаемой. Выбор того или иного командира чаще всего объяснялся его познаниями в военном деле. Пользуясь своими личными качествами и знаниями, первые партизанские командиры объединяли людей в отряде и управляли им твёрдой рукой, а, когда того требовала обстановка, могли прибегнуть и к силе.

Рис. 1. Ковязин В. Ф. — командир партизанского отряда «Борьба»

Организатором одного из первых партизанских отрядов был уроженец деревни Бурас Бескарагайского района Павлодарской области Казахской ССР, Ковязин Василий Филиппович (рис. 1). До войны он проходил службу в 311-м Краснознамённом арtpолку недалеко от Баранович. В конце июня 1941 г. в боях под Минском был ранен, вместе с другими военнослужащими захвачен в плен и заключён в концлагерь [4]. Вскоре Василий Ковязин бежал в район Липичанской пуши, расположенной в междуречье рек Щара и Нёман. Это была труднопроходимая, частично заболоченная территория, где можно было укрыться, собраться с силами, чтобы начать борьбу с врагом.

В марте 1942 г. Василий Филиппович Ковязин вместе со своим земляком и однофамильцем Ковязиным Андреем Петровичем организовал из группы бывших военнослужащих и

жителей Дятловского района Барановичской области Беларуси партизанскую группу «Василий». Первые боевые действия партизан носили ограниченный характер, поскольку ещё не было достаточного оружия и опыта партизанской борьбы. Группа В. Ф. Ковязина в неравной борьбе против вооружённых до зубов фашистов сумела сохранить себя организационно, закалиться, окрепнуть и послужила основой для организации 5 мая 1942 г. около д. Орля партизанского отряда «Орлянский» (позже «Борьба»).

В июне 1942 г. отряд В. Ф. Ковязина разогнал и уничтожил полицейские участки в Накрикшах, Стреле, Мировщизне, сжёг лесозавод в Зачепичах, немецкую машину. В конце июля партизаны отряда «Борьба» внезапно напали на немецких солдат, которые купались в р. Щара. Выстрелами из пушек подожгли две автомашины и преследовали в панике убегающих фашистов несколько километров. В сентябре 1942 г. отряд В. Ф. Ковязина смог достойно противостоять карательному батальону, неожиданно атаковав его и уничтожив на поле боя 33 фашиста [5, с. 113].

В декабре 1942 г. партизанские отряды «Борьба», им. Ворошилова и «Победа» вошли в состав Ленинской партизанской бригады (командиры бригады Ф. М. Синичкин, Б. А. Булат, Г. А. Шубин) [6, с. 43]. Образовалась партизанская зона, где люди жили по законам советской власти. Перед лесными воинами стояла задача: не дать покоя гитлеровцам ни днём, ни ночью. Для этого требовалось как можно быстрее организовать связь с «большой землёй», откуда можно было получить помощь оружием, боеприпасами, подрывной техникой, продовольствием, медикаментами и другими материальными средствами.

По поручению руководства бригады в июне 1942 г. оба казахстанца — Василий Филиппович и Андрей Петрович Ковязины — вместе с тремя бойцами бригады были направлены к линии фронта для налаживания связи с «большой землёй». Командовать отрядом «Борьба» остался Николай Григорьевич Вахонин — уроженец Джамбульской области КазССР.

В. Ф. Ковязин вернулся из-за линии фронта в Барановичскую область вместе с уполномоченным ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Щучинскому межрайпартцентру, членом Барановичского подпольного обкома КП(б)Б, С. П. Шупеней. В одном из боёв отважный командир из Казахстана Василий Филиппович Ковязин пал смертью храбрых и был похоронен на белорусской земле — в селе Дубинка (ныне Гродненская область). Он погиб, так и не успев получить высокой награды — ордена Красного Знамени.

Начальником штаба отряда «Большевик» бригады им. И. В. Сталина был уроженец с. Вознесенское Махинского района Акмолинской области Казахской ССР Афанасий Иванович Гавриш. 31 июля 1943 г., в период

проведения фашистами карательной операции против партизан Ивенецко-Налибокской зоны под кодовым названием «Герман», рота бойцов под руководством А. И. Гавриша на дороге Ивенец–Полдорожье разгромила штаб особого батальона СС Дирлевангера и захватила документы, в том числе подробный оперативный план экспедиции «Герман» и боевой приказ генерал-майора фон Готберга [8, с. 124]. Раскрытые таким образом замыслы гитлеровцев позволили партизанскому командованию произвести перегруппировку своих сил, отбить атаки противника.

Вскоре из бойцов отряда им. Ф. Э. Дзержинского формируется отряд им. К. Е. Ворошилова. Его командиром назначается уже проявивший себя в боях с врагом отважный казахстанец — А. И. Гавриш [6, с. 56–58; 9, Л. 97]. Барановичский подпольный обком партии определил местом дислокации и боевых действий отряду А. И. Гавриша Любчанский район.

3 июля 1944 г. партизаны отряда А. И. Гавриша в составе бригады им. Ф. Э. Дзержинского овладели райцентром Любча. 55 человек полиции оказались в плену. 6 июля 1944 г. оккупанты силой до 3 тыс. человек, поддерживаемые танками и артиллерией, двинулись на удерживаемый партизанами гарнизон. Отряд им. К. Е. Ворошилова находился на южной стороне населённого пункта. Ожесточённый неравный бой длился более 6 часов. Только ценой больших потерь в живой силе и технике противник смог снова занять Любчу. Во время боя было убито 117 оккупантов, ранено 99, захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Противник потерял 3 танка и 2 бронемашины, 4 автомобиля. Со стороны партизан 3 человека были ранены [10, Л. 18 об.; Л. 48]. 8 июля отряды бригады им. Ф. Э. Дзержинского снова захватили Любчу и удерживали её до прихода частей Красной Армии — передового подразделения 69-го стрелкового корпуса 49-й армии 2-го Белорусского фронта.

В смертельной борьбе с фашистскими агрессорами большое значение имела деятельность комиссаров. В партизанских отрядах было немало командиров, имевших опыт вооружённой борьбы с противником, но не владевших основами политической работы с массами. Между тем, население оккупированных районов — это главный и единственный тыл партизан. В условиях всеобъемлющего вражеского окружения перед партизанским командованием возникало множество сложных вопросов не только боевого, но и организационного, политического порядка, которые необходимо было решать незамедлительно. Именно в этом направлении и должен был сыграть свою заметную роль политический руководитель отряда. Одним из таких руководителей был уроженец села Бурас Бескарагайского района Павлодарской области, Ковязин Андрей Петрович 1918 г. рождения (рис. 2). Оказавшись в тылу противника, он активно влился в ряды партизан.

С марта 1943 г. по июль 1944 г. Андрей Петрович занимал должность комиссара партизанского отряда «Борьба» Ленинской бригады. Смелый и энергичный казахстанец много сделал для налаживания политмассовой работы как в отряде, так и среди местного населения. В отряде регулярно, раз в месяц, выходила стенная газета «За Родину», а в ротах выпускались «боевые листки», где отражалась повседневная жизнь и боевая работа подразделения. Наряду с разнообразной политико-массовой деятельностью, А. П. Ковязин проявил себя и как смелый и решительный в своих действиях командир, умеющий командовать и принимать обоснованные решения в сложной обстановке. Своим личным примером, решительностью и отвагой он вдохновлял партизан на боевые подвиги. Партизанский комиссар из Казахстана непосредственно принимал участие в открытых боях, налётах и засадах, взрывах железнодорожных эшелонов и разгроме вражеских гарнизонов [7, с. 117]. В наградном листе отважного павлодарца было записано: «Смелый энергичный комиссар отряда. На своём боевом счету имеет 2 вражеских эшелона, спущенных под откос, 3 засады, 2 взорванных автомашины, 1 уничтоженный мотоцикл с офицерами. Организатор подрывного дела. Смел, отважен в боях, лично сам дисциплинирован, чего требует от своих подчинённых». За боевые заслуги А. П. Ковязин был представлен к награде Орденом Отечественной войны I степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и Орденом Красного Знамени [Ковязин Андрей Петрович 11].

Рис. 2. Ковязин А. П. — комиссар партизанского отряда «Борьба»

В целом, стоит отметить, что на сегодняшний день было выявлено следующее представительство казахстанцев в составе командования партизанских отрядов Барановичской области БССР: 4 командира партизанских отрядов, 3 комиссара, 1 заместитель комиссара по комсомолу, 3 заместителя командира отряда по разведке / контрразведке (табл.).

**Казахстанцы в составе командования партизанских отрядов
Барановичской области Беларуси**

Должность	Ф. И. О.	Формирование
Командир отряда	Гавриш Афанасий Иванович	от. им. К. Е. Ворошилова, бр. им. Дзержинского (Лидская зона)
	Ковязин Василий Филиппович	от. им. Калинина, бр. Бригада им. Ворошилова (Щучинская зона)
	Леонов Иван Григорьевич	от. Рокоссовского, бр. им. Щорса (Ивенецкая зона)
	Вахонин Николай Григорьевич	бр. им. Ворошилова (Щучинская зона)
Комиссар	Ковязин Андрей Петрович	от. «Борьба», бр. Ленинская (Щучинская зона)
	Степанов Павел Михайлович	от. им. Кузнецова, бр. им. Чкалова (Ивенецкая зона)
	Троеглазов Павел Акимович	от. им. Тимошенко, бр. им. Пономаренко (Ивенецкая зона)
Заместитель комиссара по комсомолу	Асанов Пернебай	отр. «им. 1 Мая», бр. «Первомайская» (Столбцовская зона)
Начальник (зам. ком.) разведки / контрразведки	Беркумбаев Женет Тлеугобулович	от. им. Суворова, бр. им. Жукова (Столбцовская зона)
	Горобцов Павел Наумович	от. Котовского, бр. им. Дзержинского (Лидская зона)
	Четвериков Иван Иванович	от. «Красногвардейский», бр. им. Ленина (Щучинская зона)

Среди представителей среднего и младшего командного состава отрядов выявлено 34 уроженца Казахстана, в том числе: 1 командир роты; 4 ротных политрука; 2 старшины роты; 8 командиров взводов (в том числе 1 командир разведывательного взвода); 3 политрука взвода; 16 командиров отделений.

Таким образом, казахстанцы — солдаты и офицеры Красной армии и пограничных войск НКВД, оказавшиеся в начале войны в тылу врага, сыграли значительную роль в развёртывании антифашистской борьбы в оккупированной Барановичской области Западной Беларуси. Вместе с другими «окруженцами» представители Казахстана стали одной из решающих сил в развитии партизанской борьбы. Обладая военными знаниями

и армейскими навыками, боевым опытом, они оказывали руководящим антифашистским подпольным центрам ценную помощь в укреплении действующих и организации новых партизанских формирований, часто входили в состав партизанского командования, были для большинства партизан из числа гражданских лиц боевыми наставниками, примером поведения в вооружённой схватке с врагом.

Библиографические ссылки

1. *Перегожин В. А.* Из окружения и плена — в партизаны // Отечественная история. 2000. № 3. С. 25–33.
2. *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944. Москва: Наука, 1986.
3. *Ермолович В. И.* К вопросу о национальном составе партизан и подпольщиков Беларуси периода войны (1941–1944 гг.) // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. Зб. навук. артыкулаў. Мінск: БДПУ. 1997.
4. Ковязин Василий Филиппович [Электронный ресурс]. URL: <https://partizany.by/partisans/211380> (дата обращения: 10.06.2024).
5. *Шубин Г. А.* Из истории всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов в западных областях Белоруссии (июнь 1941 – июль 1944 гг.). Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1972.
6. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск: Беларусь, 1983.
7. *Наумов Д. Ф.* Лесная война. Алма-Ата: Казахстан, 1972.
8. *Чернышов В. Е.* Во главе народных масс против фашистских захватчиков // Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944: Страницы воспоминаний. Вилей., Баранович., Пин., Брест., Белосток. обл. Минск: Беларусь, 1986.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 5. Д. 405.
10. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 314; Д. 309.
11. Ковязин Андрей Петрович [Электронный ресурс]. URL: <https://partizany.by/partisans/28340/> (дата обращения: 10.06.2024).

УДК 94(470.332)"1941/1943"

ЖИЗНЬ СМОЛЯН В ОККУПАЦИИ (1941–1943)

Т. И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области,
ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru*

В статье автор анализирует документы Государственного архива новейшей истории Смоленской области о повседневной жизни мирного населения на оккупированной территории Смоленской области в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются документы личного происхождения о различных сферах жизни — судьбах военнопленных красноармейцев и бежавших из окружения, условиях жизни и практиках выживания местного населения, организации оккупационной власти, системе налогообложения, действии паспортно-пропускной системы, использовании жителей для выполнения принудительных работ, насилии. Тяжелые материальные условия жизни, голод, карательные операции были причинами высокой смертности среди населения и являлись частью политики уничтожения населения, реализованной нацистами в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Смоленская область; оккупация; мирное население; повседневная жизнь.

THE LIFE OF RESIDENTS OF THE SMOLENSK REGION UNDER OCCUPATION (1941–1943)

T. I. Tarasenkova

*State archives of modern history of the Smolensk region,
Lenin Street, 28, 214000, Russia, tata-tarasenkova@yandex.ru*

In the article, the author analyzes the documents of the State archives of the modern history of the Smolensk region on the daily life of civilians in the occupied territory of the Smolensk region during the Great Patriotic War. Documents of personal origin on various spheres of life are considered — the fate of prisoners of war of the Red Army and those who escaped from the environment, living conditions and survival practices of the local population, the organization of the occupation authorities, the taxation system, the operation of the passport and access system, the use of residents to perform forced labor, violence. Difficult material living conditions, famine, punitive operations were the causes of high mortality among the population and were part of the policy of extermination of the civilian population implemented by the Nazis during the war.

Keywords: the Great Patriotic war; Smolensk region; occupation; civilians; daily life.

Великая Отечественная война — глобальное событие, которое изучалось исследователями в течение всех послевоенных десятилетий. Но не все ее аспекты получили полное освещение. Повседневная жизнь гражданского населения на оккупированной территории Смоленской области в 1941–1943 гг. рассматривается в ограниченном количестве научных публикаций [1; 2; 3].

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области в фонде Западного штаба партизанского движения сохранились воспоминания смолян, переживших оккупацию. До начала войны они работали в колхозах, на МТС, занимали ответственные должности в райкомах ВКП(б), правоохранительных органах. В период оккупации многие из них, преимущественно мужчины, состояли в партизанских отрядах, женщины становились разведчицами, выполняли вспомогательную работу по обеспечению партизан продуктами, вещами.

Большинство воспоминаний записано в послевоенное время в 1946–1948 гг. сотрудниками архива Смоленского обкома ВКП(б). Часть воспоминаний датирована 1942 г. и собрана сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Начало войны. Новость о начале войны оказалась неожиданной для всех. Жители Смоленска узнали о ней в полдень из выступления по радио наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. В районах области о ней стало известно во второй половине дня — из повторения речи В. М. Молотова в 4 часа дня. О начале войны сообщали в сельсоветах, в почтовых отделениях получали телеграммы с известием о начале войны. Мобилизация проводилась быстро, без дополнительных собраний и специальных речей. Людям вручались повестки и на колхозном транспорте они ехали в военкоматы [4, л. 36].

Началась эвакуация фабрик и заводов, населения. В первую очередь, эвакуировались семьи военнослужащих и работников учреждений. Горожане покидали свои дома, отправляясь в деревни к родственникам, где можно было выжить. Сельских жителей, в отличие от городских, эвакуировалось мало. Они либо оставались на месте, не планируя переселиться, либо не успевали эвакуироваться [5, л. 17].

Судьба военнопленных солдат и командиров Красной Армии. К концу осени 1941 г. на оккупированной территории Смоленской области оказалось большое количество красноармейцев. Среди них было много раненых, некоторых не успели эвакуировать перед отступлением.

В деревне Хватов Завод Семлевского района (ныне — Вяземский район) был организован госпиталь для солдат. Он возник по инициативе сельского фельдшера Акима Никоновича Васильева, который спасал раненых, бежавших из вражеского окружения в районе Вязьмы. Акиму Никоновичу помогала вся его семья — жена Анастасия Ивановна, сын Александр, дочь Антонина, племянница Анастасия, друг сына Петр Григорьев. Они стирали бинты, готовили пищу раненым из продуктов, принесенных односельчанами, искали на полях лекарства и медикаменты [6, л. 7–14].

Раненых было настолько много, что в госпитале не хватало мест. Приходилось солдат размещать просто на полу, расстилая солому. Также солдатам было выделено и место в доме Васильевых. Супруги Васильевы погибли от рук немцев: Анастасия Ивановна в январе 1942 г., Аким Никонич в августе того же года. Но госпиталь работал и дальше, до тех пор, пока оттуда не вышел последний больной. Всего семья Васильевых спасла от смерти около 500 раненых бойцов.

В Знаменке в одной из церквей остались не эвакуированными бойцы и командиры Красной Армии, которых ждала смерть от ран и голода. По инициативе местных жителей в д. Желанья было организовано два госпиталя — в клубе и в школе. О госпитале стало быстро известно, и раненые, которые могли передвигаться, приходили сами, тяжелобольных привозили. Максимальное количество больных, проходивших лечение в этих госпиталях, достигало 300 человек [5, л. 159, 166]. Врачи в госпитале тоже были из красноармейцев-окруженцев.

Продукты для госпиталя собирало все население, также по двое-трое раненых прикрепляли к домохозяйству, и семья должна была кормить своих подопечных, принося еду в госпиталь. Лекарства собирали жители деревень: на местах боев в лесах и на полях они находили много санитарных сумок с медикаментами. перевязочный материал искали по домам, стирали его, кипятили.

17 января 1942 г. началась Вяземская воздушно-десантная операция, в д. Желанья высадился парашютный десант. Перед тем как немцы оставили деревню, все красноармейцы, которых они нашли, были расстреляны.

В январе–апреле 1942 г. оккупационные власти потребовали от окруженцев пройти регистрацию. Тех, кто приходил регистрироваться, собирали и увозили в лагерь для военнопленных. Для многих окруженцев это стало мотивом примкнуть к партизанским отрядам.

Материальные и бытовые условия жизни. С началом оккупации жители Смоленской области оказались в сложных материальных условиях.

До конца 1941 г. население было неплохо обеспечено продовольствием. Осенью колхозное зерно крестьяне собрали и разделили между домохозяйствами, колхозный скот, не эвакуированный в тыл, тоже был распределен. Пострадавшими в начале оккупации оказались преимущественно те семьи, чье хозяйство было разорено в ходе боев.

Поражение немецких войск в Московской битве изменило ситуацию. Численность немецких солдат в области резко увеличилась. Крестьянские семьи выселяли из домов, выбранных нацистами для постоя. Выселенные на улицу люди искали приют у родственников, соседей или выкапывали себе землянки. Продовольственные запасы, которые крестьяне раньше

хранили в амбарах, теперь закапывали в землю. В земле прятали одежду, обувь, предметы быта [5, л. 17 об.]. Немецкие солдаты узнавали о таких тайниках и раскапывали их, забирая себе все продукты и имущество.

Система налогообложения. Вводилась разветвленная система налогообложения. В разных районах и населенных пунктах области она состояла из различных видов работ, услуг, имущества, подлежащих налогообложению.

В Руднянском районе с мая 1942 г. немцы ввели налоги: за кошку — 50 руб. в год, за собаку — 150 руб. в год, за курицу — 30 яиц, за удочку — от 2 до 10 руб., за музыкальные инструменты от 1 до 3 руб., подушный налог на каждого человека от 16 до 60 лет — 120 руб. в год. В Починковском районе с населения собирали в виде налогов по 6 яиц в месяц, по два литра молока в день, по 150 руб. подушного налога с человека в год. При несвоевременной сдаче яиц и молока куры и коровы у населения отбирались [7, л. 13; 8, л. 19–21]. Взимались налоги с лошади, с коровы, налог со строений, из зарплаты работающего человека ежемесячно удерживался подоходный налог 10 %. Кроме денежных налогов население платило натуральные налоги мясом, молоком, картофелем. Источником дохода для оккупационной администрации была выдача пропусков для перемещения между населенными пунктами, удостоверений, справок.

Организация власти. Житель д. Желанья Знаменского района Василий Иванович Веселовский по стечению обстоятельств в октябре 1941 г. оказался в Знаменской комендатуре на собрании, на котором комендант заявил, что все учреждения в районе останутся, как и при советской власти, только не будет райкома партии и райисполкома. Население должно платить нацистам те же налоги, которые выплачивали прежде [5, л. 161 об. – 162].

Часть крестьян ждала от нацистов роспуска колхозов и развития личных хозяйств. Но нацисты в деревнях Сафоновского района развесили приказ о создании «общих дворов». Зерно и скот, ранее принадлежавшие колхозам, а с началом оккупации разобранные по дворам, крестьянам предписывалось вернуть на «общий двор». На тех полях, на которых зерно еще не было обмолочено, молотили под контролем немцев: они приезжали, собирали зерно в мешки и увозили его, ничего не оставляя крестьянам [9, л. 36].

Уровень достатка, который в 1941 г. оценивался авторами воспоминаний как неплохой, начал снижаться уже с начала 1942 г. Изъятие продуктов и имущества нацистами, отсутствие достаточного количества рабочей силы и тяглового скота для посевных работ становились причинами резкого обеднения крестьянских хозяйств. В 1943 г. ситуация еще больше усугубилась, особенно для хозяйств, в которых было много нетрудоспособных членов семей — детей и стариков.

Принудительные работы. Оккупационные власти широко использовали местное население для выполнения различных работ под принуждением. Жителей привлекали к охране железных и шоссейных дорог. За каждым жителем закреплялся участок дороги в несколько сотен метров. За малейшее повреждение железнодорожного пути охранявший его расстреливался.

В декабре 1941 г. по приказу немецкой полевой комендатуры к расчистке железнодорожных путей от снега на станции Смоленск ежедневно привлекалось 1500 чел. В дни «дежурства» каждый гражданин должен был находиться дома и ждать сигнала тревоги — вызова на работу, а после подачи сигнала (боя колокола, гудка ТЭЦ) кратчайшим путем следовать на железнодорожную станцию и, получив лопату, кирку или метлу, расчищать рельсы. Никакие причины неявки или опоздания не принимались во внимание. Самым незначительным наказанием за подобный проступок являлось заключение на 15-дневный срок концлагерь № 126 [10, с. 16].

Для подготовки дорог к зиме каждого трудоспособного жителя обязали сделать по 15 огораживающих щитов из своих пиломатериалов [11, л. 21–22]. В то же время во Всадском районе в августе 1942 г. крестьянам запретили заготавливать лес для постройки жилых домов, объясняя это тем, что надо активно работать для немецкой армии, а не строить дома для себя [11, л. 22].

Паспортно-пропускной режим. Оккупационные власти для обеспечения безопасности немецких солдат, для установления контроля над населением вводили паспортно-пропускной режим и ограничивали возможности передвижения людей между населенными пунктами.

Новая администрация назначала старост и поручала составлять им списки всех жителей. В списки включалась информация о том, с какого времени человек проживает в населенном пункте, и если он не уроженец здешних мест, то откуда прибыл. Тем самым выявлялись красноармейцы, селившиеся в крестьянских семьях под видом родственников, и партизаны-разведчики, перемещавшиеся между деревнями и районами.

Старосты, назначенные на эти должности против своей воли и лояльно относившиеся к партизанам, предупреждали о составлении списков и давали возможность покинуть деревни лицам, которым грозила опасность.

Описания немецких документов имеются во многих воспоминаниях: паспорт представлял собой небольшой кусочек картона, перегнутого пополам, в котором указывались: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность и местожительство граждан, причем писалось это на немецком и русском языках. Подписывал паспорт бургомистр волости и паспортист. Фотокарточки не было, но зато указывались: рост, цвет волос и глаз и особые приметы [13, л. 184 об.].

В деревнях Кармановского района (Нижняя Трупня, Песочня) всему населению с 12-летнего возраста были выданы нашейные бирки из фанеры с указанием номера (каждому человеку присваивался индивидуальный номер) и названия деревни по-немецки. Перемещение по деревне и за ее пределами без нашейного номера каралось — до 25 ударов розгами или заключение на ночь в холодном помещении [12, л. 90, 98].

Местные жители регулярно становились свидетелями казней партизан, красноармейцев, своих односельчан. В д. Песочня была сооружена виселица. Все казни осуществлялись публично с целью устрашения населения. Перед каждым повешением нацисты собирали всех жителей деревни и окрестных сел и расставляли около виселицы, «не давали плакать, и тут же на глазах вешали, а всякое такое злодеяние они фотографировали» [12, л. 98].

Повседневная жизнь сельского населения Смоленской области в годы нацистской оккупации, представленная в воспоминаниях очевидцев, показывает невероятный масштаб трагедии, с которой столкнулись люди. Тяжелые материальные условия жизни, голод, карательные операции, сожжение деревень являлись частью целенаправленной политики уничтожения мирных жителей. Воспоминания людей, переживших оккупацию, только сейчас становятся предметом исследования и открывают много неизвестных страниц о жизни мирных граждан в трудное военное время.

Библиографические ссылки

1. *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 367 с.
2. *Стрелец Р. В.* Преступления нацистов против мирного населения Смоленской области в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 4–17.
3. *Якутин А. В.* Конфессиональная политика нацистских оккупационных властей в захваченных районах Смоленщины в 1941–1943 годах // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2. С. 34–41.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 8. Д. 132. Л. 36.
5. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 299. Л. 17.
6. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 2. Д. 403. Л. 7–14.
7. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 252. Л. 13.
8. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 106. Л. 19–21.
9. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 395. Л. 36.
10. Все судьбы в единую слиты: По рассекреченным арх. док. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Администрация Смоленск. обл., Департамент Смоленск. обл. по делам арх.; Авт.-сост. Н. Г. Емельянова и др. Смоленск: Маджента, 2003. 152 с.
11. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 170. Л. 21–22.
12. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 8. Д. 215. Л. 108.
13. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 265. Л. 184 об.

УДК 94(430).087

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ПСКОВЩИНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т. Г. Хришкевич

*Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180006, г. Псков,
Российская Федерация, faschoda@mail.ru*

В публикации рассмотрены примеры трудовых отношений населения Пскова с оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны. Среди них — частная предпринимательская деятельность, а также работа по найму. Организация трудовой деятельности горожан в оккупированном Пскове проанализирована на основании материалов Государственного архива Псковской области (ГАПО), которые показывают, что одной из самых частых сфер предпринимательства в годы оккупации являлась сфера услуг.

Ключевые слова: Вторая мировая война; оккупация; карточная система; Псков; организация труда.

THE ORGANIZATION OF LABOR AND THE CARD SYSTEM IN THE OCCUPIED PSKOV REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE PSKOV REGION)

T. G. Hrishkevich

*Pskov State University, Lenin Square, 2, 180006, Pskov, Russian Federation,
faschoda@mail.ru*

The publication examines examples of labor relations between the Pskov population and the occupation authorities during the Great Patriotic War. Among them are private business activities, as well as employment. The organization of the labor activity of citizens in occupied Pskov is analyzed on the basis of materials from the State Archive of the Pskov Region (GAPO), which show that one of the most frequent areas of entrepreneurship during the occupation was the service sector.

Keywords: World War II; occupation; card system; Pskov; labor organization.

История нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны на территории СССР не теряет актуальности, хотя к настоящему времени подробно изучена и является объектом пристального интереса исследователей. Однако тема трудовых отношений населения с оккупационными властями имеет значительные пробелы, что во многом связано как с относительно недавним открытием архивов, так и с оправданным интересом преимущественно к преступлениям нацистов на оккупированной территории.

Механизмы выживания мирного населения на захваченной территории были тесно связаны с тем, где людей застала оккупация — в городе или сельской местности. Жизнь в деревне имела хоть и крайне слабые, но всё-таки преимущества, ввиду наличия подсобного хозяйства. В оккупированном городе такие возможности резко сокращались и надеяться можно было либо на доход от частной предпринимательской деятельности, либо от работы по найму. При этом наличие заработной платы не гарантировало благополучной жизни. Налоговая политика, штрафные санкции, карточная система, высокая стоимость жизни, незначительный выбор продуктов, условия труда и проживания, сводили на нет мизерные доходы горожан.

Территория современной Псковской области была оккупирована нацистами с 1941 по 1944 гг. Псков относился к тем городам РСФСР, которые находились под оккупацией дольше всего. 9 июля 1941 г., на 18-й день войны, Псков был захвачен немецкой армией. Оккупация продолжалась до 22 июля 1944 г.

История организации трудовой деятельности горожан в оккупированном Пскове может быть проанализирована на основании материалов Государственного архива Псковской области (ГАПО), фонды которого содержат многочисленные данные о трудоустройстве и предпринимательской деятельности.

Официальные объявления, вывешиваемые оккупационными властями, показывают, что с первых дней всё пригодное к труду население обязано было в кратчайшие сроки зарегистрироваться. Только после этого оставшиеся в городе жители имели возможность на легальный заработок и соответственно уплату налогов. Рабочий паспорт — это не единственный документ, который следовало иметь гражданскому населению. Постановление о выдаче хлеба в городе Пскове (вступающее в силу с 1 апреля 1942 г.) перечисляло документы, которые должны были иметь «трудящиеся лица»: рабочий паспорт, русский паспорт, удостоверение регистрации местной комендатуры [1]. Паспорт следовало постоянно носить с собой и предъявлять патрулю по первому требованию. Нахождение на улице без паспорта грозило «строгим наказанием».

Оккупационные власти демонстрировали иллюзию свободы, возвращая частную собственность и возможность завести своё дело в целях самообеспечения. Книги по учету налогов с частных торгово-ремесленных предприятий за январь — декабрь 1942 г. [2] показывают, что в Пскове было значительное количество частных предприятий. Среди них: сапожники, парикмахерские, комиссионные магазины, торговля подержанными вещами, рыбная торговля и овощная, чистильщики обуви, живописные мастерские, кузницы, слесарные, столярные и часовые мастерские, торговля

хлебом, ломовые извозчики, чайные, закусочные, столовые. Помимо них встречаются: торговля хозяйственными товарами, музыкальная мастерская, посудо-хозяйственный магазин, типография, квасное производства, мельница, трикотажная мастерская, красильня, пекарня, колбасное производство, мастерская по ремонту мебели, фотография, игрушечная мастерская, легковой извозчик, стекольщик, производство восковых свечей, иконописная мастерская, производство кожи, точильщик.

Одна из самых частых сфер частного предпринимательства в годы оккупации — сфера услуг, в частности, портновское дело. Портные обеспечивали пошив всех видов одежды, но их услуги, в сравнении с доходами жителей города, были довольно дороги. Например, стоимость услуг портнихи в разных мастерских оплачивалась следующим образом: пошив жакета дамского — 250 руб., дамского пальто от 200 до 400 руб., детского платья — 250 руб., женского платья от 150 до 200 руб., блузы дамской от 100 до 150 руб., мужских брюк — 150 руб. [3].

Помимо частного предпринимательства небольшая часть горожан работала на управу. В конце 1941 г. Псковское городское управление оповестило население о восстановлении работы школ, но вскоре подавляющее их большинство прекратило работу в связи с отсутствием средств для оплаты педагогов, острого недостатка учебников и невозможности для большинства школьников (из-за отсутствия одежды и обуви), посещать школу [4]. В 1943 г. в городе продолжала работать ремесленная школа при Псковском городском управлении. Ведомость на выдачу зарплаты учителям за июнь 1943 г. — декабрь 1943 г. показывает, что в школе работало от 3 до 6 учителей. Оплата работы была почасовая и составляла 8 рублей. Из нее уплачивались налоги в размере 10 % [5, л. 9].

Городское управление давало самую разнообразную работу. Помимо организованной и системной, как например, амбулатория или полиция, были разовые сдельные виды работ. Большая часть из них была низкооплачиваемой. Сохранились счета, поданные в управу от граждан города, которые выполняли заказы или продавали управе необходимые для проведения ремонта и отсутствующие в условиях оккупации инструменты и материалы. Так счет от Моисеевой Александры Афанасьевны, «проживающей по Петровскому посаду д. 6, кв. 2, паспорт 735517» гласил: «Причитается с вас получить за стирку белья для городского управления ниже следующие: 1. Салфеток в количестве $10 \times 10 = 100$. 2. Полотенцы $18 \times 5 = 90$. Итого на сумму 190 руб.» [6, л. 132].

Помимо частных предприятий на территории Пскова работали заводы. Крупнейшим из них была меховая фабрика — бывший кожевенный завод «Пролетарий», где работало до 600 человек. Здесь шили меховую

одежду и обувь для немецкой армии. Ремзавод занимался ремонтом тракторов, изготовлением сельхозинвентаря. Работали завод «Металлист» и теплоэлектрическая станция.

Трудовая деятельность являлась основанием для получения хлебных и продовольственных карточек. Работающие на предприятиях вносились в списки централизованно и получали 300 г хлеба в день, неработающие — 175. Как правило, списки указывали имя, фамилию, отчество, год рождения, должность. В ряде случаев довоенную квалификацию или место работы. Например, списки на получение хлебных карточек рабочими и служащими жилищного отдела городского управления за январь 1944 г. перечисляет 96 человек, работающих дворниками. Однако в подавляющем большинстве их предыдущая квалификации это санитарки, шорники, сторожа, обойщики, прачки, пекари, сапожники, печники, угольщики, возчики, кладовщицы, бухгалтеры, грузчики, слесари, электрики [7, л. 4]. Списки на получение хлебных карточек ярко свидетельствуют, как изменилась жизнь тех, кто вынужден был остаться в оккупированном городе. Мало кто смог сохранить предыдущее место работы. В поисках заработка люди были вынуждены устраиваться на любую доступную работу. Например, список жилищного отдела — это бывшие учителя, счетоводы, адвокаты, бухгалтеры, кассиры. Списки подсобного хозяйства отдела городского управления на январь 1944 г.: чернорабочий работает ассенизатором, тракторист — конюхом, кровельщик — рабочим, агроном-садовод — зав. участком, крестьянин — печником, нотариус — счетоводом, цветовод — бригадиром. И только кузнец и санитарка сохранили свою квалификацию [7, л. 6]. Работа по профилю чаще всего удавалась в случае технических специальностей. Списки работников сантехнических мастерских городского управления на получение хлебных карточек за январь 1944 г. в количестве 49 человек показывают, что на местах слесарей, электромонтажников, плотников и кузнецов работают люди по своему профилю [7, л. 15]. Аналогичной ситуация была в школах, училищах и больнице.

Основанием на получение продовольственной карточки мог быть промысловый патент, заявление о частной предпринимательской деятельности или договор о найме на работу. Например, заявление в карточное бюро из Управления православной миссии: «Прошу выдать хлебные карточку сторожам кладбища Иоанна Богословского и Мироносицкого» на обороте содержит запись «Имеет рабочую карточку № 12542. Работает с 31 октября 1941 г. Карточка № 4515. Маг. № 2» [8, л. 170]. Последняя запись указывает, что все получающие карточки приписывались к соответствующим магазинам города, где должны были отоваривать их в соответствии с поданными туда списками.

Заявления в карточное бюро также позволяют увидеть разнообразие трудовой деятельности псковичей в годы оккупации: «Прошу выдать мне хлебную карточку. Я даю частные уроки по русскому языку и арифметике. 24 июня 1943 г.», «Даю частные уроки по русскому языку», «Имею несколько учеников», «Я даю уроки на дому», «Занятия ежедневно с 5 до 7 вечера». Среди патентов, подтверждающих трудовую деятельность как основание на получение карточек: патент на ломовой извоз, кустарный патент на выработку игрушек, на фотоработы, на сапожные работы [9, л. 28–40].

В 1943–1944 гг. карточки получали по спискам и не работающие жители города, а также беженцы: иждивенцы завода «Луковка» (117 человек), воспитанники детского дома Православной миссии (12 детей в возрасте от 7 до 13 лет), воспитанники приюта (11 человек), жильцы Псковского дома инвалидов (47 человек), иждивенцы организации ТОДТ (8 человек), беженцы в Западном лагере (116 человек), пациенты городской больницы (102 человека в июле 1943 г.), дети и старики, находящиеся на иждивении железной дороги Черняковицы (54 человека) [10, л. 299].

Особенно интересны документы, подтверждающие трудовые отношения. Они отчетливо показывают, что люди были вынуждены соглашаться на любую работу. Вероятно, это мог быть и способ поддержки горожан друг другом. Документы приводятся полностью:

«Торговый отдел г. Пскова.

Заявление в торговый отдел Яковлевой Марии Васильевны ст. медсестры лазарета № 134. Выдать хлебную карточку домработнице Ничипорчик Варваре Васильевне от 11 февраля 1942 г.».

На обороте заявления Яковлевой:

«Ничипорчик Варвара имеет раб. паспорт № 16037 и напр. с Упр. Труда № 753 и работ. с П. П. 1942 г. Карт. 4624. Маг 5. Карточку получила Ничипорчик».

«Договор.

Г. Псков февраля 9 дня 1942 г.

Я нижеподписавшаяся гр-ка Яковлева Мария Васильевна прожив. по Некрасовской ул. в д. 54а с одной стороны и гражданка Ничипорчик Варвара Васильевна, проживающая по Некрасовской ул. в д. № 54а с другой стороны заключили настоящий договор в следующем:

І. Я, гр. Ничипорчик В. В. обязуюсь выполнять у гр. Яковлевой М. В. следующие работы: уборка квартиры, стирка белья, приготовление обеда, уборка двора и улицы.

ІІ. Я, гр. Яковлева М. В. обязуюсь со своей стороны за выполненные работы обеспечить полным содержанием и уплачивать ей 60 руб.

Настоящий договор вступает в силу с февраля 1942 г.

Подписи договаривающихся сторон: Наемщица: М. Яковлева. Домработница: Ничипорчик» [8, л. 91–92].

Таким образом, несмотря на искусственно создаваемую иллюзию нормальности, жизнь в оккупированном Пскове такой не была. Возможности получения заработка были ограничены, а систематические штрафы и наказания сводили на нет большинство доходов. Не все имели возможность выехать в деревню к родственникам за продуктами. Население голодало, так как основная масса продовольствия конфисковывалась хозяйственной инспекцией группы армий «Север» в пользу немецкой армии.

Большинство трудоспособного населения Пскова работы не имело и по приказу германских властей привлекалось в порядке трудовой повинности на работы: по ремонту железнодорожных и шоссейных дорог и мостов, строительство оборонительных сооружений, выгрузку и погрузку грузов и т. п. Часть псковичей были отправлены в город Нарву для работы на восстановленных и введенных в эксплуатацию фабриках: «Кренсгольмская мануфактура», «Парусиновая» и «Суконная». Лицам, используемым на трудовых работах по месту жительства или вблизи лежащем районе, немцы питания не давали.

Население города было абсолютно бесправным. Любое неисполнение распоряжений властей, уклонение от трудовой повинности рассматривалось как саботаж и строго наказывалось: от штрафа до тюрьмы и расстрела. За отказ от работы штраф был самым лёгким выходом. Зачастую это были принудительные работы или отправка в лагерь.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 1а.
2. ГАПО. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 250.
4. О положении во временно оккупированных противником районах СССР (Ленинградская обл. и Карело-Финская ССР)». Разведывательная сводка № 4 4-го Управления НКВД СССРУБ. С. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/razvedyvatel'naya-svodka-no-4-4-go-upravleniya-nkvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh> (дата обращения: 25.06.2024)
5. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 268.
6. ГАПО. Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАПО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАПО. Ф. Р-1476. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАПО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАПО. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 299.

БЕЛАРУСЬ И МИР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(100)"1918/1939"

БЕЛОРУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В США В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А. А. Данченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, leha.danchenko@mail.ru*

В статье рассматриваются основные события, связанные с выездом населения с территории Западной Беларуси в США в межвоенный период (1918–1939). Проанализированы предпосылки и причины выезда белорусского населения, отношение правительства Польши в этом вопросе, а также законодательство и политика США в отношении иммигрантов. Кроме этого отмечены основные тенденции общественной и культурной деятельности белорусов в Соединённых Штатах, уровень организованности белорусской диаспоры и взаимодействия с другими славянскими диаспорами.

Ключевые слова: эмиграция; диаспора; США; межвоенный период; культура; белорусы, Западная Беларусь.

BELARUSIAN EMIGRATION TO THE UNITED STATES IN THE INTERWAR PERIOD

A. A. Danchenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, leha.danchenko@mail.ru*

The article examines the main events related to the departure of the population from the territory of Western Belarus to the United States in the interwar period of 1918–1921. The prerequisites and reasons for the departure of the Belarusian population, the attitude of the Polish government in this matter, as well as the legislation and policy of the United States regarding immigrants are analyzed. In addition, the main trends in the social and cultural activities of Belarusians in the United States, the level of formation of the Belarusian diaspora and interaction with other Slavic diasporas were noted.

Keywords: emigration; diaspora; USA; interwar period; culture; Belarusians; Western Belarus.

Массовым явлением на рубеже конца XIX–начала XX в. стала эмиграция населения с территорий белорусских губерний в США и страны Западной Европы. Массовый выезд населения был вызван, прежде всего, тяжёлой экономической ситуацией (безработицей и крестьянским

малоземельем) в белорусских губерниях Российской империи. Впервые массово начали выезжать беднейшие слои населения — крестьяне, будучи знакомые с физическим трудом, они искали судьбу и возможность заработка за океаном.

В странах Западной Европы и США на рубеже веков в связи с расширяющейся индустриализацией и ростом промышленности в экономике остро стоял вопрос с нехваткой рабочей силы. Поэтому спрос на рабочие руки был высок, так же как и заработная плата. Способствовало отъезду за границу также слабая разработка российской миграционной политики, но даже в такой ситуации люди чаще всего покидали пределы империи нелегальным способом, что и побудило российское правительство более детально заняться этим вопросом в самом конце XIX в. [7, с. 118–119].

Именно на рубеже XIX–XX вв. трудовые эмигранты начали формирование белорусской диаспоры, как части белорусского народа проживающего за пределами страны [2, с. 109].

Одна из волн эмиграции приходится на бурные годы революции, Гражданской войны, немецкую и польскую оккупации и установление советской власти в Беларуси. Прежде всего, данная волна эмиграции была политической по своей причине, нежели экономической. По приблизительным оценкам в данный период выехало более 122 000 человек [4, с. 35].

Актуальность изучения миграционных процессов и белорусской эмиграции является важным направлением в контексте изучения социальной истории. Более того, данная тема только в последние десятилетия стала проводиться на серьёзном уровне, и требует более детального рассмотрения во всех аспектах.

Прежде всего, эмиграция белорусов в обозначенный период 1918–1939 гг. была возможна лишь с территории Западной Беларуси находившейся в то время под властью Польши, выезд населения из БССР был невозможен. К тому же, официальная политика Польши, которая поддерживала миграционные процессы, рассматривая их как способ снятия напряженности в общественно-политической и социально-экономической сферах на присоединённых землях. В 1927 г. польскими властями был принят закон «об эмиграции», а в 1930 г. для координации миграционного движения и осуществления посреднической деятельности между властями Польши и зарубежных стран по вопросам выезда населения был создан Варшавский эмиграционный синдикат [5].

Правовой основой иммиграционной политики в США были два законодательных акта — «Устав об иммиграционных квотах» 1921 г. и «Закон Джонсона» 1924 г. Суть «Устава об иммиграционных квотах» или закона Дилинхгема, заключалась в установлении ежегодного контингента

эмигрантов в США. Сенатор Дилингхем предложил внести поправку в закон именно по точному ограничению количества эмигрантов в США. Данный закон предусматривал ограничение годовой цифры эмигрантов 3 % от этнической группы граждан США на основании переписи населения 1910 г. [3, с. 59].

Некоторые группы населения могли ехать в Америку вне квот. Например, не попадали в данную категорию жены граждан Америки или дети, которые ехали к своим родителям. Этот документ фактически положил основу юридическому ограничению эмиграции в США. «Закон Дилингхема» ограничивал эмиграционный поток белорусов в рамках квоты на эмиграцию польских граждан. В 1920-е гг. большой процент эмигрантов в США составляли жены и дети тех белорусов, которые успели выехать до введения четких ограничений на эмиграцию [3, с. 59].

После истечения срока «закона Диллингхема» в 1924 г. был принят новый закон, известный в истории как «закон Джонсона». Квоту для польских граждан уменьшили, она составила уже 2 % от этнической группы граждан на основании переписи населения 1910 г. [5].

С 1929 г. на эмиграционные потоки в США начал оказывать влияние Всемирный экономический кризис. С ростом безработицы в Америке правительство начало создавать юридические ограничения для возможных эмигрантов. Многие законодательные ограничения на эмиграцию в США заставили инициативных людей из Европы искать другие возможности въехать в эту страну. Таким образом, в межвоенное время увеличилось эмиграция из Польши через Канаду в США [2, с. 49].

Существует подробная статистика польских граждан, выехавших в США с 1918 по 1939 г. в число польских эмигрантов записывались также уроженцы Западной Беларуси и Западной Украины — белорусы и украинцы. Поэтому цифры белорусов, эмигрировавших в США, могут быть лишь приблизительными. Витовт Кипель в своей работе пишет не более чем о тысячи въехавших в США, однако это число вызывает сомнение [3, с. 58].

Принципиальным вопросом при изучении белорусской эмиграции является ее социальный состав. Численность интеллигенции диаспоры влияла на политическую, культурную и образовательную деятельность. Эмигрантская интеллигенция белорусов концентрировалась главным образом в Чехословакии, Литве, Латвии, а трудовая, крестьянская эмиграция оседала преимущественно на американском континенте. Белорусские эмигранты в США часто являлись малоземельными крестьянами, которые ехали за границу, чтобы устраиваться там на тяжелую и малооплачиваемую работу, которая между тем приносила больший доход, чем на родине. При исследовании процесса социальной адаптации белорусов в Соединенных

Штатах необходимо отметить тесные связи с представителями российской, украинской и польской диаспор. Белорусы часто включались в мероприятия, которые организовывала более широкая и консолидированная эмиграция. Особенно активно развивались контакты с украинской диаспорой [6, с. 197–198].

Даже в период мирового экономического кризиса эмиграция в Соединенные Штаты полностью не остановилась. Во время массовой безработицы конфликты между местными рабочими и эмигрантами иногда приобретали такую остроту, что превращались в открытые конфликты. Американские рабочие делали все возможное, чтобы эмигранты не могли создать им конкуренцию [6, с. 197–198].

Политическая белорусская эмиграция в Соединенных Штатах Америки не была самой активной между мировыми войнами. Представители политической волны эмиграции пытались консолидировать белорусов, расширить направления их деятельности. В 1921 г. в Нью-Йорке был создан Белорусский национальный комитет и Белорусское пресс-бюро, в 1923 г. в Чикаго была создана белорусско-американская Национальная ассоциация [4, с. 35].

Кроме этого свою пропаганду в Америке проводили не только националистические, но и левые, просоветские организации. Но чаще всего белорусы попадали под влияние русской или польской диаспоры, что было связано с деятельностью церкви. При контактах с поляками и русскими в Америке белорусы начинали себя отождествлять с данными нациями, фактически присоединяясь к их диаспоре. Процесс социальной адаптации белорусов в Соединенных Штатах Америки был сложным. Эмигрантам необходимо было усвоить американскую систему моральных ценностей, нормы поведения в обществе. Особо непростым в освоении представлялся индивидуалистический образ жизни, который не всегда правильно воспринимался эмигрантами. Кроме того, белорусам важно было как можно быстрее освоить английский язык, американское законодательство, традиции новой родины, что часто требовало немалых усилий и времени [6, с. 197–198].

Пресса белорусской диаспоры в США между военного периода была немногочисленной. Периодические издания прекращали свою работу из-за отсутствия финансов, потому что издатели не находили необходимый круг читателей для своих газет и журналов среди трудовой белорусской эмиграции. Издателями прессы белорусской диаспоры стали политические эмигранты. Например, журнал «Американский белорус» подготовленный к печати в Чикаго. Газеты и журналы были рассчитаны не только на политических деятелей за рубежом, но и на трудовую эмиграцию. Многие статьи в газете печатались также на русском языке [1, с. 309].

Среди представителей политической белорусской эмиграции в США можно отметить ряд активных лиц, однако они не были достаточно обеспеченными и амбициозными людьми, которые смогли бы объединить белорусов. В течение 20-х гг. XX в. в разных штатах и городах Соединённых Штатов существовала около десяти небольших белорусских организаций, которые просуществовали совсем недолго [8, с. 78].

Политическая и культурная жизнь белорусской диаспоры в Соединённых Штатах Америки в межвоенный период была пассивной. Только начала формироваться американская периодическая печать белорусской эмиграции. Представители экономической волны эмиграции из Западной Беларуси в процессе адаптации часто присоединялись к деятельности других славянских диаспор.

Подводя итог, можно сказать, что белорусская межвоенная эмиграция в США была в основном экономической, большинство эмигрантов происходили с территории Западной Беларуси, которая находилась под властью Польши. Изучение североамериканского направления белорусской эмиграции специалистами на современный момент только начинается, поэтому важными являются вопрос количества эмигрантов, механизм получения американской визы, законодательство в миграционной сфере, социальный состав представителей диаспоры. Сокращение количества эмигрантов объясняется разнообразными изменениями законодательства США и проявлениями международного экономического кризиса. Белорусские эмигранты присоединялись к деятельности славянских диаспор. Особое значение имели взаимосвязи белорусов и украинцев в Соединённых Штатах Америки.

Библиографические ссылки

1. *Ананько К. Д.* Эмиграция белорусов в США после Первой Мировой войны: постановка проблемы // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы III Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, в 3 ч., Комсомольск-на-Амуре, 06–10 апреля 2020 года. Том Часть 3. Комсомольск-на-Амуре, 2020. С. 307–310.
2. *Бацян М. М.* Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану. Мінск: Трыалета, 2006.
3. *Коваль В.* Эканамічная эміграцыя беларусаў у ЗША (1918–1939 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 2. С. 58–62.
4. *Ковалева Л. А.* Белорусская политическая эмиграция в 20-е гг. XX в. // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г. : сб. науч. ст. [материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2016 г.] / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев, 2017. С. 35–36.
5. *Мярчук В. М.* Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіс. навук. Мінск, 2016.

6. *Снапкоўскі У.* Эміграцыя. Фарміраванне і дзейнасць арганізацыі беларускай эміграцыі. Сацыяльна-палітычныя плыні (1918–1939 гг.) // *Полымя*. 1995. № 11. С. 196–221.

7. *Степанов Н. А.* Законодательное оформление эмиграционных процессов с территории белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в. 80-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф., Минск, 10–20 марта 2023 г. В 3 ч. Ч. 3 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Блохин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 116–119.

8. *Стрелец М. В., Билевич О. И.* Общественно-политическая и культурная деятельность белорусской эмиграции в 1918–1939 гг. // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2015. № 1. С. 77–81.

УДК 94(100)"1924/1939"

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИНЕМАТОГРАФА БССР В 1924–1939 гг.

П. Е. Кононова

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Республика Беларусь, p.kononova2@mail.ru*

Анализируются жанровые и стилистические особенности кинематографа в БССР в 1924–1939 гг. посредством изучения государственной политики республики в этой области периода 1924–1939 гг. Определяется роль киноискусства в информационном обеспечении населения.

Ключевые слова: Кинематограф; БССР; киноискусство; киносценарии; политика; кинофильмы; коммунистическая партия.

GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF CINEMA OF THE BSSR IN 1924–1939

P. E. Kononova

*State institution «National Archive of the Republic of Belarus», Niezalieznasci Avenue, 116,
220114, Minsk, Republic of Belarus, p.kononova2@mail.ru*

The article analyzes the genre and stylistic features of cinematography in the BSSR in 1924–1939 by studying the state policy of the republic in this area in the period 1924–1939. The role of cinematography in providing information to the population is determined.

Keywords: Cinema; BSSR; filmscripts; politics; films; the Communist party.

Белорусский кинематограф всегда имел важное общественное значение [5, л. 32]. Как отметил А. А. Гужаловский, «кинематограф в СССР считался главным из всех искусств, партийные идеологи придавали ему значение важнейшего средства воспитания и пропаганды» [1]. Об идеологическом, культурном и политическом воспитании человека посредством кинематографа в республике было отмечено в плане проведения кампании 30-летия кинематографии по БССР: «Кампания Тридцатилетия кинематографии ставит себе целью обратить серьёзное внимание широких масс населения республики на дело кино, как на одно из лучших средств культурного и политического развития, как на одно из могучих орудий идеологического воспитания» [7, л. 75].

Примером этого является производственный план по киносъёмкам на первый год производства кинофильмов в БССР: «1. Необходимо создать в 1-ый год хотя бы три крупно-метражных художественно-революционных фильмов из жизни, быта и истории революционного движения Беларуси.

2. Крайне необходимо запечатлеть на фильме наиболее интересные и важные события текущей общественно-политической жизни БССР, которые немедленно бы демонстрировались в виде кинохроники, киногазеты на экранах не только профессиональных кино, но и в клубах и деревнях путём кинопередвижек» [7, л. 39].

О тематике кинокартин для деревни, где проживало значительное количество населения БССР, свидетельствует информация из производственного плана на 1926–1927 гг. Согласно плану должны были появиться картины «Борьба с засухой», «Всем на радость» (картина имела своей целью популяризацию роли и значения кооперации в деревне), «Враг народа», «Красный тыл» (в киноленте показывалась жизнь и деятельность революционеров в странах капитализма), «В дебрях быта», «Отец Серафим», «Старце Василий Грязнов» (антирелигиозные фильмы), «Евдокия Рожновская» и «Бабий лог» (о работницах и крестьянках) [7, л. 42].

В период 1924–1939 гг. в БССР широкое распространение получили агитационно-пропагандистские фильмы. Они составляли более половины всех выпускаемых в то время советской кинематографией картин [3, с. 77].

Однако агитпропфильмы были скорее явлением периферийным [2, с. 17]. Но вместе с такими фильмами в рассматриваемые годы появляются кинопроизведения и на современную для тех лет тематику. Рассуждая об этих фильмах, А. В. Красинский отметил: «Впервые в белорусском кинематографе его мастера вплотную, по-настоящему занялись разработкой тем, повествующих о сегодняшних днях, о тех грандиозных процессах, которые происходили в стране. Свободный труд свободного человека меняет не только облик родной земли, он меняет человека, меняет его психологию, взгляды, понимание окружающего мира, раскрепощённые революцией люди становятся хозяевами своей страны, своей судьбы — таков лейтмотив большинства произведений о современности» [4, с. 9].

Особенностью кинематографа 1924–1939 гг. в СССР и БССР являлась необходимость утверждения сценариев кинолент, прохождение процедур многочисленных согласований и правок. Примером этого может быть обсуждение фильма «Проститутка» на одном из заседаний кинокомитета в 1925 г. Особый интерес здесь представляют решения кинокомитета:

«Сценарий „Проститутка“ в целом утвердить; поручить Белгоскино внести в сценарий следующие исправления:

1. Оттенить момент возможности излечения сифилиса и пагубного влияния на проституцию мелкобуржуазной среды и других социально-бытовых моментов.

2. Внести в сценарий поярче моменты борьбы соввласти с проституцией/юридич. проф. обществ./сделав сравнение состояния современной проституции с проституцией старого времени приведя цифровые данные» [7, л. 72].

Таким образом, по мнению кинокомитета, данный фильм должен был выполнять воспитательную функцию, формируя у зрителя негативное отношение к проституции как явлению.

Стоит обратить внимание и на информацию из письма режиссёра Ю. В. Тарича заведующему Белгоскино А. И. Галкину, в котором был представлен сценарий «Пусть живёт ненависть». В нём, по словам Ю. В. Тарича, прослеживалось противопоставление культа роскошных, элитарных памятников на Западе и памятников, ориентированных на простого человека, рядового рабочего и крестьянина (например, памятники «неизвестному солдату») в СССР [8, л. 38–40].

Отдельное внимание стоит уделить антирелигиозным кинокартинам. В 1928 г. Госвоенкино приступило к постановке документального фильма «Опиум». Так, было указано, что фильм «Опиум» должен был, с одной стороны, охватить обряды самых разнообразных религиозных верований, а с другой стороны, вскрыть классовую сущность религии.

В хроникальных фильмах такой же направленности необходимо было отобразить в том числе связь служителей культов с буржуазией (чествования белогвардейцев) [9, л. 9].

Примечательным в этом смысле является и заключение по тематической заявке фильма «Шах и мат», в котором было отмечено следующее: «Неправдоподобным является крещение детей до 5 лет и венчание взрослых, записанных только в ЗАГСе, как результат антисоветской агитации — здесь допущена определённая ошибка именно в том, что автор не сохранил чувства меры и изобразил это как определённую кампанию, а не как единичный случай» [11, л. 208].

Стоит уделить внимание и сценарию фильма исторического жанра «Кровельщик Телушкин», сценарий которого утверждался в 1929 г. В письме в Белгоскино М. Л. Кресин сообщал о том, что тема, затронутая в фильме отображает эпоху царствования Николая I со всем «взяточничеством и жульничеством в высших сферах» [8, л. 4].

Интересно отметить резолюцию по поводу просмотра и обсуждения еще одной картины исторического жанра «Отель Савой», рассказывающей о гражданской войне. В картине были отмечены такие недостатки:

«Недостаточно чёткое выявление работы партийной организации во время восстания воинской части, не чувствуется сплочённости рабочих и крестьян в этой борьбе, но зато правильно освещается колеблющееся

настроение во время 1918–1920 гг. у крестьян, правильно подчёркнуты мотивы тяги крестьянства к земле, затруднения с продовольствием, использованные контрреволюционной провокацией для разрушения союза рабочих и крестьян. Правильно разрешается развязка картины, т. е. осознание красноармейской массой провокации и обращение своего оружия против своих классовых врагов» [6, л. 67].

Похожая тема была затронута и в киносценарии «Ураган», где было отмечено, что необходимо как можно быстрее «убрать все места, которые могут быть истолкованы как недобровольное соревнование и ударничество» [10, л. 18]. При обсуждении фильма «Солнечный поход» было указано переделать надписи, сделав их более доступными для крестьянской аудитории. Отмечалось, что коллективное хозяйство гораздо эффективнее по сравнению с единоличным хозяйством, необходимо заменить надпись «кровью скрепили коммуну» на «упорнейшим трудом скрепили коммуну» [10, л. 24].

Примечательно ещё заключение по сценарию «С чужого берега» на 1933 г.:

«Глубоким принципиальным недостатком сценария является то, что в центре произведения автором вновь и вновь поставлен интеллигент. Центральный образ современности — рабочий в союзе с колхозником, переделывающим мир, упорно остаётся вне поля зрения сценаристов» [11, л. 212].

Таким образом, период 1924–1939 гг. в белорусском кинематографе характеризовался жанровым разнообразием, что проявилось в существовании исторических фильмов, фильмов на антирелигиозную и социальную тематику и т. д. С самого начала деятельности кино советское руководство воспринимало его как важное средство осуществления своей политики ввиду широкого распространения кинематографа и его возможности информационно воздействовать на каждого человека. Кинематограф 1924–1939 гг. был не только видом искусства, способом развлечения, времяпровождения людей, а ещё и средством идеологическом, культурном и политическом воспитании человека.

Библиографические ссылки

1. *Гужаловский А. А.* Запрещённое кино: как работала киноцензура в БССР // Звезда. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://zviazda.by/ru/news/20201228/1609173291-zapreshchennoe-kino-kak-rabotala-kinocenzura-v-bssr> (дата обращения: 30.08.2024).
2. *Караганов А. В.* Советское кино: проблемы и поиски. Москва: Политиздат, 1977.
3. *Красинский А. В.* История белорусского кино. Минск: Наука и техника, 1969. Т. 1: 1924–1945.

4. *Красинский А. В.* Становление и пути развития белорусского звукового кино в 30-е гг. Москва, 1962.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2313.

6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4579.

7. НАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 4.

8. НАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 137.

9. НАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 152.

10. НАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 246.

11. НАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 406.

УДК 94(476)"1939"

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ АГИТАТОРОВ
В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ
ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ОКТАБРЬ 1939 г.)**

К. А. Платонов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, kirylplatonau@gmail.com*

В статье представлен анализ деятельности советских агитаторов в период избирательной кампании по выборам депутатов в Народное собрание Западной Беларуси в октябре 1939 г. Приводятся ключевые направления, формы и методы их работы. Выявлены основные проблемы, с которыми столкнулись пропагандисты в информационном сопровождении соответствующей политической акции.

Ключевые слова: Западная Беларусь; Народное собрание; советская пропаганда; агитаторы.

**THE ACTIVITIES OF SOVIET AGITATORS DURING
THE ELECTIONS TO THE PEOPLE'S ASSEMBLY
OF WESTERN BELARUS (OCTOBER 1939)**

K. A. Platonov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kirylplatonau@gmail.com*

The article presents an analysis of the activities of soviet agitators during the elections to the People's assembly of Western Belarus in October 1939. It is dealt with the key directions, forms and methods of their work. The author gives the main problems faced by propagandists in the information support of this political action.

Keywords: Western Belarus; People's assembly; soviet propaganda; agitators.

После успешного проведения освободительного похода Красной Армии в Западную Беларусь в сентябре 1939 г., возникла необходимость юридического закрепления ее воссоединения с БССР и вхождения региона в состав СССР. Данное решение должен был принять полномочный выборный орган местного населения. По этой причине одной из важнейших задач для всей системы советской пропаганды становится налаживание эффективного информационного сопровождения избирательного процесса и работы соответствующего собрания. Особая роль в политической кампании отводилась агитаторам, которым предписывалось посредством устной пропаганды транслировать основные идеологические нарративы.

1 октября 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, которым обязало руководство БССР созвать Белорусское народное собрание. Оно должно было утвердить передачу помещичьих земель крестьянским

комитетам, а также решить вопрос о характере создаваемой власти, вхождении в состав СССР, национализации банков и крупной промышленности. В нем, кроме установления порядка организации выборов, указывалось на необходимость демобилизации из рядов Красной Армии в распоряжение белорусской партийной организации 800 коммунистов и 400 комсомольцев для использования на партийной, комсомольской работе на территории Западной Беларуси. ЦК КП(б)Б предписывалось мобилизовать для тех же целей не менее 1500 коммунистов и комсомольцев, главным образом представителей белорусской национальности [1, л. 58]. Во исполнение данного решения, ЦК КП(б)Б поручил направить в общей сложности 700 коммунистов и 800 комсомольцев [2, с. 179].

В период выборов в Народное собрание Западной Беларуси отделом пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б было послано 4 агитбригады в количестве 80 агитаторов. Обкомы и Минский горком КП(б)Б оказывали практическую помощь в проведении пропагандистской и агитационной работы по освещению избирательной кампании. Так, было послано на 10 дней 400 агитаторов из числа областных активов. Всего в регионе в окружных и участковых избирательных комиссиях на избирательных участках работало более 40 тысяч агитаторов. Основной их целью было налаживание эффективной агитационно-массовой работы. На пропагандистов также возлагалась задача всестороннего содействия местным органам власти в подготовке и проведении избирательной кампании: составление списков избирателей, инструктирование членов избирательных комиссий, подбор помещений и их оформление в качестве участков для голосования и т. д. В то же время им полагалось оказывать помощь в организации крестьянских комитетов, запуске предприятий, налаживании мирной жизни в местечках и городах. Отдельным направлением их работы стало выявление негативных общественных настроений и установление лиц, осуществлявших антисоветскую деятельность [3, л. 3–4].

Советские агитаторы должны были находить и привлекать для проведения пропагандистской работы актив из числа местного населения. В информационной кампании по освещению выборов наиболее охотно принимали участие бывшие политзаключенные, интеллигенция (врачи, учителя, конторщики и т. д.) и комсомольцы.

По официальным данным, каждый агитатор за время работы среди местного населения провел 15–20 бесед, собраний, митингов и др. В целом на территории Западной Беларуси было проведено 720 тыс. мероприятий, состоящих из различных форм устной агитационно-массовой работы. Ими было охвачено 15 млн человек. Это означает, что в среднем каждый избиратель присутствовал на 4–5 собраниях, беседах или митингах [3, л. 4–5].

За каждым городским районом, улицей и домом был закреплен агитатор, в обязанности которого входили регулярное проведение бесед с жителями, контроль за посещением митингов. В день выборов этот человек лично отвечал за явку людей на избирательные участки. Так, например, на 14 избирательном округе в г. Белостоке каждый агитатор имел в среднем по 5 домов с избирателями, с которыми проводилась систематическая работа. Схожая ситуация наблюдалась и в сельской местности [4, с. 456].

В период освободительного похода Красной Армии советские войска прошли не через все населенные пункты Западной Беларуси, поэтому в некоторых из них приехавшие для налаживания агитационной работы партийные работники были первыми представителями страны Советов, которых увидели местные жители. Соответственно образ советской власти формировался, в том числе основываясь на имидже агитаторов. Пропагандист Лузгин А. Я., работавший в Лемешевичской волости, так описал первую встречу: «Они [местные] сказали так, что польские паны им говорили, что в СССР все люди очень худые, кушают друг друга, ходят совсем почти голые, босые и т. д., а тут получается наоборот — хорошо одеты, сыты, веселы» [3, л. 234].

В налаживании пропагандистской работы среди населения агитаторами применялся дифференцированный подход. Для каждой социальной группы, кроме общих акций, проводились отдельные беседы, митинги, собрания, исходя из социальных, национальных и половых возрастных характеристик. Так, на собраниях рабочих заводов и фабрик акцент делался на эксплуататорской сущности капиталистического строя в бывшей Польше. Слово давалось представителям рабочего класса, которые рассказывали о невыносимых условиях труда, мизерных заработных платах, отсутствии социального обеспечения. В то же время агитаторы представляли местному населению картину счастливой жизни пролетариата в советской стране, праве на труд и социальных гарантиях.

Отдельное внимание агитаторы уделяли пропагандистской работе среди женщин. Проводились общие собрания женщин того или иного избирательного округа, на которых освещалось их тяжелое социальное положение, невыносимые условия жизни в панской Польше. Демонстрировалось, что женщины терпели тройной гнет: национальный, социальный и религиозный. Данные тезисы подкреплялись выступлениями представительниц местного населения, очевидцев. Развенчивались польские пропагандистские клише, распространенные в соответствующей среде: «Нам здесь говорили, что у каждого большевика имеется самое малое — 100 жен, что новорожденных детей бросают в приюты и ни одна мать не может узнать своего ребенка, что в СССР все заражены венерическими заболеваниями,

что большевики звери, что они насильники, будут вырезать груди у жен и т. д. и т. п. Сейчас мы поняли для чего проводилась эта подлая агитация и почему никому не разрешалось настраивать радиоприемники на Москву» [3, л. 101]. В рамках бесед с агитаторами женщины проявляли большой интерес к советской свадьбе, наличию приданного, воспитанию детей, разводу, похоронам. В свою очередь пропагандисты рассказывали о советской семье как равноправном союзе, основанном на взаимном доверии и любви, где жена независима от своего мужа и часто больше его зарабатывает. Учитывая местную специфику, в своих рассказах особое внимание они уделяли поддержке в СССР многодетных семей, наличию большого количества яслей и детсадов. В конце соответствующих собраний присутствующие выражали полную поддержку советской власти, выдвигаемому кандидату, а также брали на себя обязательства по оборудованию избирательных участков так, чтобы «их внешний вид привлек избирателей».

Агитаторами была организована работа со школьниками. Проводились собрания подростков до 14 лет, на которых обсуждалась Конституция СССР 1937 г., право на образование в Советском Союзе, задачи школьников в предстоящих выборах. В выступлениях для молодежной аудитории агитаторы делали акцент на дискриминационной образовательной политике польских властей. На митингах выступали представители молодого поколения, где рассказывали о всевозможных препятствиях, которые существовали для евреев и белорусов при поступлении в учебные заведения. Под руководством агитаторов создавались хоровые и музыкальные кружки, разучивались советские песни («Интернационал», «Катюша», «По долинам и по взгорьям» и т. д.), танцы, мобилизовались гармошки, баяны и скрипки. Пропагандисты указывали на особую эффективность проведения разъяснительной работы именно в рамках таких неформальных собраний. В докладной записке агитатора Екельчика О. Р. приводилась следующая информация: «Эти вечера... внесли очень много ясного в сознание молодежи Западной Белоруссии о нашей советской действительности. Особенно остро у них была распространена клевета, что, мол, когда рождается ребенок, то его наше Правительство от матери отрывает и только после того, как ему становится 10 лет его возвращают матери. Причем в течение этих 10 лет мать не имеет право видеть своего ребенка. Вот такая чепуха и еще ей подобная нами разъяснена была молодежи, как самая злостная клевета на советский быт. И они это прекрасно поняли» [3, л. 30].

В то же время, несмотря на разнообразие форм и методов работы с различными общественными группами, ряд магистральных тем

присутствовал в каждом выступлении. Так, например, внутренние причины распада польского государства стали важным нарративом для устной пропаганды того периода. В информационной кампании отдельное место уделялось так называемым контрреволюционным партиям. Им приписывалось разжигание межнациональной розни и полная несамостоятельность: «Бунд, ППС, Ундеки, правые сионисты, левые сионисты и др. Все они были на изнанку партиями фашистскими. Эти контрреволюционные партии старались отравить сознание трудящихся в своих контрреволюционных целях, они направляли одну нацию на другую. В конечном итоге они были хорошими прислужниками своих хозяев. Между собой руководители этих контрреволюционных партий дружили» [3, л. 13].

На всех собраниях, митингах, беседах местное население живо реагировало на речи агитаторов. В условиях слабой информированности о жизни в Советском Союзе характерными темами вопросов со стороны граждан стали: социальное положение молодежи, народное образование высшей школы, методы преподавания начальной школы, условия и оплата труда, конкуренция и соцсоревнование, социальное страхование, обеспечение старости, советско-германская дружба, отношение к религии и т. д. Одной из проблемных тем для местных агитаторов стали просьбы населения объяснить наличие в СССР только одной партии, руководящей страной. Причину распространенности данного вопроса партийные работники видели в деятельности польских политических организаций, в первую очередь ППС, которые в борьбе против коммунистов указывали на отсутствие в Советском Союзе подлинной демократии [3, л. 55]. Непонимание вызывало выдвижение лишь одного кандидата в депутаты на избирательный округ. Большую заинтересованность у местного крестьянства вызывала проблематика создания колхозов, к которым значимая часть населения была настроена скептически. Пропагандисты, в свою очередь, категорически отрицали такие перспективы, ссылаясь на отсутствие экономической базы. Они утверждали, что на тот период времени вопрос о колхозах в Западной Беларуси стоять никак не мог, даже если бы население этого и хотело. В то же время, проводилась активная работа по снятию идеологических клише в отношении советских коллективных хозяйств, созданных польской пропагандой. Так, агитаторы развенчивали мифы о том, что больше как одну пару брюк колхозникам не разрешают иметь, все колхозники едят с одного котла, ходят в одной одежде и т. д. [3, л. 21].

Важным направлением в деятельности советских агитаторов в период выборов в Народное собрание стала борьба с различными провокационными слухами. В одних случаях они появлялись стихийно по причине нестабильной ситуации в регионе, в других целенаправленно создавались и

распространялись антисоветскими силами. Примечателен зафиксированный в г. Гродно слух о том, что «придет черная армия и что спасен будет тот, кто выставит у окон матку боску». Основной формой борьбы с подобными негативными фактами стала разъяснительная работа с местным населением. Пропагандисты призывали избирателей не верить в распространяемые «скрытыми врагами народа» ложь и заверяли жителей в непобедимости Красной Армии [3, л. 228].

Значимые трудности в проведении агитационной работы вызывали обострившиеся межэтнические конфликты, усугублявшиеся религиозными разногласиями. Данная ситуация стала закономерным итогом неравноправной национальной политики польского руководства по отношению к белорусам и евреям. Пропагандисты отмечали, что представители белорусского населения, «считая себя коммунистами (почти сплошь), хаот поляков, приписывают им сплошную контрреволюцию». Партийные работники приводили примеры, когда представители старшего поколения приходили с просьбой забрать костел под церковь, мотивируя это тем, что здание при Российской империи было православным храмом. Наблюдался рост еврейского национализма, выразившийся, например, в таких фактах, когда евреи выводили из очереди для голосования на избирательных участках поляков [3, л. 52].

Антинемецкие и антиеврейские настроения были сильны среди польского населения. Агитаторы, которые были евреями по национальности, в своей работе столкнулись с проявлениями антисемитизма, что препятствовало налаживанию эффективной коммуникации с некоторыми представителями местного населения. Пропагандист Екельчик О. Р. указывал: «Я на каждом шагу чувствовал их антисемитское настроение к себе. Как потом оказалось, мне один бедняк рассказал, что они вели агитацию против выставленного кандидата только потому, что „жид“ возглавляет участок» [3, л. 30]. Реагируя на соответствующие вызовы, советские партийные работники на совещаниях избирательных комиссий и актива волостей организовывали развернутые выступления по теме «Класс и нация», разрешение национального вопроса в СССР.

Проблемой для агитаторов стало отсутствие необходимого количества печатного агитационного материала. Особенно не хватало портретов Сталина, Молотова, Ворошилова. Выход из ситуации находили в создании так называемых фотокарточек, которые создавали посредством вырезания изображений из брошюр и газет. Кроме того, активно были задействованы местные художники.

Негативно на пропагандистской деятельности агитаторов сказалось заключение Договора о передаче Литовской Республике города Вильно и

Виленской области. Агитатор Выгонец Е. А., работавший в Воропаевской волости Поставского уезда, указывал на то, что в день объявления о подписании данного документа «контрреволюционные силы подняли голову, говоря, что мы с Польши уйдем и что надо голосовать за самостоятельную Польшу, за самостоятельную Белоруссию» [3, л. 199].

К отрицательным явлениям, влиявшим на эффективность информационной работы, следует отнести дефицит некоторых товаров первой необходимости. Агитаторы признавали, что данная ситуация вызывала недовольство среди населения и просили центральные органы как можно скорее направить соль, керосин, спички, табак и т. д. [3, л. 201].

Однако, несмотря на ряд негативных факторов, повлиявших на качество организации информационно-пропагандистского обеспечения выборов в Народное собрание Западной Беларуси, большая часть населения положительно восприняло данную политическую акцию. Показателем эффективности работы агитаторов стало активное участие местного населения в подготовке и проведении избирательной кампании. Явка и результаты голосования также продемонстрировали поддержку населением советского курса [5, л. 70]. Кроме того, значимое влияние оказало недовольство местных жителей дискриминационной политикой польских властей в межвоенный период.

Библиографические ссылки

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 57–61.
2. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР : зб. арт. / пад. агул. рэд. М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі. Мінск : БелЭн, 1999. 256 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13923. Л. 453.
4. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 2006. 613 с.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14729. Л. 133.

УДК 355.257.72-054.64(476-89)(091)"1914/1918"

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С. Н. Рындин

*Национальный исторический архив Беларуси, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск,
Республика Беларусь, serzh.ryndin2016@yandex.by*

В период Первой и Второй мировых войн враждующие стороны несли беспрецедентные потери военнопленными. Обе войны также отмечены очень широким использованием труда военнопленных в экономике воюющих государств. Первая мировая война стала первым опытом транспортировки, размещения, содержания и трудового использования миллионов военнопленных. В докладе рассматриваются условия пребывания иностранных военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны. Освещаются транспортировка военнопленных через белорусские губернии в места постоянного содержания во внутренних военных округах Российской империи, применение их труда на фронте и в экономике прифронтовых губерний.

Ключевые слова: Первая мировая война; белорусские губернии; иностранные военнопленные.

FOREIGN PRISONERS OF WAR IN BELARUS: THE EXPERIENCE OF THE WORLD WAR I

S. N. Ryndin

*National Historical Archive of Belarus, 55 Kropotkin str., 220002, Minsk, Belarus,
serzh.ryndin2016@yandex.by*

During the World Wars I and II, the warring parties suffered unprecedented losses of prisoners of war. Both wars were also marked by the very widespread use of prisoner of war labor in the economies of the warring states. The World War I was the first experience of transporting, housing, maintaining and employing millions of prisoners of war. The report examines the conditions of stay of foreign prisoners of war in the territory of the Belarusian provinces during the World War I. The article highlights the transportation of prisoners of war through the Belarusian provinces to places of permanent detention in the internal military districts of the Russian Empire, the use of their labor at the front and in the economy of the frontline provinces.

Keywords: World War I; Belarusian provinces; foreign prisoners of war.

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилеи начала и конца Первой мировой войны, затронувшей и белорусские земли. В ходе войны с Германией и ее союзниками в Российскую империю хлынул поток иностранных военнопленных. С одной стороны, интересы государственной безопасности требовали их изоляции до окончания войны. Но с другой,

экономика Российской империи и белорусских губерний, в частности, была ослаблена мобилизацией мужского населения и нуждалась в значительных трудовых ресурсах. Это вынудило российское государство прибегнуть к труду военнопленных, а также вольнонаемных иностранных рабочих.

В целом, историография военного плена Первой мировой войны обширна, но белорусские губернии почти не затрагивает. Первым положение иностранных военнопленных в Беларуси стал изучать А. Л. Самович [1]. Аналогичные исследования ведутся и в других государствах на постсоветском пространстве. Например, в России изучается положение военнопленных в Поволжье, Сибири, на Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке [2–7]. В совокупности эти исследования постепенно и, в основном, независимо друг от друга формируют общую картину жизни иностранных военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны. В данной статье рассматривается положение иностранных военнопленных в белорусских губерниях.

Прифронтовые западные губернии являлись зоной транзита военнопленных в центральные и восточные губернии. В Двинском и Минском военных округах иностранные военнопленные прибывали на этапные и сборные пункты в Вильно, Витебске, Волковыске, Двинске, Минске, Гродно, Белостоке, Соколке и др. [8, л. 67; 9, л. 100; 10, л. 32]. Под охраной их везли в Москву и Омск для последующего распределения по местам постоянного пребывания. Согласно указанию и. д. начальника Генерального штаба М. А. Беляева в мае 1915 г., начальники военных округов должны были следить за тем, чтобы военнопленные размещались строго казарменным порядком, но при нехватке казарменных помещений предусматривалось расквартирование группами в особо отведенных или арендованных частных домах и также казарменным порядком [11, л. 72]. Большинство военнопленных славянского и эльзас-лотарингского происхождения прибывало на территорию Московского и Казанского военных округов. Также часть военнопленных славян препровождалась в Туркестанский и Омский военные округа [11, л. 4 об.].

Свет на прибытие в белорусские губернии первых трудовых партий из военнопленных проливают документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Первые эшелоны с рабочими приехали в г. Волковыск 29 мая 1915 г. [12, л. 90].

Рабочие команды из военнопленных были задействованы на территории Минской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний, а также в Вилейском уезде Виленской губернии. Их направляли на строительные, общественные, полевые работы. Значительное количество

австро-венгерских военнопленных прибывало в Минскую губернию на заготовку сена для российского Юго-Западного фронта, развернутого на территории современной Украины.

В Гродненской губернии, по архивным данным, многотысячный контингент иностранных военнопленных участвовал в работах по укреплению Брест-Литовской и Гродненской крепостей. В Брест-Литовском крепостном районе в июне–июле 1915 г. было занято до 8000 иностранных военнопленных, в Гродненском — свыше 10 000 [13, л. 142–142 об.; 14, л. 111]. Большинство состояло из австро-венгерских подданных славянского происхождения. Согласно сохранившимся данным, их труд использовался на строительстве и укреплении оборонительных позиций, а также на лесозаготовке. Их дальнейшая судьба после вывода вглубь России неизвестна.

В западные губернии присылались только пленные солдаты-славяне (призванные в ряды австро-венгерской и германской армий чехи, словаки, поляки и т. д.). «Вражеские» военнослужащие из немцев, венгров и турок считались враждебным элементом и в прифронтовые белорусские губернии не допускались. Военные власти опасались их бегства за линию фронта. Российская империя позиционировала себя в качестве освободительницы угнетенного славянства и поэтому демонстрировала к пленным славянам благожелательное отношение. Для них предусматривался ряд льгот.

Иностранные славяне, доставленные в западные губернии, были организованы по армейскому образцу. Их сводили во взводы, роты, батальоны, дружины. Во главе этих соединений ставили российских офицеров и приписывали к той или иной армии фронта. Пленные фельдфебели и унтер-офицеры могли управлять взводами. Захваченных в плен офицеров к работам не привлекали. Весной 1916 г. штаб Минского военного округа поднял вопрос относительно формы и отличительных знаков для военнопленных и конвоиров. Австро-венгерская форма военнопленных изнашивалась, и предполагалось выдавать им российскую форму. Командование 3-й армии Западного фронта предложило принять черный погон для конвоиров, а для военнопленных черную повязку на левом рукаве и черную нашивку на месте кокарды [15, л. 645].

Контингент пленных солдат предназначался для нужд фронта. Они работали в распоряжении как непосредственно армии, так и гражданских предприятий, выполнявших военные заказы. Например, в Витебской губернии в районе села Марковщина был развернут крупный лагерь военнопленных (в настоящее время — это район в юго-западной части г. Витебска). Необходимо отметить, что факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время

практически неизвестен. В сентябре 1915 г. там было сосредоточено более 2 тысяч человек [16, л. 1001]. Они восполняли острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины.

Материалы РГВИА позволяют осветить такой вопрос, как общая численность военнопленных в белорусских губерниях. В районе Западного фронта к 31 октября 1916 г. насчитывалось 42 282 чел. Для сравнения: в Прибалтике, в районе Северного фронта, было сосредоточено более 126 тыс. рабочих из военнопленных. Наибольшее их количество было на территории украинских губерний в районе Юго-Западного фронта — свыше 360 тыс. чел. [17, л. 61–65].

Первостепенную роль для адаптации пленных играли условия содержания. В российском «Положении о военнопленных» от 7 октября 1914 г. было записано: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [18, с. 3812].

Законодательство требовало от предприятий, использующих труд «неприятельских» солдат, снабжать их одеждой, обувью, бельем. Устанавливался такой же продовольственный паек, как у нижних чинов российской армии. Например, в 1915–1916 гг. власти г. Могилева закупали у местных торговцев ровно столько продовольствия, чтобы оно распределялось среди пленных таким образом: в день на одного человека около 1 кг хлеба, 100 г крупы, 100 г мяса и рыбы (за исключением постных дней) [19, л. 99 об. – 102]. Тысячи рублей расходовались на покупку обмундирования и рабочего инвентаря.

Законодательство также предписывало предприятиям платить пленным зарплату. Но при этом предусматривались вычеты: треть (затем четверть) в особый фонд, а также часть на покрытие расходов предприятия на содержание пленных.

Выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей, прежде всего, как рабочих, а не заключенных, и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы. Многое зависело и от личных качеств начальников. Например, в документах многократно отмечается штабс-капитан Сафонов, один из командиров в Марковщинском лагере, многое сделавший для улучшения быта военнопленных.

Гражданское население не воспринимало военнопленных негативно. Во-первых, в виду того, что в прифронтовых губерниях работали

военнопленные славянского происхождения. Во-вторых, они были преимущественно выходцами из крестьянской среды, хорошо знакомыми с полевыми работами.

Однако по материалам белорусских и российских архивов, у властей регулярно возникали проблемы с материальным снабжением военнопленных в полном объеме. Впрочем, эти явления были следствием ухудшения экономической ситуации. Военнопленные страдали от тех же недостатков в снабжении, что и солдаты российской армии.

Труд иностранных военнопленных применялся в Беларуси и после прихода к власти большевиков. Но сведения о них на территории Беларуси после октября 1917 г. фрагментарны. Известно, что некоторые из них были освобождены наступавшими австро-германскими войсками и эвакуированы на запад.

Рассматривая общероссийский фон, следует отметить, что военнопленных в России было очень много — примерно 2,5 млн. Нормы международного права в отношении военнопленных в целом сохраняли свое регулятивное значение. Однако, к 1918 г., к заключению Брестского мира, примерно 400 тыс. из них умерло [20, s. 75]. Наибольшее количество смертей приходится на зимы 1914–1916 гг., когда в лагерях военнопленных вспыхивали эпидемии, которым местные власти не смогли эффективно противодействовать. Из-за непредвиденно большого наплыва пленных власти центральных и восточных губерний не могли снабдить их всем необходимым, в том числе своевременным лечением. Многочисленные нарушения международных норм были ситуативными, т. е. объяснялись такими факторами, как невозможность предоставить огромному количеству военнопленных надлежащие условия, злоупотребления и/или бездействие со стороны местных чиновников, экономическая необходимость массового привлечения военнопленных (только нижних чинов) к труду, который в ряде мест мог быть очень тяжелым (например, на Мурманской железной дороге).

Но наряду с этим в более выгодном положении находились пленные офицеры, а из солдатской среды — представители «дружественных» национальностей. В связи с этим примечательно, что в период Гражданской войны в России пленные солдаты из славянских народов не испытывали сочувствия к большевикам. А военнопленные немецкой, австрийской и венгерской национальностей, считавшиеся при прежних режимах «неблагонадежными элементами» и не имевшие послаблений, были более восприимчивы к пропаганде большевиков.

Таким образом, выявленные документы позволяют утверждать, что в белорусских губерниях условия жизни и труда военнопленных были удовлетворительными, т. е. близкими к бытовым условиям солдат российской армии. Но в целом по Российской империи ситуация была более неоднозначной, изменчивой в зависимости от времени и места. Много зависело от личных качеств руководителей на местах, большое значение имела и удаленность от центров государственного управления (например, в губернском городе Могилеве, в котором располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, провести инспекцию размещенных там 150 военнопленных было значительно легче по сравнению с какой-либо местностью в Сибири или на Дальнем Востоке). Мобилизация экономики в период Первой мировой войны вызвала прилив иностранной рабочей силы в белорусские губернии. Это были как вольнонаемные работники, так и военнопленные. Архивные источники показали, что местные военные и гражданские власти соблюдали международное и внутреннее право о военнопленных. Имевшие место недостатки в материальном снабжении были проявлением не преднамеренно плохого обращения, а ухудшения состояния экономики, из-за чего страдали все слои населения.

После подписания Брестского мира на территории белорусских губерний в 1918 г. бывшие враждующие стороны стали обмениваться пленными. Но репатриация проходила с большими сложностями и затянулась на годы. Существенным препятствием было расстройство транспорта, а также военные действия Гражданской войны и войны между РСФСР и Польской Республикой.

Официальная репатриация военнопленных продолжалась до 1925 г. В этом году НКВД СССР объявил об окончании репатриации беженцев и военнопленных. С этого времени их въезд в страну и выезд из страны могли осуществляться только в общем порядке, установленном для въезжающих на территорию СССР или покидающих ее [2, с. 403]. Но на основании сохранившихся данных можно утверждать, что с 1918 по 1925 гг. на родину смогло вернуться большинство военнопленных и перемещенных гражданских лиц. Эвакуационные учреждения в меру своих возможностей оказывали репатриантам жилищную, продовольственную, медицинскую помощь, спасая многих из них от гибели. Но дома этих людей ожидали новые беды: часто свои дома они обнаруживали разрушенными, не могли найти кров и работу, сталкивались с равнодушием местных властей к их судьбе. Война, и особенно продолжительный военный плен, меняла психологию ее участников, делая их более ожесточенными. Отвыкание от мирной жизни в сочетании с послевоенными экономическими неурядицами

(безработица, инфляция, бессилие государственного аппарата и т. д.), особенно в странах, проигравших войну, делали ветеранов нетерпимыми к существующим порядкам и крайне восприимчивыми к радикальным идеологиям.

Библиографические ссылки

1. *Самович А. Л.* Работать, чтобы выжить : трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 гг. на территории Беларуси // *Беларуская думка*. 2008. № 11. С. 36–41.

2. *Белова И. Б.* Вынужденные мигранты : Беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914–1925 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Брянск, 2014. 461 с.

3. *Бондаренко Е. Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России : 1914–1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Владивосток, 2004. 45 с.

4. *Идрисова Э. С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2008. 24 с.

5. *Мендикулова Г. М., Надежук Е. А.* Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства // *Вестник архивиста*. 2018. № 4. С. 996–1008.

6. *Ниманов Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2009. 24 с.

7. *Самович А. Л.* Военнопленные XIX–начала XX вв. в западном регионе России. М. : Военный ун-т, 2011. 258 с.

8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 583. Оп. 1. Д. 121. 189 л.

9. НИАБ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 122. 201 л.

10. НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. 43 л.

11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. 318 л.

12. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. 318 л.

13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. 678 л.

14. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 929. 236 л.

15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. 678 л.

16. НИАБ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 7. 2114 л.

17. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549. 183 л.

18. Положение о военнопленных: положение Совета Министров России от 7 окт. 1914 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. Петроград. 1914. № 281. Ст. 2568. С. 3811–3819.

19. НИАБ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 361. 596 л.

20. *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 626 S.

УДК 94(476):314

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. И. Старовойтов

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Республика Беларусь, starmihail24@mail.ru

В статье на основе оригинального архивного материала дана оценка прогрессивного демографического потенциала населения Беларуси накануне Второй мировой войны. Установлено, что в годы Великой Отечественной войны произошли самые большие потери, особенно среди сельского мужского населения возрастной группы 13–19 лет. Прежде всего, это коснулось белорусов.

Ключевые слова: Демографический потенциал; Беларусь; возрастные группы; дети, подростки и молодежь; демографические последствия Великой Отечественной войны.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF BELARUS ON THE EVE OF THE WORLD WAR II

M. I. Staravoitau

Educational institution "Francisk Skorina Gomel State University" 104, Sovetskaya str., 246028, Gomel, Belarus, starmihail24@mail.ru

Based on the original archival material, the article provides an assessment of the progressive demographic potential of Belarus population on the eve of World War II. It has been found out that during the Great Patriotic War there were heavy losses, especially among the rural male population of the age group of 13–19 years. First, it affected Belarusians.

Keywords: Demographic potential; Belarus; age groups; children, adolescents and youth; demographic consequences of the Great Patriotic War.

Исследование демографических процессов позволяет дать адекватную оценку изменениям в социальном облике населения Беларуси, произошедшим в результате форсированной советской модернизации всех сфер жизни общества в межвоенный период.

Для социальной характеристики населения важное значение имеет исследование его возрастного состава, особенно перед Великой Отечественной войной. Годы военного лихолетья отложили свой тяжелый отпечаток на все поколения людей. Особо тяжелые испытания выпали на долю детей и подростков в военные годы, в период послевоенного восстановления всей жизнедеятельности регионов бывших под оккупацией. Количественные данные о детях и подростках в предвоенный период позволяют, на наш взгляд, более адекватно, оценить реальные потери в военное время среди этой категории населения и всего населения БССР.

Не вдаваясь в демографические дискуссии о возрастной классификации населения, для определения демографического потенциала населения, остановимся на таких возрастных группах как дети (0–14 лет большинство рассчитывают потенциал по этой группе), подростки и молодежь от 15 до 19 лет и группа старше 60 лет. Доля населения последней возрастной группы, превышающая 7,0 %, считается началом процесса постарения населения. Именно эти возрастные группы населения достаточно полно, с разбивкой на более ранние возрастные подгруппы, представлены в расскрепченных материалах переписи 1939 г. по территориальному, гендерному и социальному признакам.

Характеристика возрастной структуры населения позволяет установить общие тенденции и особенности в демографических процессах, определить демографический, а значит и экономический потенциал региона или страны в целом. Прогрессивным типом возрастной структуры считается, когда большая доля детей в общей численности населения свидетельствует о высоком показателе его естественного прироста [1, с. 67–68]. Исходя из возможного объема публикации, остановимся на основных количественных показателях (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Выделяя возрастную структуру детей и подростков в возрасте 0–19 лет, мы представляем демографический потенциал всего населения БССР и по наиболее численно представленным национальностям (данные по другим национальностям не выявлены). Общие и в национальном разрезе данные представлены в таблице 1 [2, л. 1, 4, 12; 3, л. 36; 4, л. 1, 2, 6, 12, 13, 17, 23, 24, 29, 34, 35, 39]. Из таблицы видно, что в возрастной группе 0–19 лет насчитывалось 2 651 750 человек (или 47,3 % всего населения). Из общей численности этой группы на долю белорусов приходилось 87,0 %, евреев — 5,8 %, русских — 4,0 % [подсчитано по табл. 1] и 3,2 % — на другие национальности [5, л. 1, 4, 12]. Абсолютное преобладание белорусской молодежи естественно, т. к. титульный этнос в населении БССР составлял в 1939 г. 82,9 % [6, л. 12].

Более подробно причины, сдерживавшие естественное движение населения региона, в т. ч. и изменения традиции наличия детей в городских и сельских семьях, рассмотрены автором в специальной статье [7].

Из таблицы 1 видно, что возрастная группа 0–19 лет составляла в городских поселениях 41,4 % всего населения БССР, а в сельской местности — 49,2 %. Выше среднереспубликанского показателя были данные у белорусов — соответственно на 3,3 % в городах и на 1,9 %. Среди всех белорусов дети, подростки и молодежь составляли 50,0 %. Из таблицы 1 видно, что это самый высокий демографический показатель в сравнении с другими национальностями.

Таблица 1

Дети, подростки, молодежь в населении БССР в 1939 г. (абс. и %)

Возраст, лет	Городское			Сельское			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Все население									
0–14	205 159	201 268	406 427	852 288	838 849	1 691 136	1 057 447	1 040 116	2 097 563
	30,7	28,5	29,6	42,0	38,8	40,3	39,2	36,2	37,7
15–19	75 434	86 829	162 263	184 564	187 180	371 744	259 998	274 009	534 007
	11,3	12,3	11,8	9,1	8,6	8,9	9,6	9,5	9,6
Старше 60	31 891	46 802	78 693	132 506	185 878	318 384	164 397	232 680	397 749
	4,8	6,6	5,7	6,5	8,6	7,6	6,1	8,1	7,1
Всего	667 918	707 199	1 375 117	2 029 208	2 164 669	4 193 877	2 697 126	2 871 868	5 568 994
Белорусы									
0–14	118 948	118 193	237 141	808 786	800 251	1 609 037	927 734	918 444	1 846 178
	32,1	28,7	30,4	45,2	39,2	42,0	42,9	37,4	40,0
15–19	50 750	60 712	111 462	172 001	177 320	349 330	222 751	238 041	460 792
	13,7	14,8	14,3	9,6	8,7	9,1	10,3	9,7	10,0
Старше 60	14 436	22 318	36 754	121 629	172 804	294 433	136 065	195 122	331 187
	3,9	5,4	4,7	6,8	8,5	7,7	6,3	7,9	7,2
Всего	370 178	411 104	781 282	1 790 349	2 043 865	3 834 214	2 160 527	2 454 969	4 615 496
Евреи									
0–14	53 008	50 958	103 966	7177	6698	13 875	60 185	57 656	117 841
	35,0	28,7	31,6	30,2	30,5	30,4	34,3	28,9	31,4
15–19	15 183	15 919	31 102	1850	1782	3632	17 033	17 701	34 734
	10,0	8,9	9,4	7,8	8,1	7,9	9,7	8,9	9,3

Возраст, лет	Городское			Сельское			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Старше 60	13 595	16 969	30 564	3055	3150	6205	16 650	20 119	36 769
	9,0	9,5	9,3	12,9	14,3	13,6	9,5	10,1	9,8
Всего	151 556	177 839	329 395	23 734	21 963	45 697	175 290	199 802	375 092
Русские									
0–14	25 512	24 963	50 975	17 395	16 935	34 330	42 907	42 398	85 305
	25,4	30,6	28,0	13,0	34,8	18,8	18,3	32,4	23,4
15–19	5900	6566	12 466	4963	3683	8646	10 863	10 249	21 112
	5,9	8,1	6,8	3,7	7,6	4,7	4,6	7,8	5,8
Старше 60	2125	4751	7518	2324	3605	5929	5091	8356	13 447
	2,1	5,8	4,1	1,7	7,4	3,2	2,2	6,4	3,7
Всего	100 341	81 477	182 318	133 661	48 726	182 387	234 002	130 703	364 705

Преобладание мальчиков (их рождается больше) наблюдалось в детской группе 0–4 лет всех национальностей. В демографии прогрессивной возрастной группой является группа 0–14 лет включительно. В этой возрастной группе и абсолютно и относительно значительно преобладали белорусы. Постарение наблюдалось среди еврейского населения, о чем свидетельствуют данные возрастной группы старше 60 лет. Численное преобладание русских мужчин среди всего населения (см. таблицу 1) связано с тем, что на селе их численность в 2,7 раза превышала численность русских женщин. Объясняется это тем, что в возрастной группе 20–24 года численность русских мужчин на селе была раза больше численности русских женщин. К этой возрастной группе относились русские мужчины, служившие в РККА Белорусского военного округа, воинские части которого в конце 1930-х гг. размещались в основном в сельской местности. Более подробно об этом написано в авторской статье [8].

Вся социально-классовая структура в документах переписи обозначена как «Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования и возрасту». По ним распределено и население по возрастам. Абсолютное большинство детей и подростков было иждивенцами (в документах иждивенцы указаны по возрастам каждой отдельной общественной группы), о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2 [9, л. 12, 19, 22].

Дети школьного возраста в абсолютном большинстве обучались в школе. Это результат целенаправленной государственной политики по обеспечению всеобщего детей, подростков и молодежи. По данным таблицы 2, мы видим, что наибольшая доля детей и подростков была в семьях колхозников и крестьян-единоличников. Некоторое отличие было в семьях рабочих, служащих и кустарей. Это отражение и традиционности, и степени урбанизации БССР, в которой абсолютно преобладало сельское население.

Все общественные группы с семьями разделены на имеющих занятие, членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве и иждивенцев отдельных лиц. Следует отметить, что среди лиц, занятых в подсобном сельском хозяйстве, 95,5 % составляли женщины старших возрастов, которые вели это домашнее хозяйство [10, л. 25].

Незначительная часть детей, по многим причинам, вынуждена была с раннего детства заниматься не просто домашней работой, а непосредственно трудовой деятельностью. Как видно из таблицы 2 ранняя трудовая социализация для детей в основном 12–14-летнего возраста характерна для всех общественных групп. Наибольшая доля детей, занятых трудовой деятельностью, была у колхозников и единоличников. По последним,

Население БССР по общественным группам и возрасту в 1939 г. (в %)

Источники средств существования	Доля лиц по возрастам									К итогу
	До 7 лет	8–11 лет	12–14 лет	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	> 60 лет	
Рабочие										
Всего	17,9	8,0	6,5	9,9	25,9	13,5	7,8	5,4	5,1	100
Занятые	–	0,0	0,5	12,2	44,5	20,6	11,4	6,8	4,0	100
Члены семьи	0,0	0,0	0,4	2,6	26,2	29,5	18,5	13,4	9,4	100
Иждивенцы	42,2	18,8	14,5	7,5	4,8	3,4	2,2	2,2	4,4	100
Служащие										
Всего	20,9	7,4	5,3	8,3	26,6	16,6	7,2	3,5	4,2	100
Занятые	–	–	0,1	9,1	46,5	27,7	11,9	4,2	1,5	100
Члены семьи	0,0	0,0	0,4	2,5	30,6	35,2	16,3	8,1	6,9	100
Иждивенцы	42,2	14,8	10,5	7,2	9,2	5,6	2,3	2,4	5,8	100
Колхозники										
Всего	20,2	11,3	9,1	9,8	13,4	12,8	8,9	6,6	7,9	100
Занятые	0,0	0,0	1,6	11,8	25,4	24,4	16,5	11,1	9,2	100
Члены семьи	0,0	0,0	1,0	2,0	10,0	10,9	11,0	20,8	44,3	100
Иждивенцы	45,4	25,2	18,4	6,7	0,3	0,2	0,3	0,3	3,2	100
Кооперированные кулаки										
Всего	17,5	9,6	8,4	10,8	14,7	15,3	11,0	6,8	5,9	100
Занятые	–	0,0	0,5	13,3	27,4	25,3	18,0	10,0	5,5	100
Члены семьи	–	–	0,1	1,4	17,8	34,0	23,6	14,7	8,4	100
Иждивенцы	34,1	18,6	15,8	9,2	4,1	5,3	3,9	3,2	5,8	100

Источники средств существования	Доля лиц по возрастам									К итогу
	До 7 лет	8–11 лет	12–14 лет	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	> 60 лет	
Некооперированные кустари										
Всего	17,5	10,9	9,2	6,9	7,8	12,4	11,3	9,8	14,2	100
Занятые	–	0,0	0,2	3,3	13,1	21,6	20,7	17,0	24,1	100
Члены семьи	–	–	0,5	3,7	13,2	26,6	21,4	16,4	16,2	100
Иждивенцы	32,9	20,4	16,8	9,5	3,2	3,9	3,2	3,3	6,8	100
Крестьяне-единоличники*										
Всего	16,3	12,3	11,2	10,1	7,2	9,6	10,6	9,3	13,4	100
Занятые	0,0	0,1	1,8	11,3	12,5	17,3	19,1	16,7	21,2	100
Иждивенцы	36,6	27,6	22,8	7,8	0,5	0,3	0,2	0,4	3,8	100

* — у крестьян-единоличников все были заняты в сельском хозяйстве.

особенно в БССР. Это связано с тем, что самые высокие показатели численности единоличников были в белорусских областях. Их доля в составе населения была самой высокой не только по сравнению с соседними областями РСФСР и УССР, но в целом по СССР, если сравнивать показатели по союзным республикам. Ранней трудовой деятельностью было занято около 2 % детей в возрасте 8–14 лет (в основном 12–14 лет). Сельским детям чаще других приходилось работать с раннего детства. В связи с тем, что среди неорганизованных кулаков и крестьян-единоличников преобладали лица старших возрастов, доля детей и подростков (12–19 лет), имеющих занятия в этих секторах была несколько ниже по сравнению с другими социально-классовыми группами (см. таблицу 2). Это свидетельство того, что трудовая деятельность кулаков и единоличников становилась менее престижной [11].

Нами предпринята попытка определить потери, которые понесли рассмотренные выше возрастные группы. Территориальные изменения после 1939 г. не позволяют сделать это по всей БССР, поэтому мы провели подсчеты на примере Гомельщины. Дети, подростки и молодежь до 19 лет в составе всего населения Гомельской и Полесской областей (в 1954 г. объединены в одну Гомельскую область) в 1939 г. представляли, как и по всей БССР, огромный демографический потенциал. В возрастной группе (15–19 лет 1939 г.) в годы войны произошли самые большие потери, особенно среди мужчин. Через 20 лет их численность в возрастной пирамиде 35–39 лет (по переписи 1959 г.) оказалась в два раза меньшей среди проживающих в городах и в три раза меньшей — среди жителей села, чем могла быть [12, л. 1; 13, л. 1; 14, с. 24–25]. Необходимо, конечно, учитывать и миграцию за пределы своих областей в годы войны (эвакуация), в послевоенный период (работа, учеба, служба в армии, естественную убыль. Однако, здесь явные потери, произошедшие в годы Великой Отечественной войны, которые резко уменьшили абсолютно преобладающий демографический потенциал белорусского этноса. Такие последствия наблюдались во всех белорусских областях.

Из представленных данных мы видим, что дети, подростки, юноши и девушки до 19 лет в составе всего населения БССР в 1939 г. представляли огромный демографический потенциал. Эта часть населения понесла значительные потери в годы Великой Отечественной войны. Перед войной и в начале войны призывались в армию юноши 1920–1922 гг. рождения, т. е. возрастной группы 17–19 лет. В конце войны призывали в РККА лиц 1925–1926 гг. рождения, а эта возрастная группа 13–14 лет в 1939 г. Часть из них боролась в партизанских отрядах и подполье, часть была угнана на работу в Германию, некоторая часть оказалась на службе оккупантов.

Потери понесла и возрастная группа 0–9 лет. Дети умирали от голода и болезней во время оккупации, гибли в ходе карательных акций. Была и миграция в первое послевоенное десятилетие, естественная убыль, но наибольшие потери приходятся на годы войны. Это касается мужского населения возрастной группы 13–19 лет и, прежде всего, белорусского этноса, который составлял 80 % воссоединенного населения БССР в предвоенный период, а дети, подростки и молодежь этнических белорусов до 19 лет абсолютное большинство среди своих одногодков других национальностей. Это примерные расчеты, но они, на наш взгляд, достаточно доказательны. Новые расследования о злодеяниях фашистских оккупантов на территории Беларуси в связи с принятием 5 января 2022 г. Закона «О геноциде белорусского народа» данные о потерях в рассматриваемых возрастных группах в годы Великой Отечественной войны могут только возрасти.

Библиографические ссылки

1. *Пирожков С. И.* Возрастная структура населения / Демографический энциклопедический словарь; Редкол.: Д. И. Валентей (гл. ред.) и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. С. 67–68.
2. Белорусская ССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
3. Белорусская ССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
4. Общественные группы и отрасли народного хозяйства. БССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 912.
5. Белорусская ССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
6. Там же.
7. *Старовойтов М. И.* Естественное движение населения белорусско-российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х – 1930-е гг. / Известия Гомельского госуниверситета имени Ф. Скорины. 2010, № 6. С. 182–192.
8. *Старовойтов М. И.* Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. 2018, № 1. С. 8–15.
9. Белорусская ССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
10. Белорусская ССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
11. *Старовойтов М. И.* Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект) / Известия Гомельского госуниверситета имени Ф. Скорины. 2011, № 5. С. 112–121.
12. Гомельская область / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.
13. Полесская область / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года. Белорусская ССР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. 147 с.

УДК 94(476)"1939/1941"

**ЭКАНАМІЧНЫЯ ПЕРАЎТВАРЭННІ
Ў ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІМ РЭГІЁНЕ
(ВЕРАСЕНЬ 1939–ЧЭРВЕНЬ 1941 гг.)**

Г. С. Хадасевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, annahadasevich@gmail.com*

Пераўтварэнні, якія адбываліся на заходнебеларускіх землях у верасні 1939–чэрвені 1941 гг. закранулі ўсе сферы жыцця грамадства. У артыкуле аналізуецца пераўтварэнні ў сферы эканомікі. Зроблены акцэнт на перавод ўсіх галін прамысловасці заходнебеларускага рэгіёну на савецкія формы гаспадарання. Праведзеныя рэформы карэнным чынам змянілі эканоміку Заходняй Беларусі, стварылі ўмовы для развіцця прамысловасці ў новых рэаліях.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; Народны сход; БССР; заходнебеларускі рэгіён; пераўтварэнні; прамысловасць; эканоміка.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ
(СЕНТЯБРЬ 1939–ИЮНЬ 1941 гг.)**

А. С. Хадасевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, annahadasevich@gmail.com*

Преобразования, которые происходили на западно-белорусских землях в сентябре–июне 1941 гг., затронули все сферы жизни общества. В статье анализируются преобразования в сфере экономики. Сделан акцент на перевод всех отраслей промышленности западно-белорусского региона на советские формы хозяйствования. Проведенные реформы коренным образом изменили экономику Западной Беларуси, создали условия для развития промышленности в новых реалиях.

Ключевые слова: Западная Беларусь; Народное собрание; БССР; западно-белорусский регион; преобразования; промышленность; экономика.

**ECONOMIC TRANSFORMATION IN THE WESTERN REGION
OF THE BELARUS (IN SEPTEMBER 1939–JUNE 1941)**

H. S. Khadasevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, annahadasevich@gmail.com*

The transformation that took place on the western Belarusian lands in September 1939–June 1941 affected all the spheres of society. In the article analyzes transformation in the economic sphere. Emphasis was placed on the transfer of all sectors of the economy of the

Western Belarusian region to Soviet forms of management. The reforms carried out radically changed the economy of Western Belarus created conditions for industrial development in new realities.

Keywords: Western Belarus; Peoples Assembly; BSSR; western Belarusian region; reorganization; industry; economic.

Тэрытарыяльнае далучэнне заходнебеларускіх зямель да БССР у верасні 1939 г. стала вызначальнай падзеяй у гісторыі станаўлення беларускай нацыі, што дазволіла беларускаму народу аб'яднацца ў межах адной дзяржавы і аднавіць, у поўнай меры, гістарычную справядлівасць. Аднак далучэнне Заходняй Беларусі да СССР у якасці тэрытарыяльнай адзінкі яшчэ не вызначыла «зліццё» з савецкай сістэмай грамадскіх адносін у палітычным, эканамічным і сацыяльна-культурным вымярэннях. Для дасягнення гэтай мэты новаўтвораным заходнім вобласцям БССР належала прайсці доўгі шлях, на якім былі сур'ёзныя перашкоды і які патрабаваў значнага прамежку часу. Паскарэнне тэмпаў саветызацыі ў далучаных землях прывяло да значных пераўтварэнняў ва ўсіх сферах жыцця ў рэгіёне, якія мелі як станоўчыя так і адмоўныя рысы. Адным з такіх напрамкаў былі эканамічныя пераўтварэнні. Восенню 1939 г. у прамысловым сектары эканомікі Заходняй Беларусі пачалі адбывацца значныя пераўтварэнні, якія мелі вызначальнае значэнне для гэтага рэгіёну. Савецкае кіраўніцтва праводзіла паступовы перавод эканомікі на новыя, сацыялістычныя прынцыпы гаспадарання. Дадзены складаны працэс закрануў найперш буйныя гарады, дзе праходзіла актыўная фаза нацыяналізацыі прамысловых прадпрыемстваў і банкаў. Мясцовыя ўлады кіраваліся на пачатковым этапе дэкларацыяй Народнага сходу «Аб нацыяналізацыі банкаў і буйной прамысловасці», якая абвясціла, што «прамысловыя прадпрыемствы належаць нацыяналізацыі з усімі пабудовамі, а таксама грашовымі сродкамі і іншай маёмасцю...» [2, арк. 71–72]. Аднак, акрамя буйных і сярэдніх прадпрыемстваў, была нацыяналізавана і большая частка дробных, што ў сваю чаргу супярэчыла папярэднім рашэнням Народнага сходу.

У дакладной запісцы на імя сакратара ЦК УКП(б) А. А. Жданава ад 15 кастрычніка 1939 г., П. Панамарэнка акцэнтаваў увагу партыйнага апарату на неабходнасці нацыяналізаваць у Заходняй Беларусі прадпрыемствы дрэваапрацоўчай, гарбарнай і тэкстыльнай прамысловасці, прычым апошнія павінны былі мець вялікую механічную сілу і не менш за 40 чалавек рабочых. Апроч таго, меркавалася правесці нацыяналізацыю тут усіх без выключэння камунальных электрастанцый, друкарняў і картаграфічных фабрык гарадоў, незалежна ад іх магутнасці і колькасці рабочых. Адносна лесапільных прадпрыемстваў адзначалася, што толькі буйныя

маглі і далей функцыянаваць за дзяржаўны кошт, а больш дробныя патрабавалася зачыніць, бо яны бескантрольна вынішчалі лясныя масівы краю. Кіраванне прадпрыемствамі здзяйснялі як спецыяльныя наркаматы, створаныя для розных галін вытворчасці, так і ў асобных выпадках трэсты, якія мелі сваю структуру падпарадкавання [10, с. 35–36].

Але не адразу нацыяналізацыя ўступіла ў поўную моц, не ўсе сферы вытворчасці яна закранула ў першыя месяцы пасля верасня 1939 г. Напачатку дзейнасці савецкай улады, на пасяджэннях часовых упраўленняў, усё часцей пачалі гучаць скаргі аб невыкананні тэрміновых мер, якія лічыліся ключавымі ў справе развіцця і замацавання строгай сістэмы кантролю і дысцыпліны на мясцовых прадпрыемствах. Так, напрыклад, на адным з пасяджэнняў часовага ўпраўлення г. Кобрына ў лістападзе 1939 г. абмяркоўвалася пытанне аб паскарэнні нацыяналізацыі буйных фабрык горада, а таксама вялася гаворка пра неабходнасць распрацоўкі канкрэтнага складу асоб для працы на прадпрыемствах і аб стварэнні сярод рабочых прафсаюзных ячэек [8, с. 212].

Напрыканцы 1939 г. пачаўся працэс адраджэння і ўзбуйнення прамысловых прадпрыемстваў, якія на той момант існавалі ў заходніх абласцях БССР. Паралельна з гэтым адбывалася маштабнае будаўніцтва новых фабрык і заводаў, тэхнічнае абсталяванне для якіх завозілася з Расіі, Украіны і ўсходніх рэгіёнаў Беларусі. Напрыклад, былі ў кароткі тэрмін рэканструяваны Лідскі завод сельскагаспадарчых машын, Гродзенскі роварны завод, тэкстыльныя фабрыкі г. Беластока. Узбуйненне асобных прадпрыемстваў праходзіла праз аб'яднанне некалькіх дробных.

Перабудова заходнебеларускай эканомікі на савецкі лад з самага пачатку адбывалася згодна з комплексам мерапрыемстваў, зацверджаным і распрацаваным у трэцім пяцігадовым плане развіцця народнай гаспадаркі БССР на 1938–1942 гг. У гэтым плане былі запісаны тэрміны будаўніцтва новых буйных прамысловых прадпрыемстваў, вырацаваны схемы пастаўкі тэхнічнага абсталявання — ўсё тое, што, на думку спецыялістаў, павінна было ўзмацніць эканамічны патэнцыял рэспублікі.

Сацыялістычная сістэма гаспадарання змяняла аблічча заходнебеларускіх прадпрыемстваў. Значна павялічылася колькасць рабочых у лёгкай прамысловасці. Узбуйненне ж садзейнічала паляпшэнню арганізацыйнай структуры на прадпрыемствах, павелічэнню ўзроўню працоўнай дысцыпліны і выпуску адпаведнай прадукцыі. На гэтыя мэты дзяржава асігнала значныя сумы, а агульны бюджэт заходніх рэгіёнаў БССР складаў у 1940 г. прыкладна 730 млн рублёў. Аднак, нягледзячы на станоўчы рух індустрыялізацыі, умовы жыцця мясцовага насельніцтва заходніх абласцей БССР ў гарадах заставаліся даволі цяжкімі. Папершае, не хапала жылля, таму

многія сем'і гараджан былі вымушаны жыць у паўразбураных памяшканнях і падвалах. Падругое, істотных матэрыяльных і грашовых сродкаў патрабавала аднаўленне тых гарадоў Заходняй Беларусі, якія значна пацярпелі ад нямецкіх паветраных бамбардзіровак у часы фашысцкага нашэсця на Польшчу. Асабліва вялікія страты панеслі Брэст, Граева, Семяцічы і інш. гарады. Паводле падлікаў беларускіх гісторыкаў, на хаця б частковае аднаўленне пашкоджаных будынкаў вышэйпералічаных гарадоў патрабавалася сума ў 8 млн руб., што ў сваю чаргу тлумачыла дастаткова павольны тэмп адбудовы.

Адной з найбольш вострых грамадскіх праблем, якую давялося вырашаць беларускаму савецкаму кіраўніцтву ў заходніх абласцях, была праблема беспрацоўя, якая ўзнікла яшчэ за польскім часам. Так, паводле падлікаў польскага Міністэрства сацыяльнай апекі, у 1938 г. у Заходняй Беларусі налічвалася прыблізна 20 тыс. беспрацоўных. Аднак на самой справе сітуацыя была яшчэ больш складаная, паколькі польская статыстыка не ўлічвала тых, хто працаваў няпоўны працоўны дзень або толькі некалькі дзён на тыдзень. Калі прымаць да ўвагі і дадзеныя паказчыкі, то ў рэальнасці агульная колькасць беспрацоўных была ў два разы большая і складала каля 40 тыс. чалавек [6, с. 459].

Партыйнае кіраўніцтва Беларускай ССР прымала самыя розныя захады, каб вырашыць праблему беспрацоўя. На працягу 1940–першай паловы 1941 гг. у заходніх абласцях БССР актыўна будаваліся ваенныя і абарончыя аб'екты, праводзіўся рэмонт старых і пракладванне новых аўтамабільных дарог, значных працоўных рэзерваў патрабавалі лесанарыхтоўка і лесасплаў, практыкавалася накіраванне рабочых на заводы і фабрыкі ва ўсходнія вобласці рэспублікі. Дзякуючы ўсім гэтым мерапрыемствам беспрацоўе на заходнебеларускіх землях да пачатку 1941 г. было практычна ліквідавана.

Актуальным было і пытанне выплаты заробкаў рабочым прадпрыемстваў. Так, напрыклад, у Сталбцоўскім павеце да ліку буйных прадпрыемстваў быў залічаны Нова-Свержаньскі лесазабуд, у якім у пачатку 1940 г. працавала 215 чалавек, а пасля яго ўзбуйнення і рэканструкцыі планавалася павялічыць колькасць рабочых да 500 чалавек. Таксама стратэгічным тут лічылася чыгуначнае дэпо горада, дзе налічвалася каля 170 рабочых. На гэтых прадпрыемствах, як адзначаў сакратар Стаўбцоўскага райкама КП(б)Б Столін, увогуле на той час адсутнічала строгая сістэма аплаты працы, што выклікала ў рабочых антысавецкія настроі. На Нова-Свержаньскім лесазабудзе падзённая аплата працы складала ўсяго 4 р. 13 к. за адзін працоўны дзень, у той час як 1 рабочы плаціў за абед у фабрычнай сталовай 4 руб. 50 к. У гарадскім дэпо слесар атрымоўваў не больш за 100 руб. у месяц. І такія выпадкі прасочвалі амаль у кожным раёне Заходняй Беларусі [3, арк. 43].

Не выконвалі ў поўнай меры планы вытворчасці і трэсты. Асабліва цяжкіх страт і няўдач зазнаў, напрыклад, Беластоцкі дзяржаўны рыбтрэст. Як паведамляў сакратар Беластоцкага абкама КП(б)Б Спасаў, у карыстанні гэтага рыбтрэста ў пачатку 1940 г. знаходзілася 1450 га азёраў і прудоў і налічвалася каля 18 рыбных гаспадарак, сярод якіх па вобласці мелася 10 гаспадарак з плошчай вадаёмаў 11 237 га і 1226 км рэк. Згодна з планам па дадзеным трэсце на 1940 г. меркавалася вырабіць таварнай прадукцыі 8000 цэнт., а пасадачнага матэрыялу 1140 цэнт. У выніку план быў выкананы толькі часткова. Нягледзячы на тое, што з дня пачатку работы рыбтрэсту прайшло дастаткова часу, яго кіраўніцтва не здолела арганізаваць вытворчасць рыбнай прадукцыі. Такое становішча прывяло да таго, што рыбныя гаспадаркі не былі падрыхтаваны належным чынам да вяснянай паводкі. Цяжкае матэрыяльна-тэхнічнае становішча гэтага рыбтрэсту з'явілася таксама следствам адсутнасці дапамогі як кадравай, так і фінансавай з боку Галоўрыбпрама БССР [3, арк. 352].

Перабоі адбываліся і ў рабоце гарбарных фабрык заходнебеларускага рэгіёну. Як, напрыклад, паведамляў у сваёй дакладной запісцы на імя П. Панамарэнкі сакратар Беластоцкага абкама ЦК КП(б)Б С. С. Ігаеў ад 2 сакавіка 1940 г., асабліва складаная сітуацыя ў гэтай галіне вытворчасці была ў Беластоцкай вобласці. Галоўнай прычынай крызісу тут сталі нерэгулярныя пастаўкі сыравіны, што паралізавала работу прадпрыемстваў. У выніку незабеспечання асноўнымі матэрыяламі для вытворчасці (хромпik бixрамат каляі, экстракт) гарбарныя фабрыкі выканалі план у студзені 1940 г. на 33,5 %, а за 20 дзён лютага — на 20 %. З 13 гарбарных прадпрыемстваў вобласці на 1 сакавіка былі закрыты 11, з якіх завод № 1 у г. Беластоку не працаваў нават з 1 студзеня, а завод № 5 у г. Гродна — з 1 лютага гэтага ж года. Астатнія 2 гарбарных завода працавалі з вялікімі перабоямі [3, арк. 263–264].

Асаблівую ўвагу савецкая ўлада надавала развіццю ў Заходняй Беларусі лясной прамысловасці, лесанарыхтовак і лесавывазак. Дадзеныя галіны вытворчасці былі выключна важнымі, бо іх прадукцыяй забяспечваліся школы, дрэваапрацоўчыя прадпрыемствы, якія выпускалі высокуюкасную мэблю. Гэтая прадукцыя набывала таксама значэнне для рэгіёну, калі ўлічыць, што яна фарміравала ў некаторай ступені і цэнавую палітыку ў краі. Як паведамляў, напрыклад, загадчык лясным аддзелам пры ЦК КП(б)Б Пыж, за перыяд з 23 студзеня па 25 лютага 1941 г. у Баранавіцкай вобласці было нарыхтавана 76,1 % лесу, а вывезена 58,1 % адпаведна, у Беластоцкай — 75,1 і 62,3, у Брэсцкай — 67,9 і 55,3, у Вілейскай — 91,6 і 80,9, у Пінскай — 53,1 і 46,5, у Палескай — 64,3 і 67,2, а ўсяго ў рэспубліцы было нарыхтавана 67,2 % і вывезена 59,4 %. З гэтай вялікай колькасці для школ вылучалася 43 м³ лесу [1, арк. 110].

Павелічэнне аб'ёму лесанарыхтовак паскорыла выпуск драўлянай мэблі і іншага абсталявання, у тым ліку паперы. Таму зразумела, што паліграфічная прамысловасць Заходняй Беларусі перайшла на якасна новы ўзровень у сваім развіцці. Большасць мясцовых паліграфпрадпрыемстваў, што былі тут створаны да 1939 г. і знаходзіліся ў такіх гарадах, як Беласток, Навагрудак, Брэст, Маладзечна, Пінск, Гродна і Баранавічы, з прыходам савецкай улады былі нацыяналізаваны і рэканструяваны. Тэхнічнае абсталяванне некалькіх друкарняў Вільні, перад далучэннем гэтага краю да Літвы, было адтуль вывезена і перададзена ў карыстанне рэдакцыям павятовых газет і часопісаў і аддзелаў Наркамата мясцовай прамысловасці БССР [4, арк. 1–3].

Згодна з пастановай Бюро ЦК КП(б)Б «Аб мерапрыемствах па арганізацыі паліграфічнай прамысловасці Заходняй Беларусі», падпісанай намеснікам старшыні СНК БССР У. Г. Ванеевым, у вышэйпазначаных гарадах павінны былі пачаць работу буйныя друкарні, якія б забяспечвалі выпуск у абласных цэнтрах штотыднёвых газет і абслугоўвалі б друкарскай прадукцыяй усе дзяржаўныя ўстановы Заходняй Беларусі. З Масквы і з Мінску меркавалася завесці сюды 50 камплектаў газетных шрыфтоў на беларускай і рускай мовах, каля 5 лінатыпаў (пераважна з цэхаў друкарні газеты «Звязда»), 15 камплектаў матрыц к лінатыпам і інш. Непасрэдны кантроль за дзейнасцю гэтых друкарняў ажыццяўляў Белпаліграфтрэст.

Разам з тым, на пачатковым этапе ў дзейнасці паліграфічных прадпрыемстваў Заходняй Беларусі прасочваліся недахопы. У гарадскіх друкарнях не хапала спецыялістаў, а рабочыя працавалі за старым абсталяваннем. На некаторых фабрыках увогуле адсутнічалі рэдакцыйныя друкарскія машыны, было мала лінатыпаў (напрыклад, у Беластоку — 2 лінатыпы, у Брэсце — 1, у Гродна — 1), а самі друкарні знаходзіліся ў маленькіх памяшканнях. Замест беларускіх ці рускіх шрыфтоў, якіх заўсёды не хапала, друкары выкарыстоўвалі польскія [4, арк. 112].

Складана адбываўся працэс нацыяналізацыі прадпрыемстваў тэкстыльнай прамысловасці Заходняй Беларусі. Як адзначаў у дакладной запісцы наркам тэкстыльнай прамысловасці БССР Аляксееў, з агульнай колькасці 1803 станкоў, што меліся ў канцы 1939 г. на мясцовых шарсцяных фабрыках, толькі 703 станка з'яўляліся непасрэднай уласнасцю прадпрыемстваў. 1003 станка лічыліся ўласнасцю асоб, якія не мелі сваіх фабрык. Усе гэтыя асобы належалі да так званага саюзу «ланкетнікаў». Акрамя таго, каля 97 станкоў належыць фабрыкантам, якія мелі свае капіталы на чужых прадпрыемствах. Было падлічана, што толькі 32 % станкоў належыць асобам, якія не карыстаюцца наёмнай працай [4, арк. 115–116].

Каб не страціць падтрымку працоўных і ўзмацніць кантроль за дзейнасцю заходнебеларускага рабочага руху, савецкая ўлада пайшла на стварэнне шырокай сеткі прафсаюзных арганізацый, якія існавалі пераважна на базе прадпрыемстваў. Так, у лістападзе–снежні 1939 г. на заводах і фабрыках заходніх абласцей БССР былі праведзены выбары мясцовых і цэхавых прафсаюзных камітэтаў, а таксама прафсаюзных лідараў. Потым адбыліся выбары раённых, гарадскіх, абласных і дарожных камітэтаў прафсаюзаў. Як паведамляў сакратар Беластоцкага абкама КП(б)Б С. С. Ігаеў, 28 снежня 1939 г. адбылася па выніках выбараў Міжсаюзная канферэнцыя прафсаюзаў вобласці, якая вызначыла задачы далейшай работы абласных прафсаюзаў і абрала сваіх дэлегатаў на X Усесаюзны з'езд прафсаюзаў СССР. Прафсаюзы карысталіся падтрымкай і прыхільнасцю з боку рабочых прадпрыемстваў: напрыклад, на тэкстыльных фабрыках з 10 305 рабочых членамі прафсаюзаў лічылі сябе 9978 чалавек, або 97% [3, арк. 3–10].

Нягледзчы на цэлы шэраг пралікаў, савецкая сістэма гаспадарання станоўча паўплывала на развіццё прамысловасці заходніх абласцей БССР. Так, напрыканцы 1940 г. тут дзейнічалі 392 прамысловых прадпрыемствы, на якіх працавала больш за 40 тыс. рабочых. Аб'ём жа валавай прадукцыі мясцовай прамысловасці павялічыўся амаль у 2 разы ў параўнанні з 1938 г. [5, с. 169] і склаў каля 27,6% прамысловай вытворчасці рэспублікі [9, с. 32;]. У цэлым за 1940 г. заходнебеларускія фабрыкі і заводы вырабілі каля 43% драўніны рэспублікі, 49% піламатэрыялаў, 54% цэменту, 40% шкідару, 98% шарсцяной тканіны, 54% цвёрдага скуранага тавару і інш. [7, с. 261]. Вялікую ролю ў пазітыўных зрухах такога кшталту адыгралі таксама і фінансавыя ўкладанні, якія савецкі ўрад асігнаваў на падтрымку і аднаўленне прамысловага патэнцыялу далучаных тэрыторый. Савецкія органы кіравання праводзілі рэформы накіраваныя на стварэнне эканамічнай магутнасці рэгіёну.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Докладные записки ЦК ЛКСМБ и др. о работе комсомола БССР, преобразованиях в социальной сфере, промышленности, сельском хозяйстве, культуре Западной Белоруссии, необходимости перспективного планирования в колхозах: 26 октября 1939 г. – 12 октября 1940 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 14634. Арк. 1–115.
2. Документы о подготовке к выборам депутатов в Народное собрание Западной Белоруссии (проекты деклараций, тезисы доклада, списки и др.): октябрь 1939 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 13975. Арк. 1–124.
3. Документы о состоянии партийной, агитационно-массовой работы, развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, народного образования, здравоохранения в западных областях БССР (постановления, выписки из протоколов,

докладные записки, справки и др.): 3 января–17 апреля 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 17000. Арк. 1–364.

4. Проекты постановлений ЦК КП(б)Б, выписки из протоколов заседаний бюро ЦК КП(б)Б, докладные записки и справки СНК, Госплана и наркоматов БССР о национализации и организации работы лесной, текстильной, полиграфической промышленности, систем промысловой кооперации, государственной торговли, создании профсоюзных и комсомольских организаций в Западной Белоруссии и др. вопросам: 1 октября–15 декабря 1939 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 14031. Арк. 1–143.

5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Вучэбны дапаможнік. / І. А. Марзалюк, А. Г. Каханоўскі, С. М. Ходзін і інш. / Пад агульнай рэдакцыяй І. А. Марзалюка. Мінск: Выдавецтва «Адукацыя і выхаванне», 2022. 447 с.

6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.

7. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / М. Касцюк, І. Ігнаценка, У. Вышыньскі [і інш.]; Інстытут гісторыі АНБ. Мінск: Беларусь, 1995. 560 с.

8. Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук.тэарэт. канф., 17–18 верас. 1999 г., Мінск / адк. рэд.: П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладысеў. Мінск: БДУ, 2000. 333 с.

9. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2 / Нац. акад. наук Беларуси, Инт истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014. 335 с.

10. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. / склад.: У. І. Адамушка [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2009. 340 с.

УДК 378.62(476-11)

**«МОЩНЫЙ ЩИТ НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ
СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ» — ВАЕННА-ФІЗКУЛЬТУРНАЯ
СПРАВА Ў БДУ 1920–1930-х гг.**

А. А. Яноўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, helgoleg@mail.ru*

У дадзеным артыкуле ўвага канцэнтруецца на практычна не даследаванай праблеме ў айчыннай гістарыяграфіі — далучэнні сістэмы вышэйшай адукацыі, студэнтаў і выкладчыкаў да асваення ваеннай справы. Акцэнт робіцца на падрыхтоўцы ў БДУ у 1920–1930-я гг. не проста кваліфікаваных спецыялістаў, але ўмелых абаронцаў рэвалюцыйных заваёў, загартаваных фізічна і моцных духам пераможцаў. Робіцца выснова, што асаблівая ўвага да гэтага кірунку дзейнасці БДУ кіравалася ў значнай ступені палітычнай абстаноўкай і тым, што ўніверсітэт быў створаны і дзейнічаў на самых заходніх рубяжах СССР.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; ваенна-фізкультурная справа; дапрызыўная ваенная падрыхтоўка; «Варашылаўскі стралок».

**«МОЩНЫЙ ЩИТ НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ
СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ» — ВОЕННО-ФИЗКУЛЬТУРНОЕ
ДЕЛО В БГУ 1920–1930-х гг.**

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru*

В данной статье внимание сосредоточено на практически неизученной проблеме в отечественной историографии — вовлеченности системы высшего образования, студентов и преподавателей в освоение военного дела. Особое внимание уделяется подготовке в БГУ в 1920–1930-е гг. не просто квалифицированных специалистов, а умелых защитников революционных завоеваний, физически закаленных и сильных духом победителей. Делается вывод, что особое внимание этому направлению деятельности БГУ во многом было обусловлено политической обстановкой и тем, что университет создавался и действовал на самых западных границах СССР.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; военное и физкультурное дело; допризывная военная подготовка; «Ворошиловский стрелок».

**“POWERFUL SHIELD ON THE WESTERN BORDERS
OF THE SOVIET COUNTRY” — MILITARY AND PHYSICAL
CULTURAL AFFAIRS IN BSU 1920–1930’s**

A. A. Yanovsky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru*

This article focuses on a virtually unexplored problem in Belarusian historiography — the involvement of the higher education system, students and teachers in the development of

military affairs. Particular attention is paid to the training at BSU in the 1920–1930s not just of qualified specialists, but of skillful defenders of revolutionary gains, physically hardened and spiritually strong victors. It is concluded that special attention to this area of activity of the BSU was largely due to the political situation and the fact that the university was created and operated on the westernmost borders of the USSR.

Keywords: Belarusian State University; military and physical education; pre-conscription military training; “Voroshilov Riflemen”.

У якасці ўводзінаў. Зварот да «ваенізацыі» (адзін з сінонімаў — мілітарызацыя) і «фізкультурызацыі» у ВНУ Беларусі 1920–1930-х гг. цікавы для даследавання з розных пунктаў гледжання. Па-першае, вядома, што стварэнне ў Беларускай савецкай рэспубліцы свайго ўніверсітэта ішло з нулявой адзнакі. Таму ў яго станаўленні новыя характарыстыкі зацвярджаліся ў поўнай меры ўпершыню. Па-другое, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (БДУ) развіваўся на самых заходніх рубяжах СССР. І, такім чынам, яго шматлікія сутнасныя параметры фарміраваліся з улікам аб’ектыўнага, рэальнага судотыку рэспублікі і ўсяго СССР з чужым «буржуазным светам», а значыць, — з рэальнай магчымасцю сутычкі з «сусветным капіталізмам». Гэта палажэнне патрабавала ўнясення істотных карэктываў у традыцыйныя формы і напрамкі ўсёй дзейнасці ВНУ. Тым больш, што студэнцкая моладзь спачатку натхнялася ідэямі «сусветнай пралетарскай рэвалюцыі», а неўзабаве многія ідэялагемы тых перадваенных гадоў зыходзілі з немінучага супрацьстаяння з фашысцкай Германіяй. А значыць, патрэбна было рыхтаваць не проста кваліфікаваных спецыялістаў, але ўмелых абаронцаў рэвалюцыйных заваёў, загартаваных фізічна і моцных духам пераможцаў.

У беларускай гістарыяграфіі адсутнічае больш-менш грунтоўная прапрацоўка пытання аб далучэнні сістэмы вышэйшай адукацыі, студэнтаў і выкладчыкаў да асваення ваеннай справы. Асабліва ў цеснай сувязі з разглядам практыкі прывіцця навучэнцам культуры не толькі набыцця ведаў, але і культуры ўласнага цела праз спазнанне яшчэ неўласцівых для таго часу магчымасцей фізічнай культуры і спорту як залогу паспяховай працы і стойкасці ў абароне айчыны. Толькі фрагментарна ў некаторых «юбілейных» выданнях з нагоды той ці іншай знамянальнай даты ў гісторыі нашай alma mater закранаюцца «вайскова-фізкультурныя» аспекты ў дзейнасці як адзінага ў БССР універсітэта (БДУ), так і яшчэ нямногіх інстытутаў [1; 2]. Сам аўтар на дадзеную тэму надрукаваў спецыяльны артыкул [3], але ў ім былі толькі акрэслены некаторыя аспекты праблемы, не прадстаўлены багаты фактычны матэрыял па перадваеннаму дзесяцігоддзю. У дадзенай публікацыі ў большай ступені будзе звернута ўвага якраз на яго.

Універсітэт як «магутны шчыт на заходніх рубяжах савецкай краіны». Цытата, вынесена ў загаловак артыкула, — адзін з мноства газетных штампаў, якімі была насычана беларуская прэса ў большай ступені 1930-х гг. Такія лозунговыя назвы артыкулаў і аргументацыі пры падачы тых ці іншых сюжэтаў з паўсядзённасці дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта мелі важны сэнс у выхаванні абаронцаў айчыны з ліку інтэлектуальнай моладзі. Па-сутнасці, іх можна лічыць у поўнай ступені ідэалагемамі таго часу. Пры знаёстве з крыніцамі і публікацыямі 1920–1930-х гг. бачна, што з першых дзён існавання беларускай дзяржавы рэфрэнам штодзённасці была «ваенізацыя», якая дапаўнялася і натуральна суправаджалася «фізкультурызацыяй». Іх разгляд менавіта праз дзейнасць БДУ дазваляе вызначыць спалучэнне маштабу дзяржаўных устаноў з сутнасцю і прызначэннем інтэлектуальнай карпарацыі, яе асобных прадстаўнікоў.

Сярод іншых вылучаюцца ў 1920–пачатку 1930-х гг. С. І. Баркусевіч, М. М. Пятроў і Г. К. Жукаў. Потым прыйдзе час іншых, не такіх вядомых. Напрыклад, у гады Вялікай Айчыннай вайны падчас працы БДУ на падмаскоўнай станцыі Сходня (1943–1944) арганізатарам вайскавай падрыхтоўкі студэнтаў быў будучы найвядомы беларускі пісьменнік Іван Мележ. А вось яго папярэднікі — зусім розныя прадстаўнікі першага пакалення стваральнікаў Беларускага ўніверсітэта — з нулявой адзнакі наладжвалі «ваенізацыю» і «фізкультурызацыю» у БДУ. Згадаем некаторыя абставіны іх ролі ў названых накірунках.

Так, ужо з 1921 г. у ліку прадстаўнікоў адміністрацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта называецца штатная адзінка «ваенкіраўніка» з функцыяй арганізацыі сістэмнага правядзення са студэнтамі тэарэтычных заняткаў па ваеннай справе, арганізацыі палявых стрэльбаў, лагерных збораў і іншых падобных мерапрыемстваў. Першым, хто заняў гэтую пасаду, быў Сігізмунд Іосіфавіч Баркусевіч. Ён у 1921 г. некаторы час быў наркамам, а потым намеснікам наркама аховы здароўя ССРБ, узначальваў Беларускае таварыства Чырвонага Крыжа. У 1925 г. перайшоў на дыпламатычную службу, у 1928–1929 гг. быў рэктарам Адэскага медінстытута, ізноў непрацяглы час працаваў у цэнтральным апарате Наркамата замежных спраў СССР [4, с. 124; 5]. Даволі падрабязная біяграфічная інфармацыя зафіксавана ў дакументах яго асабістай справы, што захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

Працуючы на адказнай дзяржаўнай пасадзе, Сігізмунд Іосіфавіч адначасова вучыўся на медыцынскім факультэце БДУ. Больш за тое, 3 кастрычніка 1921 г. пастановай Калегіі Наркамата асветы ССРБ ён быў прызначаны ваенным камісарам медфака (дарэчы, афіцыйна ўніверсітэт распачне сваю

адукацыйную дзейнасць толькі з 30 кастрычніка) [6, арк. 2, 20]. З лістапада 1921 г. гэты студэнт узначаліў «ваенкамат медыцынскага факультэта» [7, с. 210]. Ён быў неадкладна ўведзены ў склад кіраўніцтва БДУ (яго Праўлення) — 27 студзеня 1922 г. Тым самым С. І. Баркусевіч стаў адным з 5 першых кіраўнікоў універсітэта. Выходзіла, што студэнт адначасова з'яўляўся і намеснікам рэктара (прафесара У. І. Пічэты), і намеснікам дэкана медфака (прафесара С. М. Мелкіх), і арганізатарам ваеннай падрыхтоўкі ўсяго ўніверсітэта. Але неўзабаве (у сакавіку 1924 г.) ён быў «Аслаблены ад пасады ў Беларускай Дзяржаўным Універсітэце з прычыны пераводу яго ЦК РКП(б) дзеля працы ў Н.К.І.Д. СССР...» [6, арк. 14, 18, 20].

На жаль, у выяўленых матэрыялах няма канкрэтыкі сутнасці і спецыфікі дзейнасці Сігізмунда Іосіфавіча на адказных універсітэцкіх пасадах, у тым ліку на пасадзе ваеннага камісара. Яго ад'езд у Маскву супаў з завяршэннем планаў «Всёобуча» і пераходам Савецкай краіны на іншыя прынцыпы баявой і фізічнай падрыхтоўкі грамадзян, у тым ліку студэнтаў і выкладчыкаў. Гэтыя прынцыпы запатрабавалі некаторага часу для распрацоўкі і асэнсавання спосабаў рэалізацыі, а таксама для арганізацыі эфектыўнай тэарэтычнай падрыхтоўкі з ужываннем ведаў на практыцы. Справа ў тым, што веліч планаў і магчымасці іх рэалізацыі ў першай палове 1920-х гг. знаходзіліся ў дысанансе. Дасягненню станоўчых вынікаў перашкаджалі нават не арганізацыйныя недахопы, не адсутнасць для правядзення заняткаў прыстасаваных аўдыторый і неабходнага ўзбраення, а банальная галечка. Аб гэтым гаварыў прафесар С. Я. Вальфсон у сваёй прывітальнай прамове з выпадку першага выпуска юрыстаў і эканамістаў (маўляў, толькі 14 % з 432 студэнтаў першага набору змаглі здужыць чатыры гады вучобы ва ўмовах адсутнасці элементарных сродкаў, калі прыходзілася хадзіць на заняткі ў «ірваным адзенні і абутку») [8, с. 13, 14].

Таму пра якую там эфектыўную «ваенізацыю», а тым больш пра заняткі фізкультурай і спортам магла ісці гаворка, калі студэнтам даводзілася працаваць дзе давядзецца (дарэчы, з-за гэтага кіраўніцтва БДУ старалася праводзіць заняткі ў вячэрні час), каб аплаціць вучобу і проста выжыць. Такая сувязь паміж рэаліямі студэнцкага жыцця і заклікамі да асваення ваеннай справы і «здаравага ладу жыцця» неаднаразова абазначалася тымі, хто рэальна ацэньваў перспектыву «фізкультуры» як арганічнага суправаджэння «ваенізацыі». Так, на старонках прафсаюзнага студэнцкага выдання «Голос пролетарских студентов» кожны раз у сувязі з гэтым адзначалася «катастрофическое материальное положение нового пролетарского студенчества» [9, с. 22].

Тым не менш, ваенная падрыхтоўка студэнтаў найбольш прадукцыйна ажыццяўлялася на медфаку БДУ. Хаця і на іншых факультэтах яна мацнела

з году ў год. Фактычна з 1922 г. у аўдыторыі ўніверсітэта адзін за адным уваходзілі кадравыя вайскоўцы для правядзення заняткаў са студэнтамі па стральбе, тактыцы і г. д. Тут відавочна прасочваецца арганізатарская роля С. І. Баркусевіча. Са свайго боку студэнты бралі шэфства над воінскімі часцямі — не толькі ў Мінску, але і па ўсёй Беларусі. З першых дзён дзейнасці БДУ камандзіры воінскіх часцей, размешчаных у Мінску і яго наваколлях, гасцінна запрашаліся на розныя ўніверсітэцкія мерапрыемствы, асабліва святочныя [8; 25; 26]. Ставілася зусім пэўная задача — прывіць студэнтам і ваеннаабавязаным выкладчыкам навыкі і ўменні кадравых вайскоўцаў.

У сістэме вышэйшай адукацыі Савецкага Саюза, у тым ліку БССР, працяг практыкі ваенізацыі набыў новы імпульс пасля летняй пастановы ўрада 1926 г. У БДУ гэтую складаную і адказную справу здолеў арганізаваць і дастаткова працяглы час кіраваў кадравыя ваенны — Міхаіл Міхайлавіч Пятроў. Яго пасада і гучала адпаведна — «вайсковы кіраўнік» (у адрозненне ад папярэдніка — «ваенкама» С. І. Баркусевіча). Прызначэнне на пасаду «ваеннага кіраўніка Дзяржуніверсітэта» было зроблена ў адпаведнасці з загадам РВС ад 25 жніўня 1926 г. Міхаіл Міхайлавіч быў вымушаны пакінуць Аб'яднаную ваенную школу імя ЦВК БССР, дзе праходзіў службу памочнікам начальніка Школы па вучэбна-страйковай частцы [10, арк. 1]. За плячыма была выдатная ваенная вывучка: скончыў Палтаўскі кадэцкі корпус, тры курсы артылерыйскага вучылішча, Акадэмію Генеральнага штаба. Царскі афіцэр ваяваў на франтах Першай сусветнай вайны, але стаў добраахвотнікам Чырвонай Арміі і сам Леў Троцкі адзначыў «доблесныя дзеянні» М. М. Пятрова ў баях з белачэхамі. Пасля Грамадзянскай вайны Міхаіл Міхайлавіч змяніў шэраг гарнізонаў і пасадаў, а ў канцы 1924 г. апынуўся ў Мінску. Сваю працу ў БДУ ён палічыў вельмі адказнай: быць «Военным Руководителем по проведению военного обучения пролетарским студенчеством на основах декрета Союзного Совнаркома и ЦИК СССР от 20 августа 1926 г.» [10, арк. 5, 5 зв.; 11, арк. 6].

Безумоўным фактам было тое, што ў навучальных планах усіх вышэйшых і сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў 180 гадзін павінны былі быць прысвечаны «вывучэнню тэорыі ваеннай справы», а таксама «устаноўлена летняе практычнае навучанне». Паўсюдна навучальныя ўстановы павінны былі абсталяваць вайсковыя кабінеты. Усе выдаткі на іх аснашчэнне і ўтрыманне, а таксама аплату працы выкладчыкаў ваеннай справы гэтая Пастанова ўсклала на ВНУ і тэхнікумы. А вось аплату працы ваенных кіраўнікоў і загадчыкаў ваенных кабінетаў ажыццяўляла ваеннае ведамства.

Неўзабаве (6 кастрычніка 1926 г.) кіраўніцтву БДУ была прадстаўлена «Докладная записка Военрука Б.Г.У. т. Петрова М.М.», у якой меліся 9 пунктаў. Сярод іншых патрабавалася выдзеліць асобны пакой

для выкладчыкаў ваеннай справы на педагагічным факультэце і грошы на абсталяванне ваеннага кабінета, на факультэтах завесці спецыяльныя дошкі для аб'яў і раскладу заняткаў, устанавіць дакладны парадак разгляду пытанняў арганізацыі і правядзення ваеннай падрыхтоўкі на пасяджэннях Праўлення і Саветаў універсітэта і факультэтаў, а таксама ўзаемаадносін «военрука» з рэктарам [10, арк. 8, 8 зв., 9]. Дарэчы, ў 1925–1926 навучальным годзе за кошт грошай, выдзеленых Наркаматам асветы БССР на правядзенне ваенізацыі, быў пабудаваны студэнцкі цір, а ў снежні 1927 г. арганізаваны «ваенна-марскі куток» пры ваенным кабінёце [12, арк. 75; 13, арк. 48; 14, арк. 65]. Ва ўніверсітэце павольна, але паслядоўна мацнела арганізацыя «вышэйшай дапрызыўнай ваеннай падрыхтоўкі».

Рашэннем «Штатнай камісіі Наркамасветы БССР» ад 9 лютага 1927 г. для БДУ было ўведзена 30 дацэнтскіх і 26 асістэнтскіх навучальных гадзін у тыдзень для правядзення заняткаў па ваеннай падрыхтоўцы. Савет універсітэта даручыў «вайскаваму кіраўніку БДУ Пятрову» асабіста размяркоўваць гэтыя навучальныя гадзіны сярод спецыяльна запрошаных выкладчыкаў — кадравых вайскоўцаў. Адным з такіх неўзабаве стаў будучы Маршал Савецкага Саюза Г. К. Жукаў [13, арк. 74; 14, арк. 65]. Неўзабаве (май 1928 г.) М. М. Пятроў атрымаў права прэміраваць студэнтаў, якія прайшлі навучанне ў «інструктыўна-арганізацыйным гуртку пры ячэйцы Осаавіяхіма» — за кошт грошай, якія выдзяляліся Праўленнем БДУ ваеннаму кабінету на набыццё ваеннай літаратуры [14, арк. 132]. Рэктар У. І. Пічэта адзначаў, што менавіта дзякуючы М. М. Пятрову ваенныя заняткі ў БДУ ўдалося «паставіць правільна», без зрываў, «звязаць ваенныя прадметы з агульнаграмадзянскімі» [10, арк. 14, 14 зв.].

Заканаммерным крокам у развіцці ваенізацыі БДУ стала рашэнне Праўлення ўніверсітэта ад 27 верасня 1927 г. На яго пасяджэнні з вялікім дакладам выступіў М. М. Пятроў і далажыў аб выніках з'езда ваенных кіраўнікоў, які адбыўся ў Маскве і ў рабоце якога ён удзельнічаў. Было прынята разгорнутае рашэнне, якое складалася з 15 пунктаў. Кожны з іх патрабаваў ад усяго прафесарска-выкладчыцкага складу і студэнтаў і далей развіваць прыбліжэнне БДУ да справы абароны СССР. Было вырашана па магчымасці ўвесці пытанні вайсковага характару ў праграмы курсаў прафесійнай падрыхтоўкі па ўсіх спецыяльнасцях, цесна ўвязаць пытанні «агульнай навукі і навукі вайскавай» у навуковых даследаваннях, стварыць асобную прадметную камісію па ваенных дысцыплінах на чале з М. М. Пятровым і інш. [10, арк. 16, 16 зв.].

Вядома, што студэнты падчас летніх канікулаў у вайсковых лагерах замацоўвалі свае тэарэтычныя веды, атрыманыя на працягу навучальнага года на занятках па ваеннай падрыхтоўцы. Адным з іх з'яўляўся

лагер «Савецкая Беларусь» на станцыі Дрэтунь каля Полацка. Лагерныя зборы дапамагалі не толькі выяўляць недахопы ў падрыхтоўцы абаронцаў Айчыны, але і падштурхоўвалі кіраўніцтва БДУ да прыняцця рашэнняў аб карэкціроўцы навучальных праграм.

Так, менавіта двухмесячны лагерны ваенны збор другакурснікаў БДУ ў 1928 г. дазволіў выявіць галоўную перашкоду на шляху рэалізацыі стратэгіі ваенізацыі студэнцкай моладзі. Зборы праходзілі пад Бабруйскам на базе чырвонаармейскага вайсковага гарадка «Бальшавік». Праз месяц пасля пачатку збораў, 13 ліпеня 1928 г., лагер наведала ўсё кіраўніцтва БДУ. Меркавалася азнаёміцца з умовамі пражывання студэнтаў, правесці мітынгі пра значэнне павышэння гатоўнасці інтэлектуальнай моладзі да абароны радзімы, узнагародзіць перадавікоў у асваенні ваеннай справы і г. д. Але рэктару і ягоным калегам прыйшлося выслухаць ад вайскоўцаў шмат папрокаў у адрас студэнтаў. І не з-за авалодання ваеннай справай і дысцыплінаванасці (тут усё было добра), а па фізічнай непадрыхтаванасці да нясення службы. Па выніках гэтай паездкі і правядзення збораў у цэлым на спецыяльным пасяджэнні Праўлення БДУ адбылося падрабязнае абмеркаванне стану спраў у арганізацыі ваеннай падрыхтоўкі студэнтаў. Пасля станоўчых канстатацый аб «высокіх практычных і палітыка-выхаваўчых выніках» праведзеных збораў, аб добрай стралковай падрыхтоўцы студэнтаў (аб гэтым распавядалі выкладчыкі ваеннай падрыхтоўкі і кадравыя афіцэры, якія ўдзельнічалі ў зборах) усе выступоўцы адзначалі, што «У масе фізічнае развіццё студэнтаў вельмі слабае і далёкае ад патрабаванняў, якія прад'яўляюцца ваеннай службай...», хоць «лагерны збор адначасова са здачай студэнтамі воінскіх ведаў аказвае добрае ўздзеянне на фізічны стан іх здароўя». Было вырашана карэнным чынам змяніць сітуацыю шляхам увядзення ў навучальны план у якасці абавязковага віду заняткаў з 1928/29 навучальнага году для студэнтаў 1 і 2 курсаў заняткаў па фізкультуры па 2 гадзіны на тыдзень, увязваючы іх з практычнымі ваеннымі заняткамі. Як для мужчын, так і для жанчын [14, арк. 160–166].

Стала зразумелым, што неабходна яшчэ раз усебакова вызначыць значэнне форм і ўмоў, мэты і задач прыцягнення ўсіх студэнтаў да асваення ваеннай справы. Загадам рэктара БДУ ад 4 чэрвеня 1928 г. (са спасылкай на Пастанову ЦВК і СНК СССР ад 20 жніўня 1926 г. і загад Рэўваенсавета СССР ад 15 кастрычніка 1926 г.) пацвярджалася, што студэнты 2-га і 3-га курсаў абавязаны праходзіць вышэйшую дапрызыўную ваенную падрыхтоўку. Удакладнялася, што другакурснікі накіроўваюцца на двухмесячны лагерны збор у ваенны лагер «Бальшавік», а студэнты трэцяга курса — на «трохтыднёвыя выходы ў поле пры ўніверсітэце». У пэўны чэрвеньскі дзень студэнты павінны былі сабрацца каля ваеннага кабінета, каб потым адправіцца ў лагер са сваёй адзежай, зменнай бялізнай, прадметамі побыту.

«Выходы» ж у «поле» пачыналіся праз некалькі дзён каля аднаго з інтэрнатаў БДУ. У абодвух выпадках нез’яўленне расцэньвалася як «ухіленне». Асноўная задача збораў і палявых заняткаў вызначалася наступным чынам: «атрыманне навыкаў, а таксама спазнанняў і навыкаў малодшага камандзіра РККА» [15, арк. 52–53].

Загадам рэктара было ўзмоцненае кіраўніцтва ўніверсітэцкім ваенным кабінетам (з 12 лютага 1929 г. яго ўзначаліў камандзір 1-й кулямётнай роты 22-га Дзяржынскага стралковага палка Васіль Сільвестравіч Барздоў, а былы загадчык Піневіч стаў бібліятэкарам кабінета ваеннай літаратуры) [16, арк. 35]. Дарэчы, М. М. Пятроў сваю пасаду ў БДУ пакінуў вясной 1933 г., а таму з яго іменем звязаны амаль усе мерапрыемствы, якія ў БДУ праводзіліся да гэтага часу з сярэдзіны 1920-х гг. па ваенізацыі і адпаведнай вучобе студэнтаў, па далучэнню выкладчыкаў да авалодання ваеннымі навыкамі [11, арк. 1–5]. Адначасова былі перагледжаны навучальныя планы з мэтай пашырэння «фізкультурызацыі навучання», паступова набіраўся штат выкладчыкаў для арганізацыі спецыяльнай кафедры фізічнай культуры. Такім чынам, менавіта з 1928 г. ваенізацыя як па сутнасці, так і арганізацыйна стала дапаўняцца фізічным выхаваннем студэнтаў. Гэта праходзіла ва ўмовах, калі па ўсім Савецкім Саюзе ўсё больш і больш працоўных калектываў актыўна ўліваліся ў фізкультурны рух, які відавочна ўспрымаўся як эфектыўная форма падрыхтоўкі моцных ваяроў для абароны сацыялістычнай радзімы. Уся савецкая прэса была запоўнена гучнымі артыкуламі, нарысамі і рэпартажамі, усяляючы фізічна загартаваных, ідэйна перакананых маладых людзей, якія валодаюць зброяй, лыжамі, матацыкламі, планёрамі і самалётамі і г. д. У 1928 г. была праведзена першая Усесаюзная спартакіяда, адкрываліся рознага ўзроўню навучальныя ўстановы фізічнай культуры і спорту і г. д. Паварот да фізкультуры быў накіраваны і на падрыхтоўку спартсменаў, развіццё спорту «высокіх дасягненняў» у СССР і БССР, які з канца 1920-х гг. стаў адным з аргументаў у вострым супрацьстаянні дзвюх сістэм.

Орган выканаўчага бюро пралетарскага студэнцтва БДУ часопіс «Шлях студэнцтва» па выніках V канферэнцыі пралетарскага студэнцтва БССР выказаў сваё бачанне сітуацыі: «Нас, студэнцтва БССР, каторая знаходзіцца на мяжы з капіталістычным сьветам, пытаўне аб ваенізацыі павінна цікавіць у першую чаргу... Нам трэба яшчэ больш падцягнуцца, яшчэ больш уцягнуць масы ў працу па ваенізацыі, з тым, каб у патрэбны момант мець магчымасць абараняць сацыялістычную бацькаўшчыну, абараняць правы на атрыманьне адукацыі, якія мы атрымалі ў выніку перамогі Кастрычніка» [17, с. 5]. У тым жа нумары часопіса быў апублікаваны артыкул з амаль праграмнай назвай — «За фізкультуру». Аднак, адзначым,

што пашырэнне навучальных праграм па фізкультуры і ваеннай справе адбывалася адначасова з рэзкім скарачэннем тэрмінаў навучання студэнтаў і іх падрыхтоўкі да прафесійнай дзейнасці.

Як адзначалася, у БДУ фізкультура ў той ці іншай форме стала прысутнічаць у раскладзе заняткаў з 1928 г. З 1928–1929 навучальнага года на ўсіх факультэтах увялі спецыяльныя двухгадзінныя штотыднёвыя фізкультурныя заняткі. Яны павінны былі ў поўнай меры быць увязанымі з задачамі падрыхтоўкі не столькі фізічна здравых спецыялістаў, як абаронцаў радзімы. Шырока разгарнулася практычная дзейнасць розных абаронных таварыстваў, падрыхтоўка «значкістов ПВХ, ВС, ГТО» і інш. Фізкультура і спорт паўсюдна папулярываліся, удасканалываліся арганізацыйныя формы. У БДУ была створана спецыяльная фізкультурная кафедра. Кожны тыдзень на працягу ўсіх гадоў навучання ўсе студэнты павінны былі асвойваць тэарэтычныя і практычныя асновы «навукі перамагаць». Так, для студэнтаў трэцяга курса хімічнага факультэта ў 1933 г. сярод дзевяці прафесійных курсаў вайсковым заняткам на кожны семестр адводзілася 30 навучальных гадзін, а фізкультуры — 20. На чацвёртым курсе фізкультуры ўжо не было, але вось на авалоданне ваеннай справай заставаліся тыя ж 30 гадзін. Тым часам, прафесійныя курсы былі толькі ў 2–3 разы больш аб’ёмнымі [18, арк. 10].

Так што даваеннае дзесяцігоддзе для БДУ і ўсёй сістэмы адукацыі БССР прайшло ў арганічным спалучэнні праз адукацыйны працэс ваеннай падрыхтоўкі студэнтаў усіх без выключэння спецыяльнасцей і іх «фізкультурызаванні». Такое напавенне навучальнага працэсу ў савецкіх універсітэтах мацнела з году ў год. Краіна рыхтавалася да немінучай вайны. Арганізацыйныя формы набылі маштаб і комплекснасць. Для ВУН яны перш за ўсё ўвасабляліся ў дзейнасці спецыяльных ваенна-фізкультурных кафедраў. Іх дзейнасць рэгулярна адлюстроўвалася на старонках рэспубліканскіх газет і часопісаў, у шматтыражках універсітэта і інстытутаў. Так, універсітэцкая газета «За ленінскія кадры» у 1937–1941 гг. амаль у кожным нумары давала па ваенна-фізкультурнай тэматыцы і хроніку праведзеных мерапрыемстваў, і грунтоўныя аналітычныя артыкулы, і адпаведныя нататкі па самых розных сюжэтах. Характэрна, што дакладнасць аўтараў не заўсёды абмяжоўвалася, напрыклад, простым аповедам пра недахопы ці поспехі «фізкультурнай кафедры» ў арганізацыі кросаў, прабежак, гімнастычных спаборніцтваў і т. п. Ці фіксацыя вынікаў дзейнасці ваеннай кафедры [19; 20; 21; 22]. Заўсёды карэспандэнты газеты называлі імёны тых, ад каго залежала эфектыўнасць такіх важных мерапрыемстваў: «ваенных работнікаў» (Карніловіч, Назараў і інш.), «арганізатараў абаронных мерапрыемстваў» на факультэтах (Луцэвіч, Семіжон і інш.), «інструктараў

фізкультуры» (Кавальчук і інш.), фізоргаў факультэтаў (А. Крышчановіч і інш.). Вядома, што ў гэтыя складаныя гады начальнікам ваеннай кафедры быў А. Гладкі, а кафедрай фізкультуры кіраваў Васіль Пракопавіч Рак — выпускнік маскоўскага Інстытута фізічнай культуры [23, арк. 2; 24, арк. 3].

На факультэтах дзейнасць абедзвюх кафедраў успрымалася ў нейкім трывалым звязку. Выкладчыкі кафедр, іх памочнікі з ліку студэнцкіх прафсаюзнай і камсамольскай арганізацый агучваліся як «ваенна-фізкультурныя работнікі» [20]. Вынікам іх сумеснай працы былі як якасныя, так і колькасныя паказчыкі: хтосьці са студэнтаў авалодаў мастацтвам лётнай справы, хтосьці стаў стралком-снайперам, хтосьці — самым хуткім бегуном або лыжнікам і г. д. Відавочна было тое, што большасць студэнтаў свядома імкнуліся быць дасканалым у абодвух напрамках падрыхтоўкі, спалучаючы яе з вучобай па спецыяльнасці. Яны літаральна спаборнічалі адзін з адным за права прымацаваць на сваіх куртках і блузах як мага больш нагрудных знакаў — «Гатовы да працы і абароны» (ГПА), «Варашылаўскі стралок» (ВС) і г. д. Напрыклад, студэнты-фізікі Юр'еў, Шпілеўская, Карніловіч, Фёдараў мелі па 8 значкоў, студэнты-хімікі Георгій Фалевіч — 7, а Жыгалоўіч — аж 10 [25; 26]. Дарэчы, неўзабаве Георгій Фалевіч стане членам камітэта камсамола, актыўным удзельнікам і папулярызатарам спартыўных мерапрыемстваў, а потым — героем Мінскага падполля, які быў арыштаваны і закатаваны акупантамі. Мемарыяльная дошка ў яго гонар замацавана на будынку каля Дома ўраду на плошчы Незалежнасці г. Мінска.

Мяркуем, што цікавай ілюстрацыяй да дастаткова фрагментарнага прадстаўлення развіцця ваеннай справы і фізкультуры ў БДУ напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны будуць некаторыя вытрымкі з нумароў газеты БДУ «За ленінскія кадры» за 1935–1941 гг. Яны дазваляюць як бы адчуць рытм універсітэцкага жыцця па-за вучобай ды навукай, а якраз у спасціжэнні ваеннага рамяства і сваіх фізічных магчымасцей дзеля набывання поўнай падрыхтаванасці адстойваць «западные рубежи советской страны».

1935 г.

— З 20 па 23 кастрычніка 1935 г. быў праведзены ваенізаваны велапрабег студэнтаў і навуковых работнікаў па маршруце Мінск—Орша—Мінск. У дарозе веласіпедысты знаходзіліся 28 гадзін [27].

1936 г.

— Арганізацыя Асаавіяхім БДУ на 1936 г. налічвала 920 членаў. З іх 410 «варашылаўскіх стралкоў» першай ступені і 16 другой. У 1935–1936 навучальным годзе падрыхтавана 10 планерыстаў першай ступені, нормы ГПА здалі 133 студэнты, а нормы процівапаветранай і хімічнай абароны — 375. У апошнім выпадку асабліва вызначыліся калектывы

хімічнага (124 чал.) і біялагічнага (90 чал.) факультэтаў. 18 лютага 1936 г. былі праведзены стралковыя спаборніцтвы ў рамках абаронна-спартыўнай падрыхтоўкі. Індывідуальнае першыньство сярод мужчын і жанчын выйгралі студэнты геафака Магіленка і Гроскрэйц [28].

– 31 сакавіка 1936 г. у БДУ пад кіраўніцтвам ваеннай кафедры быў праведзены «ваенны дзень». Адбыліся лекцыі на факультэтах на тэму: «Будучая вайна і задачы абароны». Кожны студэнт павінен быў усьведаміць — а ці гатовы ён да абароны сваёй краіны [29].

– У БДУ разгарнулася падрыхтоўка да вясновага гарадскога кроса імя Шверніка. На думку кіраўніцтва ўніверсітэта, удзел у ім студэнтаў «павінен адыграць вялікую ролю ў справе разгортвання фізкультурнай працы». Арганізацыя ўскладзена на фізоргаў факультэтаў і пастаўлена задача сабраць каманду ў 150 чалавек і заняць першае месца. Валебольная каманда БДУ ў вясновых сустрэчах 1936 г. атрымала перамогі над камандамі медыцынскага і політэхнічнага інстытутаў. А баксёры, якія займаюцца ў секцыі боксу БДУ, дабіліся шэрагу перамог у гарадскіх спаборніцтвах. Але адзначалася, што тым не менш іншыя віды спорту ва ўніверсітэце не ў пашане [30].

– Падрыхтоўку на першы фізкультурны парад, які павінен адбыцца ў Мінску 30 чэрвеня 1936 г., вялі 1000 студэнтаў БДУ. Яны занятыя трэніроўкай спартыўна-фізкультурных нумароў, развучвалі песні, каб «прадэманстраваць перад кіраўнікамі партыі і ўрада сваё радаснае, вясёлае, маладое жыццё» [31].

– У 1936 г. адбылася агульнаўніверсітэцкая спартакіяда. Усе факультэты, акрамя гістарычнага, выставілі свае каманды. Найбольш арганізавана ўдзельнічалі студэнты фізмата. Гэты факультэт і заняў першае месца (фізорг Брыж). На другім месцы хімфак, на трэцім біяфак, а на чацвёртым геафак. Першае месца ў «вялікай шведскай эстафеце» заняла каманда фізмата (Брыж, Зяневіч, Путан і Тумас), а ў «малой шведскай эстафеце» перамагла каманда біяфака ў складзе Місевіч, Мільгут, Шапялевіч і Лапатко. Лепшыя індывідуальныя паказчыкі ў студэнта фізмата Брыжа (бег на 100 і 500 метраў) і Іванова (бег на 5000 метраў). У скачках у даўжыню і ў штурханні ядра перамог Кохан, у кіданні дыска — Пурц і Дабравольскі, у скачках у вышыню — Скарабагаты. Загадам рэктара ўсе пераможцы прэміраваны, у тым ліку каманда фізмата была прэміравана 300 руб., а хімфака — 150 руб. [32].

1937 г.

– Спецкамісія правяла адбор студэнтаў для «хуткаснага лыжнага прабегу» па маршруце Мінск–Масква, які намечаны на час канікулаў. Перад прабегам удзельнікаў адправяць для трэніровак у Дом адпачынку.

21 снежня 1936 г. завяршыліся агульнагарадскія спаборніцтвы па валејболе паміж камандамі ўсіх ВНУ. Першае месца заняла каманда БДУ (усяго бралі ўдзел тры каманды). Капітан каманды Вараб'ёў (студэнт фізмата). Пераможцы прадстаўлены да прэміравання ў Наркамасвеце БССР [33].

– Разварот апошняй старонкі ўніверсітэцкай шматтыражкі № 5 за 1937 г. прысвечаны поспехам БДУ ў правядзенні ваенізацыі пад характэрнай агульнай назвай — «Зробім БДУ крэпасцю абароны». На старонцы дадзены 6 калектыўных фатаграфій: удзельнікаў гурткоў планерыстаў і стралкоў, значкістаў супрацьпаветранай хімічнай абароны, удзельнікаў Усесаюзных завочных спаборніцтваў па супрацьпаветранай хімічнай абароне і хімічных спаборніцтваў, а таксама інструктараў ППГА. Таксама змешчаны тры нататкі аб поспехах у справе ваенізацыі, дзейнасці гурткоў планерыстаў, парашутыстаў і інш. [34].

– У БДУ на фізмаце арганізавана «школа радыстаў-кароткахвалевікоў», у якой займаюцца 25 студэнтаў. Таксама пачала дзейнічаць «школа вадзіцеляў» — 50 студэнтаў, якая будзе выкарыстоўваць для заняткаў машыну аддзела фізкультуры гарсавета [35].

– На 18 красавіка 1937 г. намечана правядзенне міжфакультэцкіх спаборніцтваў па гімнастыцы з мэтай падвесці вынікі паўгадавой працы па развіцці гімнастыкі ў БДУ і выявіць лепшых гімнастаў. Кожны факультэт выставіць каманду з 8 чалавек (5 мужчын і 3 жанчыны). Каманды трэніруюць прымацаваныя да факультэтаў выкладчыкі, а ўсю падрыхтоўку — «ваенна-фізкультурнае бюро камсамольскіх арганізацый факультэтаў». Аднак адзначана, што не ўсё так добра, як хацелася б. Таму варта камсамольскім і прафсаюзным арганізацыям «сур'ёзна ўзяцца за наладжванне фізкультурнай працы» [36].

– У БДУ заклапочаныя тым, што далёка не ўсе студэнты ў належнай меры ахоплены ваеннай падрыхтоўкай. Так, на хімфаку не ўсе студэнты здалі нарматывы на значкі «Супрацьпаветранай грамадзянскай абароны» (СПГА) і ВС, а на фізмаце некаторыя студэнты спазняюцца на страйавыя заняткі па падрыхтоўцы да першамайскай дэманстрацыі. Не адбыўся запланаваны на 23 красавіка 1937 г. паход у процівагазах [37].

– На 1–3 ліпеня 1937 г., пасля завяршэння навучальнага года, намечана правядзенне Усебеларускіх спаборніцтваў па лёгкай атлетыцы, гімнастыцы, стральбе і веласіпедзе. БДУ мае намер выставіць свае каманды па ўсіх відах, а таксама каманду па баскетболе. Гэта каманда нядаўна перамагла ў гарадскіх спаборніцтвах. Лепшыя гімнасты ўніверсітэта — Дабравольскі, Коўзель, Рызава, Чарнова; лепшыя лёгкаатлеты — Барысевіч і Іваноў, а веласіпедыстка — Садоўская. Студэнты асвойваюць і новыя віды спорту: дзюдо, бег з перашкодамі, кіданне мяча і інш. [38].

— Каманда БДУ заняла першае месца ў «масавым восеньскім кросе імя маршала тав. Варашылава», які адбыўся 12 кастрычніка 1937 г. Крос падвёў вынікі лёгкаатлетычнага сезону, студэнты здалі нормы па бегу на значок ГПА другой ступені. У кросе ўдзельнічала каля 10 тысяч чалавек, і гэта былі самыя масавыя спаборніцтвы, якія калі-небудзь праводзіліся ў Мінску. За БДУ выступілі 14 мужчын і 6 жанчын. З 1 кастрычніка яны правялі пяць трэніровак. Як пераможца ў агульнакамандным заліку, каманда БДУ атрымала прыз Дома Чырвонай Арміі імя Варашылава. Але было адзначана, што «фізкультурная кафедра БДУ не прымала ўдзелу ў падрыхтоўцы ды кросу» [19].

1938 г.

— У 1935 г. на геафак паступіла Марыя Казлова. За час вучобы ва ўніверсітэце яна скончыла школу планерыстаў, затым у Мінскім аэраклубе асвоіла пілатаванне маторнага самалёта і здала камісіі наркамата абароны тэарэтычныя і практычныя іспыты. Пасля гэтага яна ў лютым 1938 г. паступіла ў школу інструктараў па пілатаванні [39].

— У красавіку 1938 г. у БДУ пройдуць спаборніцтвы па гімнастыцы. Усе факультэты ўжо рыхтуюць свае каманды. Усяго вызначаны 24 лепшыя гімнасты для ўдзелу ў гэтых спаборніцтвах. Вось толькі секцыю гімнастыкі наведваюць усяго шэсць чалавек. А на гістфаку ні камсамольская, ні прафсаюзная арганізацыі, ні «ваенна-фізкультурны работнік» не вядуць неабходную падрыхтоўчую працу. Пра гэта ў шматтыражцы БДУ напісаў «фізорг гістфака А. Крышчановіч» [20].

— У аўтамоташколе займаецца 127 чалавек і ўжо 39 яе скончылі. Падрыхтаваны 54 інструктары СПГА, а ў гуртку займаецца 125 студэнтаў. У аэраклубе рыхтуюцца стаць лётчыкамі 5 студэнтаў. На агульнагарадскіх стралковых спаборніцтвах у 1937 г. каманда БДУ заняла 1 і 2 месцы. Лепшымі факультэцкімі работнікамі ў арганізацыі абаронных мерапрыемстваў з'яўляюцца Луцэвіч (гістфак) і Семіжон (хімфак). А вось на фізмаце абаронная праца пастаўлена дрэнна. Як і на рабфаку, дзе «фізкультурнае бюро» за зіму здолела падрыхтаваць толькі пяць значкістаў ГПА [40].

— Каманда БДУ рыхтуецца да ўдзелу ў чарговым Усесаюзным кросе імя Шверніка. У 1938 г. крос будзе праведзены 12 мая. Для мужчын дыстанцыя вызначана ў 1000 метраў, а для жанчын — 500. Крос адкрывае лёгкаатлетычны сезон і здачу норм на значок ГПА. У БДУ на 5 мая прызначаны агульнаўніверсітэцкі крос. Ад кожнага факультэта будуць выстаўлены каманды ў 18 чалавек (10 мужчын і 8 жанчын) [41].

— На 17–18 верасня 1938 г. прызначана правядзенне традыцыйных лёгкаатлетычных спаборніцтваў, прысвечаных XX-й гадавіне камсамола. Пастаўлена задача — як мага шырэй уцягнуць студэнтаў у здачу норм ГПА.

Акрамя студэнцкіх каманд прымуць удзел каманды навуковых супрацоўнікаў і адміністрацыйна-тэхнічнага персаналу. Ужо месяц праводзяць трэніроўкі і здаюць нормы ГПА выкладчыкі Дудзінскі, Будкевіч, Чымбург, Нахімаўская, Стальмаховіч, Кулакова і інш. Трэніроўкі ўсіх фізкультурных каманд праводзяцца штодня на стадыёне «Дынама». Улетку 1938 г. ва ўніверсітэце працавалі спартыўныя секцыі: гімнастыкі, лёгкай атлетыкі, футбола, ручных гульняў. У стадыі арганізацыі знаходзяцца секцыі бокса, барацьбы, штангі і плавання [42].

– Фізкультурны калектыў БДУ — гэта 300 спартсменаў. Так, студэнтка Сцюлькевіч з’яўляецца чэмпіёнам Мінска па бегу. Яна ў 1938 г. заняла першае месца ў кросе імя Варашылава, а таксама стала пераможцам рэспубліканскіх спаборніцтваў у складзе каманд па валеболе і баскетболе і спаборніцтваў ВНУ па футболе. Ва ўніверсітэце падрыхтавана 50 вадзіцеляў, 6 пілотаў, 25 планерыстаў, каля тысячы значкістаў ГПА першай і другой ступені [43].

– Дзве стралковыя каманды БДУ тры разы займалі першае месца на гарадскіх спаборніцтвах. Ва ўніверсітэце дзейнічаюць 5 мотагурткоў, дзе вучацца 180 чалавек. Білеты членаў Осаавіяхіма атрымалі 1070 студэнтаў, падрыхтаваны 205 інструктараў СПГА, 139 значкістаў ГПА. У футбольным розыгрышы камандаў ВНУ каманда БДУ атрымала першынство. На ўсіх дыстанцыях Усебеларускага кроса імя Варашылава перамагла каманда БДУ з 72 чалавек. Студэнтка 2-га курса фізмата Сцюлькевіч удзельнічала ва Усесаюзным кросе ў Маскве [44].

1939 г.

– Падчас зімовых канікулаў 1938–1939 навучальнага года каманда БДУ адпраўляецца ў Харкаў на спаборніцтвы са студэнтамі Харкаўскага дзяржуніверсітэта — па шахматах, шашках, валеболе, боксе, лыжах, стральбе. У Мінску ж будуць праведзены спаборніцтвы вадзіцеляў матацыклаў, стралкоў (у ціры «Дынама»), арганізавана вучоба па яздзе на лыжах за матацыклам, аўтамашынай і канём [45].

– Начальнік ваеннай кафедры БДУ А. Гладкі ў нататцы «Вынікі абаронных спаборніцтваў» піша, што Усесаюзныя абаронныя спаборніцтвы паміж ВНУ дазволілі актывізаваць абаронную працу ў БДУ. Больш за 1300 студэнтаў ахоплены ёю, удзельнічаючы ў абаронных гуртках. У БДУ працуюць 10 гурткоў, але не хапае сродкаў на іх паўнаўартасную дзейнасць. Універсітэт заняў першае месца ў спаборніцтвах ВНУ БССР. Лепшымі значкістамі з’яўляюцца Фёдараў (10 значкоў), Фалевіч (8 значкоў), Макаранка (6 значкоў). На фізмаце «ваенны работнік» Карніловіч выдатна арганізаваў абаронную працу, а вось на гістфаку ягоны калега Назараў бяздзейнічае [46].

— Той жа А. Гладкі ў наступным нумары ўніверсітэцкай шматтыражкі паведамляў, што ў гуртку парашутыстаў займаюцца 36 студэнтаў БДУ. Нараўне з вучэбнымі абавязкамі ў сацспарбніцтвах студэнты і факультэты ў цэлым асвойваюць абаронныя прафесіі, рыхтуюцца да здач нормаў на значкі ГПА і ВС. Ізноў, ужо трэці раз, каманда БДУ перамагла ў гарадскім кросе імя Варашылава (18 кастрычніка 1939 г.). І гэта нягледзячы на тое, што быў моцны канкурэнт — спорттаварыства «Харчавік», за якое выступаў адзін з лепшых бегуноў СССР Барабаншчыкаў. Перамога, здабытая ў трэці раз запар, дазволіла пакінуць «навечна» прыз Дома Чырвонай Арміі! У сваіх дысцыплінах першыя месцы атрымалі студэнты Сцюлькевіч і Сідарэнка. Студэнт Крышчановіч заняў другое месца ў бегу на 5 тысяч метраў, студэнт Пыцькоў быў трэцім на дыстанцыі адзін кіламетр. Добрыя вынікі паказалі і іншыя студэнты БДУ — Карніловіч, Крук, Кробава, Вярыга, Чакалінская, Стальмаховіч і інш. Вызначыліся і першакурснікі [21].

1941 г.

— У нататцы «Да вынікаў кроса» за аўтарствам інструктара кафедры фізкультуры БДУ Кавальчука паведамлялася, што большасць студэнтаў прыняла ўдзел у кросе і здала нормы па лыжах на значок ГПА. Крос стаў «штуршком для яшчэ большага разгортвання абароннай працы ва ўніверсітэце». Вылучаліся тыя студэнты, хто рэгулярна займаўся фізкультурай і спортам. Так, студэнтка 2-га курса гістфака Вярыга прайшла 3 кіламетры за 18 мін. і 30 сек. Аднак аўтар адзначыў і тое, што многія студэнты замест фізкультуры імкнуліся атрымаць меддаведкі. Так, студэнты 1–2 курсаў хімфака і біяфака толькі па 2–3 чал. прысутнічалі на занятках па фізкультуры, лічачы іх «непатрэбным прадметам». Але гэта, на думку Кавальчука, можа прывесці да таго, што такія студэнты «вырастуць бязвольнымі, слабымі, няздольнымі ды практычнай дзейнасці. Сістэматычна займацца фізкультурай — абавязак кожнага студэнта» [22].

У перадваенныя месяцы 1941 г. чамусьці ў некалькіх нумарах універсітэцкай шматтыражкі тэма фізкультуры і абароны пачала знікаць. Больш увагі надавалася праблемам вучобы, навукі, ідэалогіі. Але раптам газета ад 12 чэрвеня 1941 г. (№ 12) на сваёй першай старонцы надрукавала артыкул-«перадавіцу» пад назвай «Больш увагі фізкультуры» за подпісам «В. РАК, загадчык кафедры фізкультуры». Уяўляецца, што яе змест і магчыма ўзяць у якасці нейкага абагульнення ўсяго дадзенага матэрыялу, дадаўшы да яго некаторыя звесткі, якія пададзены ў гэтым жа нумары газеты. Прывядзем цалкам тэкст артыкула і кароткае абагульненне іншых газетных звестак:

«Ваенна-фізкультурнай падрыхтоўцы моладзі зараз прыдаецца выключная ўвага. Рэгулярнымі заняткамі фізкультурай і спортам юнакі і дзяўчаты павінны выхоўваць у сябе сілу, лоўкасць і вынослівасць — якасці, неабходныя маладому грамадзяніну нашай радзімы. Фізкультура і спорт становяцца штодзённай неабходнасцю студэнтаў.

Праведзеныя ў гэтым годзе кафедрай фізкультуры і грамадскімі арганізацыямі ўніверсітэта мерапрыемствы ў многім спрыялі ўмацаванню масава-фізкультурнай работы. Пераважная большасць студэнтаў на-сапраўднаму ацанілі значэнне фізкультуры. У лыжным кросе прыняло ўдзел 660 чалавек; 571 чалавек выступілі на спаборніцтвах камсамольцаў на гімнастыцы. У толькі што аб'яўленым камсамольска-прафсаюзным кросе прыняло ўдзел каля 300 студэнтаў. За прайшоўшы навукальны год многія студэнты дабіліся высокіх асабовых рэзультатаў. Студэнт V курса фізмата Сідарэнка, студэнт III курса геафака Рудомін, студэнт IV курса гістфака Крышчановіч, сталінскі стыпендыят Шэфер і інш.

Значна павысілася і паспяховасць на фізкультуры. Аб гэтым сведчаць праведзеныя залікі. У I-й групе II курса хімфака — першая колькасць выдатных і добрых адзнак. Наведванне лекцый фізкультуры тут было заўсёды стопроцантным. Студэнты старанна выконвалі ўсе практыкаванні. Гэта адна з лепшых груп ва ўніверсітэце. Нядрэнна абстаіць справа з аўладаннем фізкультурай і на II курсе гістфака. Аднак ёсць яшчэ рад студэнтаў, якія ўсімі мерамі і сродкамі імкнуцца ўвільнуць ад заняткаў на фізкультуры; яны лічаць чамусці гэты прадмет другарадным. Нікчэмнай справай з'яўляюцца лекцыі на фізкультуры для студэнта I курса гістфака Разенгауза. На погляд студэнта II курса фізмата Пулькана, існуючая сістэма фізкультурных заняткаў для яго не падыходзіць, моў, трэба прыдумаць штосьці другое, новае. Студэнтка гэтага курса Фрумкіна на працягу ўсяго навукальнага года толькі два разы прысутнічала на занятках. Студэнтка Аксенкруг (II курс філфака) лекцыі наведвала ў якасці гледача, яна баялася падыйсці да турніка ці бруссяў. „Цяжка, гэта я не зраблю“, „гэта практыкаванне рызыкаўнае“, — так разважала на працягу ўсяго года тав. Аксенкруг. Пад выглядам „безнадзейна хворых“ усяляк імкнуліся ўвільнуць і ўвільвалі ад фізкультуры Негіна, Рудніцкая, Голанд (хімфак), Азярыцкая, Будай (філфак) і інш. Універсітэцкі ўрач т. Пазнанская часта безпадстаўна вызваляла ад заняткаў на фізкультуры некаторых студэнтаў. З 35 студэнтаў II курса філфаку 13 маюць даведкі ад т. Пазнанскай. Сярод іх ёсць здаровыя таварышы, якія маглі б упаўне наведваць лекцыі».

У гэтым жа нумары газеты пасля артыкула В. Рака апублікаваны нататак «Да летніх канікул», у якой названы мерапрыемствы рознага плана, падрыхтаваныя для студэнтаў. У тым ліку вечар 11 ліпеня, «прысвечаны

21-й гадавіне вызвалення Беларусі ад белапалякаў». А тыднем раней — «4-га ліпеня каманды ўніверсітэта прымуць удзел у фізкультурна-спартыўных спаборніцтвах вышэйшых навучальных устаноў». У канцы ж ліпеня ў Мінску павінна была адбыцца «таварыская сустрэча нашых каманд з камандамі Харкаўскага Дзяржаўнага Універсітэта па лёгкай атлетыцы, валеболе, баскетболе і боксе». Падчас летніх канікулаў планавалі арганізаваць секцыі «ручных гульняў, лёгка-атлетычная і плавання. Раз у нядзелю будуць праводзіцца заняткі па абаронным комплексе (штыкаваму бою, гранатамятанню, стральбе і інш.)» [47].

Застаецца толькі дадаць: у Еўропе ў гэты час поўнамаштабна ішла Другая сусветная вайна, а праз 10 дзён пачнецца Вялікая Айчынная вайна... У ёй і выявляцца вынікі дваццацігадовай напружанай працы па «ваенізацыі» і «фізкультурызацыі» БДУ, усёй яго дзейнасці, у якой такія не характэрныя для «класічных універсітэтаў» тэндэнцыі развіваліся мэтанакіравана і свядома, знаходзячыся ў дастаткова гарманічным спалучэнні з асноўнай місіяй вышэйшай навучальнай установы.

Ваенныя падзеі, у якіх з лета 1941 г. дзевяццятая ўдзельнічае тым, хто ў першыя два дзесяцігоддзі дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта вучыўся і адначасова ў шырокім сэнсе загартоўваўся ў яго сценах, прадэманструюць наглядны вынік усіх арганізацыйных і матэрыяльных намаганняў па ваенізацыі і фізкультурызацыі навучальнага працэсу ў кантэксце нарастаючай з году ў год ваеннай пагрозы для БССР і ўсяго СССР.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Королёнок Г. К., Полетаева Н. И., Богаревич Н. О.* Спортивные успехи Экономического университета (к 85-летию БГЭУ) // Мир спорта. 2018. № 1. С. 111–115.
2. Кафедра физического воспитания и спорта. История и современность. К 70-летию / редкол.: В. А. Коледа (пред.). Минск: БГУ, 2018.
3. *Яноўскі А. А.* «На любы заклік – наш цвёрды адказ: „Заўсёды гатовы!“». Ваенная справа і фізкультура ў падрыхтоўцы беларускіх студэнтаў 1920-х – пачатку 1930-х гадоў // Беларуская думка. 2019. № 11. С. 78–85.
4. *Рупасов А. И.* Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 103–139.
5. *Ильмяров М.* Экономическая политика СССР и страны Балтии в 1920–1933 гг: на примере Эстонии и Латвии // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. С. 266–330.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Воп. 3. Спр. 884.
7. Список послов СССР и России в Латвии // Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1.
8. Першы выпуск Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту. 20 лютага 1925 году. Витебск: Издание Б. Г. У., 1925.

9. Голос пролетарского студенчества. 1924. № 1.
10. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6250.
11. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6251.
12. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 169.
13. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 222.
14. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 273.
15. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 297.
16. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 286.
17. Шлях студэнцтва. 1927–1928. № 4–5, сакавік–красавік.
18. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 610.
19. За ленінскія кадры. 1937. № 15–16.
20. За ленінскія кадры. 1938. № 5.
21. За ленінскія кадры. 1939. № 13.
22. За ленінскія кадры. 1941. № 4.
23. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 674.
24. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 698.
25. За ленінскія кадры. 1939. № 10.
26. За ленінскія кадры. 1941. № 9.
27. За ленінскія кадры. 1935. № 8.
28. За ленінскія кадры. 1936. № 5.
29. За ленінскія кадры. 1936. № 6.
30. За ленінскія кадры. 1936. № 8.
31. За ленінскія кадры. 1936. № 11.
32. За ленінскія кадры. 1936. № 12.
33. За ленінскія кадры. 1937. № 1.
34. За ленінскія кадры. 1937. № 5.
35. За ленінскія кадры. 1937. № 7.
36. За ленінскія кадры. 1937. № 8.
37. За ленінскія кадры. 1937. № 9–10.
38. За ленінскія кадры. 1937. № 13.
39. За ленінскія кадры. 1938. № 4.
40. За ленінскія кадры. 1938. № 6.
41. За ленінскія кадры. 1938. № 9.
42. За ленінскія кадры. 1938. № 16.
43. За ленінскія кадры. 1938. № 19.
44. За ленінскія кадры. 1938. № 20.
45. За ленінскія кадры. 1939. № 2.
46. За ленінскія кадры. 1939. № 10.
47. За ленінскія кадры. 1941. № 12.

УДК 94(476)"19"+322(476)(091)"19"

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ РАБОТА
ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата по формированию советской модели государственно-церковных отношений. Установлено, что основной формой атеистической пропаганды являлись лекции и доклады. Определено, что работа по распространению атеизма партийными и государственными структурами была организована крайне неудовлетворительно. Исследованы механизмы осуществления антирелигиозных мероприятий.

Ключевые слова: антирелигиозный аппарат; Православная церковь; Великая Отечественная война.

**ANTI-RELIGIOUS WORK OF PARTY AND STATE STRUCTURES
IN THE WESTERN REGIONS OF THE BSSR
ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus for the formation of the Soviet model of state-church relations. It was established that the main form of atheistic propaganda was lectures and reports. It was determined that the work on the spread of atheism by party and state structures was organized extremely unsatisfactorily. The mechanisms of implementation of anti-religious measures are investigated.

Keywords: the anti-religious apparatus; The Orthodox Church; The Great Patriotic War.

Православная церковь устами своего главы митрополита Сергия уже 22 июня 1941 г. высказала свою однозначную позицию по отношению к вероломному нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. К 1939 г. легальная религиозная жизнь в СССР практически прекратилась: духовенство уничтожено, храмы закрыты или разрушены, святыни были осквернены. Верующий человек считался отщепенцем. В страшную для Родины годину православный народ с полным пониманием того, что иного варианта христианин и не может для себя выбрать, встал на ее защиту. Патриотическую миссию Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны выполнила с тем же результатом, что и на протяжении

всей своей истории, хотя некоторым могло показаться, что ей с советской властью никак не по пути. Государственно-церковные отношения в 1917–1941 гг. стали самыми контрпродуктивными для сторон. Попытка кавалеристского наскока большевиков на религиозность населения потерпела свое первое поражение уже в начале 1920-х гг. Резкие репрессивные и ограничительные меры в сочетании с иными преобразованиями в социально-политической жизни привели к росту интереса к религии и церковной жизни. Православные верующие массово возвращались в храмы. Не навязываемая официальными структурами воцерковленность становится препонами для массовой секуляризации общества. Предлагаемая в виде безбожия или атеизма свобода совести оказалась слабо востребованной в стране советов. Попытка продвижения штампа верующий-поп-враг народа однозначно противоречила традициям российской государственности. Вмонтированная в общую идеологическую работу антирелигиозная пропаганда должна была демонстрировать опасность наличия религиозных верований в условиях высокой религиозности населения. Фактически с начала 1930-х гг. СССР начал готовиться к возможной агрессии буржуазных государств, что в свою очередь, требовало сплочения граждан перед лицом смертельной опасности. В то же время согласиться с формами и содержанием антирелигиозной пропаганды, способами ликвидации богослужебных помещений верующие не могли. Оскорбляющие человеческое достоинство акции и мероприятия, полное закрытие храмов к 1938 г. вызывали негативную реакцию населения и массово использовались антисоветской пропагандой как внутри страны, так и за рубежом [1, с. 39]. Пресечение возможности законного отправления религиозных действий не означали исчезновения веры граждан СССР в Бога. Даже не получилось полностью пресечь исполнение религиозных обрядов. Массовым становится нетрадиционная религиозность и практики оккультно-мистического характера [2, л. 76–77].

В сложных для антирелигиозного актива БССР условиях состоялось воссоединение белорусского народа. В Западной Беларуси ограничения касались только Православной церкви, в то же время католические священники являлись частью идеологического аппарата Польши. Белорусские ксендзы подвергались административному давлению. Протестантизм выступал альтернативой «промосковскому» православию. На территории вошедших в состав БССР осенью 1939 г. Пинской, Виленской и Гродненской областей насчитывалось около 800 храмов [3, с. 97]. Весной 1941 г. по советским данным действовало 542 церкви, 5 монастырей с 606 православными священнослужителями [4, л. 115]. Выстраивать политику по отношению религиозных организаций приходилось и с учетом ряда критичных обстоятельств. Встретившее Красную армию как освободителя население

в подавляющем своем большинстве являлось верующим. Наличие храма, священнослужителя и возможность совершения обрядов для них было естественным состоянием. Одновременно с процессом советизации граждан и возникающими в подобных ситуациях сложностях имело место распространение слухов о скорой кончине Советской власти и возможном переходе Беларуси под протекторат Германии [5, л. 181].

В то же время задачи государственного строительства и незыблемые идеологические постулаты не могли изменить основных направлений политики по отношению к религии и церкви. Практика показала, что наиболее эффективным способом борьбы с влиянием религиозных организаций и духовенства была их ликвидация. Нарботки в этом плане у антирелигиозного аппарата были значительные. Применять их возможно было с существенными поправками, но и альтернативы на конец 1930-х гг. не имелось. В западных областях устанавливалось максимально ограничивающие возможности духовенства и церковно-приходских советов советское законодательство о культах. На священников и церковные советы налагались непомерно высокие налоги. Не всегда можно было это относить непосредственно к целенаправленной антицерковной деятельности. Например, если в Волковыском районе учетчиками было «потеряно» 9000 гектаров земли, то в Бельском добавлено в долговые обязательства 15 000, а в Замбровском налог на картофель и зерно пытались требовать с пастбищ и сенокосов [6, л. 154]. К православному духовенству в Польше применялись главным образом ограничения экономического и политического плана. В культовые вопросы, кроме неканонического объявления автокефалии власти не вмешивались [7, с. 375–376]. В советской части не инфантильный батюшка считался контрреволюционером априори. Служитель культа был приравнен к потенциальному врагу советской власти. С подобным настроением и представители НКВД, и красноармейцы относились к духовенству на воссоединенных территориях [3, с. 94–97]. В некоторых случаях это было очевидное нарушение советской законности, как в Пинске в случае с поджогом Свято-Феодоровского собора. Православное духовенство не могло смириться с резкими ограничениями в организации церковной жизни. Антирелигиозный актив столкнулся с характерными для СССР формами сопротивления в виде появления новых «святых», «обновления икон», «святых писем» [6, л. 95]. Имели место и публичные выступления священнослужителей. Отец Константин Байко из Клецка в местечке Беловежа Гайновского района осенью 1940 г. в проповеди констатировал: «Сталинская Конституция дает нам основание отбывать все религиозные обряды, поэтому мы должны еще больше молиться и выполнять все законы евангелия. Один жид в нашем районе читал лекции и хотел доказать, что Бога нет. Я выступил на этом собрании и как

академик доказал, что Бог есть. Я призываю вас молиться, посещать церковь [6, л. 94]. Подобные выступления однозначно влекли за собой продолжительный срок заключения. В «профилактических мерах» было арестовано около 10 % православных священнослужителей.

Фактически не решенным остался вопрос массового распространения атеистического мировоззрения среди населения. Для строительства коммунизма необходим был именно не верующий в сверхъестественные силы человек. Его религией должен был стать марксизм-ленинизм, пропагандировавший идею всемогущества человеческого разума. Именно на основании этого утверждения и выстраивалась вся атеистическая пропаганда. Доказательной базы, достаточной для коренного изменения мировоззрения верующего человека на противоположное в СССР до 1939 г. выработано не было. Однако это не означало, что антирелигиозная работа могла быть свернута. В ЦК партии и комсомола был накоплен значительный опыт антирелигиозной пропагандистской работы, главным проводником которой должна была стать специализированная организация. Такой структурой был Союз воинствующих безбожников (СВБ). Однако, в БССР наладить работу данной структуры не удалось. Проверяющий из Москвы констатировал: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларуси был Левков, так же ныне разоблаченный, как враг народа» [8, л. 6].

ЦК КП(б)Б так же отмечал в постановлении от 03.04.1937 г.: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930–1931 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел., в том числе, прямых врагов народа, шпионов во главе с председателем шпионом Левковым. Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2–3 человека. Платный аппарат ЦО ОВБ состоит из ответственного секретаря т. Шошина и одного инструктора. В течение 8 лет Центральный совет (ЦС) СВБ не считывался перед избирателями и никем не контролировалась его работа. Всякая массовость в работе, начиная от центрального совета и кончая ячейкой СВБ, отсутствует» [9, л. 35–36]. В 1938 г. в некоторых районах и на отдельных предприятиях СВБ начал активно выстраивать свои организационные структуры, проводить уставные мероприятия и чтение лекций. Альтернативной структуры для координации подобной работы на местах не просматривалось.

Тем не менее, Центральный совет СВБ СССР занял по отношению к обеспечению своего присутствия в западных регионах странную позицию:

«На первых порах не следует создавать в этих областях СВБ» [4, л. 120]. Разумное на первый взгляд решение с учетом имеющегося опыта и развития общественно-политической ситуации в регионе. Однако, именно СВБ и был создан, и поддерживался государством именно для такой деятельности. Вместо принятия действенных мер (направления своих сотрудников из числа штатных работников РСФСР, УССР или БССР; выделения средств; разработки методических материалов) 29 декабря 1939 г. на заседании ЦС СВБ принимается постановление общего характера с аналогичным для конца 1920-х гг. текстом и указанием ответственных за организацию структур [10, л. 66]. За 1940 г. СВБ было прочитано только 30 % от общего числа лекций антирелигиозного содержания [4, л. 113]. При этом в сельской местности было организовано менее 10 % подобных мероприятий. В то же время ЦС СВБ СССР и лично Е. М. Ярославский позволяли себе выступать с критикой антирелигиозной работы в западных областях БССР. В письме Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко от 20 сентября 1940 г. Ярославский указывал: «По сведениям ЦС СВБ, там, где такая пропаганда ведется, она ведется кустарно, упрощенчески, на очень невысоком идейном уровне» [4, л. 120]. 30 ноября 1940 г. Ярославский в письме тому же Пономаренко уже фактически требует «обеспечить через Радиоцентры систематическую рассылку текстов антирелигиозных радиопередач, ...издать серию массовых антирелигиозных брошюр, ...издать дополнительным тиражом „Антирелигиозный учебник“» [4, л. 121]. В тот же день секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде В. Н. Малинину глава безбожников напоминает: «Имея в виду, что антирелигиозная лекционная работа, проводимая советами СВБ, является составной частью пропаганды марксизма-ленинизма, ЦС СВБ СССР просит Вас усилить партийное руководство ею» [4, л. 122]. Между тем задача эта была не из легких и безопасных. Например, в Граевском районе к 1 октября 1940 г. 421 ребенок бросил школу главным образом из-за отсутствия одежды и обуви [6, л. 111]. В дальнейшем ситуация только усугубилась. Активисты безбожники подвергались нападению односельчан. В неудовлетворительном состоянии были пункты организации агитационно-пропагандистской работы: «В доме соцкультуры играют в карты, в день, непрерывно танцуют, но в этих домах нет газет, нет наших советских книг» [4, л. 160]. Остро стоял кадровый вопрос агитаторов. В Крынковском районе советскую агитационную работу в деревне Перетосовица местный псаломщик совмещал с основной в храме [6, л. 159]. Несколько систематизировать работы пропагандистов удалось к июню 1941 г. Начавшаяся война списала в историю Союз воинствующих безбожников и прервала оголтелую антирелигиозную политику более чем на десятилетие, возобновленную с установлением власти Н. С. Хрущева.

Таким образом, проведенное исследование показало противоречивость и непоследовательность антирелигиозной работы партийных и государственных структур на воссоединенных белорусских землях. Необходимо было одновременно и располагать поддержкой местного населения, и осуществлять мероприятия по советизации региона. В восточных областях этот процесс проходил в качественно иных условиях и на протяжении многих лет. Ненавистный для православных польский режим сменился политической силой, ставящей своей целью ликвидацию религии и церкви своей программной установкой. Практикуемая в восточных регионах модель ликвидации религиозных структур и организации атеистического воспитания не могла быть перенесена в западные области. Антирелигиозная пропаганда не нашла своего массового распространения как в силу нежелания верующих выслушивать оскорбляющие их религиозное сознание лекции и доклады, так и в силу отсутствия возможности их организации на достаточном методическом уровне. Приезжие выступающие слабо знали специфику населения, не могли найти контакт со слушателями. Местные кадры сознательно или по недомыслию антирелигиозные мероприятия зачастую превращали в информационные встречи без наступательного антирелигиозного подтекста.

Библиографические ссылки

1. *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М.: РОИР, 2005.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
3. *Кривонос Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 17182.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16882.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15345.
7. *Янушевич И. И.* Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. Минск, 2012. Вып. 12, ч. 1: Исторические и психолого-педагогические науки. С. 371–377.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13974.

БЕЛАРУСЬ И МИР В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

УДК 94(476)"1944/1950"

АДНАЎЛЕННЕ МУЗЕЙНАЙ СЕТКІ БССР У 1944–1950 гг.

А. А. Гужалоўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Huzhalouski@bsu.by*

Прадстаўлены даныя аб матэрыяльным уронне, нанесеным музейнай галіне БССР нямецкімі захопнікамі. Паказаны праблемы аднаўлення музейнай сеткі, музейных устаноў і дзяржаўнага музейнага фонду БССР, а таксама дзейнасць органаў дзяржаўнага кіравання па стварэнні нарматыўна-прававой базы і кадравым забеспячэнні галіны ў першыя пасляваенныя гады. Даследаваны працэсы вяртання ў рэспубліку з эвакуацыі, а таксама вывезеных нацыстамі музейных калекцый, адраджэння краязнаўчага руху, стварэння сістэмы аховы помнікаў гісторыі і культуры.

Ключавыя словы: БССР; музейная сетка; органы кіравання; музей; заканадаўства.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ БССР В 1944–1950 гг.

А. А. Гужаловский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Huzhalouski@bsu.by*

Представлены данные о материальном ущербе, нанесенном музейной отрасли БССР немецкими захватчиками. Показаны проблемы восстановления музейной сети, музейных учреждений и государственного музейного фонда БССР, а также деятельность органов государственного управления по созданию нормативно-правовой базы и кадровому обеспечению отрасли в первые послевоенные годы. Исследованы процессы возвращения в республику из эвакуации, а также вывезенных нацистами музейных коллекций, возрождения краеведческого движения, создания системы охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: БССР; музейная сеть; органы управления; музей; законодательство.

RECONSTRUCTION OF THE SOVIET BELARUS MUSEUM NETWORK IN 1944–1950

A. A. Huzhalouski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Huzhalouski@bsu.by*

Data is presented on the material damage caused to the museum industry of the Soviet Belarus by the German invaders. The problems of restoring the museum network, museum institutions and the state museum fund of the Soviet Belarus are shown, as well as the

activities of government bodies to create a regulatory framework and staffing the industry in the first post-war years. The processes of returning to the republic from evacuation, as well as museum collections taken out by the Nazis, the revival of the local history movement, and the creation of a system for the protection of historical and cultural monuments have been studied.

Keywords: Soviet Belarus; museum network; government bodies; museum; legislation.

У выніку вайны і акупацыі Беларусь панесла вялікія культурныя страты. Вермахт і нямецкая цывільная адміністрацыя свядома парушалі прынцыпы і патрабаванні, выкладзеныя ў артыкуле № 56 Гаагскай канвенцыі 1907 г., аб законах і звычаях сушапутнай вайны, нягледзячы на тое што Германія была адной з падпісаўшых яе краін. У артыкуле № 56 сцвярджалася: «Уласнасць грамады, устаноў царкоўных, дабрачынных, мастацкіх і навуковых, нават належачых дзяржаве мае статус прыватнай уласнасці. Любы свядомы захоп, знішчэнне альбо пашкоджанне падобных устаноў, гістарычных помнікаў, твораў мастацтва і навукі забараняюцца і павінны падлягаць пераследу» [1, с. 519]. Між тым, рабаўніцтва гістарычных і мастацкіх каштоўнасцей на акупіраваных усходніх тэрыторыях праводзілася нацыстамі ў вялікіх маштабах і па спецыяльна распрацаванаму плану. Толькі пералік культурных каштоўнасцей, нарабаваных падчас II Сусветнай вайны, прадстаўлены на Нюрнбергскай працэсе ў выглядзе каталога склаў 39 тамоў.

Паводле акта Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання рабоце Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі, якая выяўляла памеры страт былога СССР у час з 1941 па 1944 гг. у БССР было разрабавана 11 музеяў. У Музеі рэвалюцыі, ДOME-музеі I з'езда РСДРП і Мемарыяльным музеі А. Міцкевіча акупанты знішчылі будынкі. Шкода, панесеная ад страты будынкаў і калекцый была вызначана камісіяй ў 317 млн рублёў [2, арк. 32]. Аднак гэтыя лічбы, безумоўна, далёка непоўныя. Як вядома, у чэрвені 1941 г. у БССР існавала 26 музеяў, і падчас акупацыі ў большай ці меншай ступені пацярпеў кожны з іх.

Летам 1944 г. Народны камісарыят асветы БССР распрацаваў план практычных мерапрыемстваў па ўзнаўленню музейнай сеткі, згодна якому, гэтыя работы трэба было праводзіць па наступнаму графіку: III квартал 1944 г. — Віцебскі, Магілёўскі, Гомельскі абласныя музеі, IV квартал 1944 г. — Гродзенскі, Пінскі, Брэсцкі абласныя музеі, I квартал 1945 г. — Музей рэвалюцыі БССР, Мемарыяльны музей А. Міцкевіча, Бабруйскі абласны музей, II квартал 1945 г. — Баранавіцкі, Полацкі, Палескі абласныя музеі, III квартал 1945 г. — Барысаўскі, Тураўскі, Слоні́мскі, Валкавыскі раённыя краязнаўчыя музеі.

У жніўні 1945 г. намеснік дырэктара Віцебскага абласнога музея М. І. Папова даставіла з Саратава 27 889 музейных прадметаў. Прыкладна ў той жа час былі знойдзены фрагменты калекцый музея ў Рызе (1099 адз.) і ў Віцебску (1559 адз.) [3, арк. 24]. Летам 1946 г. Сталінградскім абласным музеем былі вернуты БССР гомельскія калекцыі ў складзе 3800 адзінак. На жаль, 96 прадметаў з іх складу (прадметы дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, пабытовыя рэчы, фалерыстыка) з эвакуацыі не вярнуліся [4, арк. 12].

Савецкая ваенная адміністрацыя ў Германіі перадала ў БССР каля 15 тыс. музейных прадметаў, вывезеных нацыстамі з Беларускага дзяржаўнага музея ў 1944 г. Яны былі перададзены на захаванне ў Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, Гродзенскі гісторыка-краязнаўчы музей і Акадэмію навук БССР [5, арк. 340]. Акрамя таго, вясной 1945 г. савецкія войскі знайшлі ў Кенігсбергу і перадалі ў Мінск частку карцін, забраных акупантамі з Мастацкай галерэі БССР.

Неабходнасць аднаўлення і вяртання да жыцця музеяў БССР ва ўмовах пасляваенных цяжкасцяў патрабавала правядзення шэрагу мерапрыемстваў адміністрацыйна-кіраўнічага і метадычнага характару.

З 1918 г. па люты 1945 г. кіраўніцтва музеямі БССР ажыццяўляў Народны камісарыят асветы. Згодна пастановы СНК БССР і ЦК КП(б)Б ад 15 мая 1945 г. у рэспубліцы для ўзмацнення кіраўніцтва культурна-асветніцкай работай быў створаны Камітэт па справах культурна-асветніцкіх устаноў пры СНК (з сакавіка 1946 г. — Савеце Міністраў) БССР. Пры выкананнях абласных і гарадскіх Саветаў народных дэпутатаў ствараліся аддзелы культурна-асветніцкай работы, а пры райвыканкамах уводзіўся штат інструктараў. У складзе Камітэта было створана ўпраўленне музеяў і паркаў. У 1948 г. яно было пашырана шляхам стварэння ў яго складзе аддзела ўліку, аховы і рэстаўрацыі археалагічных і гістарычных помнікаў і адпаведна гэтаму атрымала назву ўпраўлення музеяў, уліку, аховы і рэстаўрацыі археалагічных і гістарычных помнікаў. У падпарадкаванні ўпраўлення музеяў знаходзіліся музеі, якія раней падпарадкоўваліся Народнаму камісарыяту асветы. Гэтым актам быў канчаткова аформлены перавод асноўнай масы музеяў рэспублікі ў сістэму культурна-асветніцкіх устаноў, якімі яны па сутнасці з'яўляліся з 1930-х гг. Дзяржаўная карцінная галерэя адносілася да кампетэнцыі Упраўлення (з 1949 г. — Камітэта) па справах мастацтваў пры Савеце міністраў БССР. Апарат ўпраўлення музеяў быў нешматлікі. Акрамя начальнікаў ўпраўлення і аддзела помнікаў па штатах значыліся 4 інспектара. На працягу першага пасляваеннага дзесяцігоддзя ўпраўленне музеяў узначальваў У. Л. Вянюкоў — спецыяліст з вялікім арганізацыйна-кіраўнічым музейным вопытам.

У сакавіку 1945 г. у Мінску адбыўся семінар музейных супрацоўнікаў, на якім абмяркоўваўся стан беларускіх музеяў падчас вайны і асноўныя задачы музейнага будаўніцтва. Па выніках работы семінара ў тым жа 1945 г. Наркамасветы БССР распрацаваў першы ў пасляваенны час нарматыўны дакумент у галіне музейнай справы, пад назвай «Тыпавое палажэнне аб музеях Беларускай ССР, якія знаходзяцца на мясцовым бюджэце» [6, арк. 49], г. зн. абласнога і раённага падпарадкавання. У ім музей вызначаўся як «палітыка-асветніцкая і навукова-даследчая ўстанова», у задачу якой уваходзе ахова ўсіх помнікаў у межах тэрыторыі яе дзеяння. Акрамя бюджэтных асігнаванняў музеям дазвалялася мець уласныя спецсродкі, якія фармаваліся за кошт арэнднай платы, ліквідацыі немuseumнай маёмасці, уваходнай платы, продажы кніжнай, сувенірнай прадукцыі і г. д. Апошні пункт палажэння дазваляў «згортванне альбо часовае перамяшчэнне музеяў» толькі з дазволу СНК БССР.

«Тыповае палажэнне» ва ўмовах адсутнасці ў БССР спецыяльнага музейнага заканадаўства заклала юрыдычна-прававыя асновы практычнай дзейнасці па аднаўленні музейнай сеткі рэспублікі. Важным было замацаванне за музеем статусу не толькі прапагандысцкай, але і навукова-даследчай установы, у абавязкі якой уваходзіла ахова і збіранне усяго комплекса рухомай і нерухомай спадчыны ў вызначаным рэгіёне. «Палажэнне» вызначала фінансава-эканамічныя асновы работы музеяў, у прыватнасці дазваляла мець уласныя спецсродкі. Ва ўмовах, калі большая частка музеяў атрымлівала ад дзяржавы толькі мізэрныя сумы на заробак для супрацоўнікаў і бягучыя гаспадарчыя патрэбы, дадатковая крыніца фінансавання дазваляла разгортваць іншыя напрамкі дзейнасці, у прыватнасці навукова-даследчую. Цяжка пераацаніць важнасць апошняга пункту для забеспячэння матэрыяльна-тэхнічнай базы музейнай дзейнасці, прымаючы пад увагу няпростыя адносіны паміж краязнаўчымі музеямі і мясцовымі ўладамі, якія склаліся на працягу 1930-х гг.

У ліпені 1947 г. Камітэтам па справах культурна-асветніцкіх устаноў быў праведзены семінар дырэктараў музеяў БССР, прысвечаны праблемам перыядызацыі і экспазіцыйнага паказу савецкага перыяда гісторыі Беларусі ў краязнаўчых музеях. У выступленнях удзельнікаў семінара прагучала шмат крытычных выказванняў не толькі ў адрас музеяў, але адносна стану краязнаўчай работы ў рэспубліцы ў цэлым. Шмат з іх было выкарыстана супрацоўнікамі Упраўлення музеяў пры падрыхтоўцы праекта пастановы ЦК КП(б)Б «Аб паляпшэнні работы музеяў і разгортванні краязнаўства ў Беларусі» у 1947 г. [6, арк. 3].

Акрамя складанасцей з разгортваннем краязнаўчага руху, у праекце пастановы пералічваліся з'явы, якія на думку яго аўтараў у найбольшай ступені перашкаджалі аднаўленню музейнай сеткі рэспублікі. Да іх

адносіліся: 1) адсутнасць у большасці музеяў адпаведных памяшканняў (шэраг будынкаў, якія належылі музеям да вайны былі захоплены іншымі арганізацыямі, а ва ўжо адноўленых Віцебскага, Бабруйскага і Пінскага музеяў мясцовыя ўлады забралі пад свае патрэбы частку іх плошчаў); 2) кадравая праблема (аб'ектыўныя цяжкасці, выкліканыя чалавечымі стратамі падчас вайны ўскладняліся практыкай партыйных і савецкіх органаў улады, якія накіроўвалі на работу ў музеі «праваліўшыхся» на адказных пасадах людзей); 3) нізкая якасць музейных экспазіцый (перш за ўсё, крытыка тычылася гісторыі савецкага грамадства, якое было «паказана ўбога і сумна, на плоскасным матэрыяле, у сувязі з чым значна прайграе ў параўнанні з папярэднімі грамадска-эканамічнымі фармацыямі») [6, арк. 3].

У заключэнні аўтары праекта пастановы прапанавалі ўзнавіць існаваўшыя да вайны абласныя краязнаўчыя арганізацыі, Цэнтральны Дом тэхнікі як Рэспубліканскі палітэхнічны музей, Беларускі дзяржаўны музей, стварыць на гістарычным і біялагічным факультэтах БДУ кафедры музейзнаўства па падрыхтоўцы прафесійных кадраў.

У тым жа 1947 г. Савет Міністраў БССР прыняў пастанову «Аб мерапрыемствах па паляпшэнні паказу сацыялістычнага будаўніцтва ў музеях БССР» [7, арк. 110]. У адрозненні ад пастановы ЦК КП(б)Б «Аб паляпшэнні работы музеяў і разгортванні краязнаўчага руху ў Беларусі», якая ўзнімала комплекс праблем матэрыяльнага і арганізацыйнага-метадычнага характару, вышэйшая выканаўчая ўлада БССР звярнула ўвагу пераважна на неабходнасць паляпшэння экспазіцыйнай інтэрпрэтацыі падзей савецкай гісторыі.

Пастанова ставіла задачу перад краязнаўчымі музеямі арганізаваць мэтанакіраванае, комплекснае камплектаванне фондаў матэрыяламі па сацыялістычнаму будаўніцтву, пераважна рэчавага характару. Дзеля гэтага ўсе міністэрствы, ведамствы і выканкомы абавязываліся бясплатна перадаваць у музеі «якасна выкананыя экспанаты, якія характарызуюць гісторыю прадпрыемстваў, узнаўленне народнай гаспадаркі, культуры, асноўныя і новыя віды прадукцыі, мадэліраваныя схемы тэхналагічных працэсаў, мадэлі і макеты станкоўрацыяналізатарскіх прапаноў, вынаходніцтваў, прыстасаванняў, фотаздымкі, дакументы, дыяграмы» [7, арк. 112]. Для папаўнення калекцый творамі мастацтва, якія адлюстроўвалі дадзеную тэматыку ў Камітэце па справах культурна-асветніцкіх устаноў засноўваўся цэнтральны закупачны фонд. Акрамя таго, з мэтай назапашвання матэрыялаў, якія адлюстроўвалі сацыялістычнае будаўніцтва на буйных прадпрыемствах і ў калгасах ствараліся музеі і музейныя куткі.

Такім чынам, была абвешчана дзяржаўная рэспубліканская праграма камплектавання фондавых калекцый беларускіх музеяў матэрыяламі па сучаснасці. Калі ўзяць пад увагу, што да яе прыняцця фонды краязнаўчых

музеяў папаўняліся падобнымі матэрыяламі пераважна ў выглядзе юбілейных падарункаў, фотаздымкаў і плакатаў, то ініцыятыву Савета Міністраў трэба ацаніць як значны крок наперад у справе стварэння дзяржаўнага музейнага фонда.

Пастановай Савета Міністраў СССР «Аб мерах паляпшэння аховы помнікаў культуры» [8, арк. 28], прынятай у 1948 г. функцыі ўпраўлення музеяў былі пашыраны за кошт уключэння ў сферу яго дзейнасці нерухомых помнікаў. З гэтага часу ўпраўленне музеяў адказвала за ўлік, рэстаўрацыю і іншыя ахоўныя мерапрыемствы ўсяго комплекса нацыянальнай гісторыка-культурнай спадчыны. У адным з раздзелаў пастановы сцвярджалася, што дзяржаўныя музеі з'яўляюцца асноўнымі сховішчамі калекцый помнікаў культуры. Гэтая ацэнка музея была надзвычай важная ва ўмовах калі музей разглядаўся як паліт-асветніцкая ўстанова. Яна нагадвала, што першы абавязак музея ёсць захаванне гісторыка-культурных рэліквій і прыродных аб'ектаў.

Вынікам пастановы 1948 г. была распрацоўка метадычнага забеспячэння і стандартызацыі навукова-фондавай работы. Гэтым пытаннем быў прысвечаны семінар супрацоўнікаў музеяў БССР, які адбыўся ў 1952 г. [9, арк. 30]. На ім была распрацавана і прынята інструкцыя, якая прадугледжвала тры этапы дзяржаўнага ўліку музейных каштоўнасцей: 1) дзяржаўная рэгістрацыя; 2) дзяржаўная інвентарызацыя (улік); 3) навуковая каталагізацыя. У асобную групу вылучаліся прадметы з каштоўных металаў, удакладняліся паняцці асноўнага і абменнага фондаў, што павышала пачуццё адказнасці супрацоўнікаў музеяў за захаванне помнікаў. Уводзіліся інвентарныя кнігі адзінага ўзору, якія з'яўляліся дзяржаўным дакументам, пашпарты на прадметы калекцый.

Паралельна з пытаннямі фондавай работы, на мяжы 1940–50-х гг. пачынаецца абмеркаванне метадыкі пабудовы гістарычных экспазіцый. Асноўныя намаганні ў справе арганізацыі і кіраванні музейнай справай былі накіраваны на хутчэйшую пабудову экспазіцыйных раздзелаў, прысвечаных гісторыі савецкага грамадства. Уяўленне аб іх змесце можа даць пералік тэм, абавязковых для экспазіцыйнага адлюстравання ў музеях рэспублікі ў 1950–1951 гг.: «Прапаганда барацьбы за мір», «Дасягненні ў фізкультуры і спорце», «Жанчыны — вялікая сіла», «Павышэнне вытворчасці рыбных прудоў», «Перадавы вопыт трактарных брыгад», «Выкарыстанне прамысловых адходаў для ўгнаенняў у падшэфных калгасах».

Другім прыярытэтным напрамкам Камітэта было павелічэнне аб'ёмаў прапагандыска-асветніцкай дзейнасці музеяў.

На пачатак 1951 г. у рэспубліцы працавала 22 музея: Аршанскі музей імя К. С. Заслонава, Бабруйскі абласны краязнаўчы музей, Баранавіцкі абласны краязнаўчы музей у г. Слоніме, Барысаўскі краязнаўчы музей,

Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, Брэсцкі абласны краязнаўчы музей, Валкавыскі краязнаўчы музей, Віцебскі абласны гісторыка-краязнаўчы музей, Геалагічны музей Інстытута геалогіі, Геалага-мінералагічны музей БДУ, Гомельскі абласны гісторыка-краязнаўчы музей, Гродзенскі гісторыка-краязнаўчы музей, Дзяржаўная карцінная галерэя БССР, Дом-музей Із'езда РСДРП, Заалагічны музей БДУ, Кобрынскі ваенна-гістарычны музей імя А. В. Суворова, Літаратурны музей Я. Купалы, Магілёўскі абласны краязнаўчы музей, Палескі абласны краязнаўчы музей у Мазыры, Пінскі абласны гісторыка-краязнаўчы музей, Полацкі абласны краязнаўчы музей, Тураўскі раённы краязнаўчы музей [10, арк. 7–13].

Першае пасляваеннае пяцігоддзе прадэманстравала відавочныя поспехі БССР у галіне музейнага будаўніцтва. Была адроджана значная частка даваенных музеяў. Не былі ўзноўлены Беларускі дзяржаўны музей, Беларускі музей імя І. Луцкевіча, Музей рэвалюцыі, Прыродазнаўчы музей Інбелкульта, Цэнтральны педагагічны музей, Музей працы, Мастацкая галерэя Ю. М. Пэна, мемарыяльныя музеі Т. Касцюшкі, Э. Ажэшкі, С. Арджанікідзе, антырэлігійныя музеі ў Віцебску, Гомелі, Магілёве, а таксама шэраг краязнаўчых, сельскагаспадарчых і прамысловых музеяў. Але, за кошт стварэння шэрагу новых музеяў у колькасных паказчыках даваенная сетка музеяў была адноўлена.

Паўсталая сістэма кіраўніцтва музейнай справай, закладзены асновы музейнага заканадаўства, створана сістэма ўліку і захавання фондавых калекцый, зроблены першыя крокі ў накірунку «рэабілітацыі» аўтэнтычнага помніка ў экспазіцыі, нарэшце, шэраг музеяў сталі сапраўднымі навукова-асветніцкімі цэнтрамі. Трэба адзначыць, што сваімі дасягненнямі у гэты складаны час музейная галіна Беларусі абавязана лепшым прадстаўнікам прафесіі, якія сваёй практычнай штодзённай працай узялі яе на новы, якасна вышэйшы прыступак.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: в 7 томах / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 3. Москва: Госюриздат, 1958. 816 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 790. Воп. 1. Спр. 3.
3. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 5.
4. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 40.
5. НАРБ. Ф. 974. Воп. 1. Спр. 15.
6. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 3.
7. НАРБ. Ф. 7. Воп. 3. Спр. 205.
8. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 112.
9. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 347.
10. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 346.

УДК 947.6"1944/1947"

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОРУСОВ,
ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ПОЛЬШИ В БССР В 1944–1947 гг.**

Т. И. Брилева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, tatianabrileva@mail.ru*

В статье рассматривается материальное положение и социальное обеспечение белорусов, эвакуированных из Польши в БССР в 1944–1947 гг. Представлена информация о выделении жилой площади населению, прибывшему из Польши, а также обозначены основные проблемные ситуации, возникавшие при материальном обеспечении репатриантов. Освещается вопрос снабжения товарами первой необходимости, приведены количественные данные о кредитовании переселенцев. Особое внимание уделяется роли Совета Министров БССР в размещении и снабжении прибывшего из Польши населения.

Ключевые слова: БССР; жилые постройки; кредитование; репатрианты; Польша; Совет Министров БССР; товары первой необходимости; трудоустройство.

**THE FINANCIAL SITUATION
AND SOCIAL CARE OF BELARUSIANS
EVACUATED FROM POLAND TO THE BSSR IN 1944–1947**

T. Brileva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tatianabrileva@mail.ru*

The article examines the financial situation and social care of Belarusians evacuated from Poland to the BSSR in 1944–1947. Information is provided on the allocation of living space to the population arriving from Poland, as well as the main problematic situations that have arisen in this direction. The issue of the supply of essential goods is highlighted, quantitative data on the crediting of migrants are provided. Special attention is paid to the role of the Council of Ministers of the BSSR in the structure of the population arriving from Poland.

Keywords: BSSR; housing construction; crediting; repatriates; Poland; Council of Ministers of the BSSR; essential goods; employment.

На сегодняшний день изучение различных аспектов возвращения белорусского населения из европейских стран, в частности из Польши, в первое послевоенное десятилетие является одной из малоисследованных тем в современной отечественной историографии. Статьи Снапковского В. Е. [1], Белозоровича В. А. [2] и Носовой А. А. [3] фрагментарно раскрывают общие

моменты репатриации белорусов из стран Европы. Первым и единственным в отечественной историографии исследованием, посвященным проблеме переселения белорусов из Польши в БССР, является монография Великого А. Ф. [4].

Дальнейшее исследование вопросов приема, расселения и устройства эвакуированных из Польши в БССР в 1944–1947 гг. белорусов требует введения новых данных, основанных на архивных источниках.

Архивные материалы по репатриации и переселению белорусского населения хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь. Информация о деятельности областных и местных отделов по делам репатриации также отражена в фондах областных и зональных архивах.

В период с 1944 по 1947 гг. была проведена масштабная компания по переселению белорусского населения из Польши в БССР. На территорию БССР прибыло 21 734 чел. Согласно архивным документам на 10 мая 1947 г. в Минской области было размещено 92 семьи, Могилевской — 103, Молодечненской — 1381, Витебской — 20, Гомельской — 92, Гродненской — 1694, Барановичской — 2197, Бобруйской — 222, Брестской — 1412, Полоцкой — 92, Полесской — 55, Пинской — 463 семей [5, л. 31].

Гражданам, которые выезжали из Польши в БССР, обещались земельные участки для ведения единоличного хозяйства в размерах, не меньше тех, которыми они пользовались в Польше, но не свыше 15 га на одно хозяйство. По желанию эвакуируемого могли разместить в колхозном хозяйстве. Предусматривалось наделение эвакуирующихся земельным участком на месте поселения на общих основаниях даже в том случае, если они не имели его в Польше. Эвакуируемым гражданам с двух сторон списывались недоимки, возвращали урожай по приезду, освобождали переселенные хозяйства от всех государственных денежных налогов и страховых платежей. На месте прибытия репатриантам могли выдаваться денежные ссуды в размере 5000 руб. на одно хозяйство с возвратом на протяжении 5-ти лет [6, л. 63].

Со стороны Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б в 1945–1946 гг. было принято ряд мер по устройству эвакуируемых из Польши в БССР, возмещения им недвижимого имущества и устройства их на местах прибытия. Тем не менее, многие областные и районные органы власти недооценивали это важное общественно-политическое событие, что приводило к нарушениям в организации расселения и устройства так называемого «эваконаселения».

В 1944–1945 гг. прибывшее в БССР население из Польши изъявило желание переселиться в Бобруйскую, Гомельскую, Могилевскую и Минскую области. Восточные области БССР не имели возможности разместить всех

желающих из числа репатрируемого населения из Польши, так как они подверглись сильному разрушению в годы немецкой оккупации. Стоит отметить, что численность населения, выехавшего в Польшу, в вышеупомянутых областях была наименьшим среди других областей БССР, поэтому и оставленной жилплощади было меньше.

В восточных областях за прием и устройство репатриантов несли ответственность областные и районные Исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся, но они не проявляли должного внимания к пребыванию и размещению переселенцев. Как правило, лучшие дома и хозяйственные постройки как в городах, так и сельской местности занимали советско-партийный актив. Переселенцам предлагали худшее или расселяли вместе с сельскими жителями. Население, размещенное в городской черте, зачастую расселялось в частных квартирах, которые стоили примерно 200–300 руб., что было многим репатриантам не по карману.

Вышеперечисленные факты привели к тому, что репатрианты вновь стали переезжать в западные области БССР. В справке начальника отдела СНК БССР по делам репатриации И. П. Баркова от 1 марта 1946 г. говорилось: «...в Гомельскую область было переселено 1023 хозяйства, из которых больше половины была переселена в западные области. В Бобруйской области из 575 хозяйств, осталось — 312. В Минской области из 317 хозяйств, осталось — 135...» [7, л. 5].

Новое переселение создавало трудности не только для правительства БССР, но и для самих репатриантов. Переезжая с места на место, переселенцы зачастую разорялись и были вынуждены продавать скот, инвентарь и другие предметы быта. Они становились неспособными вести хозяйство без материальной поддержки со стороны государства.

Жилой фонд, оставленный выехавшим в Польшу населением, не был учтен полностью и в соответствии с имеющимися нормами. Пользуясь бездействием вышестоящих органов, председатели сельских советов раздавали жилую площадь по собственному желанию. Например, председатель Погирского сельсовета Ошмянского района имел собственный дом в д. Беняны и закрепил за собой ещё один оставленный переселенцами в Польшу дом с хозяйственными постройками и посевной площадью. Он также раздавал дома своим родственникам и близким. Установлены факты раздачи домов за взятки [7, л. 8].

В ряде районов оставленные дома занимали местные жители, а оставшиеся дома разбирались на материалы или приходили в негодность. В Посянском сельсовете Ошмянского района местное население топило печи деревом оставленных домов и построек. В этом же сельсовете за

счет разобранных домов работала паровая мельница. В Кричевском районе местное население самовольно заняло 28 домов, бросив или разрушив свои [8, л. 33].

Со стороны правительства БССР предпринимались всевозможные меры по решению вопроса о наделении жилой площадью репатриантов. Оказывалась помощь в виде выделения материалов для строительства. Так в мае 1946 г. из фондов Совета Министров БССР было выделено 4 тыс. м² оконного стекла, 20 тонн строительных гвоздей. В это же время строилось около 300 в Бобруйской, 270 в Могилевской, 220 в Гомельской, 130 в Полесской, 100 в Минской и 40 в Витебской и Полоцкой областях домов для переселенцев [7, л. 26–27].

В целях проведения точного учета прибывшего населения и обсуждения ключевых вопросов, связанных с возвращением белорусов из Польши, собирались заседания Республиканской комиссии по делам репатриации советских граждан, которую возглавлял первый заместитель Председателя СНК БССР и Нарком иностранных дел БССР К. В. Киселев. Подобные заседания собирались и на областном уровне. Основой заседаний являлись доклады Председателей областных и районных исполнительных комитетов, затрагивающие вопросы учета угнанных и возвратившихся из европейских стран, отчеты о работе приемно-распределительных пунктов, приеме, размещении и трудоустройстве переселенцев, а также оказании им материальной помощи. Например, повестка дня заседания Брестской областной комиссии по репатриации советских граждан от 7 марта 1945 г. была следующая: информация об итогах заседания Республиканской комиссии по репатриации советских граждан, о работе приемно-распределительного пункта, проведении политико-массовой и культурной работы среди репатриантов [9, л. 4].

Советом Министров БССР и отделом переселения и репатриации при Совете Министров БССР создавались специальные комиссии, которые проверяли устройство переселенцев. По результатам проверок издавались постановления, регулирующие различные аспекты жизни прибывшего населения из Польши. В постановлении Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б от 25 мая 1946 г. «О мерах хозяйственного устройства белорусских граждан, переселившихся из Польши в БССР» говорилось, что со стороны областных и районных Исполнительных комитетов Советов трудящихся, областных и районных комитетов КП(б)Б уделялось мало внимания хозяйственному устройству переселившегося из Польши в БССР населения. Отдельные местные работники в районах и сельсоветах проявляли недоброжелательное отношение к репатриантам, не обращая внимания на их нужды [8, л. 21].

Особое внимание правительство БССР уделяло трудоустройству переселенцев. Складывались ситуации, когда в районе числились свободные рабочие места и земельные участки, но они не доставались переехавшим из Польши жителям. В подобных случаях, правительство БССР обязывало районные исполнительные комитеты в краткие сроки решить проблему и отчитаться. «...Совнарком БССР обращает Ваше внимание на недопустимость такого положения, когда при наличии в районе свободных построек и земельных участков, остановленных переселившимися в Польшу польскими гражданами, прибывших в район переселенцев из Польши. Вы не трудоустраиваете и вынуждаете приезжать в СНК БССР за направлением...», — упоминается в Распоряжении СНК БССР Клецкому районному Исполнительному комитету Совету депутатов трудящихся от 24 ноября 1945 г. [10, л. 89].

Для поддержки переселенцев им оказывалась помощь в снабжении товарами первой необходимости. Установленные нормы отпуска товаров первой необходимости (соли, спичек, керосина, хозяйственного и туалетного мыла) в Барановичской, Брестской, Гродненской, Молодечненской и Пинской областях были выше, чем в Бобруйской, Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской и Полесской областях. Данные показатели были вызваны численностью расселенных репатриантов из Польши. Нормы на семью были установлены следующие: 2 кг соли на чел., 10 коробок спичек и 5 т керосина на семью, а также 200 кусков туалетного мыла и 300 кг хозяйственного мыла. Отчеты о продаже товаров первой необходимости говорят о том, что области БССР не испытывали нужды в данных бытовых предметах. В областных и районных центрах предлагалось ввести талоны на товары, чтобы избежать спекуляции. Товары в сельских советах выдавались по спискам [11, л. 1].

Выдача кредитов белорусским хозяйствам, переезжавшим из Польши в БССР, началась с 25 ноября 1944 г. Получить кредит в размере до 5000 руб. под 3 % годовых на приобретение скота и ремонт жилых помещений могли малоимущие и разоренные хозяйства. Кредитование проводилось в строгом согласовании с Белорусской конторой Сельхозбанка. В частности, на 1 января 1946 г. в Полесской области было прокредитовано 47 хозяйств на общую сумму в 193 тыс. руб. В том числе, выдавались кредиты на строительство 12 хозяйствам на сумму 46 тыс. руб. В Гродненской области получили ссуду 106 семей на общую сумму 411 тыс. руб. В Витебском областном отделе переселения и репатриации на 1 декабря 1946 г. было открыто кредитов по союзному бюджету на 50 000 тыс. руб. [7, л. 24, 43].

Таким образом, в период с 1944 по 1947 гг. на территорию БССР из Польши было переселено около 21 734 чел. Основной проблемой

для местных властей было наделение репатриантов жилой площадью. Несерьезное отношение к устройству переселенцев и игнорирование их нужд местной администрацией вело к возникновению недовольства со стороны вновь прибывших. Тем не менее, правительство БССР предпринимало всевозможные действия для устранения возникавших проблем. Репатрианты снабжались товарами первой необходимости и имели возможность получить кредиты. Ряд принятых Советом Министров БССР мер привел к стабилизации материального обеспечения репатрируемого из Польши в БССР населения.

Библиографические ссылки

1. *Снапкоўскі У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944–1953 гг. Мінск: Беларуская навука, 1997. 208 с.
2. *Белазаровіч В. А.* Рэпатрыяцыя на Гродзеншчыне ў 1944–1948 гг. // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця. 2003. Ч. 3. С. 196–201.
3. *Носова А. А.* Угон населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и его репатриация в освещении белорусской и зарубежной историографии // Боевое братство славян на защите мира. 2009. С. 361–367.
4. *Вялікі А. Ф.* На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946). Мінск: БДПУ, 2005. 319 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1902.
7. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1919.
8. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1925.
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1910.
10. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1906.
11. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1935.

УДК 279.123(476)

СТРУКТУРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БССР В 1943–1959 гг.

Т. В. Лисовская

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, lisouskaya@bsu.by

В статье раскрываются вопросы восстановления организационной структуры евангельско-баптистского движения в БССР после ликвидации структуры в середине 30-х гг. Процесс структурного оформления движения был инициирован лидерами движения в период Великой Отечественной войны, однако в 1944–1945 гг. советские власти берут под свой контроль институционализацию движения. В результате были ликвидированы самостоятельные организационные структуры движений и создан Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов, объединивший баптистов, евангельских христиан, христиан веры евангельской, евангельских христиан в духе апостолов, меннонитов и евангельских христиан-дарбистов.

Ключевые слова: евангельские движения; религиозная политика; БССР; баптизм; адвентизм; христиане веры евангельской; государственно-конфессиональные отношения.

STRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE EVANGELICAL-BAPTIST MOVEMENT IN THE BSSR IN 1943–1959

T. V. Lisouskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lisouskaya@bsu.by

The article discusses the issues of restoring the organizational structure of the Evangelical Baptist movement in the BSSR after the liquidation of the structure in the mid-1930s. The process of structural design of the movement was initiated by the leaders of the movement during the Great Patriotic War, but in 1944–1945. Soviet authorities take control of the institutionalization of the movement. As a result, independent organizational structures of the movements were eliminated and the All-Union Council of Evangelical Christians and Baptists was created, uniting Baptists, Evangelical Christians, Christians of the Evangelical faith, Christian Evangelicals in the spirit of the apostles, Mennonites and Evangelical Christians-Darbists.

Keywords: evangelical movements; religious policy; BSSR; Baptism; Adventism; Evangelical Christians; State-confessional relations.

Структурное оформление позднепротестантского движения на белорусских землях началось в 20–30 гг. XX в. в связи с консолидационными процессами в Советском Союзе (в БССР) и в Польше (в Западной Беларуси). В 20–30-е гг. XX в. баптистские общины БССР организационно входили в Федеративный союз баптистов СССР (до 1924 г. — Всероссийский союз баптистов) с центром в Москве, общины евангельских христиан в 20-е гг. вошли в Всесоюзный союз евангельских христиан (ВСЕХ) с центром в

Ленинграде (до 1923 г. — Всероссийский союз евангельских христиан), в БССР были созданы Окружные отделы Союза (Минский, Гомельский, Смоленский) [1, л. 5]. На территории Западной Беларуси процесс институционализации принял более глубокий характер — был создан ряд общепольских организаций с разветвленной системой служений и отделов, издательствами, системой религиозного обучения, интегрированных в мировые и европейские организации. Белорусские общины евангельских христиан, баптистов, методистов, адвентистов седьмого дня, Церкви Христовой, христиан веры евангельской (ХВЕ) на правах региональных отделов вошли в данные организации [2, л. 80–97]. Однако в рамках антирелигиозной политики советского правительства, созданная организационная система евангельско-баптистского движения в СССР и БССР была ликвидирована: в 1935 г. прекратил свою деятельность Федеративный союз баптистов, Всесоюзный совет евангельских христиан, хоть и не был закрыт, но с 1938 г. практически остановили свою деятельность [3, с. 223–224]. Аналогичные процессы затронули и общины Западной Беларуси с 1939 г.: структурная организация была ликвидирована, к 1941 г. общины были закрыты либо перешли на нелегальное существование.

Попытка восстановления религиозной деятельности и организационной структуры была предпринята во время Великой Отечественной войны непосредственно общинами и организациями, действующими нелегально. Казалось бы, ликвидированный в 30-е гг. Всесоюзный совет евангельских христиан уже 28 июня 1941 г. разослал общинам призыв «помочь всеми силами своей Родине победить врага» и не отказываться от службы в Красной армии, наладил корреспонденцию с общинами [4, с. 420], что свидетельствует о сохранении организационной структуры евангельских христиан с конца 30-х гг. в нелегальной форме, и о постепенном восстановлении деятельности организации. Исходя из опыта совместной работы и минимальных вероучительных расхождений, в 1942 г. был создан Временный совет евангельских христиан и баптистов. Осенью 1943 г. руководители Совета вернулись из эвакуации в Москву и преступили к восстановлению церковных структур.

В пятидесятнической среде в военный период доминировало мнение о необходимости восстановления республиканских организаций. В октябре 1941 г. в д. Хвоево Барановичской области был проведен съезд пятидесятников, на котором был создан церковный комитет. В 1943 г. несмотря на неоднозначные отношения немецких властей к пятидесятникам была зарегистрирована «Консисто́рия церкви христиан веры евангельской» с центром в Барановичах [5, л. 21, 16], объединившая пятидесятнические общины Беларуси [6, л. 64, 65–69 об.]. Идея дальнейшего расширения структуры

обсуждалась руководителями общин Беларуси и Украины зимой – весной 1945 г., и было принято решение об объединении в единый союз с центром в Барановичах. В апреле – июне 1945 г. в Барановичах была организована Духовная консистория ХВЕ БССР, Литовской ССР и УССР во главе с епископом И. К. Панько и генеральным секретарем С. И. Вашкевичем [7, л. 36; 5, л. 14]. В связи с этим, И. К. Панько запрашивал у Уполномоченного Совета по делам культов П. Маслова выдачу удостоверений руководителям общин, разрешений на изготовление печати и штампа, освобождения пресвитеров от призыва в армию [8, л. 264; 9, л. 18].

Несмотря на изменение концепции государственной позиции в отношении религиозных организаций, быстрое восстановление религиозной жизни и попытки возобновления независимой организационной структуры, в том числе на оккупированной территории Беларуси, и после ее освобождения [10, л. 9, 29], не устраивали советское руководство, вызывая опасения [11, л. 369–370].

Объединение позднепротестантских движений и создание организационной структуры под эгидой советской власти началось, с объединения баптистов и евангельских христиан, которые имели практику совместной работы. С 26 по 29 октября 1944 г. после получения разрешения Правительства в Москве состоялось Совещание по объединению, в ходе которого был создан Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов. На съезде был разработан проект совместной резолюции евангельских христиан и баптистов по вопросу слияния церквей в один союз [3, с. 231–232].

На втором этапе создания организационной структуры позднепротестантского движения в СССР и БССР актуальным стал вопрос легализации христиан веры евангельской. Стремление пятидесятников к самостоятельному восстановлению организационной структуры в период 1942–1945 гг. советскими властями было воспринято крайне настороженно. На совещании Совета по делам религиозных культов 26 июля 1945 г. Председатель Совета И. В. Полянский отметил, что пятидесятники «антигосударственная, изуверская секта», которая не может быть зарегистрирована как самостоятельная организация, их деятельность может быть терпима только при вхождении их в баптистские общины, при условии выполнения пятидесятниками советского законодательства в области религии и отказ от некоторых элементов религиозной деятельности, прежде всего, глоссолалии [12, л. 59, 254–255]. После проверки документов в апреле 1945 г. Уполномоченный по Брестской области изъял печать и штамп и распустил Епископат Духовной Консистории ХВЕ [7, л. 59, 254–255].

В такой ситуации пятидесятники были вынуждены пойти на легализацию через присоединение к ВСЕХБ. Летом 1945 г. в Барановичах на

совещании служителей христиан евангельской веры БССР по вопросу об объединении с ВСЕХБ большинство участников высказались за союз. Представлять пятидесятников в Москве было поручено И. К. Панько и С. И. Вашкевичу. В августе 1945 г. руководители ХВЕ БССР И. К. Панько и С. И. Вашкевич, а также А. И. Бидаш и Д. И. Пономарчук с Украины обратились во ВСЕХБ для обсуждения возможности и условий вхождения в союз христиан веры евангельской. На совещании по вопросу вхождения пятидесятнических общин в Союз евангельских христиан баптистов 19–29 августа 1945 г. в Москве было принято «Соглашение об объединении христиан веры евангельской с христианами евангельскими христианами веры баптистской в единый союз» («Августовское соглашение») [13, л. 7–10]. Следует отметить, что представителем ВСЕХБ по БССР (старшим пресвитером по БССР) был назначен баптист В. Н. Чечнев, его заместителем — пятидесятник И. К. Панько, старшим пресвитером — С. И. Вашкевич. После подписания Соглашения всем общинам было разослано Письмо от ВСЕХБ с извещением о принципах объединения [7, л. 147]. В. Н. Чечнев, И. К. Панько и С. И. Вашкевич с участием представителя ВСЕХБ И. Г. Иванова осенью 1945 г. провели ряд поездок по БССР с целью разъяснения целей и условий объединения: в сентябре 1945 г. — в Молодечненский район, 21 октября 1945 г. — в Брест [14, л. 7], 14 октября 1945 г. — в Барановичи [7, л. 159].

Всего на территории Беларуси в 1945 г. к ВСЕХБ присоединились 83 общины пятидесятников: в Молодечненской области — 17 общин, в Барановичской — 39, в Пинской — 19, в Брестской — 8 [7, л. 157]. Уполномоченный по делам религиозных культов по БССР отмечал, что к концу 1945 г. работа по присоединению пятидесятнических общин к ВСЕХБ.

Становление ВСЕХБ как центральной организации евангельско-баптистского направления в СССР продолжилось присоединением церквей евангельских христиан и баптистов Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, хотя и усложнились изменением ситуации внутри ВСЕХБ в августе 1945 г. [4, с. 420]. Расширение ВСЕХБ за счет присоединения других деноминаций протестантизма продолжалось и в последующие годы. В апреле 1947 г. руководители христиан в духе апостолов (ЕХДА) Н. П. Смородин, Н. И. Шишков и Е. М. Прудников выразили согласие с Августовским соглашением 1945 г. и подписали Соглашение о присоединении к ВСЕХБ [15, л. 61; 16]. Также, к Союзу присоединились евангельские христиане-дарбисты (в 1947 г. незарегистрированные общины дарбистов были в д. Хидры, Доропеевичи Брестской области [17, л. 4, 13–4]), в 1947 г. — около семидесяти церквей Союза церквей Христовых Западной Беларуси и Украины [18, с. 119; 19, с. 59–60], 1967 г. — меннониты [20, л. 23].

Объединение в один союз нескольких позднепротестантских деноминаций, имеющих культовые и догматические расхождения, вызывала сомнения в его жизнеспособности и конфликты. Христиане в духе апостольском при встрече с уполномоченным по делам культов Брестской области Г. Дзежко и старшими пресвитерами Андреюком и В. Н. Чечневым заявили: «На основании расхождения в наших убеждениях мы не можем присоединиться к Союзу» [21, л. 199]. Пятидесятники в 1945 г. на встречах с представителями ВСЕХБ и старшими пресвитерами по области достаточно часто выражали недовольство объединением, объясняя это тем, что «...Святой Дух побудит нас молиться по-своему, и баптисты тогда разбегутся». Часть баптистов также выступали против объединения. Так, пресвитер общины г. Барановичи Н. М. Касникович убеждал своих верующих, что присоединились только руководство в Москве, а на местах объединения не будет [7, л. 158–159]. Заявляя в конце 1945 г. об окончании процесса объединения евангельских христиан и баптистов с пятидесятниками, уполномоченный по делам религиозных культов БССР, конечно же, высказал чересчур оптимистический результат. Проблема объединения, вероучительные разногласия вызывали, во-первых, внутренние конфликты в евангельской среде, а во-вторых — приводили к тому, что общины, не присоединившиеся к ВСЕХБ, оставались вне правового поля и вынуждены были действовать нелегально. Как результат, самые крупные общины ЕХДА в Беларуси в д. Страдечи (на 1957 г. — 170 человек) и община д. Пугачево (150 человек), не присоединилась в ВСЕХБ и действовали нелегально [22, л. 148, 214, 221]. В 1957 г. в БССР насчитывалось более 100 незарегистрированных групп пятидесятников: больше всего в Брестской области — 60, в Могилевской — 10 [23, л. 72, 87].

Следует отметить, что принципы организационной структуры евангельско-баптистского братства были закреплены в Декларации Всемирного союза баптистов, принятой Третьим Всемирным конгрессом в 1923 г., и были приняты Уставом Федеративного союза баптистов в 1926 г. — добровольность, демократизм, автономность, совещательный характер съездов, отсутствие централизованной иерархии, выборность пресвитеров поместных церквей. Однако ВСЕХБ на основе Устава 1944 г. был создан как централизованная организация с обязательным иерархическим подчинением, автономия или самостоятельность республиканских структур не предполагалась, что усиливалось в последующие годы в связи с давлением на ВСЕХБ государственных властей. В каждой союзной республике назначался СДР уполномоченный/старший пресвитер по республике, по областям — уполномоченные/старшие пресвитеры по области [15, л. 61]. С 1944 г. старшими пресвитерами по республике были

В. Н. Чечнев (1944–1957), К. С. Велисейчик (1957–1976) [3, л. 392]. В 1945 г. уполномоченными были назначены: в Минской области — П. А. Иванченко, в Бобруйской — Ю. М. Аникеенко, в Барановичской — И. Г. Шатура, в Пинской — С. И. Вашкевич, в Брестской — А. И. Алексеев, в Гродненской — К. И. Севашка, в Молодечненской — И. К. Кульбицкий [7, л. 287]. Обязанности старшего пресвитера были определены еще на Всероссийском съезде баптистов в 1911 г.: посещение общин района (области) с целью наблюдения за церковной жизнью, за правильностью понимания правительственных распоряжений, касающихся деятельности религиозных обществ, за участием общин в деятельности и пожертвованиях на нужды Союза. Также, ВСЕХБ неоднократно направлял в Минск и в другие города республики ответственных служителей для помощи в организации работы. Так, И. Г. Иванов несколько раз посещал БССР в 1945–1966 гг., оказывал помощь старшим пресвитерам в устройстве многих общин, а также в проведении предсъездовских областных совещаний и республиканских съездов. В 1948 г. Минскую церковь посетил А. В. Карев, в 1958 г. — Я. И. Жидков [3, с. 393].

Выстроенная под руководством советской власти иерархичная система ВСЕХБ показательна тем, что несмотря на наличие законодательной возможности [24, л. 116], всесоюзные Съезды ВСЕХБ не проводились вплоть до 1963 г., на республиканском уровне совещания пресвитеров для решения внутренних вопросов не проводились. В деятельности старших пресвитеров постепенно усиливался административный стиль руководства, и зачастую в их деятельности доминировала реализация требований властей над религиозными принципами как стратегия выживания. К примеру, в 1958 г. старший пресвитер ЕХБ по Брестской области И. Шатура не разрешал крестить лиц моложе 22 лет [25, л. 77]. В связи с этим, усиливался внутренний конфликт в рамках ВСЕХБ, недоверие к руководству Союза, пресвитеры, исходя из основополагающих вероучительных принципов, искали способы обходить указания как старших пресвитеров, так и спорные положения «Инструктивного письма старшим пресвитерам ВСЕХБ» и «Положения о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» 1959 г. [6, л. 59; 27, л. 4–5; 26, л. 53; 27, л. 51–53], что в начале 60-х гг. вызвало кризис ВСЕХБ и появление движения «обновления».

Таким образом, процесс институционализации позднепротестантских движений особенно активно проходил в 20-е—в начале 30-х гг., в особенности на территории Западной Беларуси, и затронул баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, христиан веры евангельской. Однако вследствие усиления антирелигиозной политики этот процесс был искусственно приостановлен в середине 30-х гг. в БССР и после 1939 г. на

территорий западных областей БССР. Интеграционные процессы активизировались в период Великой Отечественной войны и были направлены на консолидацию движения в условиях военных действий и оккупации. В 1942–1944 гг. инициатива восстановления организационной структуры принадлежала непосредственно представителям движения и проявилась в создании Временного совета Евангельских христиан и баптистов в Москве и Консistorии христиан веры евангельской с центром в Барановичах. Однако в связи с переходом советской религиозной политики от концепта уничтожения религии к «контролируемой религиозности», в 1944 г. Совет по делам религиозных культов берет процесс организационного оформления позднепротестантского движения под свой контроль. Главной задачей институционализации движения становится формирование такой организационной структуры, при которой протестантские движения объединяются в единую централизованную иерархичную организацию, подконтрольную государству. В условиях безальтернативности, на протяжении 1944–1945 гг. были ликвидированы независимые организационные структуры и создан Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов, объединивший баптистов, евангельских христиан, христиан веры евангельской, евангельских христиан в духе апостолов, меннонитов и евангельских христиан-дарибистов.

С точки зрения позднепротестантских общин, в процессе создания организационной структуры свою роль сыграли как внутренние факторы, так и внешние. В отношении объединения баптистов и евангельских христиан процесс объединения во многом был вызван внутренними факторами, среди которых доминирующими являлись отсутствие принципиальных расхождений в вероучительной сфере, опыт сотрудничества между двумя движениями, стремление к созданию централизованной организации для легитимации и увеличения влияния в обществе. Однако внешние факторы — создание централизованной организации на условиях властей как единственной возможности для легализации, политика жесткого давления на руководство общин и верующих со стороны государства, стремящегося создать единственную подконтрольную организацию, — сыграли свою главную роль для вынужденного вхождения христиан веры евангельской, христиан в духе апостолов, методистов, евангельских христиан-дарибистов в состав ВСЕХБ.

В связи с созданием организационной структуры позднепротестантского движения была получена реальная возможность легализации общин и их деятельности. С начала 1945 г. Уполномоченные по делам религиозных культов по областям БССР начинают регистрацию религиозных общин. В феврале 1945 г. СДРК в рассылке уполномоченным на освобожденных территориях указал, что «по сектантским организациям регистрация

проводится в первую очередь общин евангельских христиан и баптистов, адвентистов седьмого дня, как имеющих всесоюзные центры» [28, л. 1–2]. В 1946 г. в БССР было учтено 277 действующих общин ЕХБ, насчитывающих 16 985 верующих. Из них на 1 января 1947 г. было зарегистрировано 216 общин ЕХБ [21, л. 89, 93, 119].

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560.
2. *Лисовская Т. В.* Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест : Альтернатива, 2021.
3. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989.
4. *Белякова Н. А.* Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов — продукт и заложник сталинской религиозной политики Конфессиональная политика Советского государства в 1920–1950-е годы // Материалы XI международной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. С. 418–429.
5. НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 385.
6. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 1.
7. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 2.
8. *Одинцов М. И., Кочетова А. С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2014.
9. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6.
10. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 2.
11. *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3 Д. 12.
13. Братский вестник. 1945 г. № 3.
14. Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1а.
15. Братский вестник. 1947. № 2.
16. Запись собеседования, ВСЕХБ с представителями Христиан в духе апостолов Смородиным Н. П., Шишковым Н. И. и Прудниковым Е. М., состоявшимся в Москве 2 апреля 1947 г. / Архив Российского Союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ).
17. ГАБр. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 3.
18. *Савинский С. Н.* История русско-украинского баптизма. Одесса, 1995.
19. *Домашовець В.* Український євангельсько-баптистський рух в його 150-літній ювілей: 1852–2002.
20. *Антонов А. П., Соломка А. П.* Под прикрытием веры: В книге развенчивается антиобщественная деятельность баптистов-раскольников / Под ред. Э. Г. Филимонова. Донецк: Донбас, 1985.
21. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 257.
22. НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 10.
23. НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 9.
24. НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 16.
25. ГАБр. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 13.
26. ГАБр. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 15.
27. НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 5.
28. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 11.

УДК 94:369(476)"1943/1953"

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СЕМЕЙ ПОГИБШИХ ВОИНОВ В 1943–1953 гг.

И. А. Мартинкевич

УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», пр-т Фрунзе, 27, 210009, г. Витебск, Беларусь, janka.m@mail.ru

Статья посвящена изучению мер социальной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов в первые послевоенные годы в БССР. Рассматриваются основные направления деятельности союзного и республиканского правительств по оказанию материальной помощи инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших воинов. Особое внимание уделено выплате пенсий и других видов материальной поддержки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; БССР; инвалиды; семьи погибших; социальное обеспечение; материальная помощь.

MEASURES OF SOCIAL SUPPORT FOR DISABLED PERSONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND FAMILIES OF DEAD WARRIORS IN 1943–1953

I. A. Martinkevich

EE “Vitebsk State Order of Peoples’ Friendship Medical University”, Frunze Ave., 27, 210009, Vitebsk, Republic of Belarus, janka.m@mail.ru

The article is devoted to the study of measures of social support for disabled people of the Great Patriotic War and the families of fallen soldiers in the first post-war years in the BSSR. The main directions of activity of the union and republican governments in providing material assistance to disabled people of the Great Patriotic War and the families of fallen soldiers are considered. Particular attention is paid to the payment of pensions and other types of material support.

Keywords: Great Patriotic War; BSSR; disabled people; families of the deceased; social security; financial assistance.

После освобождения первых районов БССР от оккупации перед руководством республики стояла сложная задача по восстановлению промышленности и сельского хозяйства. В то же время принимались меры, направленные на восстановление и организацию системы социального обеспечения населения. Одним из приоритетных направлений этой работы являлось бытовое устройство и обеспечение инвалидов, семей военнослужащих и партизан. С этой целью уже 22 января 1943 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских

органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», ставшее одной из отправных точек системной работы в этом направлении [1, с. 736–740].

Реализация на практике принятых мер в условиях послевоенной действительности проходила достаточно сложно. На первых этапах это было обусловлено не только объективными причинами, связанными с послевоенной разрухой, но и рядом субъективных факторов. Так, в материалах проверок, проведённых в марте 1944 г., отмечалось, что вопросами бытового и трудового устройства семей военнослужащих и партизан отделы государственного обеспечения занимаются явно неудовлетворительно. Наделение приусадебными участками и огородами семей военнослужащих и партизан всё ещё не началось. Отсутствовал учёт трудоспособных членов семей военнослужащих и партизан, не устроенных на работу. Не было данных о точном количестве поступивших в детские учреждения и на патронирование детей, родители которых погибли. Районные отделы гособеспечения уделяли мало внимания контролю за своевременным предоставлением льгот по поставкам и налогам семьям военнослужащих и партизан. Например, по Василевичскому району инспекторы и старшие счетоводы не были прикреплены к сельсоветам и участкам по обслуживанию семей военнослужащих и партизан, не знали нужд семей, не вносили в списки произошедших изменений в их составе и т. д., что приводило к несвоевременной выплате пособий и пенсий. Задолженность по Василевичскому району за март и первую половину месяца 1944 г. составила 90 000 руб. [2, л. 3]. По Калининскому району протоколы комиссии по назначению пособий и пенсий составлялись небрежно, не все протоколы были подписаны, а работники отдела плохо разбирались в инструкциях, законах о льготах, предоставляемых семьям защитников Родины. Заявления семей военнослужащих с просьбой о назначении пенсий не были рассмотрены в течение двух недель. За грубые нарушения, указанные выше, заведующим райгорсобесов был объявлен выговор с предупреждением о том, что повторение подобных фактов повлечёт за собой судебную ответственность [2, л. 7–8].

30 июня 1944 г. в письме заместителя начальника управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при СНК БССР на имя заместителя председателя Витебского облисполкома указывалось, что во вновь освобождённых и освобождаемых районах необходимо немедленно организовать отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при районных городских исполнительных комитетах. Для этого требовалось укомплектовать создаваемые отделы работниками.

Особенно остро ощущалась потребность в заведующих отделами, инспекторах и старших счетоводах. Рекомендовалось максимально использовать опыт отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству, которые уже были организованы в других районах.

Важной задачей в оказании социальной поддержки инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших воинов стало установление точного количества нуждающихся в помощи. Для организации их учёта рекомендовалось командировать своих сотрудников в районы, а также мобилизовать местный актив, который до выезда в сельсоветы предварительно инструктировали соответствующим образом. Полученные сведения передавались в районные комиссии для немедленного назначения выплаты пенсий и пособий военнослужащим и партизанам, имеющим на это право по закону. Такие меры принимались с расчётом, чтобы максимально исключить задержки по выплатам пособий и пенсий по причине отсутствия данных учреждений, как это было в Лельчицком и Паричском районах Полесской области [2, л. 13–13 об.].

Вместе с организацией материальных выплат фронтовикам-инвалидам, семьям военнослужащих и партизан было принято решение об оказании им продовольственной помощи. С этой целью 31 августа 1944 г. наркоматом социального обеспечения БССР был издан приказ, согласно которому инвалиды I-й и II-й групп, не связанные с сельским хозяйством, повсеместно обеспечивались продуктами питания по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи. Были приняты следующие нормы выдачи продуктов питания: хлеба — 500 г в день, мяса, рыбы — 1800 г в месяц, крупы — 1200 г в месяц, жиров — 400 г в месяц, сахара — 200 г в месяц. Это количество продуктов инвалид мог получать сухим пайком или питаться в столовой независимо от того, работал он или нет. В тех случаях, когда инвалиды I-й и II-й групп по месту работы подлежали обеспечению разными видами дополнительного питания, они его получали. Инвалиды I-й и III-й групп, не работающие на производстве, питались в общем порядке по нормам, установленным для иждивенцев.

За организацией и распределением питания инвалидов войны устанавливался строгий контроль, а в случае невыполнения приказа (как это было зафиксировано в Полесской и ряде районных торговых отделов Витебской области) органы социального обеспечения были обязаны обращаться к прокурору для привлечения виновных к ответственности [2, л. 7, 22].

Принятые меры вскоре принесли первые результаты: в постановлении СНК СССР и ЦК КП(б)Б «О государственном обеспечении и бытовом устройстве семей военнослужащих и партизан» 19 декабря 1944 г. отмечалось, что советские и партийные организации республики преуспели

большую работу в деле государственного обеспечения и бытового устройства семей защитников Родины. С момента освобождения территории Беларуси от немецких оккупантов семьям фронтовиков и партизан было выплачено 108,1 млн рублей государственных пособий и пенсий, а также выдано 725,4 тыс. рублей единовременной денежной помощи и 1734,9 тонн различных продуктов питания. Построено 28 968 новых домов для семей военнослужащих и партизан, предоставлено и отремонтировано 23 864 квартиры. Многим нуждающимся семьям была оказана помощь одеждой, обувью, скотом, топливом.

Вместе с тем, в ряде районов республики руководители советских, партийных и хозяйственных организаций предпринимали недостаточно мер по улучшению материально-бытовых условий семей военнослужащих и партизан. Во многих районах фиксировались многочисленные нарушения из-за неправильного толкования местными органами власти закона о выдаче пособий и пенсий этим категориям населения, что вызывало справедливое недовольство со стороны обеспечиваемых и рост количества жалоб, заявлений в контролирующие советские и партийные органы. Однако на местах нередко их рассмотрение затягивалось месяцами, и многие семьи не получали положенной им по закону помощи. К примеру, в Осиповичском районе свыше трёх месяцев оказались нерассмотренными 42 заявления семей военнослужащих и партизан, а в Быховском районе по документам на двух заседаниях районной комиссии было рассмотрено 1708 заявлений, что фактически не могло соответствовать действительности [3, л. 10].

В отдельных районах и городах БССР фиксировались нарушения закона о предоставлении семьям военнослужащих и партизан различных льгот по налогам, государственным поставкам сельхозпродуктов, решению жилищного вопроса, квартплате и других выплатах. Часто даже самые минимальные запросы и потребности семей военнослужащих, решить которые можно было на местном уровне, не удовлетворялись по причине безответственного отношения со стороны руководителей местных партийных и советских организаций. Нередкими были случаи бюрократического, а в отдельных случаях преступного отношения к семьям военнослужащих и партизан. Так, в Комаринском и Василевичском районах Полесской области, в Буда-Кошелёвском районе Гомельской области, в Лиозненском районе Витебской области и других регионах фиксировались даже случаи рукоприкладства в отношении членов семей военнослужащих и партизан, а в Добрушском районе Гомельской области начальник жилищного отдела фабрики «Герой труда» Чупраков самовольно выселил три семьи военнослужащих с малолетними детьми из квартир. Секретарь районного

комитета КП(б)Б Клеев, будучи в курсе происходящего, вместо того чтобы предать ситуацию огласке, встал на сторону Чупракова и покрывал его. Впоследствии за этот проступок Чупраков был осужден на три года лишения свободы.

Недостаточно эффективное оказание помощи нуждающимся в первые годы после освобождения было обусловлено и тем, что во многих районах республики ещё не были созданы фонды помощи и не организовано обследование материально-бытовых условий семей военнослужащих и партизан. Мало внимания уделялось устройству детей-сирот, отданных под патронаж. Дети фронтовиков из-за тяжёлого материального положения и бытовых условий не всегда имели возможность посещать школу.

Ещё одним негативным проявлением того времени стала острая кадровая проблема. Во многом по этой причине в ряде районов отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан не всегда в полной мере выполняли свои функции. Довольно частыми были случаи, когда райисполкомы и райкомы КП(б)Б не оказывали практической помощи отделам гособеспечения и допускали частую замену и переброску на другие участки работы сотрудников отделов гособеспечения без особой на то необходимости. К примеру, в Гомельской области за короткое время сменилось 12 заведующих районными отделами гособеспечения, в Полоцком, Рассонском и Ветковском районах за короткий срок заведующие отделами сменились по два-три раза. Заведующие отделами гособеспечения некоторых районов постоянно находились в командировках, не связанных с выполнением своих непосредственных обязанностей. В результате решение вопросов соцобеспечения поручалось техническим работникам, которые были не способны решать возложенные на них задачи из-за отсутствия необходимых знаний и соответствующей квалификации [3, л. 10 об.].

Не все секретари райкомов и председатели райисполкомов в полной мере понимали, что забота о семьях военнослужащих и партизан являлась важной государственной задачей. Зачастую чиновники в своей работе отдавали приоритет решению текущих хозяйственных, экономических вопросов, связанных с восстановлением предприятий, строительством и т. д., в результате — задачи по решению социального обеспечения отходили на второй план и решались по остаточному принципу. Совнарком Белорусской ССР и ЦК КП(б)Б неоднократно обращали внимание партийных, советских и хозяйственных организаций на важность этой работы, указывали на то, что в Беларуси большое количество семей военнослужащих рассчитывают на более внимательное отношение к ним и в своих письмах

на фронт делятся хорошими и плохими сторонами своей жизни. Хорошие новости из дома воодушевляли бойцов и офицеров и, наоборот, плохие сообщения снижали их боеспособность.

Учитывая эти обстоятельства, для улучшения работы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан Совнарком Белорусской ССР и ЦК КП(б)Б обязывали областные, городские и районные исполкомы Советов депутатов трудящихся, обкомы, горкомы и райкомы КП(б)Б в течение января 1945 г. систематически организовывать обследование материально-бытовых условий всех семей военнослужащих и партизан и оказывать им необходимую помощь в подготовке жилищ к зиме, снабжении топливом, предоставлять материальную помощь, принимать меры к своевременному назначению и выплате пособий и пенсий, предоставлять льготы, положенные по закону семьям военнослужащих и партизан. С этой целью перед наркоматом финансов БССР, уполномоченным наркомата по заготовкам и народным комиссариатом хозяйства БССР была поставлена задача к 1 февраля 1945 г. добиться полного предоставления семьям военнослужащих и партизан установленных законом льгот по налогам, сельхозпоставкам и квартирной плате. Наркомторг, Белкоопсоюз и все торгующие организации должны были снабжать из выделенных для реализации промтоварных фондов в первую очередь нуждающиеся семьи военнослужащих и партизан.

На контролирующие органы была возложена задача по установлению строжайшего надзора за соблюдением законов, направленных на защиту интересов семей военнослужащих и партизан, а виновных в преступном и бюрократическом отношении предписывалось привлекать к ответственности. Предпринимались меры по повышению эффективности работы внутри наркомата социального обеспечения. К примеру, запрещалось менять или перемещать заведующих районными отделами гособеспечения без согласования с областными отделами гособеспечения и направлять в командировки заведующих отделами гособеспечения по вопросам, не связанным с их основной работой по обеспечению семей военнослужащих и партизан.

Велась работа по повышению эффективности работы Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при СНК БССР. Отделу кадров ЦК КП(б)Б было поручено направить 7 человек ответственных работников для усиления кадрового состава сферы государственного обеспечения, а 7 января 1945 г. при Совнаркоме БССР прошло республиканское совещание заведующих областными, городскими и районными отделами по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан,

на котором обсуждались важнейшие вопросы по государственному социальному обеспечению. Всё это свидетельствует о серьёзном внимании со стороны государства к проблемам организации и оказания социальной помощи. На республиканском уровне принимались комплексные меры для их решения, которые затем направлялись в подчинённые инстанции для обязательного выполнения и строго контролировались. Так, обкомы, горкомы и райкомы КП(б)Б обязывались провести во всех первичных организациях закрытые партийно-комсомольские собрания с обсуждением вопросов о мерах по оказанию помощи семьям военнослужащих и партизан, а райкомы КП(б)Б и райисполкомы — созывать собрания семей военнослужащих и партизан, на которых должны были проводить политические доклады, привлекая их к общественной и политической работе.

Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР и ЦК КП(б)Б требовали от всех руководителей советских, партийных и хозяйственных организаций принимать меры по устранению недостатков в работе по обеспечению семей военнослужащих и партизан, предупреждая, что к виновным будут применяться строжайшие меры взыскания, вплоть до снятия с постов, отдачи под суд, как нарушителей законов, охраняющих интересы защитников Родины [3, л. 11, 11 об.]

К концу 1946 г. государственные органы социального обеспечения начали практиковать более принципиальные подходы к предоставлению различного вида государственной поддержки. Это было обусловлено тем, что Совет Министров СССР обязал министерство социального обеспечения БССР в течение декабря 1946 г. провести документальную проверку прав каждой семьи военнослужащих на гособеспечение. Соответствующее постановление Совета Министров БССР об упорядочении выплаты пособий семьям военнослужащих вышло 14 ноября 1946 г. Согласно документу, министерство соцобеспечения БССР было обязано в течение декабря 1946 г. провести на местах документальную проверку прав каждой семьи военнослужащего на государственное обеспечение. При проведении проверки следовало руководствоваться наличием врученных военнослужащим и семьям военнослужащих удостоверений по установленной форме, а также предоставленных военнослужащим и военнообязанным справок горисполкомов, списками военкоматов по учету демобилизованных.

О значимости проводимой проверки свидетельствует то, что областным городским и районным работникам министерства социального обеспечения запрещалось поручать задания, которые не были связаны с проведением проверки, на период до декабря 1946 г. От того, насколько достоверно собирались сведения комиссией по проведению проверки, во многом зависело материальное положение значительной части тех, кто

имел право на государственную поддержку, поскольку с 1 августа 1948 г. прекращалась выплата пособий семьям военнослужащих и бывших фронтовиков, на которых не поступили в военкоматы удостоверения, списки и извещения, подтверждающие право на получение того или иного вида помощи [3, л. 23].

Введение строгого контроля наличия разрешающих получение помощи документов, совершенствование организации учёта инвалидов и семей погибших воинов позволили значительно повысить качество и эффективность предоставляемой государственной помощи. На конец декабря 1947 г. в БССР насчитывалось 362 210 семей погибших воинов и инвалидов Великой Отечественной войны. К этому времени им было предоставлено и отремонтировано 106 650 квартир, вселено во вновь построенные дома 155 370 семей. Вместе с тем, в связи с большими разрушениями многих городов и районных центров в БССР и отсутствием необходимых средств и возможностей ещё 1830 семей погибших воинов и инвалидов Великой Отечественной войны проживали в подвалах и не приспособленных помещениях. В этой связи Совет Министров БССР и Центральный Комитет партии просили Совет Министров СССР разрешить Совету Министров БССР расходовать в 1948 г. 20 млн руб. из остатка сверхбюджетных средств от реализованных товаров ЮНРРА на строительство 500 2-х квартирных домов и размещения в них инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов и партизан, а также обязать Госплан СССР пересмотреть расходы на эти цели в плане 1948 г. Кроме того, исполкомы республики обязывались выделять из вновь построенного жилья 10 % жилплощади в распоряжение городских районных советов для размещения инвалидов войны и семей погибших воинов и партизан [3, л. 37].

Таким образом, восстановление системы социального обеспечения населения и организация государственной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов проходили в условиях сложной послевоенной действительности и были важнейшим фактором в преодолении трудностей материального и бытового характера этой категорией населения. Спектр оказания государственной помощи постепенно расширялся и корректировался в соответствии с теми вызовами, которые возникали на протяжении послевоенного десятилетия. Если с освобождением первых районов БССР социальная помощь инвалидам войны и семьям фронтовиков, во многом, сводилась к обеспечению их одеждой и продовольствием, то к началу 1950-х гг. был налажен учёт нуждающихся в государственной поддержке, а сама помощь, помимо выдачи товаров и продуктов питания включала в себя материальные выплаты, пенсии и пособия. Велась последовательная работа по решению жилищного вопроса.

Был налажен контроль за выполнением решений и целевым расходованием средств. Безусловно, это не решало всех существующих проблем, но значительно повысило качество и эффективность оказываемой социальной поддержки, стало основой для дальнейшей работы в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Документы и материалы в двух томах. М., 1982.
2. Государственный архив Витебской области. Ф. 1970. Оп. 2. Д. 1.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2.

УДК 94(476)"1950"

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ,
ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ НОВОСТЕЙ
В ГАЗЕТЕ «КОЛХОЗНИК БЕЛАРУСИ» В 1950 г.**

А. А. Медведева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, sasha100965@gmail.com*

В статье отражены социально-экономические, политические и культурные новости БССР публиковавшиеся в 1950 г. в газете «Колхозник Беларуси». Данная газета являлась органом политотдела Радашковичской МТС, Радашковичского района, Молодечненской области. В 1950 г. газета публиковала актуальные новости района, выполняла функции общественного контроля и осуществляла пропаганду колхозной жизни.

Ключевые слова: «Колхозник Беларуси»; 1950 год; газета; пропаганда; Радашковичский район; новости.

**REFLECTION OF SOCIAL, ECONOMIC, POLITICAL AND
CULTURAL NEWS IN THE NEWSPAPER “KOLKHOZNIK
BELARUS” IN 1950**

A. A. Medvedeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, sasha100965@gmail.com*

The article reflects the socio-economic, political and cultural news of the BSSR, which were published in the newspaper “Kolkhoznik Belarusi” in 1950. This newspaper was the organ of the political department of the Radashkovich MTS, Radashkovich district, Molodechno region. In 1950, the newspaper published current news of the district, performed the functions of public control and carried out propaganda of collective farm life.

Keywords: “Kolkhoznik Belarusi”; 1950; newspaper; propaganda; Radashkovichsky district; news.

Средства массовой информации в советский период являлись одним из способов общения между обществом и государством. Ежедневно СМИ освещали наиболее значимые экономические, политические, культурные и международные новости. Одним из видов средств массовой информации является газета. В БССР после Великой Отечественной войны газета являлась самым распространенным и доступным источником информации для всех слоев населения.

С мая 1950 по декабрь 1953 гг. издавалась газета «Колхозник Беларуси» — орган политотдела Радашковичской МТС, Радашковичского района, Молодечненской области. В статье рассматриваются номера газеты

за май—декабрь 1950 г. «Колхозник Беларуси» выходил в формате А3 и состоял из 2 страниц, где кратко освещались основные экономические, политические и международные новости. Периодичность издания — 2 раза в неделю, по средам и субботам. Газета адресовалась сельскому жителю, колхознику и являлась одним из средств пропаганды колхозной жизни.

Газета выходила под единым лозунгом: «Пролетарии всех стран объединяйтесь!». В каждом номере на первой странице размещался слоган-призыв, в котором ставились цели и задачи для читателей газеты в сфере сельского хозяйства, колхозного руководства, жизни района, например, в 9 номере газеты от 24 июня 1950 г. была дана информация про лен: «Лён — каштоўная тэхнічная культура, якая дае вялікія грашовыя прыбыткі. Наладзім старанны дагляд пасеваў ільну. Атрымаем высокі ўраджай яго з усёй плошчы. Лён у значнай ступені дапаможа развіць калгасную гаспадарку» [10]. Слоганы оповещали читателей о праздниках (в 11 номере от 11 июня 1950 г. читателей поздравляли с шестой годовщиной освобождения Советской Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, разъясняли термины (термин «Бригадир» в 7 номере от 17.06.1950 г. [2]), рассказывали о достижениях в сфере сельского хозяйства и колхозного строительства Радашковичского района (в 25 номере от 23 августа 1950 г. читателей оповестили о количестве собранного урожая и о достижениях в сфере выполнения норм по сдаче урожая государству [15]).

Газета «Колхозник Беларуси» освещала все стороны жизни общества: политические, экономические, культурные. Первоочередная задача советского правительства в 1950 г. — это создание колхозов и их укрепление. Соответственно, в газете освещались абсолютно все стороны жизни колхозов, в том числе и негативные. На первых страницах газет публиковали самые актуальные новости. В летний период и в начале осени внимание заостряли на событиях в сельском хозяйстве. В статьях «Старанна даглядаць пасевы ільну», «Следаваць прыкладу перадавікоў бульбаздачы», «Неадкладна завяршыць сяўбу азімых», «Наладзіць неадкладны догляд пасеваў», «Усебакова падрыхтавацца да сенаўборкі і сіласавання кармоў», «Закончым уборку сена да ўборкі хлябоў» отражены основные моменты по заготовке урожая на зиму.

С декабря 1950 г. в газетах выходят статьи, посвященные выборам в местные Советы Депутатов, публикуются Указы Президиума Верховного Совета БССР по данному вопросу, приглашения на Выборы для населения («Усе на Выбары»), списки выдвигаемых депутатов, обзоры на площади, где будет проходить голосование [20].

Важным аспектом в политике БССР являлось освещение достижений колхозов в разных сферах. В газете публиковались статьи про передовиков машинно-тракторных станций, которые перевыполнили норму,

взяли обязательства по досрочному выполнению и перевыполнению государственных планов («Наш адказ Гастэлаўцам» [12], «Узорна правядзём рамонт машын» [19], «Датэрмінова выканаем трохгадовы план». В газете публиковали советы для занятых в сельском хозяйстве, например, рекомендации по выращиванию и сохранению картошки («Назіранне і догляд за бульбай зімой» [11], «Як захаваць бульбу» [22]).

В 1949 г. начался второй этап в коллективизации сельского хозяйства в западных областях БССР — «массовая коллективизация». Задача газет в данный период — агитация крестьянства на вступление в колхозы, пропаганда колхозного образа жизни, представление плюсов жизни в коллективных хозяйствах. Газета «Колхозник Беларуси» освещала работу МТС и колхозов зоны Радашковичской МТС. Одной из ее задач являлось оказание помощи машинно-тракторным станциям, партийным организациям, сельским Советам правлениям колхозов в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В газете освещались не только положительные моменты в работе колхозов, но и их недостатки [15].

Важной рубрикой для агитатора являлась «Страница в помощь агитатору», где в доступном и понятном формате публиковались материалы по разным сферам политической жизни страны, например, в статье «Савецкая дэмакратыя. Толькі лічбы і факты» был представлен статистический отчет о численном, национальном и профессиональном составе Верховного Совета СССР в 1950 г. [16]. Статьи «Усеагульнае і прамое выбарчае права», «Роўнае выбарчае права пры тайным галасаванні» подробно разъясняли читателям нюансы голосования.

В газетах отражали отрицательные моменты в жизни колхозов: показывали невыполнение планов в отдельных колхозах, халатность руководства колхозами, различные нарушения. Например, статья «Калі ж пачнуцца работы па праполцы?» описывала обстановку в колхозе имени Молотова Володьковского сельсовета, где долгое время не проводились работы по прополке [7], а в статье «Непатрэбна нам машина» прокомментирована ситуация в колхозе «Искра» Ушанского сельсовета, где колхозные рабочие отказались использовать технику МТС и вывозили зерно в пункт хлебозаготовок на лошадях [13].

На втором этапе коллективизации в западных областях БССР проводилось укрупнение колхозов. В номере от 10 июня 1950 г. была выпущена статья «Створым з дробных калгасаў буйныя, шматгалоўныя», где освещались плюсы укрупнения колхозов, приводилась статистика наличия колхозов по Радашковичскому району. На страницах газет читателя информировали о новых укрупнениях колхозов, например в августе 1950 г. колхозы имени Ворошилова, имени Щорса, имени Якуба Колоса объединились в колхоз имени Ворошилова [18].

Рубрика «Письма в редакцию» показывала читателям наличие обратной связи. Каждый читатель мог написать письмо в газету «Колхозник Беларуси» и поделиться своей историей, радостными новостями, рассказать о проблеме. Газета публиковала многие письма, помогала читателям решать проблемы. Например, в редакцию газеты конюхом сельхозартеля «Искра» было направлено письмо «Конь — вялікая сіла ў калгаснай гаспадарцы», где автор делился секретом своего ухода за лошадьми [8]. Письмо, опубликованное под заголовком «Зняважальныя адносіны», было написано трактористами колхоза имени Ворошилова Петровского сельсовета и содержало в себе рассказ трактористов о неуважительном отношении управляющего колхозом т. Габруковича к сотрудникам [5]. Данная рубрика показывала читателям, что газета может являться посредником в решении многих проблем.

В основном, в газете «Колхозник Беларуси» выходили статьи, посвященные сельскому хозяйству и жизни в колхозной деревне. Но не газета информировала читателей о и международных политических новостях. Периодически газета публиковала информацию об обстановке в мире, но в основном акцентировалось внимание на новостях отдельных стран (Корея, Вьетнам, США и другие). Например, в номерах от 8 июля 1950 г., 22 июля 1950 г., 30 сентября 1950 г., 23 декабря 1950 г. внимание уделяется событиям в Корее, отношениям между данной страной и США. В выпуске от 8 июля 1950 г. [1] вышла статья «Амерыканскі народ у барацьбе за мір», где описываются действия граждан США, направленные против атомного оружия. Самый первый выпуск газеты, от 27 мая 1950 г. рассказывает про события во Вьетнаме, на острове Тайвань.

Газета «Колхозник Беларуси» выполняла функцию контроля за качеством труда через юмор. Газета создавала карикатуры на людей, которые избегали работы, прогуливали ее и недобросовестно исполняли свои обязанности. В газете от 5 августа 1950 г. вышла статья «Излюбленный маршрут», где рассказывается про колхозницу Зинаиду Могала, которая за июль не выработала ни одного дня по причине ведения ежедневной торговли на ярмарке [6]. В выпуске от 9 августа разместили карикатуру «Справы не робіць і ад справы не ўцякае» на Александра Вербицкого, который во время сенокоса то болел, то испытывал недомогание, а при выходе на работу выполнял ее халатно [17], Карикатура «Два лодыря-пара» высмеивает трактористов МТС Шаренду и Моклого, которые вместо выполнения работ по ремонту техники вдыхали дым табака на рабочем месте [4]. Таким образом, карикатуры призывали качественно выполнять свою работу, не лениться, ведь любой человек мог стать героем нового выпуска.

Еще одной формой воздействия на советского крестьянина-единоличника являлись рассказы колхозников о жизни при польской власти и жизни в коллективном хозяйстве после воссоединения Западной Беларуси с БССР в 1939 г. Например, в статье «Шчасце Антона Новіка» корреспондент передает слова А. Новика о тяжелой жизни до 1939 г. в «покосившейся хатке» и об улучшении его жизни с приходом советской власти, которая помогла ему построить новый дом [21].

Таким образом, газета «Колхозник Беларуси» играла важную роль в жизни Радашковичского района, т. к. публиковала новости по всем аспектам жизни данного района. Рассмотрев экономические, политические и социальные новости за 1950 г., можно сказать, что газета полностью придерживалась политику партии. Газета печатала актуальные новости для своего сегмента читателей — сельского жителя, колхозника, крестьянина-единоличника. Газета «Колхозник Беларуси» являлась помощником в сельском хозяйстве, арбитром в решении сложных проблем и пропагандистом колхозного образа жизни.

Библиографические ссылки

1. Амерыканскі народ у барацьбе за мір // Колхозник Беларуси. 1950. 8 июля. С. 2.
2. Бригадир // Колхозник Беларуси. 1950. 17 июня. С. 1.
3. Датэрмінова выканаем трохгадовы план // Колхозник Беларуси. 1950. 13 августа. С. 1.
4. Два лодыря — пара // Колхозник Беларуси. 1950. 23 ноября. С. 2.
5. Зняважальныя адносіны // Колхозник Беларуси. 1950. 2 июля. С. 1.
6. Излюбленный маршрут // Колхозник Беларуси. 1950. 12 июля. С. 2.
7. Калі ж пачнуцца работы па праполцы? // Колхозник Беларуси. 1950. 3 июня. С. 2.
8. Конь — вялікая сіла ў калгаснай гаспадарцы // Колхозник Беларуси. 1950. 4 августа. С. 2.
9. Корея // Колхозник Беларуси. 1950. 30 сентября. С. 2.
10. Лён — каштоўная тэхнічная культура // Колхозник Беларуси. 1950. 24 июня. С. 1.
11. Назіранне і догляд за бульбай зімой // Колхозник Беларуси. 1950. 29 декабря. С. 2.
12. Наш адказ Гастэлаўцам // Колхозник Беларуси. 1950. 17 июля. С. 1.
13. Непатрэбна нам машина // Колхозник Беларуси. 1950. 23 августа. С. 2.
14. Норму сдали // Колхозник Беларуси. 1950. 23 августа. С. 1.
15. Пра газету // Колхозник Беларуси. 1950. 27 мая. С. 1.
16. Савецкая дэмакратыя. Толькі лічбы і факты // Колхозник Беларуси. 1950. 5 сентября. С. 2.
17. Справы не робіць і ад справы не ўцякае // Колхозник Беларуси. 1950. 9 августа. С. 2.
18. Створым з дробных калгасаў буйныя, шматгаліновыя // Колхозник Беларуси. 1950. 28 июня. С. 1.
19. Узорна правядзём рамонт машын // Колхозник Беларуси. 1950. 5 сентября. С. 2.
20. Усе на Выбары // Колхозник Беларуси. 1950. 23 декабря. С. 1.
21. Шчасце Антона Новіка // Колхозник Беларуси. 1950. 22 октября. С. 2.
22. Як захаваць бульбу // Колхозник Беларуси. 1950. 2 сентября. С. 2.

УДК 316.42(476)

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В БССР В КОНЦЕ 40-х – НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в.

Н. А. Поляк

Учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет», пр-т Дзержинского, 83, 220083, Минск, Беларусь, Polyak77@mail.ru

В статье рассматриваются основные трансформационные процессы общества Белорусской ССР в конце 40-х – начале 50-х гг. Динамичное развитие промышленной индустрии республики стало основным фактором роста рабочего класса и сокращения крестьянства. Влияние на социальные трансформации оказывала политика Коммунистической партии Белоруссии, направленная на повышение профессионального уровня рабочих, улучшение материально-бытовых условий, предоставление социальных льгот занятым в промышленности.

Ключевые слова: Послевоенное восстановление; БССР; промышленность; социальные изменения; рабочий класс.

SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE BSSR IN THE LATE '40s AND EARLY '50s OF THE 20 CENTURY

N. Poliak

Educational institution “Belarusian State Medical University”, Dzerzhinsky Ave., 83, 220083, Minsk, Belarus, Polyak77@mail.ru

The article examines the main transformation processes of society in the Belarusian SSR in the late '40s and early '50s. The dynamic development of the industrial industry of the republic became the main factor in the growth of the working class and the reduction of the peasantry. Social transformation was influenced by the policy of the Communist Party of Belarus, aimed at increasing the professional level of workers, improving material and living conditions, and providing social benefits to those employed in industry.

Keywords: Post-war reconstruction; BSSR; industry; social change; working class.

Послевоенный период вошёл в историю нашей страны как чрезвычайно сложное время восстановления народного хозяйства. Четвёртая (1946–1950) и пятая пятилетки (1951–1955) стали периодом небывалых усилий и существенных достижений, ставших основой дальнейшего динамичного развития промышленности как основы экономики Белорусской ССР. Экономические преобразования неизбежно вели к преобразованиям общественным и изменениям структуры общества.

Социальный аспект жизни БССР конца 40-х и 50-х гг. отечественными историками изучен недостаточно, поскольку основное внимание уделялось экономической сфере. Рост промышленных предприятий, повышение объёмов выпускаемой продукции, развитие новых отраслей

индустрии, восстановление сельского хозяйства отражены в многочисленных изданиях советского периода. Начавшиеся крупные изменения структуры белорусского общества в восстановительный период, объектом специального исследования не стали. В связи с этим рассмотрение основных факторов существенных преобразований социально-экономической сферы, тенденций изменений общества и их влияние на планомерное развитие республики после Великой Отечественной войны и в последующий период, являются целью данной статьи.

Успешное выполнение планов по восстановлению БССР достигалось путём развития тяжёлой промышленности и ее наиболее значимых отраслей: машиностроения, производства средств производства, строительства, энергетики, лесной и деревообрабатывающей промышленности. БССР признавалась самой пострадавшей от войны республикой и программы по ее восстановлению предусматривали общесоюзную техническую, энергетическую, кадровую помощь. Но выполнение поставленных задач в основном ложилось на республиканские органы власти и плечи местного населения. Коммунистической партией (большевиков) Белоруссии предпринимались действенные меры по стимулированию развития народного хозяйства и интенсификации труда. Инициировались социалистические соревнования, восстанавливалось стахановское движение, активизировалось досрочное выполнение социалистических обязательств, зародилось движение новаторов и рационализаторов. Успехи не заставили себя ждать и в 1950 г. выпуск валовой продукции превысил довоенный уровень на 15 % [1, с. 258].

Высокие темпы роста во всех отраслях промышленности, энергетики, строительстве стали основной причиной структурных изменений общества. Сооружение и запуск новых предприятий, вместе с разворачиванием масштабных строительных площадок, имели важное значение для укрепления индустриального потенциала республики и требовали огромного количества рабочих рук. Основным источником пополнения рабочих кадров оставалась деревня, поскольку сельское население преобладало над городским и составляло почти 80 % [1, с. 267]. Имеющиеся кадровые опытные рабочие, которые успели эвакуироваться в начале войны и трудились на обеспечение фронта, были малочисленными. Так на витебскую фабрику КИМ вернулось 400 старых сотрудников, на минский завод «Ударник» всего 70 человек [1, с. 268].

Для обеспечения промышленности кадрами активно практиковались организованные наборы и комсомольские молодёжные призывы. В 1947 г. были созданы областные конторы по оргнабору крестьян. Строительство МАЗа и МТЗ в г. Минске объявлялось подшефными стройками ЛКСМБ, и

юноши и девушки из регионов Беларуси съезжались на работу в столицу. Ряды рабочих так же пополняли бывшие партизаны и демобилизованные воины Советской Армии, выходцы из советских республик. Темпы роста количества рабочих в БССР были очень высокие и превышали показатели по некоторым республикам. Так, в 1940 г. количество промышленно-производственного персонала (рабочие и служащие) в БССР насчитывало 309,6 тыс. чел., в 1950 г. — 299 тыс. чел., в 1955 г. — 382 тыс. чел. [2, с. 30].

Приведённые данные свидетельствуют о начавшихся существенных изменениях общества Белорусской ССР. Наметились тенденции к перераспределению общественных групп, выразившаяся в сокращении колхозного крестьянства и увеличении числа рабочего класса и служащих. Согласно всесоюзной переписи населения 1959 г. из всех работающих в БССР рабочие составили 34,9 %, служащие — 15,9 %, колхозники — 48,5 % [3, с. 40]. Городское население выросло до 31 %, а сельское сократилось до 69 % [3, с. 11]. При этом в 1950 г. в деревне проживало почти 80 % народонаселения БССР. Таким образом основным фактором перераспределения общественных групп, а значит и начавшихся социальных трансформаций стала форсированная индустриализация народного хозяйства БССР.

Серьёзные трудности в послевоенное время переживало сельское хозяйство БССР. Последствия оккупации, слабое техническое и кадровое обеспечение и непригодность пахотных земель отрицательно сказывались на развитии отрасли. В силу субъективных и объективных причин деревня становилась малопривлекательной. Приведённые ранее цифры переписи населения за 1959 г. демонстрируют, что по сравнению с 1950 г. наблюдалась тенденция миграции сельского населения в город. Восстановление сельского хозяйства усложнялось неурожайным 1947 г., завышенными нормами «обязательных поставок», чрезвычайной трудовой мобилизацией с усиленным контролем властей. Таким образом план четвёртой пятилетки не был выполнен ни по одному из показателей [4, с. 4–16].

Очередным фактором, стимулирующим изменения структуры общества Советской Беларуси, стала проводимая правительством и Компартией Белоруссии политика «социальной переплавки» рабочего класса [5, с. 19].

Первостепенное значение имело образование и профессионально-техническая подготовка трудящихся. Прибывшие в производственные коллективы рабочие не отличались высоким уровнем подготовки, поэтому начиная с 1948 г. в республике развернулась сеть трудовых резервов. Они предусматривали подготовку рабочих в ремесленных училищах, строительных, стахановских и фабрично-заводских школах в максимально короткие сроки. Работали учебные мастерские, технические кружки, курсы. Выпускники системы трудовых резервов пополняли коллективы

МТЗ, МАЗа, завода им. Кирова, Коминтерна, волковыского цементного завода «Победа», тонкосуконного комбината в Гродно и многих других строящихся промышленных предприятий. За пять послевоенных лет на Минском автомобильном заводе обучились специальности 3,1 тыс. рабочих [6, с. 134]. Широкие возможности получить специальность и закрепиться на рабочем месте привлекали молодёжь. Показатели роста рабочего класса по некоторым наиболее востребованным отраслям народного хозяйства (лесная промышленность, строительство, автомобилестроение, станкостроение) в начале 50-х гг. достигали 2,5 раз.

Огромные усилия Компартия Белоруссии направляла на создание приемлемых условий для жизни рабочих в городах. Обеспечение продовольствием, жильём, медицинской помощью, магазинами, детскими садами, городским транспортом — это вопросы, которые постоянно обсуждались на заседаниях ЦК КП(б)Б и Совета Министров БССР. Наиболее остро стоял вопрос жилья. Несмотря на то, что к началу пятой пятилетки жилой фонд БССР увеличился в 2,5 раза [1, с. 277], квадратных метров в связи со стремительным ростом рабочих не хватало. Проблема жилья особенно остро стояла в Минске. Не хватало квартир в Гомеле, Витебске, Жлобине, Орше. Строительство жилья так же, как и развитие социальной инфраструктуры, зачастую брали на себя предприятия-работодатели. Минский автомобильный, Минский тракторный завод, Камвольный комбинат и другие силами заводчан возводили детские сады, комбинаты бытового обслуживания, магазины, столовые, школы, поликлиники, клубы.

Вопросы обеспечения рабочих продовольствием решались путём организации индивидуального и коллективного огородничества. ЦК КП(б)Б и Совет Министров БССР через партийные, советские и профсоюзные организации содействовали обеспечению огородников семенами и приусадебными участками. В городах работали колхозные рынки. К концу четвёртой пятилетки было произведено снижение цен на продовольствие, от чего семьи рабочих в БССР ощутили увеличение своего реального заработка. Начиная с середины 50-х гг. социальная политика в целом получила существенное развитие. Расширился перечень получающих пенсии и пособия, устанавливались льготы, отменялась плата за обучение.

Таким образом, социальные трансформации, начавшиеся в БССР в конце 40-х — начале 50-х гг. были вызваны небывалым динамизмом развития народного хозяйства и промышленности как его основной отрасли. Реализация четвёртой и пятой пятилеток требовала большого количества рабочих рук, что вызвало стремительный рост рабочего класса в основном за счёт колхозного крестьянства, бывших партизан и демобилизованных солдат и «кадрового десанта» из союзных республик. Необходимость

решения первостепенных хозяйственных задач стало одним из факторов изменения социального облика общества БССР в 50-х гг., которое выразилось в росте занятых в промышленности и сокращении работающих в сельском хозяйстве.

Существенное влияние на социальные трансформации в БССР так же оказала политика советской власти и партийного руководства, направленная на создание широких возможностей для увеличения количества рабочего класса и повышения его квалификации. Социальная поддержка, создание условий для повышения профессионального уровня, улучшение материально-бытового положения делали работу на предприятиях более привлекательной и определяли тенденцию к перераспределению общественных групп.

Библиографические ссылки

1. История рабочего класса Белорусской ССР: В 4-х т. Т. 3. Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960) / Ин-т истории АН БССР; [редкол. тома: П. Т. Петриков (отв. ред.) и др.]. Мн.: Наука и техника, 1985. 485 с.

2. Народное хозяйство БССР. Статистический сборник / Центр стат. упр. при Совете Министров БССР. Мн.: Гос изд-во БССР, 1963. 510 с.

3. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года Белорусская ССР. М.: Госстатиздат 1963 146 с.

4. *Смяховіч М. У.* Праява супраціву беларускага калгаснага сялянства сталінскай аграрнай палітыцы (1946–1952 гг.) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2017. № 3 С. 4–16.

5. *Марченко И. Е.* Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945–1950). Мн.: Академия наук БССР, 1962. 257 с.

6. *Богданов Т. П.* Труд и социальная активность молодёжи. Мн.: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1972. 40 с.

УДК 94(476)"1946"

БЕЛОРУССКИЙ СЮЖЕТ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА МИРНОГО ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ПМК) 1946 г.

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Белорусские интересы и претензии к побежденной Италии проявились в ходе разработки мирного договора с ней. Они выразились в предложении о репарациях с Италии в пользу БССР, а также в белорусской поправке к проекту мирного договора с Италией. Эта поправка вводила белорусскую линию югославо-итальянской границы, которая на основе этнического принципа открывала бы Словении в районе Триеста выход к Адриатическому морю.

Ключевые слова: белорусский сюжет; Парижская мирная конференция 1946 г.; мирный договор с Италией.

BELARUSIAN DEVELOPMENT STORY INITIAL DRAFT PEACE TREATY WITH ITALY ON THE EVE OF THE PARIS PEACE CONFERENCE 1946

A. P. Salkov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, anatsalkov@mail.ru*

Belarusian interests and claims to defeated Italy emerged during the development of a peace treaty with it. They were expressed in the proposal for reparations from Italy in favor of the BSSR, as well as in the Belarusian amendment to the draft peace treaty with Italy. This amendment introduced the Belarusian line of the Yugoslav-Italian border, which, on the basis of the ethnic principle, would open access to the Adriatic Sea for Slovenia in the Trieste region.

Keywords: Belarusian story; Paris Peace Conference 1946; peace treaty with Italy.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений в основном сложилась к концу войны, причем как биполярная, конфронтационная и предельно идеологизированная. Тем не менее, на Потсдамской конференции, уже на начальном этапе функционирования системы, был создан орган для урегулирования национально-территориальных конфликтов — Совет министров иностранных дел (СМИД) пяти великих держав. В 1945–1949 гг. прошли шесть сессий СМИД, ряд совещаний министров, а также заместителей министров. На них разрабатывались материалы для ПМК (проекты мирных договоров со странами фашистской «оси», предложения по послевоенным границам, подходы к репарационным обязательствам) и механизм реализации решений конференции.

На I сессии СМВД в Лондоне (11 сентября–2 октября 1945 г.) началась выработка мирного договора с Италией (первой капитулировавшей перед союзниками и объявившей войну Германии), который должен был определить югославско-итальянскую границу и объем репараций с Италии. 17 сентября министр иностранных дел Франции Жорж Бидо направил письмо правительству Белорусской ССР с просьбой изложить свои взгляды на мирный договор с Италией [1, л. 2–3]. Подобный шаг был естественным и необходимым, так как БССР имела свой союзно-республиканский Народный комиссариат иностранных дел (НКВД, создан 24 марта 1944 г.), в качестве государства-учредителя подписала Устав ООН (26 июня 1945 г.) и имела законное место на ПМК.

Обстоятельства Триестинского кризиса мая–июня 1945 г., потрясшего союзников по антигитлеровской коалиции, были свежи в памяти [2, с. 128–141]. Тем не менее, обсуждение проекта мирного договора с Италией обозначило дальнейшее углубление противоречий между ними. В директивах политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на I сессии СМВД предписывалось наряду с прочим настаивать на предоставлении СССР опеки над итальянской колонией Триполитанией, оккупированной во время войны союзниками и находившейся в тот период времени под управлением британской администрации. Дело в том, что во время Сан-Францисской конференции в июне 1945 г. госсекретарь США (с декабря 1944 по июнь 1945 г.) Эдвард Стеттиниус в переписке с советским послом в Вашингтоне А. А. Громыко в общих чертах согласился с этой советской заявкой, так как американцы были тогда заинтересованы в участии Советского Союза в войне с Японией. Попытка же наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова связать на сессии по требованию И. В. Сталина проблему опеки и мирный договор с Италией вызвала резкий отпор англичан. По их версии на вопрос Молотова «вы что же, не хотите дать нам даже угол в Средиземноморье?», отличавшийся развязностью министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин ответил: «а зачем он вам?» [3, с. 72–73].

С 22 сентября СМВД прекратил обсуждение мирных договоров, возобновив дебаты по процедуре, которые при взаимной непримиримости привели к провалу сессии. Советник госсекретаря США (с июля 1945 по январь 1947 г.) Джеймса Бирнса на сессии Джон Даллес (будущий госсекретарь США в 1953–1959 гг.) писал, что его шеф «не хотел ради соглашения с Советским Союзом идти на компромисс. Тогда-то и родилась наша послевоенная политика — никакого умиротворения» [4, с. 80–81]. В данной обстановке белорусского ответа на письмо Ж. Бидо не последовало. 2 октября сессия закончилась безрезультатно. Ни одно из советских

предложений не прошло. Не было подписано ни одного документа, совместного коммюнике, даже не был определен срок созыва II сессии. Обсуждение итало-югославской проблемы Истрии-Триеста вылилось в острейшую дипломатическую схватку за политическое и экономическое присутствие на Балканах. Западные союзники, смирившиеся с геополитической гегемонией СССР в восточной и центральной части полуострова, всеми силами препятствовали распространению его влияния на западе Балкан [5, с. 371–376].

Черновая разработка и согласование проектов мирных договоров с сателлитами Германии продолжилась на Совещании заместителей министров иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции (Лондон, февраль–апрель 1946 г.), а также в Межсоюзной комиссии экспертов по итало-югославской границе, выводы которой должны были составить важный аспект договора с Италией. На ход обсуждения этой границы сильно повлиял кризис на Среднем Востоке, вызванный поддержкой Москвой азербайджанских и курдских сепаратистов в Иране и ее отказом вывести полностью свои войска из этой страны. Действия СССР вдоль условной линии от Афганистана до Италии, обозначаемой в стратегическом планировании США как «Северный ярус», заставили Запад приступить к разработке новой политики по отношению к СССР с целью заполнить геополитический вакуум вдоль упомянутой линии. Не случайно известная речь британского премьер-министра Уинстона Черчилля в Фултоне была произнесена 5 марта 1946 г., в разгар иранского кризиса, который стал для американских политиков уроком и поводом для силового разговора с Москвой не только на Среднем Востоке, но и на Западных Балканах [6, с. 80–82]. В те же дни Объединенный разведывательный подкомитет Комитета начальников штабов Великобритании в докладе «Стратегические интересы и намерения России» от 1 марта пришел к выводу, что долгосрочная цель СССР — занять «могущественное и величественное положение, которое в полной мере соответствовало бы его огромной территории и ресурсам», достигнув «позицию доминирования в мире» примерно за 50 лет. При этом Москва, как считалось в докладе, «по крайней мере, в краткосрочной перспективе» будет воздерживаться от действий, провоцирующих войну с Западом [7, с. 366–368].

Именно в период работы Совещания заместителей и в дни формального начала холодной войны правительство Белорусской ССР подготовило ответ на давнишнее письмо Ж. Бидо. Ответ был представлен 27 марта 1946 г. заведующим I Европейским отделом МИД С. П. Козыревым на рассмотрение заместителю министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозову и получил одобрение. В документе отмечалось, что итальянские войска, отступая из-под Сталинграда, с декабря 1942 г. по май 1943 г. вели

на территории Беларуси ожесточенную борьбу с партизанами и нанесли большой урон народному хозяйству республики [1, л. 3–4]. Обстоятельства выглядели следующим образом. 8-ая итальянская армия под командованием генерала армии Итало Гарибольди (к ноябрю 1942 г. насчитывала до 235 тыс. штыков) была разгромлена во время Сталинградской битвы. В ходе Среднедонской наступательной операции (16–30 декабря 1942 г.) были уничтожены три итальянские бригады, Острогжско-Россошанской (13–27 января 1943 г.) — три итальянские альпийские дивизии. Было окружено около 130 тыс. итальянцев, из которых около 21 тыс. погибли, до 64 тыс. попали в плен, а около 45 тыс. вышли из окружения. Часть последних была возвращена в Италию, а часть — передислоцирована на оккупированную территорию Украины и Польши [8]. Маршрут большинства итальянских окруженцев пролегал через Беларусь, где они и отличились отмеченными в белорусском ответе преступлениями.

Косвенно это повлияло на то, что наступательные операции Западного фронта на оршанском, витебском и богушевском направлениях (октябрь 1943 — март 1944 г.) не достигли всех поставленных Ставкой ВГК целей. Однако войска Калининского (1-го Прибалтийского), Западного и Центрального (Белорусского) фронтов с огромным напряжением сил освободили восточные и юго-восточные районы БССР, составившие пятую часть территории республики [9, с. 70, 85–86].

При разработке плана операции «Багратион» важным фактором являлось наличие в тылу врага армии белорусских партизан (150 бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью свыше 143 тыс. бойцов), которая к лету 1944 г. контролировала более половины оккупированной врагом территории Беларуси. Учитывался массовый террор и геноцид, угнетение и депортация белорусского населения, разрушение и уничтожение экономического пространства, к чему были причастны и военные формирования 8-ой итальянской армии [10, с. 366].

В белорусском ответе на письмо Ж. Бидо отмечалось, что было бы справедливо получить с Италии определенную сумму репараций. Точная сумма не определялась «в надежде на выделение справедливой доли», но допускалось ее понижение, так как Италия первой порвала с Германией. По вопросу об установлении справедливой границы с Югославией подчеркивалось, что БССР испытывает «живейшее сочувствие борьбе югославского народа за свое национальное объединение, так как сама недавно осуществила объединение своего народа» и выступает за передачу Югославии Юлийской Краины, а также Триеста, который нельзя отрывать от этого края [1, л. 5–10].

Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе из-за острых разногласий не смогла прийти к общему мнению. 23 апреля 1946 г. вместо одной согласованной она представила четыре разграничительные линии границы. Советская линия почти совпадала со старой итало-австрийской границей 1866 г. и максимально учитывала все, даже чрезмерные, претензии Белграда. Французская, английская и американская линии одним пучком проходили гораздо восточнее и оставляли на итальянской стороне многие районы и города. Юго-восточнее Триеста эти три линии разделялись, по-разному углубляясь в территорию полуострова Истрия, который традиционно считался югославским. Французская (наиболее близкая к советской) передавала Италии обширный район вокруг Триестинского залива с Триестом и северо-западное побережье Истрии. Английская линия оставляла за Италией все западное побережье Истрии и даже выходила у южной оконечности полуострова на его восточное побережье. Американская линия шла еще восточнее, отдавала Италии административный центр Пазин и юго-восточное побережье Истрии, оставляя у Югославии лишь северо-восточное побережье Истрии с городом Риекой [11, s. 50–51].

При рассмотрении коллизии с границей на Парижской мирной конференции делегация Белорусской ССР внесла поправку к проекту мирного договора с Италией в виде предложения о пятой — белорусской линии границы, которая была проведена между советской и французской линиями. Она считалась крайним минимумом, на который Югославии можно было пойти для достижения приемлемого компромисса [12, л. 55–56]. Белорусская линия, руководствуясь этническим принципом, в отличие от французской, отрезавшей Словению от моря, устраняла этот коридор и открывала Словении выход к Адриатике [13, л. 158–160]. Тем самым была бы реализована цель «программы Объединенной Словении», выдвинутой еще в ходе революционных событий 1848 г.

Выступая 4 сентября 1946 г. на заседании Комиссии по Италии ПМК, министр иностранных дел БССР К. В. Киселев дал детальное топографическое описание белорусской линии. Он осудил французскую линию, оставлявшую вне границ Югославии 180 тыс. компактно проживавших славян, назвав ее не «линией этнического равновесия, а линией этнической несправедливости», которая «запрещала словенскому народу выход к Адриатическому морю» [14, л. 132–135]. В результате напряженной дипломатической борьбы все же была принята французская линия, создано квазигосударство Свободная территория Триест, а 10 февраля 1947 г. подписан мирный договор с Италией [15, с. 62–65].

Библиографические ссылки

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 7. Д. 32.
2. Сальков А. П. СССР и Триестинский кризис (май–июнь 1945 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 4. Мінск : БДУ, 2009. С. 128–141.
3. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре–декабре 1945 г.) / Публикация В. Печатнова // Источник. 1999. № 2. С. 70–85.
4. Агафонова А. Г. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.). М. : ИВИ РАН, 1997. С. 63–83.
5. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск : БГУ, 2019. 743 с.
6. Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. 311 с.
7. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. О. Чубарьяна и О. А. Вестада. М. : Аспект Пресс, 2021. 960 с.
8. Софронов В. Г. Итальянские войска на Восточном фронте. М. : Вече, 2012. 384 с.
9. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / Редкол. И. И. Басик, А. А. Каваленя [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. 944 с.
10. Страна в огне: в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн. Кн. 1. Очерки / Отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. М. : Абрис, 2017. 734 с.
11. Večerina Duško. Talijanski iredentizam. Zagreb : bez izdavača , 2001. 290 s.
12. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 3. Д. 55.
13. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 30.
14. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 907. Оп. 1. Д. 7.
15. Сальков А. П. «Белорусская линия» югославо-итальянской границы: забытый факт в урегулировании геополитического конфликта в Западно-Балканском регионе (1945–1947) // Гуманитарно-экономический вестник (Минск). 2018. № 3–4. С. 58–65.

УДК 930.253

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В БССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945–1960)

Н. С. Соломкина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, solomkina.nadezhda@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы использования архивных документов в БССР после окончания Великой Отечественной войны. В довоенный период выставки являлись одной из самых популярных форм использования архивных документов, в послевоенный период — приоритетным становятся организация работы исследователей в читальном зале и выполнение административных и общественно-политических запросов. Выставочная деятельность архивных учреждений возобновилась в конце 1950-х гг. и была посвящена вопросам восстановления народного хозяйства, развития промышленности, добыче полезных ископаемых и стройматериалов, мелиорации и атеистической пропаганде. Выставки архивных документов организовывались для конкретных социальных групп (участников партийных съездов, творческой интеллигенции и т. д.). Архивные документы использовались для иллюстрации исторических событий в газетах и журналах, выступлениях на радио и телевидении, художественном кино.

Ключевые слова: использование архивных документов; выставка архивных документов; НКВД БССР; ЦГАОР.

USE OF ARCHIVED DOCUMENTS IN THE BSSR AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR (1945–1960)

N. S. Solomkina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, solomkina.nadezhda@mail.ru*

The article discusses the use of archival documents in the BSSR after the end of the Great Patriotic War. In the pre-war period, exhibitions were one of the most popular forms of using archival documents; in the post-war period, organizing the work of researchers in the reading room and fulfilling social and administrative requests became a priority. Exhibition activities of archival institutions resumed in the late 1950s and were devoted to issues of restoration of the national economy, industrial development, mining and construction materials, land reclamation and atheistic propaganda. Exhibitions of archival documents were organized for specific social groups (participants of party congresses, intelligentsia, etc.). Archival documents were used to illustrate historical events in newspapers and magazines, radio and television appearances, and feature films.

Keywords: use of archival documents; exhibition of archival documents; NKVD of the BSSR; TsGAOR.

В 1938 г. происходит реорганизация архивной отрасли в СССР. Архивные учреждения переходят в подчинение НКВД. В БССР руководящим органом становится архивный отдел НКВД БССР под руководством

И. А. Переплетчикова. Выставочная деятельность архивных учреждений в БССР в период Великой Отечественной войны по понятным причинам прекратилась.

В организации выставок архивных документов установилось «состояние покоя». Архивное управление НКВД было в большей степени обеспокоено вопросом учета, возвращения, хранения и комплектования. Приоритет отдавался использованию документов в работе исследователей в читальном зале, подготовке административных запросов о выявлении лиц, сотрудничавших с немцами и предоставление информации для восстановления народного хозяйства (научно-технические документы постройки зданий, дорог, мостов и т. д.).

В докладной записке начальника Архивного управления НКВД БССР от 5 июля 1945 г. указывалось, что за июль 1945 г. на основании информации архивных документов было выявлено 176 человек, сотрудничавших с немцами. За 1947 г. для следственных органов было выявлено и передано во временное пользование 1 единица хранения из фонда Минский окружной комиссариат для подтверждения преступной деятельности фигурантов, 2 копии и 2 фотокопии из фонда Главное управление воинских дел Белорусской Центральной Рады [7].

С начала 1950-х гг. работа архивных органов и государственных архивов БССР по использованию документальных материалов проводилась в тесной связи с теми задачами, которые стояли в послевоенный период перед Советским государством. В это период особое внимание уделялось использованию документальных материалах по развитию промышленности, сельского хозяйства, добыче полезных ископаемых и стройматериалов, проведению мелиоративных и землеустроительных работ [4].

В архивах стал собираться значительный комплекс новых документов, которые отражали исторические события на территории БССР в период Великой Отечественной войны: борьба советского народа в тылу и партизанских формированиях, ущерб, нанесенный войной народному хозяйству, гибель мирного населения и т. д.

Так, например, помощник председателя Совета Народных Комиссаров БССР А. И. Иволгин в отзыве о работе архивного управления НКВД БССР писал: «...документы содержат весьма нужную информацию о партизанском движении, о колониальной политике немцев в период оккупации, иллюстрируют национальное и политическое порабощение и истребление населения, экономическое ограбление и вывоз оборудования немцами с оккупированной территории БССР, а также ряд других сведений» [3].

Постановлением Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. Совет Министров и ЦК КПБ от 31 марта 1956 г. поставили перед архивными

органами и государственными архивами задачу всемерного расширения работы по использованию документальных материалов. Архивные органы и государственные архивы БССР уделяют большое внимание организации широкой публикации документальных материалов, так как подготовка отдельных публикаций, подборок и информации на основе документирования архивов позволяет внести в научный оборот и сделать достояние широких масс важные исторические документы, представляющие как научный, так и практический интерес.

В октябре 1956 г. состоялась первая выставка, организованная Правлением Союза советских писателей БССР и Архивного управления БССР.

На мероприятии присутствовало около 40 человек. На выставке экспонировались журналы, газеты, которые издавались в Белоруссии, в восточной и западной её частях, личные дела Я. Коласа, К. Крапивы, материалы о посещении В. Маяковским Минска, архивные материалы о пребывании П. Я. Чаадаева и В. К. Кюхельбекера в Белоруссии.

После встречи, литераторы оставили отзывы о выставке и дали практические рекомендации: 1) издать отдельными сборниками документы по вопросам литературы, искусства, белорусского народного творчества, этнографии и фольклора, по отдельным видам творчества (керамика, театр, музыка, изобразительное искусство, Слуцкие пояса и т. д.); 2) стоит поставить вопрос об издании альманаха с периодичностью издания 3–4 номера в год, посвященному архивным материалам. В нем можно было бы публиковать материалы, извещать о новых материалах, которые поступают в наши новые областные и республиканские архивы. Очень важно дать описание отдельных документальных коллекций, например, князей Радзивиллов, Паскевичей и т. д., так как среди их книг и материалов имеется много материалов по художественным промыслам, печатанью книг, развитию театрального, изобразительного и музыкального искусства [5].

Как отметил секретарь правления союза писателей БССР А. Есамов: *«Позвольте в заключение выразить надежду на то, что сегодняшняя встреча повысит Ваш интерес к материалам архива и будет способствовать плодотворному их использованию в ваших будущих произведениях»* [6].

В отчете архивного управления за 1944–1957 гг. указывалось, что государственными архивами Белоруссии готовились фотовыставки, монтажи, витрины и альбомов, которые экспонировались в домах политпросвещения обкомов, городском КПБ, учебных заведений, на предприятиях и в учреждениях, кинотеатрах, клубах, парках, воинских частях и т. д. Сотрудники архивных органов и государственных архивов БССР являлись внештатными лекторами общества по распространению политических и научных знаний и в подготовляемых ими докладах использовались документальные материалы архивов.

С возрождением выставочной деятельности интерес пользователей к архивным документам снова стал расти. В читальных залах за 1949–1957 гг. работало 2829 исследователей. Научно-исследовательские и другие учреждения и организации совместно с архивными органами и государственными архивами помогали в вопросах развития промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, а также изучения истории городов, фабрик, заводов и т. д.

В читальных залах архивов работали исследователи-историки, представители советских, плановых, хозяйственных учреждений и организаций, врачи, педагоги, работники литературы и искусства, учителя и т. д.

Отдельно стоит отметить, что в читальных залах государственных архивов БССР документальные материалы использовались не только советскими исследователями, но и учеными Польской Народной Республики. Польские историки даже выражали благодарность белорусским архивистам за оказанное им гостеприимство и помощь в подборе необходимых материалов, положительно отзывались о состоянии научно-технической обработки документальных материалов и научно-справочного аппарата.

Документальные материалы государственных архивов БССР использовались исследователями при подготовке истории дореволюционного периода истории города Минска, монографических и диссертационных работ, посвященных истории Белоруссии.

Значительную помощь в работе исследователей читальных залов оказала организованная при Архивном Управлении МВД БССР лаборатория по реставрации и микрофотокопированию документальных материалов. Это упростило изготовление фотокопий документов, необходимых для исследователей. Микрофильмирование дало возможность сконцентрировать в архивах республики ряд документов по истории БССР, находящихся в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Смоленска и Польской Народной республики. Серьезное значение архивистами Беларуси придавалось использованию документальных, печатных и фотоматериалов при подготовке кинофильмов о работе отдельных учреждений, истории города Минска, борьбе трудящихся западных областей БССР за воссоединение в едином Белорусском советском государстве.

Документальные материалы Центрального государственного архива октябрьской революции, Центрального государственного архива фотофонокинодокументов БССР, государственных архивов Брестской, Гродненской, Молодеченской области и филиала Государственного архива Брестской области в Пинске, были использованы при подготовке фильмов «40 лет промкооперации БССР», «Страницы истории Минска», «В единой семье» и также были включены в кадры фильмов «Часы остановились в полночь» и «Красные листья».

К концу 1950-х гг. выставочная деятельность включается в планы работы архивных учреждений. Так, осенью 1957 г. Главархив министерства внутренних дел РСФСР выслал письмо о необходимости разработки плана торжественных мероприятий в архивных службах республик, краев и областей СССР. Отдельным пунктом стояло обязательное требование организовать выставку документов, приуроченную 40-летию строительства архивного дела.

Каждый архив должен был предоставить краткий план мероприятий по празднованию юбилея. В плане мероприятий архивного отдела УВД и Государственного архива Витебской области по проведению 40-летия декрета «О реорганизации и централизации архивного дела» было: 1) подготовка выставки документов, посвященные 40-летию архивного строительства, 2) написание статьи в газете «Витебский рабочий», 3) подготовка информации для радио об использовании архивных документов в научных и практических целях, 4) проведение конференций с отдельными секциями по сохранности, комплектованию и в том числе по использованию архивных материалов. На конференциях большое количество докладов было посвящено обсуждению теоретических разработок форм и методов использования, а также вопросам организации работы по тематическому выявлению и использованию документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях, использование документальных материалов на выставках и в музейных экспозициях, организация использования документальных материалов в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительских целях и т. д. Такой же план был предоставлен Государственным архивом Гродненской области [7; 8].

Отдельной тематикой для организации выставок архивных документов была атеистическая пропаганда. В военные годы религия имела большое значение для обычных людей и советское руководство не препятствовало её проявлению. С окончанием войны вопросы атеистического воспитания снова стали актуальными.

Руководство считало, что архивные материалы по истории церкви могут быть эффективно использованы в атеистической пропаганде. Так, в 1962 г. в Москве была организована выставка документальных материалов на антирелигиозную тематику. Основное внимание обращалось на документы, разоблачающие антинародную, антисоветскую деятельность церкви, сотрудничество духовенства с врагами страны, лицемерие, кощунство, моральное разложение служителей культа [9].

В связи с этим Архивным управлением БССР также была подготовлена передвижная выставка «Реакционная сущность религии и церкви на территории Белоруссии». Разделы выставки включали в себя несколько

подразделов: классовая сущность религии и политическая роль церковных организаций (церковь союзник и помощник господствующих классов в борьбе с революционным движением / антисоветская деятельность духовенства / религия и церковь на службе немецко-фашистских оккупантов) паразитизм и аморальное поведение духовенства, религиозный обман, фанатизм и изуверство, атеизм белорусского народа (отказ трудящихся от церковных обрядов и религиозных убеждений / отделение служителей культов от духовного сана) [10].

Таким образом, после Великой Отечественной войны основными формами использования архивных документов были: работа в читальном зале, выполнение административных запросов, организация и проведение выставок архивных документов, археографическая публикация документов. Также архивные документы использовались для иллюстрации исторических событий в газетах и журналах, выступлениях на радио и телевидении, художественном кино. Выставочная деятельность архивных учреждений в БССР после Великой Отечественной войны возобновилась только в 1950-е гг. Выставки экспонировались в домах политпросвещения обкомов, горкомов КПБ, учебных заведений, на предприятиях и в учреждениях, кинотеатрах, клубах, парках, воинских частях и т. д. Они были посвящены возрождению народного хозяйства, промышленности, мелиорационным работам в БССР, а также атеистической пропаганде.

Библиографические ссылки

1. Огуренко Е. В. Архивные выставки в меморативном пространстве города в послевоенный период (на примере Государственного архива Свердловской области) / Е. В. Огуренко. Текст: непосредственный // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши = *Krajobrazy pamięci małych miast Rosji i Polski*: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 215–224.

2. Хорхордина Т. Д. Всесоюзная конференция историков-архивистов 1943 г. и общенародное собрание документального наследия Великой Отечественной войны. Архивы и война. К 75-летию Победы над фашизмом [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч. конф., Минск, 4 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. А. Г. Кохановского; науч. ред. М. Ф. Шумейко. Минск: БГУ, 2021. С. 133–140.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 249. Оп. 8. Д. 47.
4. НАРБ. Ф. 249. Оп. 8. Д. 134.
5. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 578.
6. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 464.
7. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 692.
8. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 694.
9. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 903.
10. НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 853.

УДК 94(396.5)

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

К. И. Талалуева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, abramova.ki@gmail.com*

В статье рассматривается значительный вклад женского населения в послевоенную индустриализацию и коллективизацию страны. В условиях дефицита транспорта, машин и оборудования, белорусские женщины самоотверженно трудились на полях, фабриках и заводах. Несмотря на тяготы послевоенной повседневности, женщины демонстрировали высокие производственные показатели. В средствах массовой информации сохранились много примеров трудового подвига белорусских женщин.

Ключевые слова: женщина; трудовой подвиг; послевоенный период.

LABOR FEAT OF BELARUSIAN WOMEN IN THE POST-WAR PERIOD

K. I. Talaluyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, abramova.ki@gmail.com*

The article examines the significant contribution of the female population to the post-war industrialization and collectivization. In conditions of shortage of transport, machinery and equipment, Belarusian women worked selflessly in the fields, factories. Despite the hardships of post-war everyday life, women demonstrated high production performance. There are many examples of the labor feats of Belarusian women in the soviet media.

Keywords: woman; labor feat; post-war period.

Беларусь понесла огромные потери человеческих и материальных ресурсов за годы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации. По разным оценкам, численность погибших белорусов составила от 2,2 до 2,9 млн человек, что составляет около 32 % довоенной численности населения. К началу освобождения белорусской территории сохранилось только 15 % заводов и фабрик в сравнении с довоенным уровнем 96 % энергетических мощностей республики было уничтожено [1, с. 13–4]. Согласно данным государственной Чрезвычайной Комиссии, общий ущерб народному хозяйству составил 74 970,2 млн руб. или половину национального богатства республики.

В сложных условиях продолжавшейся войны начались масштабные восстановительные работы. Состояние городов, поселков и деревень было плачевным: сожжено или разрушено 209 городов и райцентров (из

270 довоенных), 9200 сел и деревень, более 10 тыс. промышленных предприятий, 10 тыс. колхозов и совхозов. Около 3 млн человек осталось без жилья.

В 1944–1945 гг. женщины внесли значительный вклад в восстановление городской и сельской инфраструктуры. Несмотря на тяжелый ручной труд, скромность жилищно-бытовых условий и скудность питания, женщины участвовали в возрождении промышленного и сельскохозяйственного производства. В 1945 г. удельный вес женщин, занятых в народном хозяйстве, был наибольшим относительно следующего десятилетия и составил 50 % [2, с. 129].

Женщины принимали участие в зарождении новых отраслей народного хозяйства. Показателен пример открытия Минского автомобильного завода. В августе 1944 г. было принято постановление Государственного комитета обороны об организации в белорусской столице автосборочного завода. В Красном Урочище под Минском на базе немецких ремонтных мастерских начали собирать грузовики из машинокомплектов, приехавших из США по ленд-лизу. Через год, в августе 1945 г., в рамках выполнения Постановления Государственного комитета обороны «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности СССР» было решено начать строительство завода по выпуску большегрузных автомобилей. К этому времени на автосборочном заводе в Красном Урочище уже трудилось 204 женщины или 20 % персонала: 54 — рабочие, 60 — служащие, 54 — работники жилищно-коммунального и культурно-бытового обслуживания. Среди женщин-рабочих преобладали возильщики сырья, отходов, изделий, подсобные рабочие и разнорабочие, слесари-сборщики [3, л. 15–17].

С 1946 г. над разработкой опытного образца автомобиля «МАЗ-200» и первых моделей прицепной техники трудилось уже 788 женщин, из них 44 являлись инженерно-техническими работниками. Уровень профессиональной квалификации женщин-рабочих повысился. Так, в сборочном цеху 241 женщина занимала должность «слесаря-сборщика» и работала по 4–5 разряду. Состав административно-управленческого персонала также дополнили женщины. Должность заместителя главного технолога, который контролировал выполнение технологических процессов на предприятии, занимала Вера Филатова. Главным диспетчером завода трудилась Лидия Кузьменок. Среди конструкторов преобладали женщины [4, с. 12–13].

В торфяной отрасли, которая вырабатывала не менее 70 % тепловой и электрической энергии в БССР, преобладали рабочие-женщины. В 1945 г. на торфодобывающих предприятиях работало 1695 женщин или 75 % от занятых в производстве. Нередко работницы демонстрировали высокие производственные показатели. «Рекордные нормы по добыче торфа в артели

„Парижская коммуна“ дают бригады Малковой Надежды, Теренковой Агафии, которые за день вырабатывают по семь норм. Бригады Дембицкой Евгении и Сироткиной Васи убирают и сушат торф и за день вырабатывают по три нормы», — рассказывали на страницах газеты Уваровицкого района «Сцяг Ільіча» в 1944 г. [5, с. 3].

Несмотря на высокую женскую занятость, администрация предприятий медленно создавала достойные условия труда. Так, например, на предприятии «Лукское» на резке торфа начали пользоваться узкоколейными звеньями, по тяжести превышающие в несколько раз нормы для переноски тяжести для женщин. Результатом слабой охраны женского труда стали высокие показатели производственного травматизма. В 1948 г. на торфопредприятиях зарегистрировано 302 несчастных случая связанных с производством, и 5247 дней нетрудоспособности. По количеству травм торфяная отрасль занимала второе место среди предприятий БССР [6, л. 89а].

В условиях большого дефицита рабочей силы женщин привлекали к строительным работам. В местностях, где женщин обучали плотницкому ремеслу и включали в строительные бригады, темпы возведения жилых домов были гораздо выше. Так, к примеру в 1945 г. в пострадавшем Лельчицком районе Полесской области они отстроили 4100 жилых домов из 5900 сожженных. В то время как в Бельничском и Ляховичском районах из 3270 разрушенных домов на 20 января 1945 г. было восстановлено всего 458 домов [7, л. 36–37]. На бюро ЦК КП(б)Б неоднократно рекомендовали распространить по всей республике положительный опыт создания строительных бригад с участием женщин.

В белорусских городах широкий размах приобрело «черкасовское движение». Оно зародилось в июне 1943 г. в Сталинграде. Там работница детского сада Александра Черкасова создала первую бригаду, которая состояла из 19 женщин. Они разбирали завалы и восстанавливали собственными силами Дом Павлова. Спустя некоторое время патриотки обратились через местную передовицу «Сталинградская правда» ко всем жителям города с призывом принять участие в общественной инициативе. Данное обращение было широко поддержано во всех союзных республиках.

Большую роль черкасовские строительные бригады сыграли в восстановлении Гомеля. Они принимали участие в массовых субботниках и воскресниках по очистки промышленных и городских территорий. Если в марте 1944 г. действовали четыре бригады, к июню их численность увеличилась до 40, к октябрю их стало 245, объединивших более 4 тыс. участников [8, с. 1]. К концу 1944 г. в Беларуси трудилось 735 черкасовских бригад. «Гэта не адзінкавае з’явішча, а рух гарачага чалавечага сэрца», — описывали настроения женского населения на страницах «Гомельской правды» [9, с. 3].

Идейным вдохновителем гомельских патриоток стала домохозяйка Зинаида Азарова. Под ее руководством объединились первые тринадцать женщин-работниц железнодорожного узла. Лучшие представители бригады отработали без прогулов по 359 часов. Они очистили 100 тыс. штук кирпича и выполнили работ на 10 961 руб. Инициатива З. Азаровой была поддержана другими женщинами. Вне зависимости от их профессиональной принадлежности, жительницы Гомеля помогали ремонтировать разрушенные и поврежденные здания, очищали город от мусора и завалов, собирали металлолом.

Нередко женщинам, поступавшим трудиться на предприятия промышленности и транспорта, приходилось осваивать строительные специальности для ускорения строительно-восстановительных работ. Так, кеттельщицы витебской чулочно-трикотажной фабрики «КИМ», трудившиеся в обстановке разрухи, после месяца обучения стали выполнять работу каменщиков, печников, штукатуров и других строительных рабочих. В Гомеле железнодорожница Ефросинья Волосевич организовала бригаду, участницы которой за три дня без отрыва от производства овладели штукатурным делом и показали высокие показатели выработки в 190 % нормы [10, с. 1].

В 1944–1945 гг. женщины возвращались на предприятия легкой промышленности, которая понесла значительные потери. Свыше 70 % производственного фонда было разрушено. Набор рабочей силы шел медленно из-за разрыва в уровне обеспечения рабочих легкой и тяжелой промышленности. Так, в феврале 1945 г. оплата труда рабочих Наркомата легкой промышленности составляла 290 руб., а по станкостроительным заводам — 395 руб. [11, л. 85]. До августа 1945 г. норма хлебного пайка рабочих легкой промышленности составляла 500 г и была ниже, чем у рабочих, занятых на предприятиях оборонного сектора, других отраслей тяжелой промышленности [12, л. 83].

Систематическое применение сверхурочных работ без разрешения профсоюза стала нормой производственной жизни рабочих. Ночные смены могли длиться по 10–11 часов, в то время как рекомендованная продолжительность ночного труда составляла 7 часов [13, л. 393, 404]. «Мы рабілі усе магчымае. Нехапала рабочих, абсталявання, хімікатау. Бывала, суткамі не выходзіш з цэха, ледзь на нагах стаіш, а норму выконваеш. Не было механізмау, прыходзілася уручную заліваць барабаны хімікатамі, перацягваць скуры», — вспоминает Ольга Бертель, мастер отделочного цеха Гродненского кожевенного завода № 4 [14, с. 3].

Партийные организации использовали трудовой энтузиазм женщин в целях наращивания промышленного производства. На предприятиях

развернулось патриотическое движение за создание женских и комсомольско-молодежных бригад. Несмотря на чрезвычайно сложные условия жизни молодые работницы демонстрировали образцы трудового героизма. Так, на предприятии «Изоплит» были созданы женские бригады слесарей, плотников, штукатуров, грузчиков. Рядом с именами вернувшихся из Красной Армии монтажника Ковалева, слесаря Новика, строителя Златина, имена женщин, восстанавливающих завод — слесари Цуканова, Кончыц, Кузьменкова. На кондитерской фабрике «Красный пищевик» самой передовой стала женская бригада Марии Кисленок, под руководством которой получен рекордный уровень выработки шоколадного сахара. Стахановцы этой бригады тов. Каперская, Гайшун, Денисова, Дашковская выполняли норму на 300–400 % [15, с. 2].

Масштаб участия женщин в социалистических соревнованиях прекрасно иллюстрируют данные по Гродненской области. Так, в соревновании за выполнение и перевыполнение послевоенной пятилетки участвовало около 1000 женщин. Стахановок, выполнивших от 5 до 10 годовых норм, насчитывалось 26. Из них на «Лидском заводе сельхозмашин № 1» т. Варавина выполнила 8 годовых норм, тов. Куприянович — 7,2, на «Комбинате пищевых концентратов» тов. Журавская выполнила 7,8 годовых норм, тов. Кононова и Глушакова — 9,1 норму. По г. Гродно насчитывалось 560 стахановок, 612 ударниц, по г. Лида — 478 стахановок, 534 ударницы, 11 женским бригадам присвоено звание «бригад отличного качества» [16, л. 9–10].

Восстановление сельскохозяйственного производства проходило в условиях острого дефицита мужской рабочей силы, инвентаря и тягла. Значительная нагрузка по организации весеннего сева 1944 г. легла на плечи стариков, женщин и подростков. «Старый колхозник Корней Терещенко выкопал плуг, спрятанный в 1941 г. и принес его на улицу. Со всех концов сожжённого села колхозники несли инвентарь. Привели 12 уцелевших лошадей. На улице провели собрание, выбрали правление артели и председателя. Сеяли вручную: сеялки спалили немцы. Уборка. С самого утра и до вечера раздавались на поле звонкие песни женщин и девушек. Молотили вручную цепями. Первый хлеб — 780 пудов отдали государству. 300 пудов хлеба сдали в фонд обороны», — рассказывают на страницах газеты про восстановление сожженного колхоза «Новая жизнь» Климовского сельсовета Гомельской области [17, с. 3].

В первые послевоенные годы женщины нередко выполняли тяжелую «мужскую работу». Они принимали участие в пахоте, севе, косьбе и скирдовании. В некоторых деревнях, где не хватало лошадей и коров, в плуг запрягали самых сильных и выносливых женщин — по 5–6 человек.

«Впервые косцами трудилось 600 женщин, значительная часть которых перевыполняла норму. Женские звенья косцов в колхозах „Оборона“, „Молат“, „Беларусь“ и других давали по полторы-две нормы в день», — вспоминает первый секретарь Добрушского РК КП(б)Б Н. Клеев [18, с. 2].

Таким образом, белорусские женщины совершили трудовой подвиг в послевоенное пятилетие. В 1 квартале 1949 г. белорусская промышленность достигла довоенного уровня, в 1950 г. превысила его на 15 %. Наравне с мужчинами женщины возрождали разрушенные города, села, строили новые фабрики, заводы, колхозы, налаживали мирную жизнь. Несмотря на скромные условия жизни, острый дефицит жилищного фонда, непродовольственных товаров, белорусские женщины трудились самоотверженно. Трудовые коллективы стали для многих вдов и сирот альтернативой семейных отношений.

Библиографические ссылки

1. *Концевой П. А.* Ремонт в восстановлении и дальнейшем развитии промышленности и сельского хозяйства Белорусской ССР (1945–начало 1950-х гг.). Минск: БИП — Институт правоведения, 2019.
2. *Талалуева К. И.* Участие женщин в восстановлении народного хозяйства БССР в (1944–1950 гг.) / Актуальные вопросы исторической науки 2021: материалы научно-практической конференции с международным участием (25–26 марта 2021 г.) ; редакционная коллегия: И. А. Конорева, Е. Н. Самойлова, Ю. Ф. Коростелев [и др.] ; Курский государственный университет. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. С. 129–134.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 30. Оп. 6. Д. 20.
4. Работніца і сялянка. 1946. № 3. С. 12–13.
5. Сцяг Ільіча. 1944. 5 октября. С. 3.
6. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 240.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 111.
8. Гомельская праўда. 1944. 31 октября. С. 1.
9. Гомельская праўда. 1944. 7 июня. С. 3.
10. Гомельская праўда. 1944. 12 июля. С. 1.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 38. Д. 332.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 38. Д. 313.
13. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 23.
14. Работніца і сялянка. 1950. № 2. С. 3.
15. Советская Белоруссия. 1945. 2 сентября. С. 2.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 49. Д. 24.
17. Сталінскі сцяг. 1944. 30 ноября. С. 3.
18. Гомельская праўда. 1944. 5 сентября. С. 2.

УДК 93/94"1943/1953"

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БССР В 1943–1953 гг.

Д. А. Хомич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, khomicdasha@mail.ru*

После начала освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков первоочередной стала задача ликвидации причиненного ущерба и восстановления функционирования всех сфер жизни общества. В общественно-политической жизни БССР в 1943–1953 гг. произошли значительные изменения. Преобразования в данной сфере стали ориентирами для органов власти и непосредственно заложили основу дальнейшего развития государства.

Ключевые слова: система управления; органы власти; подготовка кадров; агитационно-пропагандистская работа; проведение выборов.

RESTORATION OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF THE BSSR IN 1943–1953

D. A. Khomich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, khomicdasha@mail.ru*

After the beginning of the liberation of the BSSR from the Nazi invaders, the task of eliminating the damage caused and restoring the functioning of all spheres of society became paramount. In the socio-political life of the BSSR in 1943–1953 significant changes have occurred. Transformations in this area have become guidelines for authorities and directly laid the foundation for the further development of the state.

Keywords: control system; authorities; personnel training; agitation and propaganda work; holding elections.

По мере освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков повсеместно создавались условия для восстановления советской системы управления, воссоздания партийных и советских органов власти. Первое постановление, ознаменовавшее восстановление на территории БССР партийных и советских органов власти, было издано 17 сентября 1943 г. В освобожденных регионах создавались областные, городские, районные оперативные группы. В состав оперативных групп вошли руководители подпольных организаций, командный состав партизанских отрядов, а также возвращавшиеся кадры из тыловых районов СССР, которые ранее работали в руководящих структурах республики [1, с. 89]. Они вступали на освобожденную территорию вместе с частями Красной

Армии для возобновления работы партийных и советских органов, разрешали первоочередные задачи, оказывали непосредственную помощь войскам Красной Армии [5, с. 14].

После завершения освобождения территории Беларуси система управления была сформирована и представлена партийными и советскими органами. Коммунистическая партия (большевиков) Беларуси постепенно восстанавливала свое влияние. В областях и городах были созданы областные, районные и городские комитеты КП(б)Б. Советские органы власти в областях, районах, городах, деревнях были представлены местными Советами депутатов трудящихся. Действующим органом стали исполнительные комитеты.

За период 1943 г. – первую половину 1944 г. на руководящую работу в БССР было отобрано 2219 подпольщика и партизана, 2114 направленных кадров из СССР [1, с. 90]. Также предоставлял кадры Ленинский коммунистический союз молодёжи Беларуси.

По состоянию на 1 января 1945 г. в коммунистической партии БССР насчитывалось всего 29 515 коммунистов: 19 787 членов партии и 9728 кандидатов в члены партии [3, с. 246]. В дальнейшем будет отмечен стремительный рост численности партии.

При восстановлении советской системы управления в БССР руководство столкнулось с рядом трудностей. Среди них особенно выделяется нехватка подготовленных кадров, отсутствие необходимого опыта, частая сменяемость кадров. На начало 1945 г. в БССР из требуемых по штатам 1225 руководящих советских работников местного уровня имелось 991 человека. Однако руководством велась активная работа по ликвидации недостатков в работе кадров.

Руководство СССР и БССР уделяло особое внимание плану работы партийных органов с местным населением. 20 января 1945 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР». В документе отмечалось, что партийные организации КП(б)Б на территории западных областей БССР недостаточно осуществляют идейно-политическую работу среди местного населения. Неудовлетворительной работой отмечается деятельность комсомольских организаций. Отмечается, что не были приняты все необходимые меры для повышения идейно-политического и культурного уровня партийных и советских кадров. В документе подчеркивается, что данные факты осложняют ликвидацию последствий немецко-фашистской пропаганды на территории западных областей БССР, в связи с чем перед партийными органами ставилась задача улучшения показателей. Необходимость решения проблемы была подтверждена на

VI пленуме ЦК КП(б)Б, прошедшем 12–18 февраля 1945 г., где была подчеркнута значимость укрепления органов советской власти на территории западных областей БССР.

С целью идеологической и профессиональной подготовки кадров повсеместно воссоздавалась система обучения. В 1944–1945 гг. была развернута работа по обучению партийных кадров, советских и комсомольских работников без отрыва от производства, которая вылилась в создание особой трехуровневой системы образования партийно-советского актива: политшколы при сельских первичных партийных организациях с целью обеспечения учебы секретарей парторганизаций, работников сельских Советов; районные вечерние партийные школы для организации марксистско-ленинской учебы кадров районного звена; вечерние университеты марксизма-ленинизма, созданные в областных центрах и в г. Минске для обучения руководящих работников областного масштаба [9, с. 47]. Также при обкомах партии действовали двухмесячные, шестимесячные, девятимесячные курсы, семинары для партийных, советских и комсомольских работников, вели подготовку курсы повышения квалификации руководителей при министерствах и ведомствах [5, с. 43].

Важным этапом стало создание 26 сентября 1944 г. Партийной школы при ЦК КП(б) Беларуси. 2 августа 1946 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников», согласно которому Партийная школа при ЦК КП(б)Б в Минске была преобразована в Республиканскую партийную школу (РПШ) при ЦК КП(б)Б. Принятие данного документа способствовало приобретению Республиканкой партийной школой статуса ведущего учебного заведения, где осуществлялась подготовка руководящих кадров.

Агитационно-пропагандистская работа с населением внесла большой вклад в восстановление общественно-политической жизни БССР в послевоенный период. Опорой стали агитационные коллективы, в состав которых входили лучшие представители КПБ(б), передовики производств, демонстрирующие высокие профессиональные качества.

Также активной была работа лекторских групп. Так с марта по июль 1946 г. в пограничных районах Гродненской области было прочитано 32 тематические лекции. Особое внимание данным регионам уделялось в связи с недоверием советских органов власти местному населению из-за спорных территориальных границ и большого количества этнических меньшинств. За 6 месяцев 1946 г. в БССР было прочитано 5048 лекций.

Особое внимание уделялось оснащению изб-читальней и красных уголков. В пограничных районах Гродненской области к 1946 г. работали 51 изба-читальня и 25 красных уголков. Данные показатели можно назвать

удовлетворительными. Однако в некоторых отдаленных от центра области сельских советах не было созданы ни избы-читальни, ни красные уголки. Не все избы-читальни работали так, как было необходимо. Многие использовались лишь как хранилище газет и площадка для танцевальных вечеров, когда должны были участвовать в проведении мероприятий советской власти. В ряде случаев неудовлетворительная ситуация объяснялась сложностью установления полноценного контроля над ситуацией в том или ином регионе.

Еще одной формой распространения агитации и пропаганды стали партийные кабинеты. До августа 1946 г. в БССР было восстановлено 208 партийных кабинетов. Кабинеты были полностью обеспечены «Коротким курсом истории ВКП(б)» и книгами И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Однако ощущалась нехватка работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В большинстве районов не было полного собрания сочинений Ленина, энциклопедических словарей, наглядных руководств по изучению истории партии. Однако в данном направлении велась активная работа [6, с. 112–114].

Приоритетным направлением агитколлективов стала работа с молодежью. Работа ЛКСМБ была направлена на мобилизацию молодежи на помощь в выполнении постановлений и указаний партийно-советского руководства. Для обеспечения продуктивной деятельности комсомольского актива и повышения качества пропагандистской работы в комсомоле для кадров была обеспечена возможность прохождения тематических курсов.

Большое место в агитационно-пропагандистской работе комсомольских организаций занимала лекционная пропаганда. Для проведения лекций при ЦК ЛКСМБ в 1947 г. создавались лекторские группы в составе 3-х штатных и 44 внештатных лекторов. Из 44 лекторов — 32 лектора с высшим образования, 12 — с незаконченным высшим: 3 профессора, 5 доцентов, 7 научных работников, 3 аспиранта, 12 студентов [7, с. 58]. При каждом обкоме создавались внештатные лекторские группы, а при горкомах и райкомах комсомола — внештатные группы докладчиков. Лекторская группа ЦК ЛКСМБ состояла из 5 секций: марксизма-ленинизма, истории и литературы, Устава ВЛКСМ, международного молодого движения и естественно-научных знаний. За 1947 г. лекторскими группами было прочитано около 4000 лекций, а групповыми докладчиками — 30 000 докладов [7, с. 59].

Важным этапом на пути становления органов власти стали выборы в Верховный Совет БССР 9 февраля 1947 г., в январе 1948 и в январе 1950 г. — в местные советы депутатов.

Выборы 9 февраля 1947 г. стали важным событием. В газете «Віцебскі рабочы» в статье «Всенародный праздник» подчеркивалось, что

«...Сегодня в 6 утра гостеприимно откроются двери всех избирательных участков, чтобы советские люди проголосовали. Советский народ рассматривает сегодняшние выборы не только как явление советской демократии, однако и как мощный кулак ещё большего морально-политического объединения народов Советского Союза» [8, с. 1]. По итогам выборов в БССР было создано 371 округ, в составе которых — 5401 избирательный участок. Из 371 депутата зарегистрировано избрание всех. Из общего числа 4 435 919 избирателей приняли участие в выборах депутатов Верховного Совета Белорусской ССР 4 433 493 избирателя, что составляет 99,57 % всего количества участвовавших в голосовании. В Малоритском районе Брестской области было создано 18 избирательных участков для 13 216 избирателей. Явка составила 100 % [4, с. 52].

В период выборов в местные советы депутатов в январе 1948 г. и 1950 г. также наблюдалась высокая активность населения. В 1948 г. согласно данным приняло в выборах участие 99,99 % внесенных в списки избирателей: в областные Советы — 99,96 %, районные Советы — 99,95 %, городские Советы — 99,92 %, районные Советы в городах — 99,89 %, сельские и поселковые Советы — 99,98 % [2, с. 155]. Таким образом, участие в выборах стало значимой частью жизни населения БССР. Высокие показатели свидетельствуют о заинтересованности граждан в определении судьбы государства.

По состоянию на 1 января 1953 г. — всего 127 216 коммунистов: 108 017 членов партии и 19 199 кандидатов в члены партии [3, с. 246]. Стремительный рост числа членов партии связан с успешной политикой партийных органов власти, активной агитационно-пропагандистской работой подготовленных кадров среди населения, заинтересованностью граждан.

Таким образом, по мере освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков в государстве воссоздавалась советская система управления. Руководящие должности заняли подпольщики и партизаны, направленные на руководящую работу кадры из СССР. Для работы партийных и советских органов власти на начальном этапе были характерны недостаток кадров, отсутствие у большинства назначенных руководителей опыта работы на руководящих должностях, частая сменяемость кадров. Однако руководством велась активная работа по ликвидации недостатков в работе кадров. Благоприятно влияла на рост идеологической и профессиональной подготовки кадров созданная широкая сеть партийного просвещения и обучения. Большой вклад в восстановление общественно-политической жизни БССР в послевоенный период внесла агитационно-пропагандистская работа с населением.

Библиографические ссылки

1. *Елизаров С. А.* Восстановление системы местной власти и управления на освобожденной территории Белорусской ССР: кадровый вопрос (1943–1945 гг.) / Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа. Минск: БГУ. 2020. С. 87–94.
2. *Елизаров С. А.* Выборы в местные Советы БССР 1948 года: время надежд / Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. Гомель. 2022. Вып. 8. С. 151–157.
3. *Касцюк М. П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: Экаперспектыва. 2000. 307 с.
4. *Курьянович А. В.* Выборы в Верховный Совет Белорусской ССР 1947 года: ход и итоги / Вестник БарГУ. 2014. Вып. 2. С. 47–52.
5. *Люцко А. В.* Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров: 1943–1945 гг. Минск: Изд-во БГУ. 1973. 160 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 29. Д. 142.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 700.
8. Усенароднае свята // Віцебскі рабочы. 1947, 9 лютага. № 29. С. 1.
9. *Яковчук В. И.* Подготовка управленческих кадров в БССР в 1940–1970-е гг. // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2020, № 6. С. 47–51.

УДК 94(87)

ПОЛИТИКА БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛА В ОТНОШЕНИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ ПРАВЛЕНИИ У. ЧАВЕСА

И. О. Чеченев

*Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск,
Республика Беларусь, ilyachechenev@gmail.com*

Статья посвящена политике Боливарианской Республики Венесуэла в сфере латиноамериканской интеграции в период правления президента У. Чавеса. Поднимаются вопросы взаимосвязи между боливарианской идеологией и политикой, направленной на развитие латиноамериканской интеграции, анализируются деятельность созданных в рассматриваемый период интеграционных организаций (на примере ALBA) и итоги данной практики.

Ключевые слова: боливаризм; ALBA; TeleSUR; Банк ALBA; У. Чавес; С. Боливар; Венесуэла; Латинская Америка.

POLICY OF THE BOLIVARIAN REPUBLIC OF VENEZUELA TOWARDS LATIN AMERICAN INTEGRATION UNDER THE ADMINISTRATION OF U. CHÁVEZ

I. O. Chechenev

*Republican Institute of Higher Education, ul. Moskovskaya, 15, 220007, Minsk, Belarus
ilyachechenev@gmail.com*

The article is devoted to the policy of the Bolivarian Republic of Venezuela in the sphere of Latin American integration during the period of President U. Chavez's rule. The issues of interrelation between the Bolivarian ideology and the policy aimed at the development of Latin American integration are raised, the activity of integration organizations created during the period under consideration (on the example of ALBA) and the results of this practice are analyzed.

Keywords: Bolivarism; ALBA; TeleSU; ALBA Bank; U. Chavez; S. Bolivar; Venezuela; Latin America.

В 1990-е гг. политическая система Венесуэлы под влиянием вызванного падением цен на нефть экономическим кризисом испытывала политический кризис. Его итогом стала победа на выборах 1998 г. «Движения за Пятую республику» (MVR — El Movimiento V República) во главе с харизматичным лидером — У. Чавесом. У. Чавес на момент прихода к власти был создателем и руководителем боливарианского движения в Венесуэле и начал проект политических преобразований под общим наименованием «боливарианская революция».

Начиная с общественного дискурса и заканчивая государственной политикой, боливариёвцы пытались воплотить в жизнь многие из проектов одного из главных лидеров борьбы за независимость Латинской Америки от Испании — С. Боливара. Более того, Конституция 1999 г. изменила само название государства, получившее наименование Боливарианской Республики Венесуэлы.

Вопрос латиноамериканской интеграции в трудах С. Боливара поднимался особенно остро и был по праву одним из главных проектов Освободителя. Латиноамериканская концепция хорошо просматривается в т. н. «Письме с Ямайки», опубликованном 6 сентября 1815 г. в г. Кингстон. В ней С. Боливар постулирует необходимость создания новыми латиноамериканскими государствами конфедерации, целью которой была совместная политика на международной арене и противостояние вмешательству великих держав во внутренние дела региона. При этом Новая Гранада (современная Колумбия) и Венесуэла должны были образовать единое государство «Колумбию» — центр, вокруг которого и планировалось собирать подобную конфедерацию [1, с. 60–61].

В итоге, ввиду идеологической направленности боливаризма, вопрос интеграции латиноамериканского региона стал одним из главных направлений для правительства У. Чавеса. В рамках этой политики венесуэльский президент начал публично формулировать необходимость формирования многополярного мира, который учитывал бы интересы всех сторон мировой политики. Одним из таких полюсов У. Чавес считал и Латинскую Америку, ведущую роль в которой и должна была сыграть Венесуэла, обладавшая мощным базисом энергетических ресурсов. В политической платформе «Движения за Пятую Республику» на выборах 1997 г. постулировалось следующее: «Венесуэла занимает привилегированную геостратегическую позицию, являясь точкой соприкосновения Андского сообщества наций, МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur — Южноамериканский общий рынок) и КАРИКОМ (Caribbean Community — Карибское Сообщество). Это определяет её мощь как центра интеграционной динамики и экономической взаимодополняемости в региональном масштабе» [2, с. 97].

В рамках реализации этой идеи 14 декабря 2004 г. по инициативе Венесуэлы и Кубы создаётся новая организация — ALBA (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Боливарианский альянс для народов нашей Америки). В 2006 г. к организации присоединяется Боливия, в 2007 г. — Никарагуа, в 2008 г. — Доминика и Гондурас (вышел из состава в 2010 г.); в 2009 г. — Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент

и Гренадины и Эквадор (вышел из состава в 2018 г.); в 2013 г. — Сент-Люсия, в 2014 г. — Гренада и Сент-Китс и Невис. В роли стран-наблюдателей выступают Гаити, Иран и Сирия.

Организация явилась своего рода ответом на создание в декабре 1994 г. Панамериканской зоны свободной торговли (ALCA — *Área de Libre Comercio de las Américas*), поскольку в латиноамериканском регионе сильно неприятие панамериканских идей с политическим и экономическим доминированием США. К примеру, Бразилию раздражали перспективы углубления интеграции с Соединёнными Штатами, в частности, проекты помощи в развитии их сельского хозяйства [3, с. 113]. Определяя себя как альтернативу панамериканизму, ALBA одновременно выступила и против капиталистической модели глобализации, предлагая в ответ всестороннее развитие в области продовольствия, защиты окружающей среды, науки и технологий, торговли, культуры, образования, энергетики, промышленности, здравоохранения и добычи полезных ископаемых [4, р. 143].

У. Чавес уделял данному проекту значительное внимание. На развитие экономик стран-членов альянса только за первые 4 года существования организации Венесуэла потратила более 32 млрд долл. США, причём эти траты в основном опирались на доходы от добычи венесуэльской нефти на фоне роста цен на нефть в 2002–2008 гг. и национализации PDVSA — крупнейшей нефтегазовой корпорации страны. В частности, по некоторым данным, за период 2000–2009 гг. венесуэльское правительство выделило Кубе около 50 млрд долларов США [5, с. 96].

Необходимо отметить, что организация стала центром объединения стран, где в ходе латиноамериканского левого поворота первого десятилетия XXI в. в целом ряде стран к власти пришли левопопулистские и социалистические силы. 2006 г. — это не только год вступления Боливии в организацию, но и победы на выборах Э. Моралеса и его «Движения к социализму». В 2006 г. к власти в Никарагуа возвращается Д. Ортега и возглавляемый им леворадикальный Сандинистский фронт национального освобождения, а уже в следующем году страна присоединяется к ALBA. На момент вступления Гондураса и Эквадора у власти находились левые президенты Х. М. Селайя и Р. Корреа, а выход из организации совпадает с приходом к власти правоцентристских президентов П. Лобо и Л. Морено соответственно. Таким образом, наблюдается тенденция, что организация в основном является клубом стран с левосоциалистическими правительствами, а в случае прихода к власти правых страны-члены склонны покидать ALBA. Популистские речи самого У. Чавеса, делившие страны на

друзей и врагов в риторике «холодной войны» не способствовали привлечению стран несоциалистической направленности и порой отталкивали даже умеренных левых.

Стоит отметить тот факт, что самые влиятельные страны латиноамериканского региона — Бразилия, Мексика, Чили, Колумбия и Аргентина — всё же сторонятся организации, что подрывает возможность реализации планов боливариЙцев по латиноамериканской интеграции на социалистической основе. Как пишет российский историк-латиноамериканист Э. С. Дабагян, «можно утверждать, что проект тесного сотрудничества в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах в определённой степени напоминает Совет экономической взаимопомощи, действовавший на территории бывшего социалистического лагеря» [2, с. 98]. Пытаясь расширить число союзников в латиноамериканском регионе и, соответственно, членов организации, Венесуэла порой оказывала прямую помощь левым партиям на выборах, примерами чего могут служить выборы 2007 г. в Никарагуа, 2009 г. в Сальвадоре и 2006 г. в Перу. Подобные политические интервенции нередко сопровождались скандалами, вызывали не только раздражение правых, но и отталкивали от боливариЙцев потенциальных сторонников из числа умеренных левых.

В своей работе организация создала ряд наднациональных структур, самыми яркими из которых стали Банк ALBA и телевизионная компания TeleSUR. Банк ALBA был создан 26 января 2008 г. в ходе работы VI саммита ALBA. В частности, соглашение о создании банка предусматривало создание общей валютной зоны, компенсационной палаты и резервного фонда, который должен был помочь покрыть торговые дисбалансы между странами-членами. Кроме того, уже в апреле 2009 г. была введена виртуальная валюта «сукре», целью которой было стать альтернативой американскому доллару при взаиморасчётах между членами организации. Главными задачами банка стали способствование экономическому развитию региона, борьба с бедностью, усилению интеграции на принципах солидарности, взаимопомощи, сотрудничества и уважения суверенитета народов [6, с. 28].

Банк ALBA участвует в программах по стимулированию основных секторов экономики, созданию рабочих мест, развитию здравоохранения и образования, жилищного комплекса, социального обеспечения и ликвидации социального неравенства, предоставлению ресурсов для технологического развития [6, с. 29].

Уставной капитал банка должен был составлять 2 млрд долларов США, при этом члены должны были совместно внести в структуру около 850 млн долларов США [7, с. 47]. По словам С. Хираля, президента

Банка на тот момент, банк является механизмом, с помощью которого народы стран-членов организации освобождаются от господства таких гегемонистских структур как МВФ и Всемирный Банк. К сентябрю 2012 г. в рамках стран-членов ALBA через банк было осуществлено более 2600 переводов в «сукре», что составило около 900 млн долларов. По некоторым оценкам, на момент членства Эквадора в организации, процент коммерческих сделок в «сукре» составлял не менее 50 % [4, р. 143]. При этом необходимо заметить, что по некоторым оценкам реальные дела обстоят не так радужно: в частности, собранная сумма составляет только 107 млн долларов США, таким образом ресурсы банка на деле достаточно ограниченные и целиком зависят от вливаний Венесуэлы [7, с. 47].

В 2012 г. в ходе XI саммита ALBA было решено создать единое экономическое пространство, ключевую роль в котором должны были играть Банк ALBA и «сукре». В данном проекте подчёркивалось, что это не классическая зона свободной торговли, а государство сохраняло за собой контроль над экономикой и право выстраивать отношения исходя из национального интереса. Таким образом, в договоре содержалось противоречие, поскольку его участники, по сути, сохраняли за собой право на формирование любых протекционистских ограничений. Экономическое пространство должно было начать своё функционирование спустя два года после подписания договора для решения основных торговых противоречий, однако до реального исполнения инициативы дело так и не дошло [7, с. 49].

Одним из важных направлений политики ALBA стало создание собственной телекомпании TeleSUR. Последняя была открыта 24 июля 2005 г. при прямом покровительстве У. Чавеса. Одной из причин создания организации стало желание дать «голос» Латинской Америке и ответить гегемонии CNN, NBC и Fox News на телерынке: в 1996 г. только 6 % аудио- и видеопродукции имели латиноамериканское происхождение, в то время как 86 % импортировались из США. Таким образом, TeleSUR стал первым телеканалом, полностью принадлежащим латиноамериканцам, а в консультативный совет вошли ряд известных деятелей региона, например, лауреат Нобелевской премии мира Адольфо Перес Эскивель, а также поэт и никарагуанский революционный деятель Эрнесто Карденал [6, с. 24].

Программы TeleSUR стремятся способствовать процессу культурной интеграции, затрагивают вопросы о ценностях, этике и идеалах, общих для Латинской Америки, играют роль в политике исторической памяти посредством художественного и документального кино [4, р. 144].

Таким образом, после прихода к власти боливариЙцев во главе с У. Чавесом и осуществления «боливарианской революции» в Венесуэле, реализация проектов С. Боливара по латиноамериканской интеграции

явилась важной частью политики государства. Результатом этой политики стало формирование ALBA как одного из основных механизмов боливарианцев по осуществлению своей цели. Помимо интеграционных вопросов, эта организация поставила своей целью решить вопросы бедности, социального неравенства и участия в формировании многополярного мира. Однако необходимо отметить, что политика Венесуэлы в отношении латиноамериканской интеграции в широком и ALBA в узком смысле слова характеризовалась достаточно сильной идеологизацией, что отпугивало многих потенциальных партнеров. Это не была политика, направленная на формирование зоны свободной торговли или политического союза, это скорее походило на формирование лиги стран с левой и леворадикальной политической направленностью, в котором Венесуэла играла главную роль. Такая идеологическая направленность рассматриваемой интеграционной структуры, в свою очередь, не только не позволила заметно расширить число стран-членов в том числе за счет ведущих государств региона, но и привела к выходу из неё некоторых стран (Эквадор, Никарагуа) сразу же после победы на выборах правых сил.

Библиографические ссылки

1. *Боливар С.* Ответ одного южноамериканца — кабальеро с этого острова / Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830. М.: Наука, 1983. С. 49–64.
2. *Дабагян Э. С.* Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения. 2012. № 1. С. 95–123.
3. *Донских С. С.* Панамериканизм: прошлое и настоящее // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: глазами молодых учёных. Ч. 2. М.: ИЛА РАН, 2016. С. 106–116.
4. *Gurcan Efe Can, Bakiner Onur.* Post-Neoliberal Regional Integration in Latin America: Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América (ALBA) // Gramsci and Foucault: A Reassessment. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2015. P. 131–154.
5. *Будаев А. В.* «Мягкая сила» Боливарианской Республики Венесуэла: мифы и реальность // Государственное управление. Электронный вестник. 2015, № 50. С. 89–118.
6. *Виноградова Е. А.* Наднациональность в политике интеграционного объединения АЛБА // Иberoамериканский мир глазами молодых ученых. Векторы развития региона в меняющейся мировой системе. М.: ИЛА РАН, 2013. С. 20–31.
7. *Бибнев А. А.* Эволюция боливарианского регионализма // Genesis: исторические исследования. № 4. 2018. С. 44–57.

УДК 378.4(437.6)

**ВКЛАД УЧЕНЫХ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В РАЗВИТИЕ СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
(1920-е – 1940-е гг.)**

В. Д. Шалькевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, viktoriasshalkevich@gmail.com*

Данная статья посвящена вкладу ученого из Восточной Европы, историка-слависта, Перфецкого Евгения Юлиановича в словацкую академическую науку, а также особенностям его академической карьеры. В статье приводятся научные достижения ученого, причины его выбора Словакии в качестве места для научной деятельности. Также анализируются факторы, способствующие или препятствующие успешной интеграции ученых в академическую среду Словакии. Раскрывается вклад восточноевропейских ученых-гуманитариев в развитие словацкой академической науки и сформулированы общие тенденции и особенности их деятельности в период после Второй мировой войны.

Ключевые слова: восточноевропейская историография в эмиграции; словацкая историография; интеракция науки.

**CONTRIBUTION OF SCIENTISTS FROM EASTERN EUROPE
TO THE DEVELOPMENT OF SLOVAK ACADEMIC SCIENCE
(1920s – 1940s)**

V. D. Shalkevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, viktoriasshalkevich@gmail.com*

This article is devoted to the contribution of a scientist from Eastern Europe, a historian-Slavist, Perfetsky Evgeny Yulianovich to Slovak academic science, as well as the peculiarities of his academic career. The article presents the scientific achievements of the scientist, the reasons for their choice of Slovakia as a place for scientific activity. The factors contributing to or hindering the successful integration of scientists into the academic environment of Slovakia are also analyzed. The contribution of Eastern European humanities scientists to the development of Slovak academic science is revealed and the general trends and features of their activities in the period after Second World War are formulated.

Keywords: Eastern European historiography in exile; Slovak historiography; interaction of science.

Для эмигрантов, вынужденных покинуть Восточную Европу после 1917 г., межвоенная Чехословацкая республика стала важным образовательным и научным центром. Президент Чехословакии Т. Г. Масарик сформулировал новое отношение своей страны к славянской проблеме. Он

отрицал панславизм как идеологическое обоснование политической жизни и в Чехословакии, резко осуждал теократию, монархизм и милитаризм, отвергал монархические, феодальные и клерикальные основы идеи славянской взаимности. В связи с этим идея утверждения в Чехословакии демократических основ общественного устройства была поддержана многими представителями русской эмиграции. Взгляды Масарика на необходимость создания нового демократического славянского мира, а также на историческое развитие России как европейской страны, имели значительное влияние на благосклонное отношение к эмигрантам из большевистской России, которую в Чехословакии не признавали [1, с. 7–8].

Так, беженцы, покинувшие Россию после окончания гражданской войны, стали прибывать на территорию Словакии, начиная с 1921 г. Первоначально Словакия, как составная часть межвоенной Чехословакии, выполняла для большинства беженцев роль транзитной территории, но часть изгнанников здесь задержалась: одни поступили на учебу, другие нашли работу и впоследствии остались на постоянное место жительства. Так в начале 1920-х гг. в Словакии сформировалось русское эмигрантское сообщество. По сравнению с Чехией и другими европейскими центрами русского зарубежья русская колония в Словакии, не была значительной, составляя от 2500 до 3000 человек.

Центрами русской эмиграции в Словакии стал ее новый политический центр — Братислава, и крупнейший восточнословацкий город Кошице. Здесь образовались наиболее представительные сообщества, возникли эмигрантские общества и союзы, была сосредоточена общественная и культурная деятельность русских эмигрантов в Словакии.

Таким образом, словацкая научная жизнь и сфера высшего образования в начале 1920-х гг. сосредоточивалась, прежде всего, вокруг Университета им. Яна Амоса Коменского в Братиславе. Молодой, основанный в 1919 г. университет, решая проблему кадрового обеспечения некоторых научных дисциплин, был готов открыть свои двери для иностранных специалистов. Прибывшие в Словакию российские ученые, прежде всего, связали свою жизнь именно с этим учебным заведением.

Первым в Словакию в 1921 г. приехал историк Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947). Он начал работать в качестве ассистента исторического семинара на философском факультете Братиславского университета. В 1922 г. он получил звание доцента российской истории, по специализации «история Подкарпатской Руси». В 1935 г. президент республики присвоил ему звание экстраординарного профессора. В течение всего периода его работы на философском факультете (вплоть до самой смерти в 1947 г.) он преподавал историю восточных славян, историю России и

историю Подкарпатской Руси. Последняя тема долгое время оставалась приоритетным направлением и в его научных исследованиях. Этой теме он посвятил ряд монографий и множество статей. Другой ведущей областью научных интересов Перфецкого во время его пребывания в Словакии была древнерусская история, прежде всего, в экономическом, философском и культурном аспектах. Кроме того, ученый принимал участие в работе научных обществ: Ученого общества им. П. Й. Шафарика в Братиславе, Чехословацкого общества по изучению вопроса о нацменьшинствах в Праге. Не забывал он и о популяризации истории России в Словакии, чему способствовало чтение многочисленных лекций по всей стране [2, с. 66].

При этом Перфецкий анализировал разные источники, в том числе и летописные своды, применяя сравнительно исторический метод, разработанный академиком А. А. Шахматовым. В 1922 г. в «Трудах философского факультета университета Коменского» Перфецкий опубликовал исследование «Русские летописные своды и их взаимоотношения», посвящённое сопоставлению различных памятников книжности Древней Руси, среди которых была и «Повесть временных лет». Спустя десять лет учёный сравнил русские летописи с двенадцатитомной «Историей Польши» Яна Длугоша, работу «*Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví*» издали на чешском языке. В областях историографии и истории литературы это был один из первых опытов компаративистики применительно к древним текстам. Работая над статьёй, учёный рассмотрел фрагменты «Повести временных лет», сообщающие о разделении земель, расселении племён, и другие сведения, помещённые в начале памятника. Известна и третья работа Перфецкого о летописании: «К вопросу времени возникновения Никоновского летописного свода» («*K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského*»), опубликованная в журнал «Bratislava». В ней автор поднимал вопрос о временной атрибуции источника Никоновского свода [3, с. 107 ЖИГАЛОВ].

Если рассматривать проблему «Истории Польши» Длугоша более подробно, то необходимо отметить следующие моменты. Перфецкий предпринял попытку реконструировать вариант «русской протолеписи» посредством сравнения «русских» известий, содержащихся в хронике Длугоша, «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, при этом называет его «Перемышльским» сводом. Результаты изысканий Перфецкого, определившего «Перемышльский» свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, были поставлены под сомнение М. Н. Тихомировым, который со своей стороны, высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по

времени возникновения в сравнении с вышеупомянутыми памятниками летописного источника, содержащего сведения о древнейшей истории Руси, который был доведен до смерти Владимира Святого [4, с. 36].

Кроме того, как уже упоминалось выше, Е. Ю. Перфецкого следует относить к прямым ученикам и последователям А. А. Шахматова в изучении летописей. Можно сказать, что значительная заслуга Перфецкого состояла в том, что он, применяя идеи и приемы своего учителя к изучению русского летописания XII и XIII вв. и идя по путям уже намеченным и построенным Шахматовым все-таки применил эти приемы к изучению тех летописных источников, которыми Шахматов детально не занимался.

Так, при изучении одной из своих центральных проблем, летописания после рассмотрения «Повести временных лет», Перфецкий взял более широкую тему и включил в орбиту своего внимания больший массив летописных текстов. Основная идея, на которой базируются дальнейшие разыскания Перфецкого, — возникновение в XII в. двух крупных летописных ветвей: южной (Ипатьевская, Хлебниковская и др.) и северной (Лаврентьевская, Радзивилловская, Троицкая, Летописец Переяславля-Суздальского и др.). Он выделяет также отдельную группу текстов, восходящих к древнейшему общерусскому своду — Владимирскому Полихрону и поэтому соединяющих в себе южный и северный материал. Он называет эту группу текстов «группой Полихрона». В нее Перфецким включалась Тверская, Львовская, Воскресенская, Никоновская, Новгородская IV, Софийская I летописи и летописный текст, использованный в хронике Яна Длугоша. По его мнению, протографы текстов «группы Полихрона» хотя и были созданы позднее протографа Лаврентьевской и сходных летописей, но сохранили более древние черты и восходили к более старшей редакции. Поэтому именно эти тексты широко использовались Перфецким для реконструкции летописания XII в. [5, с. 439–440].

Таким образом, можно сказать, что первые российские ученые и преподаватели высшей школы прибыли в Словакию в начале 1920-х гг. XX в. Молодое чехословацкое государство использовало их научный потенциал для кадрового пополнения формирующейся высшей школы. Проявила интерес к восточноевропейским ученым и словацкая сторона, так как речь шла о специалистах высокого класса, об ученых, признанных в кругах профессионалов. Поэтому их деятельность на разных факультетах словацких вузов повышала реноме этих учебных заведений.

При всем при этом не были разорваны связи с другими учеными-эмигрантами из России, проживавшими в Европе, поддерживались контакты с российским эмигрантским сообществом в Словакии. Так, Е. Ю. Перфецкий, который в июне 1928 г. обратился к российскому коллеге, специалисту

по летописанию Н. Ф. Лаврову, прося поддержки в публикации на родине одного из своих трудов, не упоминая о своем статусе эмигранта. Благожелательный отклик Лаврова вызвал не только самую горячую благодарность, но и приоткрыл далеко идущие планы Перфецкого, которые он связывал с этой публикацией. Однако, Лавров, не поддерживавший большевиков, конечно, не мог порекомендовать Перфецкому вернуться в СССР. Работа Перфецкого все-таки появилась в советской печати, но уже в трудах созданного в 1931 г. Института славяноведения [6]. К счастью для себя, Перфецкий на родину так и не вернулся, избежав тем самым перспективы отказаться привлеченным по «Делу славистов» [7, с. 219–220].

Большой научный опыт и оценка вклада, который внес историк в становление словацкой историографии Восточной Европы был признан академическим сообществом. С 1939 г. Перфецкий исполнял обязанности ординарного профессора в Братиславском университете, а с 1946 г. он был назначен деканом философского факультета и занимал эту должность вплоть до самой своей смерти в 1947 г.

Так, несмотря на то, что в Словакии оказалось лишь несколько крупных специалистов из числа восточноевропейских историков, занимавшихся историей античности и средневековья, личность Е. Ю. Перфецкого имеет особое значение. Своей педагогической и научно-исследовательской деятельностью Перфецкий сумел внести ценный вклад в становление высшего гуманитарного образования в Словакии и формирование отдельных общественно-научных дисциплин.

Библиографические ссылки

1. *Вандалковская М. Г.* Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 7–26.
2. *Гарбульова Л.* Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 64–73.
3. *Жигалов А. Ю.* Изучение «Повести временных лет» в Чехословакии в 1920–1930 гг. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2013. № 6. С. 106–109.
4. *Карнаухов Д. В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения: монография. Новосибирск: НГПУ, 2010. 291 с.
5. *Вовина-Лебедева В. Г.* Е. Ю. Перфецкий — исследователь летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. С. 436–455.
6. *Перфецкий Е. Ю.* Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Ленинград: Издательство АН СССР, 1932. С. 207–239.
7. *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). Москва: Индрик, 2004. 432 с.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ, КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

УДК [94+343.337.5]

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ИСТОРИИ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Т. В. Бычкова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, sainttanya25@gmail.com*

Национальный архив Республики Беларусь обладает обширным информационным ресурсом по истории геноцида в годы Великой Отечественной войны. Наиболее значимые из них документы и материалы представлены для широкого ознакомления в разнообразных публикациях, сайтах, базах данных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Национальный архив Республики Беларусь; Геноцид белорусского народа.

INFORMATION RESOURCES OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON THE HISTORY OF THE GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945

T. V. Bychkova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, sainttanya25@gmail.com*

The National Archives of the Republic of Belarus has an extensive information resource on the history of genocide during the Great Patriotic War. The most significant of these documents and materials are presented for wide review in various publications, websites, and databases.

Keywords: The Great Patriotic War; National Archives of the Republic of Belarus; Genocide of the Belarusian people.

За свою многовековую историю на долю белорусского народа пришлось немало трагических моментов. Великая Отечественная война не была исключением. Каждый третий житель Беларуси стал жертвой нацистского оккупационного режима, а каждый четвертый принимал участие в борьбе за ее освобождение. Напоминанием этому служат около 10 тысяч

мемориалов, памятников, памятных знаков. Историками представлено около 10 тыс. книг, документальных сборников, статей о борьбе партизан и солдат Красной Армии. На сайте архивной службы Беларуси «Архивы Беларуси» на основе Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) представлены архивные документы и материалы о войне. Так, в рубрике «Оккупационный режим в Беларуси» имеются разделы: репрессивные действия оккупантов в населенных пунктах Беларуси; гражданское население и военнопленные в местах принудительного содержания, расположенных на территории Беларуси. В рубрике «Память о войне в Беларуси — разделы: захоронения погибших и мемориальные сооружения, посвященные сохранению памяти о жертвах и увековечиванию подвига участников Великой Отечественной войны; торжества и повседневная деятельность, связанные с событиями Великой Отечественной войны; литература и искусство Беларуси о Великой Отечественной войне [1].

Так же оригинальные информационные проекты, электронные базы данных, справочный материал по различным тематикам нацистской политики геноцида представлены НАРБ [2]. База данных «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны» насчитывает 9258 деревень (на 03.11.2024). Она включает географический указатель, построенный по алфавитному принципу и основанный на документах Национального архива, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, областных и зональных государственных архивов Беларуси, архивов России [3]. Еще одна база данных «Германская неволя» (1995) на основе автоматизированного поиска 68 985 записей обеспечивает учет и поиск угнанных лиц на принудительные работы [4].

Значимым информационным ресурсом НАРБ являются документальные сборники, оригинальные статьи сотрудников архива [5]. Примерами являются издания о карательных операциях «Майский жук», «Нордзее», «Карлсбад», «Фрида», «Хорнунг», «Якоб», «Волшебная флейта», «Котбус», «Гюнтер», «Герман» и других. Например, первая из них — «Припятские болота», была осуществлена по приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлер в зоне белорусского Полесья с 28 июля 1941 г. В итоге, согласно сведениям командования 1-й кавалерийской бригады СС, на 13 августа 1941 г. было убито 13 788 советских граждан. Или же в карательной операции «Зимнее волшебство» Россонско-Освейской партизанской зоны с 14 февраля по 30 марта 1943 г. уничтожено 3500 мирных жителей, 2000 человек угнано на принудительные работы в Германию, более 1000 детей отправлены в Саласпилский лагерь смерти. Для умиротворения населения сожжено 158 деревень, из них 45 не возродились [6].

Электронные издания НАРБ с 1963 г. полностью или частично освещают преступления немецко-фашистских оккупантов в Беларуси. Среди них серии: «Белорусские оstarбайтеры», «Заложники вермахта», «Хатынь: трагедия и память», «Трагедия белорусских деревень, 1941–1944», «Свидетельствуют палачи», «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны», «Холокост в Беларуси: трагедия и память», «Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944», «Памятники Великой Отечественной войны в Беларуси, 1942–1991 гг.» [7; 8; 9; 10; 11].

Таким образом работа историков-архивистов НАРБ отвечает основным положениям Конституции Республики Беларусь, где статья 15 отмечает, что «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», а статья 54 уточняет — сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь [12, с. 18]. Так же информационные ресурсы НАРБ в полной мере соответствуют Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 гг. (26.02.2021) и, в частности, концептуальным положениям Закона Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» (05.01. 2022) [13].

В результате совместной деятельности историков и архивистов общественности представлены обновленные данные о нацистской политике геноцида: существовании не менее 578 мест принудительного содержания населения на территории Беларуси (лагеря смерти), не менее 187 карательных операций. Установлено, что на территории Беларуси не менее 12 348 населенных пунктов были полностью либо частично сожжены, в том числе не менее 288 из них, разделивших участь Хатыни [14].

Подводя итоги, можно отметить, что Национальный архив Республики Беларусь проводит колоссальную работу с историческими документами о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Работа заключается не только в сохранении исторической памяти и исследовании первоисточников, но, и в проведении тематических выставок, конференций и диалоговых площадок. Также помощь оказывается людям, которые хотят узнать какую-либо информацию о своих предках, эти данные можно найти в базах Национального архива.

Библиографические ссылки

1. Архивные документы и материалы о войне [Электронный ресурс]. URL: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/>

istoricheskie-sobytiya/velikaya-otechestvennaya-vojna-belarus/arhivnye-dokumenty-i-materialy-o-vojne (дата обращения: 12.10.2024).

2. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945): Справочник / Об-ние Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора, Ин-т им. Людвиг Больцмана по исследованию последствий войн, Ком. по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, Белорусский НИИ документоведения и архивного дела, Нац. архив Республики Беларусь. Дрезден; Минск; Грян: [Б. и.], 2003. 592 с.

3. Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://db.narb.by> (дата обращения: 12.10.2024)

4. БД «Германская неволя» [Электронный ресурс]. URL: <https://narb.by/ru/об-архиве/научно-справочный-аппарат/тематические-базы-данных> (дата обращения: 12.10.2024).

5. Сборники документов и материалов [Электронный ресурс]. URL: <https://narb.by/ru/публикации/издания-Национального-архива-Республики-Беларусь/1-сборники-документов-и-материалов> (дата обращения: 12.10.2024).

6. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 512 с.

7. Сожженные деревни Белоруссии. 1941–1944: док. и материалы / Рос.-белорус. ассоц. историков «Союз. инициатива памяти и согласия», Нац. арх. Респ. Беларусь, Фонд «Ист. память» ; сост.: Е. М. Гриневич, Н. А. Денисова, Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев. М. Фонд «Ист. память», 2017. 512 с.;

8. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси, 1941–1944. Минск: НАРБ, 2001. 158 с.

9. Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. В 2 кн.: Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1942) / сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 1996. 304 с.

10. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. [Витебская, Гродненская, Могилевская, Гомельская область], Минск: НАРБ, 2020–2022.

11. Холокост в Беларуси : трагедия и память: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (руководитель). редкол : А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. 1039 с.

12. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 1996, 2004, 2022. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 60 с.

13. Закон Республики Беларусь 5 января 2022 «О геноциде белорусского народа» [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12200146&q_id=854893 (дата обращения: 12.10.2024).

14. Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Расследование уголовного дела о геноциде. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside> (дата обращения: 12.10.2024).

УДК 94(476)"1944"

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» И ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ

А. И. Волкова

*ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация,
г. Курск, ул. Радищева, 33, 305000, anettvolkova@yandex.ru*

В статье проводится анализ публикаций о событиях Белорусской стратегической наступательной операции Красной Армии с кодовым наименованием «Багратион» в ведущих средствах массовой информации нескольких западноевропейских государств. Дается сравнительный анализ информационных материалов о событиях операции «Багратион» на Восточном фронте и операции «Overlord» по открытию Второго фронта.

Приводятся оценки событий представителями западных СМИ, формы, методы и средства фальсификации истории, роли операций в ходе Второй мировой войны, а также попытки исказить суть событий и итоги двух операций в рамках задачи по формированию и реализации в информационно-коммуникативном пространстве стратегии дискредитации как главного инструмента информационной войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; операция «Багратион»; операция «Overlord»; информационная война; периодическая печать; СМИ; «Der Spiegel»; «The Guardian»; «Weekendavisen»; «Aargauer Zeitung».

OPERATION “BAGRATION” AND THE LIBERATION OF BELARUS IN THE COVERAGE OF MODERN FOREIGN MEDIA

A. I. Volkova

*Kursk State University, Radishcheva St., Kursk, Russian Federation, 305000,
anettvolkova@yandex.ru*

The article analyzes publications about the events of the Belarusian strategic offensive operation of the Red Army with the code name “Bagration” in the leading media of several Western European states. A comparative analysis of information materials about the events of Operation Bagration on the Eastern Front and Operation Overlord on the opening of a second front is given.

Assessments of events by representatives of the Western media, forms, methods and means of falsifying history, the role of operations during the Second World War, as well as attempts to distort the essence of events and the results of two operations as part of the task of forming and implementing a discredit strategy as the main tool in the information and communication space are given. information war.

Keywords: World War II; Operation Bagration; Operation Overlord; information war; periodicals; media; “Der Spiegel”; “The Guardian”; “Weekendavisen”; “Aargauer Zeitung”.

Летом 1944 г. после успеха под Курском Красная армия нанесла сокрушительное поражение гитлеровцам, ставшее прелюдией к окончательному разгрому врага.

Белорусская стратегическая наступательная операция Красной Армии с кодовым наименованием «Багратион», проходившая в период с 23 июня по 29 августа 1944 г. и ставшая примером военного искусства, была главным событием на советско-германском фронте в 1944 г. Наши войска освободили Белоруссию, большую часть Литвы, восточные районы Польши. Красная Армия нанесла удар, вектор которого был направлен к центру германского нацизма — Берлину. В моральном плане операция «Багратион» стала возмездием за поражения наших войск в Белоруссии летом 1941 г. В год 80-летнего юбилея операции «Багратион» нам представляется актуальным обратиться к зарубежным периодическим изданиям и проанализировать, каким образом освещаются данные события на страницах современных западных изданий (и освещаются ли вообще).

В рамках своего исследования нами были просмотрены и проанализированы СМИ (прежде всего газеты и журналы) нескольких западноевропейских государств. Важным условием являлось наличие не только печатной версии издания, но и интернет-ресурса. Рассмотрим, как представлена роль Советского Союза в разгроме нацизма в ведущих СМИ, каков характер публикаций и оценочных суждений о событиях Второй мировой войны в прессе XXI в. и, конечно, каким образом освещаются события 1944 г. Покажем разнообразие подходов к освещению Второй мировой войны в соответствии с изменением факторов мировой политики. В рамках настоящего исследования рассмотрим тематику публикаций не в рамках проблемного подхода, а отдельно каждое выбранное нами периодическое издание.

Еще в июне 2014 г. «The Guardian» (Великобритания) опубликовало статью «Советский день „Д“, о котором Запад не помнит» со следующим подзаголовком: «Именно наступление Красной армии в Белоруссии летом 1944 года — еще один день „Д“, о котором Запад часто забывает — помогло завершить войну и внесло изменения в карту Европы» [1]. Автор статьи Дэвид Рейнольдз отмечает: «В июне 1944 года было два дня „Д“. Высадка союзных войск в Нормандии 6 июня, операция „Оверлорд“, годовщину которой так трогательно отмечали две недели назад, стала частью британской национальной памяти. О другом дне „Д“ ни в Европе, ни в США практически ничего неизвестно. Между тем, он сыграл не менее значительную роль в окончании Второй мировой войны. Кроме того, он ознаменовал собой зарождение Европы эпохи холодной войны» [1]. Далее автор дает краткое описание операции «Багратион», объясняя в том числе ее название, и таким образом знакомит западного читателя с неизвестным «днем „Д“». Интересно, что при оценке операции «Багратион» Д. Рейнольдз делает следующие выводы: «За пять недель Красной армии удалось продвигаться на 720 километров, пройдя через Минск, добравшись до Варшавы

и совершенно измотав гитлеровскую группу армий „Центр“. Почти 20 немецких дивизий были полностью уничтожены, и еще 50 понесли тяжелые потери. Для немецкой армии это наступление стало еще большей катастрофой, чем Сталинград» [1]. Пойдем вслед за автором и проследим по публикации, что в это время происходило на Западном фронте: «Этот оглушительный успех советской армии произошел в тот момент, когда союзные войска, участвовавшие в операции „Оверлорд“, еще находились в Нормандии. Только в конце июля, когда операция „Багратион“ уже исчерпала себя, армии Эйзенхауэра вырвались из окружения и двинулись через Францию к Парижу, который был освобожден 25 августа, и Брюсселю, который освободили 3 сентября. „Оверлорд“ и „Багратион“ нанесли мощный двойной удар, который уничтожил „Тысячелетний рейх“» [1].

О забвении Белорусской операции Красной Армии 1944 г. говорит и публикация датского издания «Weekendavisen» от июля 2019 г. [2]. В статье «„День Д“ на Восточном фронте» датский историк, магистр общественных наук, специалист по русскому языку Петер Хармсен отмечает: «Мы часто забываем, что немцев во Второй мировой войне разбил Советский Союз. 75-я годовщина вторжения в Нормандию отмечается со всей помпой, а наступление, случившееся почти тогда же, но на Восточном фронте — к тому же гораздо более масштабное — игнорируется» [2].

Как и Д. Рейнольдз, П. Хармсен в своей статье дает исторический обзор, знакомя читателей с событиями 1944 г. Описывая непосредственно операцию «Багратион», автор приводит воспоминания советского солдата — участника событий. Подводя итоги, автор отмечает: «В операции „Багратион“ участвовали 2,5 миллиона советских солдат. Для сравнения, через неделю после вторжения 6 июня в Нормандии сосредоточились всего 326 тысяч солдат союзников. Немецких же солдат в Белоруссии было втрое больше, чем на севере Франции. Потери на Восточном фронте тоже были огромны. По некоторым оценкам, к тому моменту, как операция „Багратион“ закончилась и советские войска вступили в Восточную Польшу, РККА потеряла до 750 тысяч солдат убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Высадка в Нормандии обошлась союзникам в 200 тысяч раненых и убитых. Одна лишь статистика дает понять, какая из битв объективно крупнее. Но если верить западным СМИ, все было с точностью до наоборот: во всяком случае, 75-я годовщина „Дня Д“ в Нормандии широко отмечалась по всем правилам. Хвалу последним ветеранам воздали по праву — но насколько разителен контраст с оглушительной тишиной вокруг операции „Багратион“! И так случается во всякую годовщину судьбоносных событий июля 1944: о Нормандии — всё, о Белоруссии — ничего» [2]. Как историк Петер Хармсен пытается разобраться в причинах

подобного отношения к историческим событиям и в первую очередь приводит мнение военного историка из Университета Нового Южного Уэльса в Канберре и признанного на Западе автора книг о Второй мировой войне Дэвида Стейхела: «это предвзятое отношение во многом сложилось благодаря естественному интересу Запада к собственному участию во Второй мировой» [2]. «Люди, как правило, не знают, что под командованием Роммеля в 1941 и 1942 гг. ни разу не было более трех дивизий — а это максимум 50 тысяч человек. На Восточном же фронте против СССР Германия развернула 150 дивизий — то есть 3 миллиона. Это ошеломительные цифры, и нетрудно понять, почему русские считают, что их вклад в победу недооценен или даже откровенно искажается», — считает Д. Стейхел [2]. Далее в качестве одной из причин, почему роль СССР на Западе преуменьшается, называется холодная война. Весьма любопытной причиной указывается коммерческая политика издательств: «Крупные издательства поощряют авторов писать на темы, рассчитанные на западную аудиторию. Люди читают книжки о том, что им уже известно. О „Дне Д“ слышали все, а битва за Смоленск 1941 г. широкой публике неизвестна просто потому, что не продается» [2].

В том же 2019 г. в швейцарском издании «Aargauer Zeitung» вышла статья «Российский аналог Нормандии» [3]. Автор публикации историк и публицист Рольф Таннер, как и его коллеги из вышеуказанных изданий, отмечает: «Мероприятия по случаю 75-й годовщины высадки союзников в Нормандии прошли помпезно. Почтенные ветераны войны под аплодисменты выстроились на сцене, двое из них, как в 1944 г., даже вновь десантировались с парашютом. Французский президент Эммануэль Макрон по-английски произнес слова благодарности за освобождение родины, его американский коллега Дональд Трамп зачитал молитву Франклина Рузвельта. <...> Празднования по случаю высадки союзников в Нормандии стали неотъемлемой частью международной культуры памяти» [3]. Далее Р. Таннер дает описание операции «Оверлорд», называя ее «в общем-то, впечатляющей» [3].

Данная статья отличается от предыдущих структурой подачи материала. В первой части своей публикации автор задает вопрос: «Более значима, чем высадка?» и отвечает на него: «Из-за всех празднований в Европе забывают, что практически одновременно с операцией в Нормандии началось наступление СССР, которое в результате имело, пожалуй, еще большее значение для поражения немцев, чем высадка союзников» [3]. Далее как Р. Таннер дает не только краткое описание операции «Багратион», но и сложившейся обстановки к лету 1944 г., уделяя внимание значению Сталинградской и Курской битв. Подводя итоги операции «Багратион», автор

отмечает: «В конце июля Красная Армия дошла до расположенных к востоку от Вислы пригородов Варшавы и заняла позиции глубоко в Польше. В некоторых случаях советские танковые колонны проходили за пять дней до 500 км. Потери немцев были огромны. За 14 дней вермахт потерял 350 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Операция „Багратион“ стала первым наступлением, в ходе которого Советский Союз взял такое большое количество пленных: согласно оценкам, их было 250 тысяч, в том числе 22 генерала. <...> По улицам Москвы [провели] под охраной 50 тысяч военнопленных солдат. Процессия продолжалась три часа в разгар августовской жары. Миру нужно было показать: Германия сломлена, победа близка» [3].

В данной публикации интересен раздел «Американизация войны», где автор прямо указывает на смещение акцентов и тенденции на переписывание хода и итогов войны. Р. Таннер отмечает: «Праздничные мероприятия по случаю операции „Оверлорд“ контрастируют с молчанием вокруг „Багратиона“. <...> Празднования годовщины высадки союзников в Нормандии закрепляют картину, которая становится все более „американской“ и сокращает войну до нескольких событий, театров военных действий и участников. Такие фильмы, как „Спасти рядового Райана“, и компьютерные игры серии Call of Duty лишь усиливают это впечатление. <...> Речь не о том, чтобы причислять отдельным странам или отдельным театрам военных действий доли в победе над Гитлером в ходе войны. Разгром гитлеровской Германии стал возможен благодаря комбинации разных факторов. Но картина Второй мировой войны все больше деформируется под воздействием медийных продуктов и лишь ограниченно связана с историческими фактами. Если памятные мероприятия должны играть роль предостережений, чтобы люди делали определенные выводы из истории, то понимание полного контекста событий важнее всего» [3].

Мы видим, что все вышеуказанные статьи были опубликованы к юбилейным датам (к 70 и 75-летию юбилею указанных событий). В целом, характер публикаций положительный, авторы подчеркивают историческое значение операции «Багратион». Дается оценка праздничным мероприятиям, посвященным операции «Оверлорд» в сравнении с памятью об операции «Багратион». Сами авторы, большинство из которых профессиональные историки, делают выводы о смещении акцентов в западной политической культуре и СМИ о забвении событий, происходящих на Восточном фронте. Однако с точки зрения средств массовой информации проанализированные нами публикации являются архивными и устаревшими.

Каким образом освещают западные СМИ 80-летнюю годовщину Белорусской стратегической наступательной операции Красной Армии с кодовым наименованием «Багратион»? В просмотренных органах СМИ

нами были обнаружены публикации, посвященные операции «Оверлорд», о событиях на Восточном фронте западная пресса промолчала. Так, авторитетный журнал ФРГ «Der Spiegel» отметился двумя публикациями. 6 июня 2024 г. в день высадки на пляжи Нормандии воздушного десанта вышла статья «День Д должен быть частью немецкой ДНК», в заголовке которой автор Феликс Бор подчеркивает: «Празднование освобождения Европы союзными войсками важнее, чем когда-либо. Для Олафа Шольца и его европейских коллег этот день должен стать стимулом для более активной борьбы за демократические ценности» [4].

Еще один информационный материал представлен на интернет-портале журнала в виде видео-интервью Джона Робертса — 100-летнего свидетеля операции «Оверлорд» [5]. Данная форма подачи материала подтверждает тенденцию последних лет на публикацию интервью непосредственных участников военных действий или детей войны, рассказывающих об исторических событиях и трудной жизни немцев в период войны. О современных оценках и фальсификации истории Второй мировой войны говорит заголовок «Со дня „Д“ началось освобождение Западной Европы» и аннотация к интервью: «Только на рассвете экипаж узнал цель своего назначения: будучи британским морским пехотинцем, Джон Робертс стал свидетелем высадки союзников в оккупированной нацистами Нормандии. Один из последних очевидцев ужасов битвы на пляжах» [5].

Любопытной является статья «Все, что видите!» о документальной съемке событий операции «Оверлорд» с точки зрения западного кинематографа [6]. Аннотация гласит: «6 июня 1944 г. союзники высадились в Нормандии, что стало началом конца гитлеровского режима в Европе. В то время голливудский звездный режиссер Джон Форд снимал „Вторжение“. Теперь его кадры впервые можно увидеть исключительно в цвете» [6]. В статье говорится: «В Голливуде 50-летний Джон Форд уже стал легендой, когда 10 апреля 1944 г. он выполняет специальное задание. В течение многих лет он работал на американское разведывательное управление УСС, снимая отмеченные наградами документальные фильмы о Перл-Харборе, войне на Тихом океане и в Северной Африке. Теперь он предназначен для документирования крупнейшего в истории десантного предприятия: вторжения Антигитлеровской коалиции в Нормандию» [6]. Публикация сопровождается множеством фотографий и документальных кадров, что также способствует формированию определенного мнения и восприятия данных событий читателями.

Подобных разноплановых публикаций на страницах «Der Spiegel» за разные годы к юбилейным датам много, однако к юбилею операции «Багратион» за 2024 г. (на 7 июня — А. В.) нет ни одной публикации.

Таким образом, проанализировав ведущие, популярные западноевропейские периодические издания, мы можем отметить, что даже быстрый просмотр основных газет и журналов позволяет отметить:

Во-первых, по мере того, как события Второй мировой войны отдаляются во времени от читателей, материалов в прессе становится всё меньше.

Во-вторых, основная часть появляющихся публикаций приурочена к определенным датам, юбилейным событиям. Причем, если юбилейные даты связаны с событиями Западного фронта, количество публикаций в прессе резко возрастает. События Восточного фронта и роль Красной армии игнорируются, хотя еще к прошлым юбилейным датам освещались в прессе. Это явно прослеживается на примере сравнения публикационной активности в отношении операций «Багратион» и «Оверлорд».

В-третьих, отмечается явный пересмотр событий Второй мировой войны и роли Советского Союза в победе над фашизмом на фоне роста негативных оценок роли СССР в событиях 1939–1945 гг. Чем ближе к нам по времени находится публикация, тем более характер материалов приобретает явные признаки информационной войны. Большая часть публикаций находится в контексте формирования и реализации в информационно-коммуникативном пространстве стратегии дискредитации как главного инструмента информационной войны.

Библиографические ссылки

1. The other D-day – and the onset of Cold War [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/books/2014/jun/21/we-must-not-forget-the-other-d-day?CMP=fb_gu; ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20140623/221189427.html> (дата обращения: 02.05.2024).

2. «День Д» на Восточном фронте [D-dag på Østfronten] [Электронный ресурс] // Weekendavisen. URL: <https://www.weekendavisen.dk/2019-25/ideer/d-dag-paa-oestfronten>; ИноСМИ [Электронный ресурс] <https://inosmi.ru/20190710/245442447.html> (дата обращения: 02.05.2024).

3. Das russische Pendant zur Normandie [Электронный ресурс] // Aargauer Zeitung. URL: <https://www.aargauerzeitung.ch/leben/das-russische-pendant-zur-normandie-ld.1369812>; ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20190618/245293349.html> (дата обращения: 05.05.2024).

4. Der D-Day muss Teil der deutschen DNA sein [Электронный ресурс] // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/landung-der-alliierten-in-der-normandie-am-6-juni-1944-warum-der-d-day-teil-der-deutschen-dna-sein-muss-a-245ebbed-2b96-4d91-9b1b-05837ecb904f> (дата обращения: 07.06.2024).

5. Mit dem D-Day begann die Befreiung Westeuropas – John Roberts war dabei [Электронный ресурс] // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/d-day-zeitzeuge-john-roberts-berichtet-von-der-landung-der-alliierten-in-der-normandie-a-91e2d6c3-a7f6-40fe-a5b6-a28913bebbc4> (дата обращения: 07.06.2024).

6. Dreht einfach alles, was ihr seht! [Электронный ресурс] // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/filmaufnahmen-des-d-day-in-farbe-dreht-einfach-alles-was-ihr-seht-a-b8db134f-edb0-47ad-9cfb-44635b1efce7> (дата обращения: 01.06.2024).

**«НЕУДОБНОЕ ПРОШЛОЕ»
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ОТДЕЛЬНЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН**

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, misha_dauhiala@yandex.by*

В статье проанализированы изменения, которые произошли в исторической политике отдельных славянских стран (Польша, Чехия, Болгария, Хорватия) в отношении памяти о Второй мировой войне и Великой Победе советского народа. Рассмотренная интерпретация генезиса войны проводит знак равенства между нацистской Германией и Советским Союзом и отрицает право советского народа считать себя «освободителем Европы», поскольку рассматривает послевоенную советскую политику в Центральной Европе как оккупационные действия. Одной из форм такого проявления в западно- и южнославянских странах является трансформация мемориальной политики, представляющая собой в разрушении и осквернении памятников погибшим советским солдатам на их территории.

Ключевые слова: Вторая мировая война; историческая политика; ревизия истории; мемориальный канон; Россия; славянские страны.

**THE “UNCOMFORTABLE PAST” OF THE WORLD WAR II
IN THE HISTORICAL POLICIES
OF SOME EASTERN EUROPEAN COUNTRIES**

M. S. Dauhiala

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, misha_dauhiala@yandex.by*

The article analyses the changes that have taken place in the historical policies of the selected Slavic countries about the World War II and the Great Victory of the Soviet people. The considered interpretation of the genesis of the war draws an equal sign between Nazi Germany and the Soviet Union and denies the right of the Soviet people to consider themselves the “liberator of Europe”, as it considers the post-war policy of the Soviet Union in Eastern Europe as an occupation action. One of the forms of this manifestation in the considered Slavic countries is the transformation of memorial policy, which is represented by the destruction and desecration of monuments to fallen Soviet soldiers on their territory.

Keywords: World War II; historical policy; revision of history; memorial canon; Russia; Slavic countries.

Несмотря на то, что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже более 79 лет, научный и политический интерес к событиям данного периода не ослабевает. Всемирный масштаб трагедии является в данном случае определяющим фактором.

Так, принижение роли СССР в победе над нацизмом, попытки постановки знака равенства между Сталиным и Гитлером, ряд фальсификаций по частным вопросам, имеющие место в отдельных восточноевропейских странах — все это целенаправленный процесс, имеющий четкую антироссийскую (ранее — антисоветскую) направленность. Мы же остановимся на мемориальной политике конкретных государств Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Возникают мемориальные конфликты внутри страны, порожденные трансформацией политики памяти. В роли акторов мемориальной политики выступают не только государства, но также политические партии, общественные организации, представители академического и экспертного сообщества и иные частные лица, обладающие высокой мотивацией к участию в противостоянии.

В 2009 г. усилиями законодателей из Центральной Европы были приняты два международных документа, содержание которых не могло не вызвать резкого недовольства в России. Имеются в виду резолюция Европарламента «О европейском сознании и тоталитаризме» и резолюция Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе под названием «Объединение разделенной Европы: укрепление прав человека и гражданских свобод в регионе ответственности ОБСЕ в XXI веке». Обе резолюции осудили нацизм и сталинизм, обвинив оба тоталитарных режима, по мнению авторов, в равной степени несущих ответственность за развязывание Второй мировой войны, в преступлениях против человечности. Российские законодатели назвали резолюцию ОБСЕ «оскорбительным антироссийским выпадом» и «насилием над историей» [1]. А с принятием Европарламентом в сентябре 2019 г. накануне 75-летия Победы и завершения Второй мировой войны, резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [2] можно говорить о завершении радикального реформирования пространства памяти о войне и Победе. Новая концепция предполагает, что теперь в пространстве памяти на роль культурных героев (точнее — анти-героев) выдвигаются два тоталитаризма — германский и советский — со своими диктаторами. В роли настоящих культурных героев выступают теперь США, Великобритания и Франция. Резолюция служит теперь основанием для снятия своей ответственности за войну и ее жертвы, оправдывает любые фальсификации и умолчания в школьных учебниках.

Впервые Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась массовой дискредитации после распада СССР. Если в научных и интеллектуальных кругах ранее в основном доминировало стремление объективно оценить ситуацию, то среди политиков

преобладает геополитический аспект. Они менее всего сегодня заинтересованы в поисках истины, взгляда на итоги войны и проблему их пересмотра, но при этом стремятся достигать свои, разнообразных целей.

Вместе с тем Красная армия освободила почти 50 % территории, полностью или частично 11 стран Европы с населением 113 млн человек, а в освобождении еще 6 стран участвовала вместе с союзниками в 1944–1945 гг. [3, с. 103]. Для многих славянских народов Вторая мировая война стала самым трагическим событием за всю их историю. Само физическое существование отдельных европейских народов в это время было поставлено под вопрос.

Свыше года около 7 млн советских воинов сражались за пределами Советского Союза. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашизма. И подвиг их нельзя поставить под сомнение. За освобождение Польши отдали свою жизнь 600 тыс. воинов, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — 140 тыс., Румынии — 69 тыс., Болгарии — около 1 тыс., на территории Германии погибли 102 тыс. воинов Красной армии [4, с. 313]. Однако историческую память народов Европы об этом подвиге Красной армии все более успешно замещают различными мифами о своей армии, своих битвах, своих героях, в том числе посредством «объявления войны» советским памятникам.

В постсоциалистических странах ЦЮВЕ освободительный поход Красной армии 1944–1945 гг. и последующие десятилетия все чаще трактуются как «советская оккупация». Началось не просто забвение и вытеснение памяти о советском солдате-освободителе, а осквернение этой памяти. В официальной исторической пропаганде доминирующим становится формирование негативного образа советского солдата, как «насилъника и оккупанта».

В настоящее время заказчиками нового мемориального канона является государство. Как отмечает исследователь М. В. Кирчанов: «Институты памяти в Польше, Чехии, Словакии созданы властями, а их активность интегрирована в деятельность национальных академий наук и специализированных исторических институтов. Исключение — Болгария, где аналогичный институт является негосударственной структурой, что и определяет источники его внешнего финансирования» [5, с. 60].

Так, Польша представляет собой пример резкой смены мемориального курса после распада мировой социалистической системы, что произошло, в основном, из-за позиции ее политической элиты и не было вызвано отсутствием альтернативных путей развития. Однако некоторые польские политики и пропагандисты полагают, будто при захвате их земель немцами наладился было социально приемлемый политический и

экономический режим для местного населения. Вместе с тем историки считают, что за время войны изгнанию из родных мест в Польше были подвергнуты до 2,5 млн поляков. Генерал-губернатор Г. Франк, вступая в должность, заявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство» [6, с. 286–287].

В 1999 г. в Польше был принят закон о создании Института национальной памяти (ИНП). Он возник на базе существовавшей уже несколько десятилетий Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, которая ранее занималась выявлением преступлений времен Второй мировой войны. Ареной борьбы за историческую память стал польский парламент, принявший с 1989 по 2010 г. более 200 «исторических документов разного рода, прежде связанных с историческими датами». Вторая мировая война многими польскими историками рассматривается как столкновение двух тоталитарных систем. «Для западной Европы, — пишет, например, Г. Гавин, — память о Второй мировой войне проста: демократии с Запада и Востока объединились для того, чтобы победить фашизм. С нашей точки зрения, демократии объединились с одним тоталитаризмом, чтобы победить другой. А заплатили за это мы» [7, с. 27].

Польша с 2017 г. осуществляет снос памятников, которые, по мнению властей в Варшаве, «посвящены лицам, организациям, событиям и датам, символизирующим коммунизм или другой тоталитарный строй». В 1997 г. в стране насчитывался 561 памятник советским воинам-освободителям. По данным проверки, проведенной российскими дипломатами с середины 2020 г. до начала 2021 г., на прежних местах в изначальном виде оставались лишь 112 монументов. По инициативе ИНП власти в октябре 2023 г. снесли памятник Красной армии в местности Любница Великопольского воеводства, который был установлен в честь красноармейцев, воевавших за эту землю в 1944–1945 гг. В 2018 г. с этого обелиска убрали Красную звезду [8, с. 108].

В 2019 г. польские власти отказались пригласить Россию на мероприятия, связанные с 80-й годовщиной начала Второй мировой войны. Со стороны Польши было высказано «обоснование», что Россия не входит в ЕС, НАТО и «Восточное партнерство», и потому ее приглашать нецелесообразно. Россия не была приглашена на торжество по случаю 75-й годовщины высадки союзников в Нормандии. В целом следует отметить, что многие действия западного мира сопряжены со стратегией забвения ведущей роли СССР в победе над фашизмом.

Борьба с памятниками происходила и в Югославии. Она началась сразу после советско-югославского раскола 1948–1949 гг., завершившегося разрывом двусторонних отношений [9, с. 164, 174]. В Федеративной Народной Республике Югославия (ФНРЮ) участие СССР в освобождении ее территории стали замалчивать. При освобождении Югославии погибло около 8 тыс. советских солдат и офицеров, из них в боях за Белград пали смертью храбрых 4350 воинов Красной армии. В 1951 г. был показательно снесен памятник советским бойцам, павшим при освобождении Белграда, установленный в ноябре 1944 г. на центральной площади столицы. Также были убраны 18 больших и 84 малых памятника воинам Красной армии, что создавались в первые послевоенные годы в разных частях города. Останки советских воинов власти решили перезахоронить в специальном комплексе, который был построен в 1954 г. 20 октября в день 10-й годовщины освобождения югославской столицы [10].

За годы, прошедшие с распада СФРЮ, свыше 500 улиц в Сербии меняли свои названия, однако (и это необходимо подчеркнуть) кампания по переименованию носила антикоммунистический, но не антироссийский характер. В Сербии есть девять больших комплексов, посвященных советским воинам. Наиболее крупным из них является мемориальный комплекс освободителям Белграда. Там покоятся остатки 818 солдат Красной армии и 1395 югославских партизан. В декабре 2020 г. в Парке освободителей был зажжен первый в Сербии Вечный огонь. Помимо кладбища в Белграде остались восемь больших мемориальных комплексов, посвященных советским воинам [11]. Отметим, что в 2005 г. ни сербский премьер В. Коштуница, ни президент Сербии Б. Тадич не изъявили желания приехать в Москву на 60-летие Дня Победы. Последующие 10 лет коммеморативные мероприятия, связанные с мировыми и местными датами Второй мировой войны, были сведены к минимуму [12, с. 148]. День освобождения Белграда перестал быть государственным праздником, 60-летие этого события в 2004 г. официально не отмечалось.

В 2009 г. по случаю 65-летия освобождения Белграда муниципалитет привел в порядок Партизанское кладбище и памятник Освободителям Белграда, которые не ремонтировались с 1985 г. К визиту президента Российской Федерации Д. Медведева было приурочено переименование трех улиц в честь генерала В. Жданова, маршала Ф. Толбухина и Красной армии. Эти имена вновь вернулись в Белград, хотя на этот раз они были присвоены улицам на окраине Белграда [13, с. 62]. Это еще одно подтверждение непоследовательности проводимой властями политики, пытавшейся балансировать с тем, чтобы удовлетворить потребности разных сторон, используя историческое прошлое.

И только в 2014 г. военный парад, проведенный ко Дню освобождения Белграда, стал первым после долгого перерыва. Сербское правительство начало использовать годовщины исторических событий и для демонстрации военной мощи. По мнению российского исследователя А. М. Понамаревой, с 1990-х гг. на сербских коммеморативных мероприятиях, посвящённых Второй мировой войне, присутствовали российские, украинские и белорусские дипломаты, но не было представителей других бывших югославских республик, что подтверждает гипотезу о «приватизации истории» [14, с. 93].

Первые изменения, касающиеся исторической памяти в бывшей югославской республике Хорватии, относятся к началу 1990-х гг. Это проявилось в переименовании многих улиц и школ, носивших имена народных героев, партизан и коммунистов. Судьбу переименованных улиц и площадей разделили и памятники. В 1990-е гг. во время президентства Ф. Туджмана в Хорватии было разрушено более 3000 памятников партизанам. В 2000 г. парламент страны принял «Декларацию о Войне за независимость», устанавливающую единый «режим правды» по поводу истории Югославии. Декларация, принятая в соответствии с Резолюцией 1841 Совета Европы, осудила «преступления тоталитарного коммунистического режима, совершенные в Хорватии в период 1945–1990 гг.». Ревизионизм привел к разрушению материальных мест памяти (пост)югославского пространства. Из 937 мемориалов, посвященных национально-освободительной борьбе в годы Второй мировой войны, к 2014 г. в Хорватии сохранилось только 310 [13, с. 93, 98]. В Хорватии захоронения бойцов Красной армии не так масштабны, как в Сербии, центральным местом хорватско-русской памяти является мемориал Батинской битве (11–29 ноября 1944 г.), в которой погибло 1297 солдат, воздвигнутый на берегу Дуная на границе с Сербией. По ряду оценок — это было самое крупное сражение Второй мировой войны на территории Югославии. Если бы РФ не приняла мер по восстановлению мемориала в Батине, то этот памятник не был бы когда-либо восстановлен и сохранен [13, с. 121]. Если в 1990-е гг. власти проводили демонтаж памятников, воздвигнутых в память о Второй мировой войне, то в 2001 г. президент С. Месич во время празднования 60-летия со дня восстания против фашистских оккупантов в Хорватии заявил, что такое массовое явление, как разрушение памятников, поощряемое со стороны тогдашних властей, является позором для всякого честного гражданина [15, с. 123].

Практику пересмотра истории подхватила и Болгария. В 1990-е гг. в Болгарии на страницах печатных изданий в отношении СССР и его преемницы России получил достаточно широкое распространение термин «оккупант». В целях избавления от культурного наследия «советской

оккупации» был поднят вопрос об уничтожении памятника советскому солдату («Алеше»), установленного в Пловдиве в 1957 г. В 1996 г. власти города приняли решение снести его, однако Верховный суд Болгарии постановил, что монумент является памятником Второй мировой войны и не может быть уничтожен. Споры между сторонниками и противниками сохранения памятника продолжаются. Ни 8, ни 9 мая в Болгарии не являются государственными праздниками. Болгарские власти г. Пловдива приняли решение до конца 2024 г. демонтировать известный во всем мире монумент «Алеша». А песня «Алеша» до 1989 г. была официальным гимном города. Каждое утро радиостанция Пловдива начинала с него свои передачи. К сожалению, это не первый случай, когда в Болгарии пытаются объявить войну советским монументом. В декабре 2023 г. в Софии демонтировали памятник Советской армии [16, с. 5]. И такие случаи не единичны.

Чешские историки многократно переписывали историю войны. Об участии Красной армии в освобождении Праги вспоминают все реже, а прессой, политиками Чехии ставится под сомнение сам факт освобождения столицы. В 1980 г. в столице Чехии Праге был воздвигнут памятник маршалу Советского Союза И. С. Коневу, войска которого окончательно освободили Прагу от нацистской оккупации 9 мая 1945 г. В апреле 2020 г. по решению местной администрации района Прага-6 столицы Чехии он был демонтирован. При этом чехи, в отличие от поляков, отказались передать памятник России, заявив, что он «поставлен на чешские деньги и принадлежит местным властям» [17, с. 72].

Таким образом, в отдельных восточноевропейских странах была объявлена война советским памятникам. Однако, даже если все монументы будут повержены, то память о подлинных героях останется жить. Самих же «борцов с памятниками» никто не запомнит — ведь подлость и трусость не достойны запоминания.

Библиографические ссылки

1. Таратута Ю., Водо В. Россия попала в плохую историю [Электронный ресурс] // Коммерсант. М., 2009. 2 июля, № 117. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 23.05.2024).
2. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.05.2024).
3. Страна в огне: В 3 т. В 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред.-сост. Д. В. Суржик. М.: Абрис, 2018. Т. 3. Освобождение. 1944–1945. 717 с.
4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков [и др.]. М.: Вече, 2014. 384 с.

5. *Кирчанов М. В.* «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Славяноведение*. 2022. № 5. С. 51–64.
6. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
7. *Лукошина Л. С.* Историческая политика в современной Польше // *Страны Восточной Европы в XX веке. Современные интерпретации прошлого: Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Игрицкий Ю. И., Шаншиева Л. Н. М.: РАН. ИНИОН, 2014. 144 с.*
8. Варшава продолжает войну с памятниками советской эпохи // *Зарубежное военное обозрение*. 2023. № 11. С. 108.
9. Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы: Январь–декабрь 1949 года. М.: Госполитиздат, 1953. 687 с.
10. В Сербии ко Дню победы впервые включили праздничное освещение Парка освободителей Белграда // ТАСС. 09.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8434267> (дата обращения: 25.04.2024).
11. В Сербии начался международный форум организаторов шествия «Бессмертный полк» [Электронный ресурс] // ТАСС. 03.11.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12835021> (дата обращения: 25.04.2024).
12. *Тимофеев А. Ю.* Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История*. 2020. № 4. С. 142–156.
13. *Попович М., Майсова Н.* Ландшафты памяти в (Пост) Югославии // *Историческая экспертиза*. 2020. № 4. С. 59–209.
14. *Понамарева А. М.* Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2023. № 1. С. 93–132.
15. *Калоева Е. Б.* Как пишется история на постъюгославском пространстве // *Страны Восточной Европы в XX веке. Современные интерпретации прошлого: Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Игрицкий Ю. И., Шаншиева Л. Н. М.: РАН. ИНИОН, 2014. 144 с.*
16. *Рудакова В. В.* В защиту «Алеши». Госдума осудила попытки демонтировать памятник воину-освободителю // *Дилетант*. 2024. № 2. С. 5.
17. *Эрлихман В.* Два Ивана // *Историк*. 2022. № 12. С. 68–73.

УДК 94(476-25)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА БПИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ БНТУ)

С. Г. Долюк¹⁾, О. В. Лепеш²⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, sviatlanadoliuk@gmail.com

²⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, oxanalepesch@rambler.ru

На основе подлинных документов, хранящихся в музее истории БНТУ, в статье анализируется структура и кадровый состав Белорусского политехнического института в довоенный и послевоенный периоды. Обобщаются данные о количестве, квалификационных характеристиках руководящего и профессорско-преподавательского состава БПИ в 1940 и 1946 гг. Приводятся сведения о местонахождении и сфере деятельности профессорско-преподавательского состава БПИ в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Белорусский политехнический институт; война; профессорско-преподавательский состав; кадровый состав; факультет; кафедра; тыл; оккупация; Красная армия; партизанское движение.

THE ACTIVITIES OF THE TEACHING STAFF OF THE BPI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE BNTU HISTORY MUSEUM)

S. G. Doliuk¹⁾, O. V. Lepesh²⁾

¹⁾Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk,
Republic of Belarus, sviatlanadoliuk@gmail.com

²⁾Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk,
Republic of Belarus, oxanalepesch@rambler.ru

Based on the original documents stored in the BNTU History Museum, the article analyzes the structure and personnel of the Belarusian Polytechnic Institute in the pre-war and post-war periods. The data on the number and qualification characteristics of the management and teaching staff of the BPI in 1940 and 1946 are summarized. Information is provided on the location and field of activity of the teaching staff of the BPI during the Great Patriotic War.

Keywords: Belarusian Polytechnic Institute; war; faculty; personnel; faculty; department; rear; occupation; Red Army; partisan movement.

В 2020 г. Белорусскому национальному техническому университету исполнилось 100 лет. На протяжении века университет менял названия, переживал разные этапы своего развития, однако оставался ведущим техническим высшим учебным заведением для Беларуси. Особенно тяжелым

периодом в истории университета, как и для всего белорусского народа, был период, связанный с годами Великой Отечественной войны. В данной статье авторы предприняли попытку на основе подлинных документов, хранящихся в фондах музея истории БНТУ, проанализировать деятельность профессорско-преподавательского состава Белорусского политехнического института в годы Великой Отечественной войны. Основой для подготовки статьи стали Устав Белорусского политехнического института имени И. В. Сталина от 07.08.1939 г. [1], список профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного политехнического института на 1 ноября 1940 г. [2] и список личного состава института на январь 1946 г. [2].

В предвоенные годы директором Белорусского государственного политехнического института являлся Самуил Иоахимович Позняк, известный специалист в области биотехнологии пищевых продуктов, который занимал эту должность в 1939–1941 и в 1945–1947 гг. Согласно Уставу в БПИ функционировало 4 факультета (строительный, химико-технологический, торфомеханический и гидромелиоративный, механический) и вечернее отделение [1, л. 18]. В структуру института входило 31 кафедра — основ марксизма-ленинизма, политической экономии, иностранных языков, военной подготовки, высшей математики, физики, неорганической и аналитической химии, органической химии, физической и коллоидной химии, теоретической механики, начертательной геометрии и графики, строительной механики, деталей машин, электротехники, теплотехники, технологии металлов, технологии машиностроения, резания металлов, станков, отопления и вентиляции, архитектуры, строительных (инженерных) конструкций, строительного производства, микробиологии и биохимии, технологии брожения, технологии силикатов, производств торфяного топлива, торфяных машин, гидротехнической мелиорации, гидравлики и гидротехнических сооружений, торфомелиоративных изысканий и геодезии [1, л. 19–20]. В 1940 г. состав кафедр немного изменился: были упразднены кафедры политической экономии, теплотехники, технологии силикатов; кафедра гидравлики и гидротехнических сооружений была разделена на 2 — гидравлики и гидрологии и кафедра гидротехнических сооружений; были сформированы новые кафедры — технологии керамики, технологии стекла, автомобилей и двигателей [2]. Также в институте преподавались 4 самостоятельные дисциплины: в 1939 г. — физическая культура, общая химическая технология, геология и петрография, механическое оборудование химических предприятий, в 1940 г. на смену последней стали преподавать экономику промышленности [1, л. 20; 2, л. 29].

Количество работавших на кафедрах в 1940 г. в среднем составляло 4–5 человек. Самой многочисленной кафедрой, в составе которой числилось 15 человек, была кафедра иностранных языков. На кафедре марксизма-ленинизма работало 11 человек, на кафедре отопления и вентиляции 10 человек. На кафедрах физико-коллоидной химии, микробиологии и биохимии, общей химической технологии, геологии и петрографии работало по 2 сотрудника. Самостоятельную дисциплину экономики промышленности преподавал по совместительству 1 человек — доцент Е. С. Аксельрод (1902 г. р.).

На 1 ноября 1940 г. в БПИ работало 184 человека, из которых 159 мужчин и 25 женщин. Женщины в основном были задействованы на должностях ассистентов кафедр (12 человек), преподавателей (9 человек) и 1 старший преподаватель.

В штате института числилось 127 человек профессорско-преподавательского состава, по совместительству работало 57 человек. Существовала практика внутреннего совместительства должностей. Например, директор института С. И. Позняк (1897 г. р.) одновременно работал на полставки доцентом кафедры технологии брожения [2, л. 18], Ф. К. Околковский (1887 г. р.) исполнял обязанности заведующего кафедрой математики и по совместительству работал доцентом кафедры теоретической механики [2, л. 3, 5].

Ученая степень кандидата наук имелась у 31 человека. Ученую степень доктора наук, из представленных в списке, имело только 3 человека.: проф., д. х. н. Н. А. Прилежаев (1873 г. р.), возглавлявший кафедру органической химии; проф., д. т. н. М. А. Безбородов (1898 г. р.), стоявший во главе кафедры технологии стекла; проф., д. б. н. Г. И. Ануфриев (1889 г. р.), заведующий кафедрой торфомелиоративных изысканий и геодезии [2]. Без указания в списке 1940 г. известно, что ученую степень доктора наук также имели профессор Н. А. Столяров (1870 г. р.) и профессор А. А. Кравцов (1874 г. р.).

Среди заведующих кафедрами 9 чел. имели звания профессора, 11 чел. — доцента. Ученые степени были у 18 чел. — 11 кандидатов наук и 5 докторов наук. На кафедрах микробиологии и биохимии, станков заведующие отсутствовали. Кадровый состав профессорско-преподавательского состава на 1 ноября 1940 г. представлен на таблице 1.

На начало 1946 г. в БПИ работало 96 человек, из которых 76 мужчин и 20 женщин [3, л. 15–30]. Женщины в основном были востребованы на должностях ассистентов кафедр (13 человек), старших преподавателей (3 человека), преподавателей (2 человека). Степень кандидата наук имела одна женщина — Н. М. Курбатова, доцент кафедры биохимии. Одну из кафедр — иностранных языков — возглавила женщина, старший преподаватель З. К. Ивановская. Там же больше всего работало женщин: 4 из 5 членов кафедры.

Таблица 1

Кадровый состав ППС БПИ в 1940 г.

Должность	Кол-во
Зав. каф., профессор	8
Зав. каф., и. о. профессора	1
Зав. каф., доцент	8
Зав. каф., и. о. доцента	1
Зав. каф., ст. преподаватель	1
Зав. кафедрой	7
И. о. зав. каф., доцент	1
И. о. зав. каф., и. о. доцента	1
И. о. зав. каф., ст. преподаватель	1
И. о. зав. кафедрой	1
Профессор	4
Доцент	30
И. о. доцента	34
Ст. преподаватель	2
Преподаватель	18
Ассистент	66
Всего	184

В БПИ функционировало 4 факультета — механический (декан И. И. Вербицкий), химико-технологический (декан Л. Я. Мазелев), торфо-мелиоративный (декан Я. Т. Ковалев), строительный (декан Н. К. Кессель). В структуру института входило 12 общеобразовательных кафедр и 22 специальных. Всего 34 кафедры. По сравнению с довоенным периодом в структуре БПИ появилась кафедра ремонта и эксплуатации автомобилей, неорганической и аналитической химии, процессов и аппаратов в химической промышленности, вновь была открыта кафедра теплотехники. Количество работавших на кафедрах в среднем составляло 2–3 человека. Самыми многочисленными кафедрами, в составе которых числилось по 6 человек, были кафедра начертательной геометрии и графики и кафедра физики. Четыре кафедры — технологии керамики, технологии стекла, геодезии и гидравлики — состояли только из заведующих. Например, на кафедре геодезии работал будущий директор БПИ кандидат наук, доцент М. В. Дорошевич.

В связи с недостатком кадров в послевоенные годы в БПИ существовала практика внутреннего совмещения должностей руководящего состава института. Так, директор института С. И. Позняк одновременно занимал должность заведующего кафедрой технологии брожения, заместитель директора по научной и учебной работе С. В. Гродзовский — должность

заведующего кафедрой инженерных и гидротехнических сооружений [3, л. 23, 29]. Все деканы четырех факультетов также возглавляли кафедры: И. И. Вербицкий — кафедру физики, Л. Я. Мазелев — кафедру неорганической химии, Я. Т. Ковалёв — кафедру гидравлики, Н. К. Кессель — кафедру начертательной геометрии и графики [3, л. 17, 21, 29].

В БПИ в 1946 г. работал 1 академик, д. т. н., профессор, заведующий кафедрой «Автомобили» Ю. А. Вейс, числилось 2 д. т. н., профессора — Ю. А. Безбородов, заведующий кафедрой «Технология стекла» и И. Л. Любошиц, заведующий кафедрой «Процессы и аппараты химической промышленности», а также 16 кандидатов наук, доцентов. На должности профессора было трудоустроено 6 человек, доцента — 31 человек, старшего преподавателя — 10 человек, преподавателя — 2 человека, ассистента — 26 человек [3, л. 15–30].

Квалификационная карта заведующих кафедрами представляла собой следующую картину. Доктора наук, профессора стояли во главе 3 кафедр, кандидаты наук возглавляли 12 кафедр, на должности профессора работали 3 заведующих кафедрами, на должности доцента — 9 чел., на должности и. о. доцента — 4 заведующих, на должности старшего преподавателя — 3 чел. Кадровый состав БПИ представлен в таблице 2.

Таблица 2

Кадровый состав ППС БПИ в 1946 г.

Должность	Кол-во
Академик, д. н., профессор	1
Д. н., профессор	2
Профессор	6
К. н., доцент	16
Доцент	31
Ст. преподаватель	10
Преподаватель	2
Ассистент	26
Неизвестно	2
Всего	96

Таким образом, количество ППС БПИ после войны сократилось почти в 2 раза. В процентном соотношении гендерный состав ППС изменился не сильно. Соответственно, процент остепенённости тоже был ниже, чем до войны. Сравнение кадрового состава ППС БПИ в 1940 и 1946 гг. представлено в таблице 3.

Таблица 3

Сравнительная таблица кадрового состава ППС БПИ в 1940 и 1946 гг.

	01.11.1940 г.	30.01.1946 г.
Всего ППС	184	96
Мужчин (% от общего числа ППС)	159 (86,4 %)	76 (79,1 %)
Женщин (% от общего числа ППС)	25 (13,6 %)	20 (20,9 %)
Докторов наук (% от общего числа ППС)	5 (2,7 %)	3 (3,1 %)
Кандидатов наук (% от общего числа ППС)	31 (16,8 %)	16 (16,6 %)

В результате сравнения двух списков личного состава ППС БПИ 1940 и 1946 гг. авторы выяснили, что из 96 преподавателей, работавших в 1946 г. в БПИ, на свои рабочие места вернулись после войны 39 человек. Большая часть из них в годы войны находилась в тылу и продолжала заниматься научно-исследовательской и педагогической деятельностью. В зоне оккупации, в Минске, находилось 7 человек, 4 из которых были служащими, в том числе, например, известный в будущем архитектор Н. Н. Маклецова, которая была прорабом стройконторы. В партизанском движении из вернувшихся в политех были два заведующих кафедрами — строительных конструкций профессор А. А. Кравцов (на территории Минской области) и строительной механики доцент М. Е. Шавельский (на Гомельщине). Оба проявили себя отличными бойцами, пользовавшимися уважением в коллективе. Оба были награждены медалью «Партизану Отечественной войны»: А. А. Кравцов — II степени, М. Е. Шавельский — I степени. Сфера деятельности этих 39 работников БПИ в годы войны представлена в таблице 4.

Таблица 4

Деятельность ППС БПИ в годы войны, которые работали в довоенный период и вернулись в институт в 1945–1946 гг.

Характер деятельности	В том числе	Кол-во ППС	Итого
Тыл	Педагогическая и научная деятельность	16	22
	Работа на заводе	2	—
	Работа на государственной службе	3	—
	Работа в сельском хозяйстве	1	—

Окончание табл. 4

Характер деятельности	В том числе	Кол-во ППС	Итого
В оккупации (г. Минск)	Педагогическая деятельность	1	7
	Работа на заводе	2	—
	Служащие	4	—
Красная армия	—	8	8
Партизанское движение	—	2	2
Всего	—	—	39

Анализ сведений списка личного состава БПИ 1946 г. дает возможность составить представление о местонахождении числившихся в институте 96 преподавателей на момент 1941–1944 гг. Большая его часть находилась в тылу — 51 человек, в рядах Красной армии сражалось 25 человек, в партизанском движении — 6 человек, в зоне оккупации находилось 14 человек. Местонахождение ППС БПИ в годы войны представлено в таблице 5.

Таблица 5

**Деятельность ППС БПИ в годы войны,
которые работали в институте в 1946 г.**

Характер деятельности	В том числе	Кол-во ППС	Итого
Тыл	Педагогическая и научная деятельность	31	51 (54 %)
	Работа на заводе	15	—
	Работа на государственной службе	4	—
	Работа в сельском хозяйстве	1	—
В оккупации (г. Минск)	Педагогическая деятельность	2	14 (15 %)
	Работа на заводе	2	—
	Служащие	8	—
	Подсобные рабочие	2	—
Красная армия	—	25	25 (26 %)
Партизанское движение	—	2	6 (5 %)
Всего	—	—	96

География нахождения в тылу 51 человека ППС БПИ связана с РСФСР (43 человека), Узбекской ССР (4 человека), Казахской ССР (2 человека), Киргизской ССР (1 человек), Туркменской ССР (1 человек), Грузинской ССР (1 человек).

Сфера деятельности 31 преподавателя из 51, отправленных в тыл, в годы войны была связана с научно-исследовательской и педагогической деятельностью. Преподаватели БПИ трудились в НИИ, АН СССР и АН БССР, высшей и средней школе РСФСР и других союзных республик. Преподаватели, имевшие высшую научную квалификацию, были трудоустроены в научные институты и высшие учебные заведения.

Таким образом, в результате испытаний войной кадровый состав БПИ был сокращен в два раза. К педагогической деятельности из 184 ППС, работавших в БПИ в 1940 г., смогли вернуться после войны лишь 39 человек. На момент 1946 г. в ряды преподавателей удалось привлечь 96 человек, что, безусловно, не устранило проблему кадрового голода в институте. Большая часть кафедр представляла собой малочисленные структурные подразделения, состоявшие из 2–3 человек, на четырех кафедрах числилось только по одному человеку. Чуть больше половины кадрового состава БПИ (54 %), работавшая в 1946 г., в годы войны была эвакуирована в тыл, что позволило частично сохранить потенциал белорусской технической науки и приступить к восстановлению процесса обучения сразу после освобождения территории Беларуси. Также часть из ППС БПИ по сведениям 1946 г. в годы войны находилась в рядах Красной армии (26 %), в оккупации (14 %) и в партизанском движении (5 %).

Библиографические ссылки

1. Устав Белорусского политехнического института имени И. В. Сталина : приказ Всесоюз. ком. по делам высшей школы при СНК СССР, 7 авг. 1939 г., № 5/424 // Музей истории Белорусского национального технического университета. Д-4(ОФ). 28 с. Подлинник.
2. Список профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного политехнического института на 1 ноября 1940 года // Музей истории Белорусского национального технического университета. Д-1(ОФ). 29 л. Подлинник.
3. Списки личного состава института. 1946 год // Музей истории Белорусского национального технического университета. Д-12(ОФ). 30 л. Подлинник.

УДК 32.019.51

РОССИЙСКИЕ ЗАГРАНУЧРЕЖДЕНИЯ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК МНЕМОНИЧЕСКИЕ АКТОРЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (2022–2024)

А. А. Наумчик¹⁾, Г. А. Федоров²⁾

¹⁾ *Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, проспект Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, naumchikarseny@gmail.com*

²⁾ *Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, проспект Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия, fedorov.george@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность российских загранучреждений в 2022–2024 гг. по сохранению памяти о Великой Отечественной войне с точки зрения теории мнемонических акторов. С помощью анализа пресс-релизов и соцсетей делается вывод, что в ней они относятся к типу «воинов», так как сконцентрированы на защите концепции исторической памяти, которая сформировалась в России после 2000 г. Подмечается двойственность положения загранучреждений: их коммеморация направлена как на русскоязычную, так и на зарубежную аудиторию.

Ключевые слова: историческая политика; мнемонические акторы; российские загранучреждения; Великая Отечественная война.

RUSSIAN FOREIGN MISSIONS OUTSIDE THE CIS AS MNEMONIC ACTORS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (2022–2024)

A. A. Naumchik¹⁾, G. A. Fedorov²⁾

¹⁾ *Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, Vernadskogo Avenue, 76, naumchikarseny@gmail.com*

²⁾ *Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, Vernadskogo Avenue, 76, fedorov.george@mail.ru*

The article studies the approach of Russian foreign missions to commemorating the Great Patriotic War based on the mnemonic actor theory. Examination of bulletins and social media accounts indicates that the missions act as mnemonic warriors as they aim to preserve the dominant memory culture established in Russia in the early 2000s. A duality of commemorative policies consisting in addressing both the Russian-speaking and foreign audiences is also noted.

Keywords: history politics; mnemonic actors; Russian missions; Great Patriotic War.

Российская концепция сохранения памяти о Победе в Великой Отечественной войне представляет интерес для исследователей коммеморации — исторической политики. Одна из трактовок этого термина — директивное принятие решений государством в отношении памяти о прошлом [1, с. 200–201]. Эта политика ведётся не только внутри государства, но и за его пределами. Во втором случае она проводится с помощью различных организаций — как негосударственных, таких как землячества и клубы, так и официальных, представленных российскими загранчными учреждениями (далее — РЗУ) и Россотрудничеством. Оба подведомственны Министерству иностранных дел. Их участию в реализации исторической политики и посвящена статья.

В исследовании используется термин «мнемонический актор». Этим понятием М. Бернхарт и Я. Кубик обозначили политическую силу, заинтересованную в специфическом понимании прошлого. Есть четыре типа мнемонических акторов [11, с. 15]. «Воины» отстаивают единственную интерпретацию прошлого. «Плюралисты» дают право на жизнь нескольким версиям истории. «Отказники» избегают дискуссии. «Футуристы» не ведут её ради построения светлого будущего.

Современная трактовка истории Второй мировой войны разнится от государства к государству — столкновение точек зрения на события прошлого исследователи называют «войнами памяти» [5, с. 224]. Пропасть в интерпретации событий 1939–1945 гг. только растёт, как и количество исследований на тему того, какие силы формируют точки зрения на историю в России. Вклад разных государственных органов в формирование устоявшихся нарративов о прошлом рассмотрен в работе О. Ю. Малиновой [3]. Также упомянем статью А. А. Михалевой, изучавшую русские клубы в странах Восточной Азии как мнемонические акторы [6].

Объект нашего исследования — деятельность российских загранучреждений в странах дальнего зарубежья по сохранению памяти о Победе. Предметом исследования избрано место загранучреждений в классификации мнемонических акторов. Цель — определить, к какому из четырёх типов можно отнести РЗУ, занимающиеся коммеморацией Великой Отечественной войны.

Источниковой базой исследования послужили пресс-релизы и материалы, публикуемые самими загранучреждениями — посольствами, консульствами, Русскими домами на сайтах и других платформах — Telegram-каналах, страницах в Facebook, Twitter (он же X), YouTube и ВКонтакте. Началом исследования выбран 2022 г.: в этот период коммеморативная традиция обрела современный вид — были сняты ограничения на массовые мероприятия, введённые из-за пандемии COVID-19, начался новый

виток «войн памяти» из-за ухудшения отношений между Россией и странами Запада. География исследования ограничена странами дальнего зарубежья, с которыми поддерживаются дипломатические отношения и на территории которых находятся РЗУ. Методика работы включает в себя качественный и количественный анализ текста.

Коммеморация Победы приобрела напористый и систематический характер после 60-летнего юбилея в 2005 г. [2, с. 137]. Заграничные учреждения также участвуют в процессе. Необходимо пояснить, что законодательство подразумевает под этим термином. Правительство России определяет их как учреждения РФ, находящиеся за её пределами, аккредитованные в стране пребывания, и относит к ним дипломатические представительства, консульские учреждения, представительства при международных, межгосударственных и межправительственных организациях, торговые представительства, представительства федеральных органов исполнительной власти [7]. Сохранение памяти о Победе — не прямая обязанность РЗУ, однако связанная с этим деятельность ведётся в рамках исполнения законодательно закреплённых функций: обеспечения национальных интересов России, установления и поддержания контактов с органами власти и общественностью страны пребывания, поддержания гражданских и воинских захоронений и установленных на них мемориалах [8]. РЗУ также уточняют списки покоящихся на воинских захоронениях, отслеживают ликвидированные мемориалы, сотрудничают с местными ветеранскими и пророссийскими организациями, проводят тематические выставки, концерты, акцию «Бессмертный полк» [4].

Таким образом, загранучреждения занимают в системе мнемонических акторов позицию «воинов». Их коммеморация продолжает российскую традицию памяти. Отнести РЗУ к другим типажам не позволяет отсутствие в «вспоминании» ими Великой Отечественной войны дискуссии и разных трактовок. Тем не менее, деятельность загранучреждений за пределами России приводит к приобретению ими ряда особенностей. Образ Великой Отечественной и Второй мировой войн в других государствах отличается от российского. Жители других стран знакомятся с ним уже на протяжении жизни. Однако, загранучреждения работают и с теми социальными группами, которые уже вовлечены в процесс «вспоминания» Великой Отечественной. Это эмигранты, работники РЗУ и лица с российским гражданством, постоянно проживающие за рубежом — в законодательстве они названы соотечественниками [9].

Мы попытались дать ответ на вопрос, на какую социальную группу нацелена коммеморация, проводимая РЗУ. Отметим, что формы сохранения памяти делятся на мягкие и твёрдые. К первому виду относятся

тексты о прошлом, а ко второму — места и события [10, с. 228]. Чтобы оценить потенциальную аудиторию мягких форм памяти, мы собрали статистику языков, используемых для сообщений, посвящённых «вспоминанию» Победы (рис. 1). Для этого анализа были выбраны сайты и страницы Русских домов как главных амбассадоров российской культуры за рубежом. В тех странах, где присутствует Россотрудничество, именно оно становится организатором мероприятий, в то время как для других загранучреждений эта роль вторична.

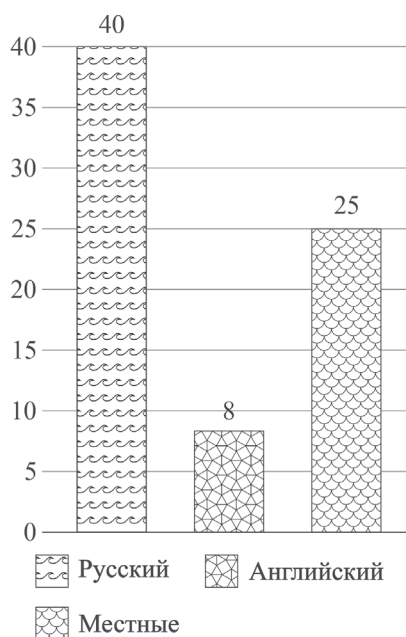

Рис. 1. «Какие языки используются Русскими домами?»

График показывает, что Русских домов, которые используют иностранные языки для рассказа о Великой Отечественной войне, меньше, чем тех, которые вещают на русскоязычную аудиторию. Мягкая сила Россотрудничества в вопросе коммеморации Победы ориентируется на тех, кто уже знаком с окружающими её традициями. Анализ твёрдых форм также представлен графически (рис. 2). На графике показано, какие социальные группы чаще всего присутствовали на мероприятиях 9 мая.

Мы выделили семь групп, которые часто участвовали в мероприятиях. Список возглавляет персонал РЗУ вместе с семьями. Они указывались в пресс-релизах почти во всех загранучреждениях. Помимо них, в коммеморацию вовлечены другие группы, связанные с сложившимися традициями памяти о войне: работники частных компаний, временно находящиеся за границей, православные священнослужители и соотечественники. Участвуют в мероприятиях дипломаты из других государств, в основном

из постсоветских стран, чьи культуры памяти соприкасаются с российской. Под определением «местные» мы понимаем граждан государств, в которых проходят мероприятия — те, чей род занятий не указан, членов местных пророссийских обществ, студентов-русистов. Отдельно выделим выпускников советских и российских вузов — активных участников мероприятий в латиноамериканских и африканских странах. Подводя итоги, основной массив аудитории памятных мероприятий оказывается русскоязычным или связанным с российскими практиками «вспоминания» Победы.

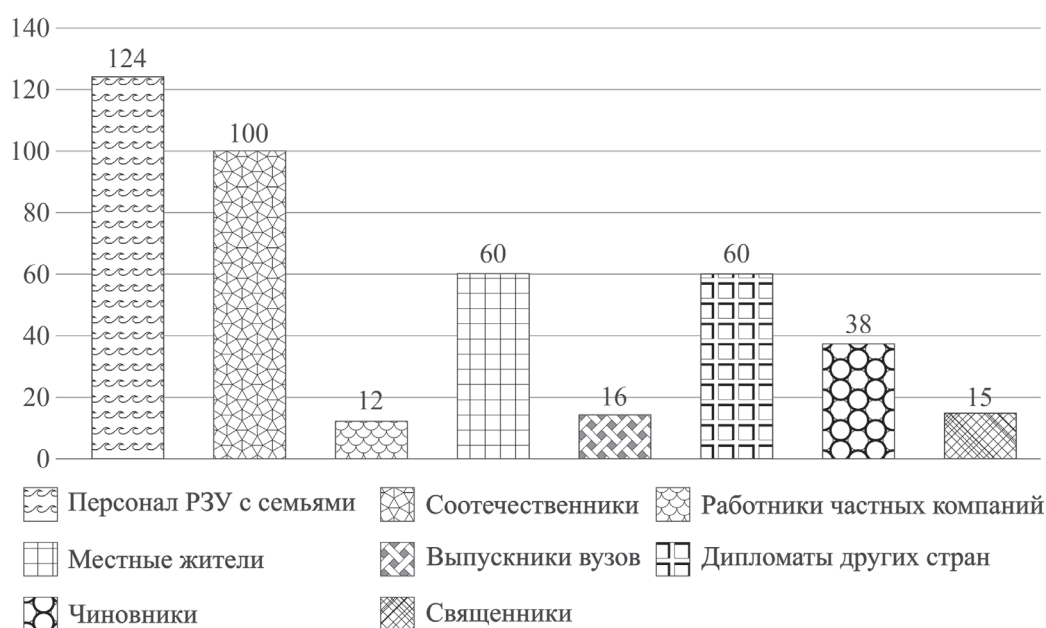

Рис. 2. «Кто чаще всего приходил на мероприятия 9 мая?»

Встраивание в локальные контексты памяти происходит и посредством синтеза исторической политики России и зарубежных стран. Выделим несколько таких практик. Это может быть публикация в средствах массовой информации статей, адаптирующих события Великой Отечественной войны для понимания иностранцами в нужном РЗУ ключе [12; 13]. Кроме этого, загранучреждения с сопоставляют военный опыт России и других государств. В Сербии дипломаты возлагают цветы к мемориалам местных партизан, погибших в ходе оккупации Югославии [14]; в Эфиопии — публикуют статьи об оккупации этой страны Италией и борьбе советской дипломатии против неё [15]. Опыт необязательно должен относиться ко Второй мировой войне: Русский дом в Каире организовал выставку «Волгоград — Порт-Саид». В ней уравнивался опыт двух городов, ставших полем битвы — Сталинград в 1942–1943 гг. против немецко-фашистских захватчиков, а Порт-Саид — в 1956 г. против англо-французского десанта,

пытавшегося захватить Суэцкий канал [16]. Помимо светских практик загранучреждениями проводятся и религиозные ритуалы. Подобные вещи характерны для загранучреждений в странах Африки, сотрудничающих с созданным в 2021 г. экзархатом РПЦ [17; 18]. Она встречается и за пределами Африки, например, в Болгарии и Филиппинах [19; 20]. Подобный подход расширяет количество участников коммеморации, но он не повсеместен для всех загранучреждений.

Таким образом, загранучреждения, относясь к типу «воинов», ведут себя двумя разными способами. Мемориальный режим либо существует внутри российской колонии и сообщества соотечественников, либо контактирует с локальными традициями «вспоминания». В первом случае он не оказывает влияния на население страны, в котором находится посольство, консульство или Русский дом. Участниками ритуалов памяти остаются люди, изначально вовлечённые в культуру коммеморации, принятую в России. Другой же способ предполагает привлечение местного населения к ритуалам памяти и попытку адаптировать события Великой Отечественной войны к локальному контексту. Эти способы не противопоставлены друг другу и могут комбинироваться в зависимости от страны, в которой находится РЗУ.

Библиографические ссылки

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. *Малинова О. Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2019. № 3. С. 103–126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126.
4. Мария Захарова: Запад хочет реванша у России за «поворот истории» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/20745059> (дата обращения: 29.08.2024).
5. *Миллер А. И.* Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 222–230. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231.
6. *Михалева А. А.* Русские клубы в Восточной Азии и актуальное прошлое для соотечественников // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 4. С. 127–137. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137.
7. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2010 г. № 266 «Об особенностях оценки соответствия продукции (работ, услуг), используемой в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в соответствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа, и продукции (работ, услуг), сведения о которой составляют государственную тайну, предназначенной для эксплуатации в загранучреждениях Российской Федерации, а также процессов ее проектирования (включая изыскания), производства,

строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения...» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12175308> (дата обращения: 29.08.2024).

8. Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Консульский устав Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/3bd5c6ee788fda3bc9bba8e5db1b3ccbd4a16926 (дата обращения: 29.08.2024).

9. Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc (дата обращения: 29.08.2024).

10. Эткинџ А. Кривое горе. Память о непогребѣнных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

11. Bernhard M. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. NY : Oxford University Press, 2014.

12. Посольство России в Лаосе [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/EmbRusLao/523> (дата обращения: 29.08.2024).

13. О праздновании в Посольстве России в Непале Дня Победы [Электронный ресурс]. URL: https://nepal.mid.ru/ru/press-centre/news/o_prazdnovanii_v_posolstve_rossii_v_nepale_dnya_pobedy (дата обращения: 29.08.2024).

14. Посольство России в Сербии [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rusembserbia/1089> (дата обращения: 29.08.2024).

15. Embassy of Russia in Ethiopia [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/russianinethiopia/1015> (дата обращения: 29.08.2024).

16. Русский Дом в Каире | قراقل اب يسورل اتي بل ا | Russian House in Cairo [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/russianhouseincairo/2618> (дата обращения: 29.08.2024).

17. Russian Embassy in Uganda [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rusembuganda/715?single> (дата обращения: 29.08.2024).

18. Ambassade de Russie en Côte d'Ivoire et Burkina Faso [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/russie_cotedivoire/256 (дата обращения: 29.08.2024).

19. Russian Embassy in the Philippines [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/Russian_Embassy_in_Philippines/3245 (дата обращения: 29.08.2024).

20. Посольство России в Болгарии [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rusembul/3873?single> (дата обращения: 29.08.2024).

УДК 94(439.2.2)

**ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ В СЛОВАКИИ
ПАМЯТИ ОБ УЧАСТНИКЕ АНТИФАШИСТСКОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ,
СЛОВАЦКОМ КАПИТАНЕ ЯНЕ НАЛЕПКЕ**

В. В. Репин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, repinv@bsu.by*

В статье представлен обзор тенденций и этапов формирования исторической памяти в Словакии об участнике Второй мировой войны, герое антифашистского сопротивления на территории Беларуси и Украине словацком капитане Яне Налепке (1912–1943). Рассматривается изучение и осмысление роли словацких партизан в 1942–1943 гг. как в советской, так и словацкой историографиях, а также трансформация историографических оценок к образу Яна Налепки в Словакии после 1989 г.

Ключевые слова: историческая память; историография; Вторая мировая война; Словакия; Ян Налепка; антифашистское сопротивление.

**FORMATION AND PRESERVATION IN SLOVAKIA
OF THE MEMORY ABOUT THE PARTICIPANT
OF THE ANTI-NAZI RESISTANCE ON THE TERRITORY
OF BELARUS, SLOVAK CAPTAIN JAN NALEPKA**

V. V. Repin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, repinv@bsu.by*

The article presents an overview of trends and stages of historical memory formation in Slovakia about the Slovak captain Jan Nalepka (1912–1943), a participant of World War II, a hero of the anti-Nazi resistance in Belarus and Ukraine. The study and comprehension of the role of Slovak partisans in 1942–1943 in both Soviet and Slovak historiographies, as well as the transformation of historiographical assessments of the image of Jan Nalepka in Slovakia after 1989 are considered.

Keywords: historical memory; historiography; World War II; Slovakia; Jan Nalepka; anti-fascist resistance.

В Белорусском государственном музее истории Великой отечественной войны в тематическом зале, посвященном истории антифашистского сопротивления на территории Беларуси, среди экспонатов представлена картина белорусского художника М. А. Савицкого «Переход словаков к партизанам», на которой показана сцена братания участников белорусского партизанского и отряда и словацких солдат, перешедших к ним во главе с начальником штаба 101 дивизии капитаном Яном Налепкой, в ночь

с 14 на 15 мая 1943 г. Ян Налепка (20 сентября 1912 г. – 16 ноября 1943 г.) стал руководителем 1-го чехословацкого партизанского отряда на территории СССР, который он возглавлял до своей смерти 16 ноября 1943 г. в бою за освобождение украинского города Овруча. Факт перехода к советским партизанам группы словаков из состава Первой охранной словацкой дивизии, базировавшейся на территории северной Украины и Юго-Восточной Беларуси, которые уже с конца 1942 г. установили первые контакты с антифашистским сопротивлением и взаимодействовали с ним во время операции по подрыву моста на реке Птичь в начале ноября 1942 г., не стал единичным, что заставило немецкое командование летом 1943 г. расформировать морально разложившуюся дивизию и направить ее состав на итальянский фронт. Значение поступка капитана Яна Налепки, взявшего среди партизан оперативный псевдоним Репкин, было высоко оценено советским верховным главнокомандованием, когда 2 мая 1945 г. ему было посмертно присвоены орден Ленина и звание Героя Советского Союза, которым он оказался единственным словаком за всю историю Великой Отечественной войны.

В Чехословакии после ее освобождения в 1945 г. и завершения Второй мировой войны сюжет о героическом участии в антифашистском сопротивлении Яна Налепки стал значимым способом трансляции исторической памяти, ввиду того, что центральным местом памяти о войне для словаков стало Словацкое национальное восстание августа – октября 1944 г., поднятое словацкими антифашистами в тылу немецкого фронта на территории центральной Словакии. Активное участие словаков в движении сопротивления должно было перечеркнуть факт союзничества Словацкой республики в блоке ведомых нацистской Германией центрально-европейских государств, и в частности, поддержку Словакией нападения нацистов на Польшу в сентябре 1939 г. и немецкого нападения на СССР в июне 1941 г.

История капитана Яна Налепки оставила след в белорусском, украинском и прежде всего словацком историческом нарративе, историографии и культурной памяти. Говоря о Беларуси, его именем названы улицы в Ельске и Лельчицах, а на фасаде одноэтажного дома в Ельске, где он проживал, в 1967 г. была установлена мемориальная доска. В конце июля 2015 г. мемориальный знак Герою Советского Союза Яну Налепке был открыт в Ельске при участии руководителя дипломатической миссии Словацкой республики в Республике Беларусь посла Мирослава Мойжиты. На историческом факультете Белорусского государственного университета в декабре 2014 г. состоялся круглый стол и выставка плакатов, посвященных юбилейной годовщине Словацкого национального восстания, на которой был представлен и стенд, посвященный Яну Налепке.

В Словацкой исторической памяти формирование образа Яна Налепки началось практически после его смерти, 5 мая 1945 г. он был посмертно включен в список Героев Словацкого национального восстания, а 28 октября 1948 г., в день 30-летней годовщины образования Чехословацкой республики награжден военным орденом Белого Льва 1-й степени. 31 августа 1996 г. он был *in memoriam* награжден высшей наградой Словацкой республики Орденом Людовита Штура второй степени за активное участие в антифашистской борьбе. Отметим, что Ян Налепка был также удостоен медалей «За героизм» (две медали III степени, и одна медаль II степени), полученные за службу в войске Словацкого государства в 1939–1940 гг., участие в защите Словакии во время т. наз. Малой (семидневной) войны с Венгрией в марте 1939 г. и в польской компании Вермахта. 8 июля 1943 г. еще при жизни он был награжден советской Медалью Партизана Отечественной войны 1-й степени. Среди его наград — также Чехословацкий военный крест (02.03.1946), Медаль «За храбрость перед врагом» (02.03.1946), Орден Словацкого национального восстания первой степени, целый ряд посмертных юбилейных наград, югославский Орден братства и единства.

Именем героя сопротивления был назван ряд улиц в словацких и чешских населенных пунктах. С 1948 г. носит его имя деревня Налепково (предыдущее название Вондришел) в округе Гелница Кошицкого края. Его имя носят и базовая школа в городе Штупава, Налепковы водопады в Зеймарском ущельи на территории природной зоны Словацкий рай, источник возле деревни Модра над Цирохоу в округе Гуменне, а с 1946 г. улица в районе чешского города Брно, а также улицы в крупных словацких городах Кошице, Прешове, Мартине, Нитре, Банской Быстрице и еще более 40 населенных пунктов Словакии, улицы в Остраве, Пардубицах и еще более 30 населенных пунктах Чехии. В столице Словакии Братислава до 1989 г. в центре старого города также существовала улица, названная в честь капитана Яна Налепки, однако в 1989 г. ей было возвращено историческое название Панска. 7 мая 2004 г. президент Словацкой республики Иван Гашпарович присвоил Я. Налепке посмертно воинское звание бригадного генерала. В 2022 г. 110-летний юбилей Яна Налепки был отмечен мероприятием в его родном селе Смижанох, организованном культурно-просветительским обществом Матица Словенска.

Образу капитана Яна Налепки, участника антифашистского сопротивления помимо многочисленных публикаций в чехословацкой периодической печати и памятных мероприятий поспособствовало издание и массовых художественных произведений. В 1961 г. словацкий писатель, видный представитель социалистического реализма, бывший участник антифашистского сопротивления в Банской Быстрице, впоследствии

служивший сотрудником чехословацкого посольства в СССР Милош Крно опубликовал биографический роман о Яне Налепке «Вернусь живой» («Vrátim sa živý»), изданный на чешском языке три раза суммарным тиражом более 20 000 экз. [1]. Данный роман стал основой для сценария к чехословацко-советскому военному биографическому фильму «Завтра будет поздно» («Zajtra bude neskoro»), снятом на киностудии «Белорусфильм» режиссерами Мартином Тяпаком и Александром Карповым в 1972 г., где роль капитана Налепки играл известный словацкий актер Милан Княжко. Действие фильма показывает белорусский этап жизни Яна Налепки, белорусских персонажей в нем играли актрисы Нонна Мордюкова (белорусская связная), Евгения Ветлова, Майя Булгакова.

Особое место в формировании памяти о капитане Яне Налепке отводилось научно-популярным изданиям, которые значительными тиражами публиковались в период социализма. Часть из них была переводами советских публикаций. Так в 1952 г. был издан перевод на словацкий язык Р. Ванчиковой очерка «Герой Советского союза Ян Налепка (Репкин)», написанного Давидом Юдковичем Берлинским и Мордухом Вениаминовичем Погребинским [2].

В 1954 г. в Спишской Новой Веси была опубликована брошюра «По поводу открытия памятника Герою СССР капитана Яна Налепке» [3]. В 1961 г. в серии «Листаем историко-политический календарь» в Братиславе вышла брошюра «Ян Налепка: к 16-й годовщине награждением званием Герой Советского союза (2 мая 1945 г.)» за авторством Винцента Кутика и Корнеля Хаима [4]. В 1956 г. Союз словацких деятелей изобразительного искусства организовал выставку «По следам капитана Яна Налепки: картины Юла Немчика», выставленные в период с 16 ноября по 6 декабря 1956 г. в выставочном зале на Шафарикой площади в Братиславе [5].

1960-е гг. были для социалистической Чехословакии временем отставанием памяти об участии словаков в антифашистском сопротивлении, большую роль в котором сыграл будущий руководитель чехословацкой компартии, участник Словацкого национального восстания Густав Гусак. Наряду с ним, важную роль в руководстве КПЧ играл член ЦК Вилиам Шалгович, участник чехословацких антифашистских формирований на Восточном фронте, впоследствии занявший консервативную позицию в отношении модели чехословацкого социализма. Еще в 1946 г. он опубликовал не раз издаваемый очерк «Капитан Репкин уходит: (Ян Налепка — учитель, партизан, герой)» [6]. Впоследствии он был издан 10 раз, на словацком, чешском и русинском языках, а также на болгарском в Софии. За время длительной политической карьеры В. Шалгович возглавлял такие структуры как Словацкий национальный совет и Общество советско-чехословацкой дружбы.

Музыкальные произведения в честь словацкого партизана были изданы Словацким музыкальным фондом в 1962 г. (партитуры «Дума о Налепке» Милана Новака и «Песнь о Налепке» Зденко Микулы) [7].

Об Яне Налепке за время социализма три раза были изданы библиографические справочники, приуроченные к его юбилеям (под ред. Палушевой Марии в 1962 г. в Жилине, Вейсеровой Марины в 1972 г. в Банской Быстрице, Йиткой Велнеровой в Оломоуце в 1987 г.) [8–10].

О педагогической деятельности Я. Налепки, который до войны работал школьным учителем в ряде школ различных регионов Словакии была издана публикация в периодическом издании Оломоуцкого университета им. Ф. Палацкого «Сборник трудов педагогических» в 1964 г. [11]. Попытку реконструировать образ Яна Налепки на основании документальных материалов, фотоисточников и воспоминаний современников предприняла в 1970 г. Мария Якубичова [12]. Использование примера Я. Налепки широко применялось в воспитательной работе в чехословацких школах. Так в 1972 г. Виктория Брѣстлова подготовила сборник методических материалов по личности словацкого партизана, который был опубликован в Кошицах [13]. В честь 60-летнего юбилея Я. Налепки в Спишской Новой Веси 22 сентября 1972 г. был проведен научно-методический семинар, материалы которого были изданы [14]. Памятное 220-страничное биографическое издание, богато снабженное иллюстративными материалами было составлено в 1976 г. и издано в главном словацком издательстве «Словенски списователъ» под ред. Матея Андраша [15].

Последним изданием об Яне Налепке в социалистический период стал очерк, опубликованный в 1988 г. в Праге за авторством Марии Якубовичевой и Татьяны Ащенбреннеровой «Капитан Ян Налепка — герой СССР» [16].

В период после демонтажа социалистического режима в Чехословакии в 1989 г. и последующего возникновения отдельных Словацкой и Чешской республик, наступил процесс пересмотра наследия социалистического прошлого, который часто затрагивал и тематику Второй мировой войны. Отметим, что в случае Яна Налепки, который теперь стал рассматриваться прежде всего как герой словацкого (а не чехословацкого) сопротивления, сохранению памяти о нем способствовала и активная общественная деятельность его брата Йозефа Налепки (1925–2014), который в период социализма занимал ряд дипломатических и общественных постов (в Варшаве, Москве, Белграде и Афинах, несколько лет был председателем Международного славянского комитета). В период открытости и свободы слова он выступил инициатором проведения памятных мероприятий о своем брате, а также стал редактором воспоминаний, где более открыто

рассказал об известных ему событиях, касающихся в том числе и мемориализации памяти об Яне Налепке. В 1995 г. в Братиславе им был издана книга «Вторая школа и новые сведения о капитане Яне Налепке», а в 2002 г. сборник документов и воспоминаний «Другие об Яне Налепке» [17, 18]. Под конец своей жизни, в 2012 г. в Спишской Новой Веси вышло третья книга Йозефа Налепке о своем героическом брате «Капитан Налепка-Репкин в бою против немецких оккупантов» [19].

Отметим, что образ легендарного словацкого командира и партизана регулярно возвращается в публичную повестку словацких медиа, причем вокруг его личности ведутся активные дискуссии и даются разные оценки, которые мы вынуждены вынести за пределы данного исследования, резюмируя, что представленный кейс модели сохранения исторической памяти на словацком опыте имеет свое практическое измерение, которое необходимо принимать во внимание в условиях актуализации тематики сохранения историко-культурного наследия и памяти о прошлом.

Библиографические ссылки

1. *Krno Miloš*. Vráťím se živ / Ze slov. orig. Vráťím sa živý prel. Břetislav Truhlář. Praha : Naše vojsko, 1960. 233, [2] s.
2. *Berlinskij D., Pogrebinskij M.* Hrdina Sovietskeho svazu Ján Nálepka (Repkin) / [z rus. orig.] preložila R. J. Vančíková. Bratislava : Svaz protifašistických bojovníkov, 1952. 85 s.
3. Z príležitosti osláv odhalenia pomníka Hrdinovi SSSR kpt. Jánovi Nálepke. V Sp. Novej Vsi : Kultúrno-propagačná komisia pre prípravu osláv odhalenia pomníka Hrdinovi SSSR kpt. Jánovi Nálepke, 1954. 32 s.
4. *Kútik Vincent*. Ján Nálepka : K 16. výročiu udelenia titulu Hrdina Sovietskeho svazu (2 mája 1945) / Zost. Vincent Kútik a Kornel Haim. Bratislava : Universitná knižnica, 1961. 21 s.
5. Po stopách kapitána Jána Nálepku : obrazy Jula Nemčíka / Svaz slovenských výtvarných umelcov v Bratislave. V Bratislave : Reklama, podnik Slovenského fondu výtvarných umení, 1956. 24 s.
6. *Šalgovič Viliam*. Kapitán Repkin odchádza : (Ján Nálepka — učiteľ, partizán, hrdina). Bratislava : Obzor, 1946. 234 s.
7. Pamiatke hrdinu Sovietskeho svazu Jána Nálepku [hudebnina]. Bratislava : Slovenský hudobný fond, 1962. 1 partitura (16 s.).
8. *Palušová Mária*. Kapitán Nálepka — vzor statočnosti : malá odporúčajúca bibliografia o kpt. J. Nálepke, vyd. pri príležit. 50. výročia jeho narodenia. Žilina : Okresná ľudová knižnica, 1962. 9 s.
9. *Wernerová Jitka*. Ján Nálepka — protifašistický bojovník, hrdina SSSR : 20.9.1912 – 16.11.1943 : personální bibliografie / sestavila Jitka Wernerová. Olomouc : Okresní knihovna, 1987. 1 nestránkovaný sv.
10. Žiť chcem, no smrti sa nebojím : odporúčajúca bibliografia k 60. nedežitým narodeninám kpt. Jána Nálepku, Hrdinu ZSSR a SNP / zostavila Mária Weiserová ; úv. štúdiu nap. Jozef Baláž. Spišská Nová Ves : Okresná knižnica, 1972. 25 s.
11. Sborník prací pedagogických. 5. [sv.] / Věd. red.: Ervín Koukal. Praha : SPN, 1964 178 s.

12. *Jakubičová Mária*. Učiteľ Ján Nálepka : Zborník spomienok, dokumentov a fotografií. Banská Bystrica : Stredoslov. vydav., 1970. 197 s.
13. Kapitán Ján Nálepka : Metodický materiál pre prácu s deťmi nad 11 rokov / Zost. Viktória Bröstlová. Košice : Mestská knižnica pre mládež, 1972. 23 s.
14. Ján Nálepka — učiteľ — partizán — hrdina : Zborník zo seminára pri 60. nedeľných narodeninách : 22.9.1972 — Spišská Nová Ves / Red. Otília Pavlíková. Bratislava : Osvetový ústav, 1973. 103 s.
15. Kapitán Ján Nálepka / [rediguje Matej Andráš ; spolupracovali Matej Andráš a kol.]. Bratislava : Slovenský spisovateľ, 1976. 221 s.
16. *Jakubovičová Mária*. Kapitán Ján Nálepka — hrdina ZSSR / Mária Jakubovičová, Tatjana Aschenbrennerová. Praha : federální ÚV ČSSP, 1988. 54 s.
17. Iní o kapitánovi Jánovi Nálepke : (k nedeľným 90. narodeninám) : zborník spomienok a dokumentov / zostavil: Jozef Nálepka : zborník spomienok a dokumentov. Spišská Nová Ves : Polygrafia, 2002. 172 s.
18. *Nálepka Jozef*. Druhá maturita a nové poznatky o kpt. Jánovi Nálepke. Bratislava : NVK International, 1995. 223 s.
19. Kapitán Nálepka-Repkin v boji proti nemeckým okupantom : zborník spomienok a dokumentov o Hrdinovi Sovietskeho zväzu a Slovenského národného povstania, brigádnom generálovi in memoriam Jánovi Nálepke / zostavil Jožo Nálepka. Spišská Nová Ves : Andrej Macko, 2012. 235 s.

УДК 930(476):94:327((47+57):430)"193"

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Н. Рожкова

*УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
ул. Советская, 110, 246023, г. Гомель, Беларусь, ozhkovaswet@yandex.ru*

В статье охарактеризована белорусская историография, посвященная советско-германским отношениям накануне Второй мировой войны. Установлены и охарактеризованы важнейшие положения и выводы, к которым пришли белорусские исследователи данной проблемы, определена их научная обоснованность. Осуществлен сравнительный анализ советского и постсоветского этапов белорусской историографии советско-германских отношений указанного периода.

Ключевые слова: международные отношения; межвоенный период; Россия, Германия; белорусская историография.

SOVIET-GERMAN RELATIONS ON THE EVE OF THE WORLD WAR II IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

S. N. Rozhkova

*“Gomel State University named after F. Skaryna”,
st. Sovetskaya, 110, 246023, Gomel, Belarus, rozhkovaswet@yandex.ru*

The article characterizes Belarusian historiography devoted to Soviet-German relations on the eve of World War II. The most important provisions and conclusions reached by Belarusian researchers on this problem are established and characterized, and their scientific validity is determined. A comparative analysis of the Soviet and post-Soviet stages of the Belarusian historiography of Soviet-German relations of this period was carried out.

Keywords: international relations; interwar period; Russia, Germany; Belarusian historiography.

В белорусской историографии распространена точка зрения, что в Германии год прихода Гитлера к власти стал переломным моментом в советско-германских отношениях. 1933–1939 гг. — это сложный и важный период в отношениях СССР и Германии, который требует глубокого и всестороннего изучения и вызывает интерес у исследователей разных стран, в том числе и у белорусских историков. Однако в исторической науке практически нет работ по историографии советско-германских отношений 1933–1939 гг.

В белорусской советской историографии при характеристике внешней политики нацистской Германии основной акцент делается на подчеркивание

ее агрессивного характера. Такой подход сформировался сразу же после прихода Гитлера к власти. Уже в середине 1930-х гг. Х. Каррадов отмечал, что всеобщее международное положение в то время характеризовалось ростом военной опасности. Он считал, что военная угроза является итогом нового обострения всех внутренних и внешних противоречий капиталистического мира, связанная с мировым экономическим кризисом. В период кризиса произошел рост нацистского движения. Причиной усиления военной опасности являлось стремление европейских государств к новому переделу мира, считал автор. Основным очагом военной опасности в этот период являлась Германия, которая хотела начать передел мира с советского государства, резюмирует Х. Каррадов. Германия не скрывала свои агрессивные планы против СССР, а наоборот открыто говорила о расчленении Советского Союза, показывала свою классовую ненависть к социалистическому государству. В свою очередь, основной задачей внешней политики СССР, по мнению Х. Каррадова, всегда была борьба за мир [1, с. 30].

Д. С. Климовский считает, что Германия с приходом нацистов к власти начала подготовку к войне для полной ликвидации Версальской системы. Единственной страной, которая выступала против подготовки Германии к войне, был СССР. Главная цель внешней политики Гитлера — изменение европейских границ за счет соседей, отмечает автор. Д. С. Климовский пишет, что к осени 1939 г. Германия была готова для решения восточного вопроса. Д. С. Климовский также отмечал, что после прихода к власти, Гитлер ввёл всеобщую воинскую повинность и начал строить воздушный флот, не считаясь с Версальским договором. Фюрер не скрывал намерение «крестового похода» против СССР [2, с. 261, 263]. Таким образом, в белорусской советской историографии историки пришли к выводу, что после прихода Гитлера к власти Германия подчеркивала агрессивный характер внешней политики. Германия не скрывала свои агрессивные планы против СССР. Основной задачей внешней политики СССР всегда была борьба за мир.

Для белорусской постсоветской историографии общепризнанным является тезис, что приход к власти в Германии Гитлера 30 января 1933 г. стал определенным рубежом в развитии международных отношений в Европе, обозначив начало подготовки к развязыванию новой мировой войны. Он явился также четким рубежом в советско-германских отношениях, для которых период рапалльского сотрудничества сменился периодом похолодания и нарастающей напряженности.

В. А. Космач считает, что с приходом Гитлера к власти внешняя культурная политика оказалась под его полным контролем и выполняла конкретные идеологические задачи третьего рейха. В немецкой внешней культурной политике историк выделил несколько концепций, конкурирующих

между собой. Первая — концепция Розенберга, где ставка делалась на ось Берлин—Лондон. Вторая — концепция Риббентропа, предполагавшая союз с Италией и Японией для вторжения на Запад и в последующем на СССР. Третий вариант предполагал сотрудничество с СССР для противодействия Версальским соглашениям. В. А. Космач резюмирует, что внешняя культурная политика была рассчитана на культурную экспансию в другие страны и не предполагала культурные и научные контакты с внешним миром, в том числе и СССР [3, с. 43; 4, с. 173; 5, с. 16; 6, с. 70; 7, с. 39; 8, с. 54; 9, с. 143; 10, с. 358; 11, с. 177].

Историки Беларуси постсоветского периода пришли к выводу, что с приходом Гитлера к власти внешняя культурная политика оказалась под его полным контролем и выполняла конкретные идеологические задачи. С приходом в Германии к власти Гитлера постепенно начала изменяться политика страны в отношении СССР, отмечают историки (Д. А. Мигун, А. В. Мишин и Т. Л. Ойстра-Демидова, С. М. Стародынова) [12, с. 220, 225; 13, с. 185; 14, с. 165; 15, с. 140; 16, с. 170, 171; 17, с. 141, 142]. При этом Гитлер, с одной стороны, подчеркивал незыблемость прежнего раппальского курса, а с другой стороны в отношении советских граждан и учреждений на территории Германии был начат террор и травля (аресты, обыски, преследования, подрыв деятельности торгпредства СССР и др.) [18, с. 7; 15, с. 135]. Историки Беларуси отмечают, что отрицательное влияние на советско-германские отношения оказывали различные политические кампании в Германии, направленные против СССР. Сюда относились призывы к войне против советского государства, создание белогвардейской организации, клевета на советский строй, отмечают Д. А. Мигун и И. А. Литвиновский [15, с. 139; 16, с. 170; 19, с. 243–244]. Историки Беларуси постсоветского периода указывают, что агрессивная политика нацистской Германии строилась на основе теории Гитлера о расширении «жизненного пространства». По мнению историков, (В. К. Коршука, Д. А. Мигуна, В. А. Космача, И. А. Литвиновского, Ю. И. Литвиновской, Л. Н. Кулеш, И. В. Дубовец, А. Б. Бессольнова, А. М. Бабкова), приход Гитлера к власти означал переход Германии к политике, которая предполагала захват новых территорий для достижения достойной жизни немецким народом [20, с. 3; 21, с. 101; 22, с. 118; 23, с. 243; 239, с. 452; 24, с. 7–8; 25, с. 55, 56].

Л. М. Хухлындина выделила основные направления внешнеполитической деятельности Германии на Востоке. Во-первых, втягивание в сферу влияния Германии государств Прибалтики; во-вторых, переговоры с Польшей, чтобы настроить ее против СССР; в-третьих, любые проекты, которые бы могли ослабить советскую власть [26, с. 5]. Белорусские ученые постсоветского периода обратили внимание на разработку немецким

руководством антисоветских планов. А. Г. Ливицкий, А. А. Осмоловский, изучая немецкие планы против СССР в период Третьего рейха, отмечают, что немецкое руководство планировало агрессию против Советского Союза задолго до войны. Уже в середине 1930-х гг. был разработан план «А», под которым подразумевалось война против СССР. В этот период гитлеровское командование изучало сведения о Красной Армии и планировало варианты военных действий против СССР, отмечает А. Г. Литвиновский [27, с. 168]. И. В. Дубовец считает, что экономической целью Германии на Востоке было захват сырья для промышленности (нефти, марганца, руды), продовольствия и продуктов сельского хозяйства [21, с. 103].

Таким образом, после прихода Гитлера к власти ухудшились советско-германские отношения, так как его целью было — расширением территории Германии, прежде всего, на Восток для обеспечения экономической безопасности Германии и расового обновления. Внешняя культурная политика была рассчитана на культурную экспансию, в том числе и в СССР, поэтому не предполагала советско-германское сотрудничество.

В. А. Космач считает, что концепция внешней политики Третьего рейха, разработанная Гитлером, включала несколько последовательных фаз: 1) «освобождение» Германии от военных ограничений Версаля, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому мирному договору в 1919 г.; 2) «собираание немецких земель» и образование единого блока из 100 миллионов немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе, аннексия или нейтрализация таких противников, как Австрия, Чехословакия или Польша; 3) устранение как потенциального противника Франции; 4) завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» — покорение Европейской России, сокрушение Англии и захват её колоний, «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы», превращение Германии в великую и непобедимую континентальную и мировую державу — «тысячелетний рейх» [28, с. 214; 29, с. 5].

Таким образом, Советская Россия стала главным врагом Германии. Вышеназванные авторы считают, что концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германского раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи». Накануне Второй мировой войны возникла концепция Риббентропа, суть которой сводилась к борьбе с Великобританией, а затем с СССР. Д. А. Мигун пишет, что Риббентроп предлагал идею антибританского соглашения Германии, Италии и Японии, а Розенберг призывал к антисоветскому походу все европейские государства под руководством

Германии. Гитлер, учитывая сложившуюся ситуацию в мире, выбрал предложения Риббентропа и начал войну сначала с Англией и Францией, а затем с СССР, пишет автор [18, с. 7].

Характеризуя советско-германские отношения 1930-х гг. в контексте международной ситуации того времени, Л. М. Хухлындина отмечает, что министр иностранных дел Риббентроп считал оптимальным вариантом для Германии создать союз трех империй — Германии, СССР и Японии, для совместного раздела сфер влияния на огромных евразийско-африканских просторах, а также присоединение СССР к пакту Рим-Берлин-Токио. Противоположную позицию относительно СССР занимал Гитлер. Он не считал, что Советский Союз в конечном итоге присоединится к Англии и США и выступит против Германии [26, с. 6]. Белорусские историки постсоветского периода обращаются к проблеме создания системы коллективной безопасности в Европе. В этой связи Л. М. Хухлындина отмечает, что для срыва советской инициативы по созданию системы коллективной безопасности, Гитлер главную ставку сделал на переговоры с Великобританией. Он убеждал британских политиков, что английский принцип равновесия устарел и не может отвечать британским интересам в условиях того времени. Причиной этому является нарастание военной угрозы на Востоке Европы и перспектива большевизации континентальной Европы, Англии, а потом и всего мира. Результатом сближения нацистской Германии с Великобританией на антисоветской основе, считает Л. М. Хухлындина, стало заключение в 1933 г. «пакта четырех» (Лондон, Париж, Берлин, Рим) [26, с. 5]. А. В. Тихомиров отмечает, что немецкое руководство планировало установить также с Польшей хорошие отношения и вступить в союз против СССР, однако в 1938 г. отношения с Польшей испортились из-за требования Германии передать ей город Данциг [30, с. 177].

Д. А. Мигун в своем исследовании обращает внимание на то, что, придя к власти, Гитлер обнародовал свою программу, провозглашавшую целью создание нового порядка в мире. В связи с этим встал вопрос о создании системы коллективной безопасности. СССР в этой ситуации разработал свой план создания такой системы. Она предусматривала готовность СССР на определенных условиях вступить в Лигу Наций, чтобы заключить региональные соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. В советском плане содержалось требование расового и национального равноправия [31, с. 128–130].

30 сентября 1938 г. историки Беларуси считают рубежной датой, когда в Мюнхене «во имя сохранения мира» западными державами Германии была передана Судетская область Чехословакии. Это событие, по мнению Л. М. Хухлындиной, можно считать не только во многом определившее дальнейший ход развития мировой политики, но и советско-германских

отношений. После этого события советское руководство окончательно потеряло веру в Англию и Францию как возможных союзников. Это послужило Сталину серьезным сигналом о возросшей внешнеполитической угрозе. Опасность международной изоляции СССР, неудача курса СССР на создание системы коллективной безопасности, как считает Л. М. Хухлындина, привели к тому, что Германия и СССР постепенно пошли на взаимное сближение [26, с. 5].

Историки Беларуси пришли к выводу, что в 1930-е гг. возникает противостояние между СССР и Германией. Оба государства всегда были по разную сторону баррикад. Они оказывали поддержку противоборствующим сторонам во время гражданской войны в Испании, постоянно проводили направленные друг против друга пропагандистские кампании. Советская дипломатия боролась за создание единого антифашистского фронта и системы коллективной безопасности. Западные державы предпочитали вести политику умиротворения. Опасность международной изоляции СССР, неудача курса СССР на создание системы коллективной безопасности, привели к тому, что Германия и СССР постепенно пошли на взаимное сближение.

Библиографические ссылки

1. *Каррадаў Х.* Рост ваеннай небяспекі і мірная палітыка СССР // 15 год барацьбы пад сцягам Леніна-Сталіна : зборнік артыкулаў, друкаваных у часопісе «Большэвік Беларусі» / [рэд. : К. Мінкін і інш.]. Мінск : Выд-ва ЦК КП(б)Б «Звязда», 1935. С. 27–39.
2. *Климовский Д. С.* Германия и Польша в локальной системе европейских отношений : из истории зарождения Второй мировой войны. Минск : Изд-во БГУ, 1975. 287 с.
3. *Космач В. А., Романовский Д. В.* Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности). Витебск : Изд-во ВГУ ун-та им. П. М. Машерова, 2001. 155 с.
4. *Космач В. А.* Внешняя культурная политика в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.). Минск : БДПУ, 1994. 373 с.
5. *Космач В. А.* До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.) : монография. УО «ВГУ им. П. М. Машерова». Витебск : ВГУ, 2003. 178 с.
6. *Космач В. А.* Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. 169 с.
7. *Космач В. А.* Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг.: стан, праблемы і вопыт // Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы міжнарод. «круглага стала», (29–30 красавіка 1996 г.) / [рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) і інш.]. Мінск : Нац. навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. С. 39–46.
8. *Космач В. А.* Германский национал-социализм (фашизм): характерные черты и особенности // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг. : актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений,

социально-гуманитарных наук и права : материалы междунаро-д. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. / ВГПУ имени П. М. Машерова ; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. Витебск, 2019. С. 54–66.

9. *Космач В. А.* Трактовка фашизма в историографии 20–40-х гг. и второй половины XX века // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2000. № 4 (18). С. 136–144.

10. *Космач В. А.* Адольф Гітлер і ранні фашызм у Германіі (1889–1924 гг.). Історыя. Суждзены. Мненіны. Ацэнкы : монаграфія. Псков : Логос, 2016. 1117 с.

11. *Космач В. А.* Внешняя культурная палітыка ў германскай історыі найноўшага часу // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч.* Мінск, 1995. Ч. 2. С. 173–178.

12. *Ойстрах-Демидова Т. Л.* Тоталітарнае іскусства ў фашысцкай Германіі (1933–1944) // *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.].* Мінск, 2010. Вып. 8 : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 17 красавіка 2009 г. С. 218–225.

13. *Мишин А. В.* Печатная пропаганда Третьего Рейха в оккупированной Беларуси // *История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы междунаро-д. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., г. Витебск / [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.].* Витебск : МИТСО, 2009. С. 185–187.

14. *Стародынова С. М.* Пропаганда в нацистской Германии — главный элемент информационной войны за души граждан // *История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы междунаро-д. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., г. Витебск / [редкол. В. А. Космач (гл. ред.) и др.].* Витебск : МИТСО, 2009. С. 163–168.

15. *Мигун Д. А.* Германско-советские политико-экономические отношения в 1933 г. // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст.* Минск : РИВШ, 2011. Вып. 11: в 2 ч., ч. 1 / [под ред. В. Ф. Беркова]. С. 135–140.

16. *Мигун Д. А.* Германско-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. // *Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени : (к 100-летию проф. Л. М. Шнеерсона) : междунаро-д. науч.-теорет. конф., [25 февраля 2011 г., г. Минск].* Минск : РИВШ, 2012. С. 170–172.

17. *Мигун Д. А.* Планы немецкого руководства в отношении «нового миропо-рядка» накануне Второй мировой войны // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей.* Минск : РИВШ, 2015. Вып. 15: в 2 ч., ч. 1. / [под ред. В. Ф. Беркова]. С. 140–147.

18. *Мигун Д. А.* Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверии Второй мировой войны // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя: Гісторыя, Філасофія, Філалогія*. 2001. № 2 (38). С. 4–9.

19. *Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И.* Советско-германские торгово-экономические отношения в межвоенный период (1921–1939) // *Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.].* Мінск, 2014. Вып. 12 : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 красавіка 2013 г. С. 239–245.

20. *Коршук У. К.* Фашызм: злачынныя мэты, злачынныя сродкі // *Веснік БДУ імя У. І. Леніна*. 1991. № 2. С. 3–6.

21. *Дубовец И. В.* Государственная политика Германии с 1918 до 2-й половины 1943 года в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль

хозяйственных элит в государственном регулировании предпринимательских отношений // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы международ. науч. конф., 8–9 октября 2009 г., [г. Витебск / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. Витебск : МИТСО, 2009. С. 101–103.

22. *Кулеш Л. Н.* Общественная жизнь Германии в годы нацизма // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. Мінск, 2009. Вып. 7 : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 25 красавіка 2008 г. С. 118–121.

23. *Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И.* Советско-германские договоренности августа 1939 года: начало переговоров // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; [рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. Мінск, 2015. Вып. 13 : у 2 кн., кн. 1 : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 11 красавіка 2014 г. С. 49–55.

24. *Бессольнов А. Б.* Версальский мир и кризис международных отношений в 20–30-х годах XX века // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў : (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зб. навук. артыкулаў / ГДУ імя Ф. Скарыны ; [рэдкал.: М. М. Мязга і інш.]. Гомель, 2020. С. 5–11.

25. *Бабков А. М.* Преимущество германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн // Гомельщина в 1941 году : материалы науч.-практич. конф., посв. 65-летию начала Великой Отечественной войны. Гомель : Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. С. 54–63.

26. *Хухлындзіна Л. М., Васількоў У. У.* «Drang nach Osten» у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2005. № 2. С. 3–8.

27. *Ливицкий А. Г., Осмоловский А. А.* Разработка германских стратегических планов войны против СССР в период «Третьего Рейха» // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы международ. науч. конф., 8–9 октября 2009 г. / [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. Витебск : МИТСО, 2009. С. 168–171.

28. *Космач В. А.* Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки // Метаморфозы истории : научный альманах / Псковский гос. ун-т ; [редкол.: В. А. Дмитриев (гл. ред.) и др.]. Псков, 2016. Вып. 8. С. 211–230.

29. *Космач В. А.* Вторая мировая война: история и современность // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность : материалы международ. науч.-теорет. конф., 5–6 мая 2005 г. / ВГУ им. П. М. Машерова ; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. Витебск, 2005. С. 5–8.

30. *Ціхаміраў А. В.* Беларусь у палітыцы вядучых дзяржаў Захаду (1914–1945 гг.) // Białoruskie Towarzystwo Historyczne. Byalistok, 2001, С. 168–188.

31. *Мигун Д. А.* Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918–июнь 1941 гг.). Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. 303 с.

УДК 070-047.44(0.032):355.425.4

ПАРТИЗАНСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ: АНАЛИЗ ОФОРМЛЕНИЯ

А. С. Рыжанкова

*Белорусский государственный технологический университет, ул. Свердлова, 13а,
220006, г. Минск, Беларусь, ryzhankova.1987@mail.ru*

В статье представлены результаты анализа 100 единиц партизанских рукописных журналов, выходивших на территории Минской области, с позиций их редакционно-технического оформления и способа воспроизведения текстовой и графической информации. Проводится анализ внешних и внутренних элементов издания: обложка, титульные элементы, аппарат. Также в ходе анализа изучаются приемы работы с текстовой и графической информацией. Особенностью работы является поиск в партизанских рукописных журналах редакционно-технических приемов работы с текстовой и графической информацией. Делается вывод о том, что рукописные журналы являются уникальным историческим документом, имеющим практически все признаки печатного издания, но отличающимся ввиду условий создания и хранения, техникой исполнения и формой подачи материала.

Ключевые слова: партизанские рукописные журналы; верстка; оформление; изображения.

PARTISANS HANDWRITTEN JOURNALS: ANALYSIS OF DESIGN

A. S. Ryzhankova

*Belarusian State Technological University, st. Sverdlova, 13a, 220006, Minsk, Belarus,
ryzhankova.1987@mail.ru*

The article presents the results of an analysis of 100 units of partisan handwritten magazines published in the Minsk region, from the standpoint of their editorial and technical design and the method of reproducing text and graphic information. An analysis of the external and internal elements of the publication is carried out: cover, title elements, apparatus. Also during the analysis, techniques for working with text and graphic information are studied. A special feature of the work is the search in partisan handwritten journals for editorial and technical techniques for working with text and graphic information. It is concluded that handwritten journals are a unique historical document that has almost all the features of a printed publication, but differs due to the conditions of creation and storage, execution technique and form of presentation of the material.

Keywords: partisan handwritten journals; layout; decor; Images.

Историко-документальное наследие Великой Отечественной войны составляют многочисленные архивы, документы того времени, дневники, воспоминания, письма, а также кино-, фото- и фонодокументы. Среди них выделяется уникальная коллекция рукописных партизанских журналов, которая насчитывает 248 единиц и включает рукописные издания

партизанских формирований, действовавших на оккупированной территории Беларуси. Коллекция имеет статус «историко-культурной ценности» категории «1» и внесена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [5].

Партизанские рукописные журналы, являясь уникальным первоисточником информации, служат базой для освещения различных сфер деятельности партизанских отрядов [3, с. 194]. По ним написаны монографии, установлены имена и даты важнейших событий, из них отобран уникальный фактический материал по различным научным направлениям и отраслям.

Журналы создавались как документ, исторический памятник, по следам событий самими участниками событий, что превратило их в надежный, достойный исторический источник [1, с. 12]. Это своеобразная «партизанская энциклопедия» о жизни, борьбе и творчестве народных мстителей [2]. В то же время, журналы являлись одним из источников агитационно-пропагандистской, идейно-воспитательной работы [2], они поднимали дух партизан, мобилизовали на борьбу с врагом [8], выполняя в том числе и культурно-просветительную функцию [7].

У всех рукописных журналов цели и задачи были едины, но формулировались они в каждом конкретном случае по-своему: освещение боевых дел, популяризация опыта борьбы с врагом, рассказ о зарождении партизанского движения и его нарастающей силе. Журналы выходили не вместо боевых листовок и стенных газет, а наряду с ними, отличаясь задачами, периодичностью, объемом и содержанием [1, с. 11].

Первые упоминания о рукописных партизанских изданиях появились в печати в 1942 г. [1, с. 3]. В том же году по предложению командира Ничипоровича на заседании партийного бюро партизанского отряда № 208, действовавшего в то время в Минской области, было решено наряду со стенными газетами и боевыми листовками выпускать художественно-политический журнал под названием «Народный мститель». Первый номер журнала представлял собой самодельную тетрадь, сброшюрованную нитками из листов оберточной бумаги [2].

Первые номера журналов появились в 1942 г. в Могилевской области, в течение 1943–1944 гг. — в других областях: Белостокской, Брестской, Вилейской, Витебской, Гомельской и Минской [4, с. 5]. В 1943–1944 гг. число отрядов и бригад, издававших рукописные журналы, значительно возросло. Имеются данные, что в 1943 г. на оккупированной территории Белоруссии выпускались 13 наименований рукописных журналов [1, с. 10].

Рукописные журналы выпускались в одном экземпляре, в редких случаях печатались под копирку в двух-трех экземплярах [1, с. 22]. Выходили они по мере накопления материала, как правило, в отмеченные сроки, периодичность не нарушалась.

В большинстве случаев слова «журнал» на титуле не было, хотя в отчетной документации эти издания называются журналами. К тому же внешние признаки и содержание указывают на принадлежность их к журнальному типу изданий. Некоторые выпуски назывались сборниками, альманахами. К отдельным журналам выпускались приложения [1, с. 18]. В некоторых источниках, партизанские журналы называют уникальными информационными сборниками [7].

По технике исполнения рукописные журналы белорусских партизан представляют собой художественно оформленные, напечатанные на машинке или написанные от руки, богато иллюстрированные самодельные альбомы или тетради разного формата и объема. Тексты журналов написаны синими, фиолетовыми и черными чернилами или напечатаны через один, полтора или два интервала на одной или обеих сторонах листа. Ряд журналов иллюстрирован фотографиями.

Для создания журналов использовались школьные тетради, канцелярские и амбарные книги, обратная сторона немецких плакатов, обратная сторона засвеченной фотобумаги, обложки старых журналов довоенного времени [1, с. 17]. По технике исполнения представляют самодельные, написанные от руки, напечатанные на машинке тетради или альбомы разного формата и объема. Название журнала чаще всего совпадает с названием партизанского отряда или бригады [3, с. 191].

Редколлегии состояли из ответственного и технического редакторов, художника и нескольких литературных сотрудников [1, с. 14]. Редакторами выступали командиры отрядов и комиссары, авторами статей — партизаны. Создавались журналы коллективно. Иногда редколлегия обращалась к читателям с просьбой представить свои отзывы, замечания и пожелания [3, с. 192].

Заметки, статьи, очерки — это своеобразная летопись самоотверженного труда журналистов и редакторов, которая навсегда останется в истории партизанской прессы. Отдельного внимания заслуживают карикатуры, шаржи, ребусы, нарисованные от руки в полевых условиях.

Лесные мастера пера регулярно и творчески использовали юмор и сатиру. Через фельетоны и пародии они издевкой и смехом разили немецких оккупантов и их «новый порядок». Здоровый смех и ирония поддерживали у партизан позитивные настроения и веру в то, что врага можно победить [6, с. 43].

Н. И. Москвин, командир партизанской бригады ОПС «Тринадцать», действовавшей в восточных районах Могилевской области, писал: «...никогда не было столько желающих выступить на страницах газет и журналов. Рассказы, воспоминания о погибших друзьях, их подвигах, сатирические куплеты, частушки и множество стихотворных сочинений писалось

во всех батальонах. И откуда только они взялись, эти люди, наделенные поэтическим даром, способные к острому сарказму и самобытному народному юмору?!» [6, с. 176].

Художественное оформление журналов в жанровом отношении было разнообразным. На их страницах помещены портреты народных мстителей, зарисовки боевых действий партизан, пейзажей, наполненных лирикой счастливой мирной жизни, трагические картины разрушений, сатирические рисунки разной тематики — от политической до бытовой. Как правило, рисунки обычно сопровождали и дополняли статьи, в которых подробно комментировались события каждого боя. Безусловно, партизанские художники не имели возможности использовать высококачественные материалы, поэтому в журналах встречается такой наиболее доступный вид творчества, как графика, что давало возможность многогранно раскрывать события военного времени [3, с. 191].

Анализ 100 партизанских рукописных журналов Минской области с позиции их редакционно-технического оформления проводился на основе издания «Партызанскія рукапісныя часопісы Мінскай вобласці = Партизанские рукописные журналы Минской области = Partisan manuscript Journals of Minsk region» [4] и материалов проекта «Партизанская летопись: рукописные партизанские журналы» [2].

Изучение внешних и внутренних элементов издания, его графического содержания и элементов оформления позволило сделать следующие выводы:

- формат журналов приближен к формату А4 либо формату ученической тетради. Средний размер — 30×22 см;
- титульный лист содержит необходимую выходную информацию (название журнала, дата выхода, название отряда, номер выпуска, военные лозунги). Чаще всего титульные листы цветные, рисованные, с элементами напечатанного текста;
- в изданиях присутствуют титульные элементы (шмуцтитулы, титулы разделов);
- аппарат издания представлен различными элементами, например, «От редакции», «От редакционной коллегии», «Предисловие», «Посвящение» и др.;
- на обороте титульного листа и на концевой странице имеются выходные сведения об объеме издания, ответственных лицах;
- в рукописных журналах имеется содержание;
- чаще всего в изданиях присутствуют поля, текст расположен в одну либо две колонки, имеется выделенная графически полоса набора (рамка, уголки, линейки);

– текст напечатан на машинке, нарисован, написан каллиграфическим способом;

– в качестве подложки используются разлинованные листы, листы в клетку, листы с рисованными базовыми линиями;

– в журналах представлены колонтитулы с колонцифрами;

– представлен текст различного характера и знаковой природы информации (например, нотный и ритмизованный);

– имеются буквицы, заставки и концовки;

– представлены все виды заверстки иллюстративного материала, расположение по правилам чтения, имеются подрисуночные подписи;

– текст набран прямо, написан под наклоном, по кривой, с различными эффектами (тень, объемность, выдавливание, растушевка, выворотка/инверсия и др.);

– используются врезки с элементами графических акцентов;

– присутствуют приемы работы с табуляторами и различные варианты выравнивания;

Производство: ручное, машинопись, карандаш графитный, гуашь, рукопись, чернила, фотопечать (единично), акварель (единично).

Материалы: бумага, картон, фотобумага, калька, ткань, коленкор, фотобумага глянцевая, бумага газетная, кожа (единично).

Язык: русский и белорусский (журнал «Пламя» № 4, Орган партийно-комсомольской организации партизанского отряда «Пламя»).

На страницах партизанских рукописных журналов Минской области помещено 2137 сюжетных зарисовок из партизанской жизни, выполненных на разном уровне художественного мастерства [4].

Представленные выше черты оформления рукописных журналов минимально описывают то мастерство и профессионализм, с которыми были подготовлены эти уникальные исторические артефакты. Каждое из них имеет свой собственный стиль оформления, графический почерк и содержание. Некоторые издания сохраняют стилистику на протяжении всех выпусков, некоторые — меняют оформление в зависимости от темы номера. Таким образом, уникальность рукописных партизанских журналов свидетельствует о безграничной вере в Победу, желании людей любыми силами побороть врага, сохранив на страницах журнала подвиг каждого человека и его вклад в защиту Родины.

Библиографические ссылки

1. *Кнатъко Г. Д.* Рукописные издания партизан Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1979 г. 84 с.

2. Партизанская летопись: рукописные партизанские журналы / Проект Белорусского телеграфного агентства и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://letopis.belta.by> (дата обращения: 01.06.2024).

3. *Беспалая М. А.* Коллекция рукописных партизанских журналов в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны как исторический источник // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 191–197.

4. Партизанскія рукапісныя часопісы Мінскай вобласці = Партизанские рукописные журналы Минской области = Partisan manuscript Journals of Minsk region: каталог / склад. Н. І. Філіповіч; Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2017. 367 с.

5. Коллекция рукописных партизанских журналов в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны: проект Белорусского телеграфного агентства и Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektsiya-rukopisnyh-partizanskih-zhurnalov-v-fondah-belorusskogo-gosudarstvennogo-muzeya-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-kak/viewer> (дата обращения: 01.06.2024).

6. *Борисенко Н. С.* Партизанские «друкары» Могилевщины: и словом, и пулей!: 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) посвящается. Могилев: Могилевская типография, 2020. 228 с.

7. *Теляшук В.* Партизанские рукописи — бесценные свидетельства военного времени [Электронный ресурс]. URL: <https://zviazda.by/ru/news/20181117/1542403002-partizanskie-rukopisi-bescennye-svidetelstva-voennogo-vremeni> (дата обращения: 01.06.2024).

УДК 94(47)"1941/1945"

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. В. Сергееenkova

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, SergVV@bsu.by*

Освещается вклад моей семьи в Великую Победу: дедов, отца, матери и бабушки, других родственников. Статья основана на данных Центрального архива Министерства обороны Республики Беларусь и рассекреченных материалах Министерства обороны Российской Федерации, размещенных на сайте «Подвиг народа».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сергееenkovy; Федин; боевые награды; тыл — фронту.

THE IMMORTAL FEAT OF MY FAMILY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

V. V. Sergeenkova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, SergVV@bsu.by*

The contribution of my family to the Great Victory is highlighted: grandfathers, father, mother and grandmother, and other relatives. The article is based on data from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Republic of Belarus and declassified materials of the Ministry of Defense of the Russian Federation posted on the website "Feat of the People".

Keywords: The Great Patriotic War; Sergeenkovs; Fedin; military awards; rear to the front.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в судьбах почти всех семей Беларуси и России. Те страшные и великие дни запечатлелись в судьбах наших дедов и бабушек, матерей и отцов, дядей и близких родственников. Вспоминая рассказы близких людей, прошедших через горнило войны, все отчетливее понимаешь, что забыть это нельзя. Эту статью посвящаю памяти моих родителей, дедушек и бабушек, близких родственников, прошедших войну или погибших на ней. Статья основана на материалах Центрального архива Министерства обороны Республики Беларусь, материалах Министерства обороны Российской Федерации, размещенных на сайте «Подвиг народа», данных «Книги памяти. Смоленская область», материалах семейного архива и личных воспоминаний из рассказов моих родителей.

Мой дед, Сергеенкoв Алексей Ерофеевич, 1901 г. р., уроженец д. Ломакино, Краснинского района Смоленской области, занимался сельским хозяйством, с 1935 г. работал инструктором Народно-хозяйственного

управления Госплана при Смоленской области. 5 июля 1941 г. его призвали в армию [4]. По одной версии он в 1942 г. был замучен фашистами в одном из концлагерей Могилевской области [3, л. 13 об.]. В дальнейшем это не подтвердилось. Новая версия, абсолютно достоверная, стала известна после издания «Книги памяти. Смоленская область» и электронной публикации архивных материалов в проекте «Память народа». В этих источниках значится, что А. Е. Сергеенков, рядовой, «пропал без вести в ноябре 1943 г.» [2, с. 288; 4]. Брат моего деда, Сергеенков Максим Ерофеевич, 1909 г. р., воевал в 65 гвардейской стрелковой дивизии. Можно с уверенностью говорить, что он погиб в бою 1 декабря 1943 г. и похоронен в д. Заполье Дубровинского района Витебской области [2, с. 288; 5].

Старший брат моего отца Сергеенков Николай Алексеевич, 1919 г. р., учился в сельскохозяйственном техникуме в г. Ельня Смоленской области. В сентябре 1940 г. он был призван в армию, служил в Балтийском военно-морском флоте. Николай Алексеевич погиб в боях, защищая г. Ленинград, что подтверждается и архивными документами, и «Книгой памяти. Смоленская область» [3, л. 13 об.; 2, с. 288; 6; 7].

Младший брат отца, Петр Алексеевич Сергеенков, 1926 г. р., находился в оккупации. После освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков в 1943 г. ушел воевать солдатом в Красную Армию. Он награжден Орденом Отечественной войны II степени [8]. Петр Алексеевич служил в 203 армейском запасном стрелковом полку [9; 10]. После войны он окончил сельскохозяйственную академию в г. Горках и работал в Смоленской области директором совхоза, главным зоотехником [3, л. 13 об.]. Моя бабушка, Сергеенкова Матрена Васильевна, пережила все ужасы оккупации, после освобождения находилась в крайней степени истощения.

Мой отец, Сергеенков Василий Алексеевич, родился 8 марта 1922 г. в д. Ломакино Краснинского района Смоленской области в семье крестьянина. После окончания 7-летней школы в 1937–1939 гг. он учился в Ельненском сельскохозяйственном техникуме. В 1939 г. он стал курсантом Минского пехотного училища им. М. И. Калинина Западного Особого Военного Округа. Вместе с переводом училища он являлся курсантом в 1940–1941 гг. курсантом Лепельского пехотного училища, затем Череповецкого пехотного училища Вологодской области, которое закончил в мае 1941 г. в звании лейтенанта (рис. 1) [3, л. 4 об., 14–14 об.].

С первого дня Великой Отечественной войны, с 22 июня 1941 г., он стал воевать на Карельском фронте в районе г. Реболы Карело-Финской ССР. Этот фронт считался самым длинным, его левый фланг начинался у Ладожского озера, а правый заканчивался в Заполярье на северной границе с Финляндией, упираясь в Баренцево море [1]. В. А. Сергеенков с июня по декабрь 1941 г. был командиром стрелкового взвода 337 стрелкового

Рис. 1. Лейтенант В. А. Сергеевков,
1940–1941 гг.
Источник: [12]

Рис. 2. Капитан В. А. Сергеевков,
1942 г.
Источник: [12]

полка 56 стрелковой дивизии, затем в 1942 г. командиром роты и командиром батальона 239 стрелкового полка 27 стрелковой дивизии. В его характеристике записано: «Сергеевков, участвуя в боях с белофиннами в сентябре-м-це 1941 г. на Ребольском направлении Карельского фронта проявил мужество и отвагу. Командуя стрелковым батальоном, умело организовал уничтожение белофиннов. Только в одном бою по разгрому противника в р-не ЕВЖ-озера его батальон уничтожил более ста белофиннов, кроме этого были взяты большие трофеи. За проявленные в боях мужество и отвагу, за умелое командование подразделением в бою, тов. Сергеевков достоин правительственной награды орденом «Отечественной войны II степени» [3, л. 4 об., 14 об.]. В декабре 1941 г. ему было присвоено звание старшего лейтенанта, а в мае 1942 г. — капитана (рис. 2). В сентябре 1941 г. он был первый раз ранен, имеет боевые награды [3, л. 4]. В боевой характеристике от 11 мая 1942 г. на командира 1 стрелкового батальона 239 стрелкового полка 27 стрелковой дивизии старшего лейтенанта В. А. Сергеевкова записано: «Общее и военное развитие хорошее. Наклонность и способность к строевой службе имеет. Подразделением руководить умеет. В боях смел, решителен и находчив. Обладает волевыми качествами. Физически здоров. В походах вынослив. Должности командира Стрелкового батальона соответствует» [3, л. 13].

В. А. Сергеевков имел ряд наград: дважды Орден Красной Звезды, дважды

медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден «Отечественной войны II степени» и др. [12].

Отец не очень любил говорить о тяжелых событиях 1941–1942 гг. Из его скудных воспоминаний знаю, что большие проблемы на войне создавали финские снайперы. Иногда рассказывал, как тяжело пришлось ему выводить свой батальон из окружения, питаясь кровью и мясом убитых лошадей, морошкой и отваром из еловых лапок.

В декабре 1942 г. после очередного ранения В. А. Сергеенков был отправлен в г. Ташкент в Военную Академию им. М. В. Фрунзе, где в 1943 г. окончил литерный курс и стал слушателем Основного факультета Краснознаменной Ордена В. И. Ленина и Ордена А. В. Суворова I степени Военной Академии им. М. В. Фрунзе, которую окончил в 1946 г. Из-за ранений на фронт его больше не отправили. Был членом ВКП(б). В 1945 г. мой отец участвовал в параде Победы на Красной площади Москвы, за что получил личную благодарность Верховного Главнокомандующего генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина за хорошую строевую выучку [3, л. 3]. В июле–августе 1945 г. В. А. Сергеенков находился на стажировке в Германии в районе Потсдама [3, л. 14; 12; 13].

По окончании Академии в ноябре 1946 г. ему было присвоено звание майора. До июня 1946 г. В. А. Сергеенков являлся помощником начальника I (Оперативного) отделения, а затем по октябрь 1948 г. — офицер по изучению и использованию опыта войны в Оперативном отделе 36 стрелковой Хинганской ордена В. И. Ленина дивизии 36 Армии Забайкальско-Амурского Военного округа и Оперативного отдела штаба 14 Армии Дальневосточного Военного округа.

Будучи в Академии в Москве, Василий Алексеевич познакомился со своей будущей женой, Фединой Валентиной Степановной. Их навсегда связало чувство любви, взаимопонимания и уважения. После окончания Академии он был направлен на службу в Забайкальско-Амурский Военный округ, куда уехал вместе с женой. Они вместе испытали все сложности службы на отдаленной точке недалеко от границы с Монголией [3, л. 4 об.].

В семейном архиве сохранились письма моего отца к своей жене, датированные 1947 г., когда моя мама находилась в Москве, заканчивая обучение в техникуме. Письма дышат огромным теплом и любовью. «Мой хороший „чижик“», «любимая Валюша», «детка», «дорогая женулька», «роднулька» — таковы были его обращения к ней. «Что у меня есть, было и будет хорошего, то я могу преподнести только тебе, дорогая женулька, и никому больше. В моих глазах и в моем понятии ты лучше всех. Ради встречи с тобой я отдал бы все, чем я располагаю.<...> Если бы была

возможность, и ты смогла бы заглянуть в мое сердце, то ты увидела бы там только себя». Такую нежность, преданность и глубину чувств, наверное, могут испытывать и хранить люди, прошедшие через тяжелые испытания.

С ноября 1948 г. мой отец учился на Военно-историческом факультете Краснознаменной Ордена В. И. Ленина и Ордена А. В. Суворова I степени Военной Академии им. М. В. Фрунзе, которую окончил с отличием в ноябре 1950 г. Ему было присвоено звание подполковника [3, л. 5]. В его Аттестации, данной при окончании Академии, значится: «с хорошей военно-теоретической подготовкой и опытом работы в строевых частях и крупных штабах Советской Армии. Дисциплинирован и требователен. Четок, аккуратен и исполнительен. Весьма трудолюбив и усидчив. Ум гибкий и глубокий. Суждения логичны и конкретны. Выводы делает содержательные и обоснованные. Характер имеет спокойный и ровный, воля твердая. В ходе обучения на факультете показал отличные успехи по всем дисциплинам факультета, хорошие навыки педагогической и научно-исследовательской работы. Может быть использован на педагогической работе по кафедре истории военного искусства в военных Академиях» [3, л. 24; 13].

После окончания Академии в 1950–1953 гг. В. А. Сергеенков работал преподавателем кафедры истории военного искусства в Военном Педагогическом институте Советской Армии в Хлебникове Московской области [3, л. 5]. Потом он в 1953–1954 гг. он являлся преподавателем истории военного искусства, старшим преподавателем военной географии Гомельского Высшего Инженерного Радиотехнического училища войск ПВО. В 1955 г. ему было присвоено звание полковника.

С переводом училища в Минск осенью 1954 г. В. А. Сергеенков стал преподавателем, а с 1956 г. — начальником кафедры общей тактики и общевоенных предметов, в 1956–1957 гг. — начальником кафедры тактики Минского Высшего Инженерного Радиотехнического Училища войск ПВО страны. Затем с 1957 г. и до окончания службы в 1972 г. работал старшим преподавателем истории военного искусства и тактики МВИРТУ (позже МВИЗРУ — Минское Высшее Инженерное Зенитно-Ракетное Училище) [3, л. 5; 13]. В. А. Сергеенков был в числе первого преподавательского состава МВИЗРУ, нынешней Военной Академии Республики Беларусь. Первые преподаватели МВИРТУ (МВИЗРУ), в том числе и В. А. Сергеенков, были очень хорошо подготовленными офицерами, прошедшими войну, высокообразованными, интеллигентными, тактичными. Как преподаватель истории военного искусства и тактики мой отец разработал методику преподавания этих дисциплин, очень добросовестно относился к выполнению своих служебных обязанностей, много работал по оказанию помощи

слушателям в их самостоятельной работе, пользовался заслуженным авторитетом преподавателей и слушателей. Он отличался хорошим лекторским мастерством (рис. 3).

Рис. 3. Полковник В. А. Сергеенков, 1970-е гг.

Он занимался научно-исследовательской работой, публиковал статьи. В. А. Сергеенков в соавторстве написал и издал учебное пособие по истории войск ПВО страны. Его научные интересы были связаны с изучением истории Отечественной войны 1812 г. Он являлся автором учебного пособия по истории военного искусства, конспектов лекций по этой дисциплине, которые использовались в учебном процессе в МВИЗРУ. Мой отец, гордость нашей семьи, оставил свой след в истории и России, и Беларуси. В 1983 г. Василия Алексеевича Сергеенкова не стало, он похоронен на Чижовском кладбище г. Минска. Он прожил честную, добросовестную жизнь, никогда не прятался за чужие спины. Вечная ему память и низкий поклон от благодарных потомков.

Мой дед по материнской линии, Федин Степан Петрович, 1898 г. р., добровольцем ушел на фронт и погиб смертью храбрых 9 сентября 1942 г. под Калинином, защищая Москву. Сопоставляя имеющиеся данные, произошло это в ходе Ржевского сражения [14]. До сих пор в семейном архиве хранится пожелтевшая «похоронка» на С. П. Федина (рис. 4).

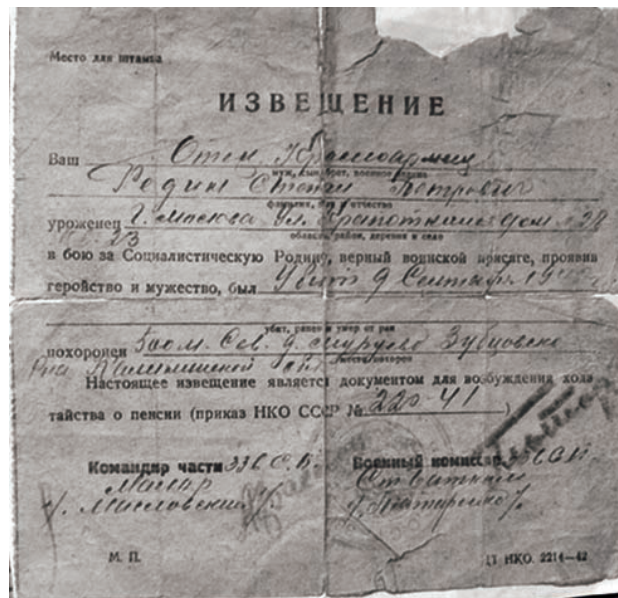

Рис. 4. Извещение о гибели моего деда С. П. Федина

Наша семья неоднократно пыталась найти место захоронения С. П. Федина в братской могиле в д. Муруево Зубцовского района Калининской, ныне Тверской обл. К сожалению, все поиски, обращения в военкоматы положительных результатов не дали.

Моя бабушка, Чебелева-Федина Александра Захаровна, 1900 г. р., и моя мама, тогда Федина Валентина Степановна, 1923 г. р., во время войны находились в Москве. Они вносили свой вклад в дело Великой Победы. Мама по мобилизации работала на лесозаготовках под Москвой в ноябре–декабре 1941 г., где обморозила ноги, и всю последующую жизнь они у нее болели. Затем она почти ежедневно дежурила на крышах домов в центре Москвы, тушила зажигательные бомбы. Она и моя бабушка работали в Москве на секретном военном заводе 699, изготавливая снаряды для ракетно-минометных установок «Катюша» [15]. Они являлись тружениками тыла. Из воспоминаний матери знаю, что жить в Москве во время войны было непросто: не хватало самого необходимого. Она рассказывала, как они с бабушкой готовили картофель: сначала его тщательно мыли, затем чистили. Картофель отваривали, из отвара готовили суп, а картофельные очистки пропускали через мясорубку и делали «котлетки», обжаривая их на машинном масле. Настоящим праздником было, когда на паек выдавали сахарин и «ржавую» селедку. Попить чай с сахарином и кусочком селедки, положенным на черный хлеб, было необыкновенным наслаждением. Мама вспоминала, что она мечтала: вот придет Победа, напьюсь вволю сладкого чаю с селедкой.

События Великой Отечественной войны нельзя забыть. Трагизм войны, ее жестокость оставили глубокий след в жизни моих предков. Память

о членах семьи, которые прошли войну, бережно хранится и передается из поколения в поколение. Эта страшная война затронула почти весь советский народ. Нельзя забывать прошлое, оно поможет ценить и понять настоящее, прогнозировать будущее. Всем, испытавшим все ужасы Великой Отечественной войны, вечная память благодарных потомков.

Библиографические ссылки

1. Вторая Мировая война. На Карельском фронте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-war.ru/na-karelskom-fronte> (дата обращения: 07.04.2020).
2. Книга памяти. Смоленская область. Краснинский, Монастырщинский районы [Электронный ресурс]. URL: <http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=401155447> (дата обращения: 07.05.2020).
3. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь. Ф. 4457. Оп. 106476. Д. п. 152.
4. Сергеенков Алексей Ерофеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie61357335 (дата обращения: 10.04.2024).
5. Сергеенко Максим Ерофеевич (Ефремович) :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107738838> (дата обращения: 15.04.2024).
6. Галерея памяти участников ВОВ [Электронный ресурс]. URL: <https://1418museum.ru/heroes/70812966> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Сергеенков Николай Алексеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107739858> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Сергеенков Петр Алексеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1521147684 (дата обращения: 10.05.2024).
9. Сергеенков Петр Алексеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok4753016 (дата обращения: 01.06.2024).
10. Память народа :: Подлинные документы о Второй Мировой войне [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/id30000231> (дата обращения: 25.05.2024).
11. Сергеенков Василий Алексеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1420235605 (дата обращения: 20.05.2024).
12. Сергеенков Василий Алексеевич :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero84281973> (дата обращения: 20.05.2024).
13. Галерея памяти участников ВОВ [Электронный ресурс]. URL: <https://1418museum.ru/heroes/70812408> (дата обращения: 20.05.2024).
14. Федин Степан Петрович :: Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_pechatnoi_knigi_pamyati401079566 (дата обращения: 19.05.2024).
15. Федина Валентина Степановна [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/TV/011/179517_049/00000092.jpg (дата обращения: 01.06.2024).

УДК 94(47)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

А. В. Третьяков

*ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», ул. Радищева, 33, 305000,
г. Курск, Россия, dr_tretyakov@mail.ru*

В статье предпринята попытка показать роль исторической памяти в развитии государственной идентификации в условиях современного обострения геополитических угроз и вызовов. В работе показано, что историческая память, формируясь в процессе межпоколенческого диалога, становится действенным способом общественно-государственной консолидации как основы приобретения и развития государственного суверенитета.

Ключевые слова: историческая память; источник; межпоколенческий диалог; идентификация; суверенитет.

HISTORICAL MEMORY IS THE BASIS OF STATE SOVEREIGNTY BELARUS AND RUSSIA

A. V. Tretyakov

*Kursk State University, 33 Radishcheva str., 305000, Kursk, Russia,
dr_tretyakov@mail.ru*

The article attempts to show the role of historical memory in the development of state identification in the context of the current aggravation of geopolitical threats and challenges. The paper shows that historical memory, being formed in the process of intergenerational dialogue, becomes an effective way of social and state consolidation as the basis for the acquisition and development of state sovereignty.

Keywords: historical memory; source; intergenerational dialogue; identification; sovereignty.

В условиях современных геополитических и цивилизационных вызовов устойчиво обостряются и активизируются проблемы государственной идентификации населения. Вопрос поиска исторической правды как основы самоидентификации особо актуален в современных условиях на постсоветском пространстве и в преддверии 80-летия Великой Победы в годы Великой Отечественной войны.

В послании белорусскому народу и Национальному собранию 31 марта 2023 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко подчёркивал, что важнейшим условием сохранения суверенитета и независимости государства «являются историческая память и наши национальные традиции».

«Необходимо, — подчеркнул президент Беларуси, — выработать единые подходы в интерпретации эпохальных событий. Скажу более конкретно: люди должны знать, кто наши герои, воспитывать на их примерах новые поколения белорусов. Хатынь, Ола, Борки, Брестская крепость и все места трагедии и подвига белорусского народа, народов СССР, одним словом, народа-победителя должны стать местом паломничества и преклонения. В первую очередь для наших детей» [2].

Из послания белорусского Президента следует, что отрицание исторической памяти и дискредитация прошлого страны и народа есть важнейшая комплексная форма борьбы коллективного Запада, а более всего одной страны за подчинение мира своим государственным интересам. А. Г. Лукашенко подчеркнул, что: «пока народ отвлекается на борьбу с самим собой, отрекаясь от прошлого, традиций, увлекаясь национальным вопросом и разного рода либералистическими проектами, земли, ресурсы, национальные ценности переходят в собственность иностранных корпораций и финансовых институтов. А для управления ими на местах подбираются типа наших беглых» [2].

Из этого видно, что системообразующим звеном формирования и сохранения государственного суверенитета и идентификации всего населения была и остаётся осознанная общественно-историческая память о героико-трагической жизни народа в годы социально-экономических и культурно-политических свершений. Именно в эти периоды население страны от «мала и до велика» в действии постигает роль коллективных ценностей как системообразующего условия обеспечения государственного суверенитета и самоидентификации личности.

В связи с этим весьма важным представляется вопрос об источниках формирования государственной исторической политики, организации гражданско-патриотического воспитания населения страны и исторического просвещения как в Белоруссии, так и в союзной с ней России.

Для конца XX – начала XXI вв. общепризнанной стала необходимость активного и системного исторического просвещения. Однако в условиях отсутствия государственной исторической политики в союзном государстве как в Белоруссии, так и в России данный вопрос оставался не только остро дискуссионным в научном плане, но и политически практически важным.

В начале мая 2024 г. в Российской Федерации данный вопрос в основном был решён. В Указе президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 были определены основы государственной политики в сфере исторического просвещения. Прежде всего было установлено, что под

государственной политикой в области исторического просвещения следует понимать «совокупность действий, реализуемых субъектами государственной политики в области исторического просвещения, направленных на распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний, поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине» [1].

Важным представляется и то, что в первые на законодательном уровне в России было дано определение собственно исторического просвещения. В Указе установлено, что «историческое просвещение — регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества» [1].

Безусловно понятие «историческая память» многогранное и сложное понятие, но можно согласиться с его обобщённым пониманием, предложенным Т. М. Путятиной в кандидатской диссертации, где историческая память определяется как коллективная способность субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение осмысленных знаний о минувших исторических событиях, исторических лицах, о национальных героях и вероотступниках, традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, пройденных этносом, народом в своём развитии, государственном строительстве [3, с. 15].

Естественно, что основой формирования исторической памяти являются многоплановые и качественные исторические источники научно, социально и личностно осмысленные. Белорусская и российская историография показывают различные системы исторических источников, которые можно и следует использовать в данной работе. Однако из источникового многообразия мы остановимся на мемуарной художественно осмысленной литературе и документальных исследовательских журналистских очерках. Можно согласиться с тем, что они могут носить налёт субъективизма. Это безусловно так. Но тем важнее мнение людей, непосредственно участвовавших в событиях и тех, кто путём поиска и осмысления документального материала в иной социальной повседневности через свой жизненный путь и опыт восстанавливал историческую ретроспективу.

Естественно, что мемуаров большое количество. Однако мы ограничимся воспоминаниями отдельных, уникальных людей как правило

творческих профессий. К их числу относится юный участник Великой Отечественной войны А. А. Ульянов, родившейся 27 мая 1930 г. в Минске, награждённый в 13 лет орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Великой Отечественной войны» I степени [4, с. 207]. Ценность его воспоминаний о военной повседневности в годы Великой Отечественной войны состоит в том, что это результат осмысления и постоянного смыслового дополнения своих оценок различных событий и обстоятельств в процессе взросления, приобретения профессии и реализации профессиональных знаний в иной социальной повседневности послевоенного времени. Это осмысление взрослого человека, ведущего активный поиск понимания условий выживания в страшные годы войны увиденного и пережитого в детстве в военное лихолетье.

Весьма осмысленно автор характеризует обстановку и свои, а скорее и переживания большинства людей, попавших в оккупацию. «А 27 июня, — пишет он, — в Минск вошли немцы. И стало страшно! В первые же дни оккупанты развесили по всюду приказы: сдать оружие, сдать радиоприёмники, выдать всех комиссаров, зарегистрироваться всем евреям, зарегистрироваться всем членам партии. Запрещалось ходить по городу с семи часов вечера до шести утра. Мужчинам в возрасте от 18 до 40 лет приказали отметиться в городской управе. Всем евреям нашить на одежду жёлтые кружочки, спереди и сзади. Евреев выселили из их домов в специально отведённое гетто. Были случаи, когда немцы устраивали на улице облавы, хватали и расстреливали всех подряд» [4, с. 212].

Весьма важным в условиях современных геополитических вызовов и обострения внутривойсковых дискуссий стал вопрос о истоках гражданско-патриотического воспитания внутри союзных государств. По нашему мнению, А. А. Ульянов, выпускник ВГИКа, член Совета кинематографистов России и председатель Совета ветеранов войны — членов Совета кинематографистов России, верно их усмотрел в историко-культурной преемственности и межпоколенческом общении.

«Идя вдоль траншеи, — вспоминал юный партизан, — я вдруг увидел полузасыпанную землёй нашу винтовку, затем нашёл вторую, третью... Ещё не думая зачем, стал стаскивать найденное оружие в одно место. Потом сообразил: Павка Корчагин прятал винтовки, чтобы они не достались врагам. Я тоже спрячу это оружие, чтобы его не забрали немцы. Как раз в конце учебного года мы всем классом читали и обсуждали роман Николая Островского „Как закалялась сталь“. И старались подражать Павке. Теперь мои хождения из деревни в деревню приобрели осмысленность: днём я обходил все опушки, где могли быть наши окопы, и, отыскивая

оружие, прятал его» [4, с. 214]. Из этого небольшое повествование видно, что в одном строю стояли и молодёжь, и старики, и что День Победы все приближали «как могли». В единстве, в правоте и памяти — наша консолидирующая сила.

Уникальный источниковый материал собрал, осмыслил и изложил в своих очерках патриарх белорусской журналистики, член союза писателей Беларуси М. Н. Шиманский [5]. Его книга является уникальным историческим источником и великолепным духовным материалом для организации историко-просветительской деятельности и воспитательной работы.

Главной, на наш взгляд, особенностью очерков М. Н. Шиманского является то, что практически все они построены на основе использования механизма межпоколенческого общения, а также стремлении автора объективно раскрыть истоки государственного патриотизма, чтобы показать, как исторические общегосударственные и национальные ценности способствовали формированию советского коллективизма и государственной идентичности.

Исторический опыт показывает, что начало войны для стороны, подвергшейся нападению весьма трудное время как с военно-организаторской, так и с психологической стороны. Именно трудности этого времени становились основой исторических фальсификаций. Поэтому М. Н. Шиманский подобрал для своих очерков самые репрезентативные источники. Так опираясь на воспоминания командира 44-го стрелкового полка майора П. М. Гаврилова, он опровергает миф о слабости советского воинства в начале войны.

«Уже в первый день нашей обороны, — вспоминал командир, — прошедшей в непрестанной борьбе, сказались отличная выучка наших солдат и офицеров, их высокий моральный дух. Приходилось не только отражать непрерывные атаки, но и ликвидировать группы противника, тои дело прорывавшихся в разных местах Кобринского укрепления» [5, с. 9].

Из очерков М. Н. Шиманского видно, что в сохранении и передаче исторической правды наиболее действенным является межпоколенческий диалог, когда «творцы истории» встречаются с наследниками Победы — созидателями будущего. В этом плане весьма интересен диалог П. М. Гаврилова с молодёжью в Брестской крепости.

«— А вам здесь интересно? — с детской прямоотой и непосредственностью продолжают расспрашивать ребята Гаврилова.

— Ну как вам сказать... — Для меня каждый приезд в Брестскую крепость очень важен. Вот хожу по территории крепости и будто слышу голоса солдат, которые бесстрашно сражались здесь с фашистами в июне-июле 41-го, а многие к сожалению, погибли» [5, с. 11].

Из вышеизложенного следует, что историческая память — это основанное на репрезентативных фактах достоверное, межпоколенчески осмысленное и транслируемое знание, стимулирующее процесс самоидентификации населения союзных стран. Источники формирования исторической памяти разнообразны, а потому она является действенным межпоколенческим скрепом между ушедшими, живущими и будущими поколениями, становясь условием обретения и сохранения государственного суверенитета.

Библиографические ссылки

1. Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84653.html> (дата обращения 29.05.2024).
2. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 29.05.2024).
3. *Путятина Т. П.* Формирование исторического сознания школьной молодёжи в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. канд. социол. наук. М., 2007.
4. *Ульянов А. А.* Детство, опалённое войной / Вспомним путь боевой, что в огне прошагали. Второй сборник серии «Огненные строки войны». М.: Изд-во Патриот, 2015. С. 207–238.
5. *Шиманский М. Н.* Спасибо, солдаты, за Победу! Очерки. Минск: Мастацкая літаратура, 2015.

УДК 94(476)"1941/1944"

ЮНЫЕ ПАРТИЗАНЫ БЕЛАРУСИ И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Л. С. Холтобина

*Военно-исторический музей «Юные защитники Родины»,
Россия, ул. Ленина, 49, 305000, г. Курск, Россия, larisahol60@mail.ru*

В статье рассказывается об экспозиции Курского музея «Юные защитники Родины», который играет одну из ключевых ролей в патриотическом воспитании молодежи на примере подвига юных партизан Беларуси и сохраняет память о войне. Освещение исторических событий, произошедших во время Великой Отечественной войны, играет важную роль в современном обществе.

Ключевые слова: музей; дети; война; партизан; подвиг; герой; память.

YOUNG PARTISANS OF BELARUS AND THE MEMORY OF THE WAR

L. S. Kholobina

*Military History Museum "Young Defenders of the Motherland",
Lenin st., 49, 305000, Kursk, Russia, larisahol60@mail.ru*

The article focuses on the exhibition of the Kursk Museum "Young Defenders of the Motherland", which plays a key role in the patriotic education of young people using the example of the feat of young partisans of Belarus and preserves the memory of the war. Coverage of historical events that occurred during the Great Patriotic War plays an important role in modern society.

Keywords: museum; children; war; partisan; feat; hero; memory.

На протяжении последнего десятилетия приходим к пониманию важности сохранения и использования в научных и воспитательных целях огромного пласта воспоминаний детей войны, детей-героев. Об этом свидетельствуют проекты, посвященные данной теме, в публицистике, кинематографе, выставочные музейные экспозиции, акции общественных молодежных и детских организаций.

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. является одной из самых актуальных и обсуждаемых исторических проблем. Значительный научный интерес представляет история партизанского движения и подполья в период оккупации отдельных территорий СССР немецко-фашистскими войсками.

В годы войны весь советский народ вступил в смертельную схватку с врагом, посягнувшим на независимость, суверенитет и само существование СССР. Развернувшееся движение Сопротивления: партизанское

движение, подпольная борьба, трудовой саботаж, диверсии на оккупационной территории свидетельствовали о патриотизме советских людей. Фашистский оккупационный режим поставил все слои гражданского населения на грань выживания. Война — время больших и трагических потрясений, оставивших неизгладимые раны на белорусской земле и в памяти миллионов людей. Она стала бедой, которая сломала человеческие судьбы, в том числе и детские. Всего на оккупированных белорусских землях было уничтожено 166 885 детей. Сиротами остались более 138 тыс. человек, почти 33 тыс. юных жителей республики вывезли в Германию [1, с. 57].

Жестокость оккупантов по отношению к юным жителям республики проявлялась в осуществлении геноцида, трудовой эксплуатации, вывозе на принудительные работы в Германию, отправке в концентрационные лагеря, использовании малолетних узников в качестве доноров. Однако никакими репрессиями и террором гитлеровцы не смогли сломить волю нашего народа к сопротивлению. В годы тяжелых испытаний многие белорусские дети и подростки проявили себя подлинными патриотами. Они вместе со взрослыми участвовали в борьбе с врагом, в деятельности подполья и партизан. В те годы партизанские отряды для многих ребят стали родной семьей. По неполным данным, в их рядах сражалось около 25 тыс. юных бойцов. Дети рядом со взрослыми участвовали в боевых операциях и диверсиях, выполняли функции связных, разведчиков, распространяли антифашистскую литературу, газеты, листовки. В истории сохранились факты героической деятельности белорусских подростков, работавших по заданию партизанского командования в оккупационных учреждениях. Среди юных подпольщиков, которые выносили чистые бланки фашистских документов, шрифты, добывали необходимые партизанам сведения — Л. Михайлова в Вилейке, З. Николаева и Я. Петриков в Жлобине, Л. Морозова в Витебске, З. Макаревич в Гомеле и др. Многие ребята, не достигшие призывного возраста, были задействованы в качестве связных и агентурных разведчиков, входили в подрывные группы. В тылу врага подростки также участвовали в подпольных патриотических группах — в Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве, Бресте, Пинске, других городах и населенных пунктах Беларуси. Невооруженной борьбой называют помощь, которую дети оказывали взрослым в выполнении хозяйственных работ, в уходе за ранеными и больными. Среди подростков, сражавшихся в партизанских отрядах, больше всего было юношей старшего школьного возраста. Однако нередко туда приходили ребята 14–16 лет со своим оружием и становились народными мстителями. Но где бы ни боролись с врагом дети — в составе партизанских отрядов, подпольных групп или самостоятельно, во всех случаях они рисковали жизнью и погибали вместе со

взрослыми. Война соединила несоединимое: дети и война, дети и смерть. Оказавшись по ее жестокой воле в пекле страданий и невзгод, дети вели себя как герои, сумели вынести то, что и взрослым было не всегда под силу. У этих мальчишек и девчонок разные судьбы, но их объединяет одно: они — дети войны. Государство высоко оценило вклад их в Победу. За мужество, отвагу и героизм 37 тысяч белорусских юношей и девушек награждены орденами и медалями СССР, школьникам Марату Казею, Зинаиде Портновой, Борису Царикову присвоено звание Героя Советского Союза. Конечно, эти цифры не могут рассказать все о жизни, о ратном и трудовом подвиге юных белорусов военных лет [2, с. 109].

Школьники России и Беларуси должны знать о подвиге бывшего ученика Гомельской средней школы № 25, комсомольца Бориса Андреевича Царикова, который в 15-летнем возрасте ушел в партизаны (декабрь 1941 г. — октябрь 1942 г.), где, проявив себя в боях с врагом, был награжден орденом Красного Знамени. Вступив в ряды Красной армии в 16-летнем возрасте (январь 1943 г.) сражался как разведчик. Участвовал в боях на Курской дуге и в форсировании р. Десны, когда водрузил на берегу Красное знамя и отражал контратаки врага, за что был награжден вторым орденом Красного Знамени. Позже, эвакуируя раненых, сделал 9 рейсов через Днепр. Газета «Боевое знамя» 65-й Армии 1-го Белорусского фронта поместила его фотографию и заметку «Ефрейтор Борис Цариков — герой Днепра». 31 октября 1943 г. Борису исполнилось 17 лет. Бойцы поздравили его с днем рождения и сообщили об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. о присвоении Борису Андреевичу Царикову звания Героя Советского Союза. Борис мечтал стать офицером Советской Армии и посвятить свою жизнь делу защиты Родины. Но мечта его не сбылась: 13 ноября 1943 г. он был смертельно ранен, похоронен юный герой в городе Лоев [3, с. 42].

Из полученных трофейных материалов всему миру стали известны приказы германского командования, согласно которым, войскам вменялось в обязанности истреблять советских детей. В приказе № 91 от 25 ноября 1941 г., который зачитывался как специальная памятка перед строем вражеских солдат, требовалось следующее: «У тебя нет сердца и нервов — на войне они не нужны. Уничтожай в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского советского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай». «Страх перед немцами должен войти в каждого до самых костей. По отношению к большевистским „недочеловекам“ не может быть никакого снисхождения. Это относится также к женщинам и детям. Партизан и их единомышленников — на первый сук». В приказе 13-го армейского корпуса от 28 ноября 1941 г.

немецким солдатам предлагалось уничтожать, как партизан, «мальчиков и девочек» в возрасте от 12 до 16 лет». Главнокомандующий фон Клюге в приказе по армии от 8 февраля 1942 г. предлагал «особое внимание обратить на повсюду снующих мальчиков (советская русская организация молодежи — „Пионеры“). Кто, несмотря на объявления о запрещении, незаконно попадает на железнодорожное полотно — расстреливается...» [4].

Материалы архивов, центров документации новейшей истории регионов, библиотеки, музеи, в том числе фонд редкой книги и мемуары бывших молодых партизан из фондов военно-исторического музея «Юные защитники Родины» дают возможность составить целостную картину о помощи детей в партизанских отрядах, о судьбах подростков, юных партизан, отдавших свои жизни в борьбе с ненавистным врагом. Курский музей «Юные защитники Родины» — центр патриотического воспитания, единственный государственный музей в России подобного рода о воевавших с оружием в руках детях и подростках. Музей является филиалом областного бюджетного учреждения культуры, «Курский областной краеведческий музей» с 1991 г. Поиск юных участников войны начался в 1963 г., по его результатам 1977 г. был открыт музей «Юные защитники Родины». Инициатором поисковой работы и основателем музея стала ветеран Великой Отечественной войны Клара Александровна Рябова [5, с. 114].

Музей изначально занимал помещение площадью 120 квадратных метра в бывшем здании Дома культуры Курского завода тракторных запасных частей. В настоящее время в музее на государственном учете состоят более 30-ти тысяч предметов (награды и фотодокументы юных участников героев войны, редкие книги о мужестве и повседневной жизни детей войны, предметы вооружения и др.) [6].

2022 г. для военно-исторического музея «Юные защитники Родины» был знаковым. При поддержке Губернатора Курской области Романа Владимировича Старовойта, совместно с Российским военно-историческим обществом и при попечительстве Владимира Ростиславовича Мединского, советника Председателя Российского военно-исторического общества удалось реализовать масштабный Всероссийский и международный проект — открытие монумента Сынам полков, новой интерактивной экспозиции музея «Юные защитники Родины», который сегодня находится в центре города, в здании Курской областной универсальной научной библиотеки имени Н. Н. Асеева. Юным партизанам посвящен тематический музейный комплекс «Партизанскими тропами». Экспозиция о детях-партизанах позволяет узнать: в каких условиях и каким был быт партизан? В землянку можно зайти школьникам, посидеть на пеньках у буржуйки в лютую зиму или непогоду. Землянка, срубленная из бревен,

где ящики от боеприпасов, алюминиевая посуда, одежда и обувь партизан, телефонный аппарат, керосиновая лампу-коптилка, фотодокументы, газеты военного времени, листовки партизан, карта военных событий и другие уникальные предметы. Глубокое чувство восхищения вызывают у школьников подвиги их ровесников-партизан Белоруссии, не знавших страха перед врагом. Посетители узнают о мужестве и героизме юных партизан Беларуси — Геннадия Юшкевича, бывшего бойца партизанской разведгруппы «Чайка», армейского разведчика спецгруппы «Джек» штаба II-го Белорусского фронта; 11-летних Михаила Качана и Александра Ульянова, 13-летних Гриши Подобедова, Павла Хилькевича, Василия Асташенка, Виктора Тюфяева; 14-летних Александра Подобеда и Валентины Артемьевой, 15-летних Семена Шакарови, Ивана Пекурина, Виктора Кучерявого и многих других [7, с. 187].

Курский музей «Юные защитники Родины» более 40 лет сотрудничает и обменивается виртуальными выставками с белорусскими школьными музеями средней школы № 67 г. Минска (музей «Батальона Белорусских орлят») [8, с. 23, 28–32], гимназии № 7 г. Минска (музей «Юные защитники Отечества») [9, с. 29].

Подвиги пионеров и комсомольцев в годы войны вдохновляют сегодняшнюю молодежь на трудовые дела. Изданы сотни книг о юных героях Гомельщины, Витебщины, которые в годы Великой Отечественной войны боролись за свободу и независимость нашей Родины. На экраны вышли телевизионные хроникально-документальные и художественные фильмы «Мальчишки, мальчишки...», «Им не было и 16-ти», «Дети Брестской крепости», «Отзовись, моё детство!», «Парашюты на деревьях», «Дочь комбрига» [10, с. 261–267].

Дети войны, судьбы их были похожи: судьбы курских и белорусских мальчишек и девчонок. Война стала общей биографией целого поколения военных детей. Неокрепшие души, открытые ужасам войны. Неокрепшие руки, сжимавшие автомат или гранату. Из жизни уходит военное «детское» поколение. Необходимо успеть сохранить документальную правду о детях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Нужна и актуальна дополнительная поддержка государства. Однако правовой статус граждан, пострадавших в годы войны, в том числе и детей, законодательством не установлен. Беларусь занимает одно из первых мест по числу детей, потерявших родителей в годы Второй мировой войны, и оставшихся без родительского тепла. Хорошо бы в Минске возвести памятник детям войны: тем, кто погиб, кто был искалечен войной, кто просто стал ее свидетелем, и даже тем, кто не сумел родиться из-за войны. Наш долг сохранить память о страданиях и подвиге детей войны, о трагедии и героизме всего белорусского народа и передать ее следующим

поколениям. Это будет способствовать и воспитанию нынешнего поколения, формированию настоящих патриотов своей Родины и Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Коршук В. К., Романовский И. Ф. Их детство украла война. Память. Беларуская Думка. 2018, № 1. С. 56–62.
2. Бездзель В. Я. Дети на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.). Витебск: УА «ВДТУ», 2013. 156 с.
3. Шакаров С. Ф. Юные герои Гомельщины. Минск: Юнацтва, 1991. 172 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.
5. Холтобина Л. С. Судьбы детей военной поры: документы, воспоминания, историография / Великая Отечественная. К 70-летию народной Победы. Материалы МНК «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда РФ и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации» / Отв. ред. Е. И. Пивовар, сост. И. А. Анфертьев. Москва: РГГУ, 2015.
6. Музей «Юные защитники Родины». Опись фонда. Ед. хр. 1–30000.
7. Юные защитники Родины. Память о вас никогда не умрет... Редколлегия: Полетыкина Ю. Н. (гл. ред.) [и др.]. Курск: ИП Бабкина Г. П., 2023. 261 с.
8. Вавуло В. В. Маленькие солдаты большой войны. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 224 с.
9. Михайлов Л. Батальон белорусских орлят // Беларуская Думка. 2021, № 3. С. 28–32.
10. Соснина К. Комната памяти. Где в Минске хранятся удивительные истории о войне? // Аргументы и факты. 2021. № 18. С. 29.
11. Ульянов А. А. Партизанское детство // Республика-партизанка. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. С. Л. Кандыбович, О. В. Солопова. М.: Студия «Этника», 2020. С. 261–267.

УДК 94(476)"1944"

**ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» И БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН ЛЕТОМ 1944 г.
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В. В. Шадурский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, wshadur@gmail.com*

Операция «Багратион» вошла в историю как величайшее достижение советского военного искусства и крупнейшее поражение Третьего Рейха в годы Второй мировой войны. В условиях Холодной войны столь масштабный успех Красной Армии не мог не привлечь внимание авторов и аналитиков США и Великобритании. После развала Советского Союза интерес западных историков к теме не только не исчез, но и приобрел новый импульс. В статье автором приводятся пять пунктов, которые раскрывают основные особенности и характерные черты, присущие англоязычной историографии операции «Багратион». Выводы основываются на содержании работ таких британских и американских исследователей как Л. Гарт, У. Коннор, Д. Гланц, У. Данн, Д. Макгрегор и др.

Ключевые слова: Беларусь; операция «Багратион»; военная история; Великая Отечественная война; англоязычная историография.

**OPERATION “BAGRATION” AND COMBAT ACTIVITY OF
BELARUSIAN PARTISANS IN THE SUMMER OF 1944:
ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF THE TOPIC**

V. Shadurski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, wshadur@gmail.com*

Operation Bagration went down in history as the greatest achievement of Soviet military art and the largest defeat of the Third Reich during the Second World War. In the conditions of the Cold War, such a large-scale success of the Red Army couldn't help but attract the attention of authors and analysts in the United States and Great Britain. After the Soviet Union collapse, the interest of Western historians in the topic not only didn't disappear, but also acquired new impetus. In the article, the author provides five points that reveal the main characteristic features of the English-language historiography of Operation Bagration. The conclusions are based on the content of the works of such British and American researchers as L. Hart, W. Connor, D. Glantz, W. Dunn, D. McGregor and others.

Keywords: Belarus; operation “Bagration”; military history; Great Patriotic War; English-language Historiography.

Летом 1944 г. Третий Рейх потерпел самое сокрушительное поражение в своей истории. В ходе Белорусской наступательной операции под ударами четырёх советских фронтов рухнула немецкая группа армий «Центр», а вся территория нашей республики была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. За минувшие восемь десятилетий отечественные историки

посвятили истории операции «Багратион» множество работ и публикаций. Однако сражение подобного масштаба и такие выдающиеся результаты не могли не привлечь внимание и зарубежных, в первую очередь, американских и британских, авторов. На основе проанализированных исследований выделим пять основных тезисов, характеризующих суть англоязычной историографии Белорусской наступательной операции.

1. Многие труды, посвящённые операции «Багратион», создавались представителями исследовательских центров вооружённых сил Соединённых Штатов. Мотивацией для создания этих исследований служил не только научный, но и военно-теоретический интерес.

Становление и развитие англоязычной историографии Второй мировой войны происходило в условиях геополитического противостояния с Советским Союзом. Исследование этой проблематики было призвано помочь понять советскую тактику и стратегию, а следовательно — остановить натиск танков Советской Армии через гипотетический «Фульдский коридор», изучалось крайне внимательно. В 1973 г. в Соединённых Штатах был образован Общевоинской армейский центр, в рамках которого действовал Институт боевых исследований.

В 1987 г. в институте была опубликована работа «Анализ глубокой операции на примере операции „Багратион“ в Белоруссии 22 июня–29 августа 1944». Её автором стал подполковник Уильям Коннор, который высоко оценил замысел, реализацию планов советского командования, а также итоги операции. Потери немцев только к моменту разгрома Минского «котла» автор оценивал в 300–350 тысяч человек и 25–28 уничтоженных дивизий [8, с. 52].

Ещё одним известным специалистом, работавшим под эгидой Института боевых исследований, был Дэвид Гланц. За минувшие десятилетия полковник Д. Гланц вполне заслуженно приобрёл репутацию одного из главных американских специалистов по истории советско-германского фронта. Тему операции «Багратион» американский историк затрагивал во многих своих работах. В 2001 г. была опубликована работа «Белоруссия 1944: исследование советского Генерального штаба» (перевод советских документов), редактором и автором предисловия к которой стал Д. Гланц [10]. В 2016 г. свет увидел его труд «Битва за Белоруссию: забытая кампания Красной Армии октябрь 1943–апрель 1944» [11]. Описанные в книге сражения послужили прологом к операции «Багратион», которые, к сожалению, недостаточно исследованы в отечественной историографии.

В 2016 г. в Соединённых Штатах Америки была опубликована книга «Грань победы: пять сражений, изменивших облик современной войны» полковника американской армии и военного теоретика Дугласа

Макгрегора [13]. Одним из пяти перечисленных сражений являлась Белорусская наступательная операция (ни одна другая битва Второй мировой в список не вошла). Сам Макгрегор отличился в боях с иракцами в 1991 г., был советником президента Трампа и получил известность как сторонник решительных реформ в армии США.

2. В годы Холодной войны британские и американские авторы чаще всего создавали свои исследования на основе немецких источников. В 1990–2000-х гг. получение широкого доступа к советским документам позволило западным исследованиям перейти на новый количественный и качественный уровень.

Противостояние стран-членов Организации Варшавского договора и стран НАТО имело не только геополитическое, но и идеологическое измерение. Так на протяжении всех 1950-х гг. англоязычная советология испытывала на себе сильное влияние политики «Маккартизма». Но и после этого идеология продолжала оказывать определенное влияние на историческую науку.

Кроме того, существовала и другая проблема: английские и американские историки опирались в основном на немецкие работы, так как не могли получить достаточный доступ к документам советской стороны. В период 1945–1959 гг. активную деятельность вёл Отдел иностранных военных исследований армии США, который широко привлекал к своей работе бывших немецких военных. Они написали около 2500 воспоминаний, брошюр и исследований, послуживших основой для создания многих американских работ. Таким образом, англо-американскую историографию того периода можно охарактеризовать как преимущественно германоцентричную.

Конец Холодной войны придал новый импульс англоязычным исследованиям советско-германского фронта. Возможность изучения документов Красной Армии позволила западным историкам расширить масштабы исследований и представить более взвешенный и объективный взгляд на события лета 1944 г. в Беларуси. Именно этим обстоятельством можно объяснить факт того, что непропорционально большое количество крупных американских работ по теме (Д. Гланц, У. Данн, П. Адайр, С. Залога) были опубликованы именно на рубеже XX и XXI вв.

3. При анализе Белорусской наступательной операции, английские и американские историки проявляли склонность проводить параллели между действиями Красной Армии летом 1944 г. и немецкой стратегией «Блицкрига».

Данная параллель проведена даже в названии работы американского историка Уолтера Данна «Советский блицкриг: битва за Белоруссию

1944 года» (в оригинале использовалось устаревшее название «White Russia») [9]. Стоит отметить, что в качестве объекта для сравнения в англоязычной историографии выступал не только советско-германский фронт. Так британец Энтони Бивор сравнивал действия 1-го Белорусского фронта, преодолевшего казавшиеся непроходимыми Припятские болота, с внезапным ударом немцев через горные Арденны весной 1940 г. во Франции [2].

Вместе с тем необходимо признать, что в этом вопросе мнение отечественных историков чаще всего совпадает с мнением западных коллег. Параллелей между событиями лета 1941 г. и лета 1944 г. слишком много: удары механизированных соединений в глубину вражеской обороны, когда танки обходят узлы обороны противника, а врагов, оказавшихся в тылу, добивают следующие за танками пехотные соединения. В этом контексте операция «Багратион» являлась зеркальным отражением «Барбароссы», когда Красная Армия сполна отомстила немецкой группе армий «Центр» за страшное лето 1941 г.

4. В англоязычных исследованиях не обходилось без ошибок и неточностей, часть из которых была связана со слабыми знаниями некоторых западных авторов белорусской географии и топонимики.

Так, в 1946 г. американец Брукс Маклюр писал об освобождении Красной Армией города «Бробруйска» [14, с. 9]. Сам Уинстон Черчилль в своей «Второй мировой войне» (работе, которая принесла автору Нобелевскую премию по литературе), отмечал, что летом 1944-го Красная Армия освободила не только Бобруйск, Витебск и Могилёв, но и Гомель [6, с. 45]. В реальности Гомель был освобожден войсками Белорусского фронта ещё 26 ноября 1943 г., более чем за полгода до описываемых событий [2]. Современный британский историк Э. Бивор во «Второй мировой войне» 2012 г. отмечал, что 3 июля Минск был взят ударом с юга. На самом деле, столица БССР была освобождена практически одновременным ударом 2-го гвардейского танкового корпуса с северо-востока и 1-го гвардейского танкового корпуса с юго-востока [2, с. 134]. Первыми на улицы города по Московскому шоссе ворвались танкисты 4-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского танкового корпуса. Сегодня о подвиге командиров и бойцов бригады напоминает танк Т-34 на постаменте у Дома офицеров.

5. Отдельные западные авторы, описывая события лета 1944 г. на советско-германском фронте, уделяли значительное внимание советскому партизанскому движению, его взаимодействию с Красной Армией при освобождении Советской Беларуси.

Первые статьи, посвящённые белорусским партизанам и их боевым операциям, начали появляться на Западе сразу после войны. В 1949 г. в статье «Скрытая армия России» утверждалось, что партизаны сыграли

важную роль в успехе советского наступления в Беларуси. «Ещё до того, как Красная Армия атаковала, центральные немецкие позиции были серьёзно ослаблены партизанскими атаками в тылу», — констатировал американский автор [14, с. 9].

Высокой оценки действия нерегулярных сил удостоились и в книге «Коммунистическая партизанская война» Чарльз Диксона и Отто Гейльбрунна, опубликованной в 1954 г. в Лондоне [5]. На её страницах отмечалось, что ещё до начала советского наступления, боеспособность немцев была подорвана действиями советских партизан, которые совершили более 10 тысяч диверсий и полностью парализовали немецкий тыл. Сама же книга представляла не просто исторический труд, а скорее практическое пособие по борьбе с коммунистическим партизанским движением.

О вкладе партизан в успех Белорусской наступательной операции было написано и в коллективной монографии «Советские партизаны во Второй мировой войне» 1964 г., изданной при финансовой поддержке ВВС Соединённых Штатов (что ещё раз подтверждает тезис о высокой вовлечённости в изучение истории войны западных военных структур) [7].

В 1970 г. один из крупнейших британских военных теоретиков Лиддл Гарт в своей «Истории Второй мировой войны» писал о том, что немцы при отступлении из Беларуси боялись передвигаться по просёлочным дорогам, опасаясь засад «русских партизан» [12, с. 607]. Стоит отметить, что данное упоминание советских партизан является единственным на все 829 страниц книги.

Об определенном вкладе партизан в успех операции «Багратион» кратко или подробно пишут почти все современные англоязычные авторы, в том числе С. Залого или Э. Бивор.

Подводя общий вывод, следует заметить, что англоязычная историография Белорусской наступательной операции представляет сложную совокупность исследований. Некоторые из них заслуживают высокой оценки, другие же можно охарактеризовать как тенденциозные. Выводы одних необходимо цитировать, выводы других — подвергать обоснованной критике.

Библиографические ссылки

1. Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров [и др.]. Минск: Белорусская наука, 2014. 992 с.
2. Бивор Э. Вторая Мировая война / Пер. с англ. В. Глушакова. М.: Колибри, 2014.
3. Гістарыяграфія ЗША і Вялікабрытаніі па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны: аўтарэферат дысертцыі: спецыяльнасць 07.00.09 Гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследвання / Бязлепкін Яраслаў Пятровіч. Мінск, 2014.

4. Гомельско-Речицкая наступательная операция [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/ops/gomelsko-rechitskaya-nastupatel'naya-operatsiya> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Диксон Ч., Гейльбрун О. Коммунистические партизанские движения. М.: Иностранная литература, 1957.
6. Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 6: Триумф и трагедия. Пер. с англ. под ред. А. Орлова. М.: Терра, 1998.
7. *Armstrong A.* Soviet Partisans in World War II / edited by John A. Armstrong with foreword by Philip E. Mosley. The University of Wisconsin Press, 1964.
8. *Connor W.* Analysis of Deep Attack Operations. Operation Bagration. Belorussia 22 June–29 August 1944. Combat Studies Institute, Fort Leavenworth, Kansas, 1987.
9. *Dunn W. S.* Soviet Blitzkrieg: The Battle for White Russia 1944. Lynne Rienner, 2000.
10. *Glantz D. M.* Orenstein H. Belorussia 1944. The Soviet General Staff Study. Routledge, 2004.
11. *Glanz D. M., Glanz M. E.* Battle for Belorussia: The Red Army's Forgotten Campaign of October 1943 – April 1944. University Press of Kansas, 2016.
12. *Hart L.* History of the Second World War. London: Pan Books, 1973.
13. *MacGregor D.* Margin of Victory: Five Battles that Changed the Face of Modern War. Naval Institute Press, 2016.
14. *McClure B.* Russia's Hidden Army // Infantry Journal. 1949. Vol. 65, iss. 1. P. 6–12.
15. *Zaloga S. J.* Bagration 1944. The Destruction of Army Group Centre. Osprey, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Гернович Т. Д., Шумейко М. Ф., Яновский О. А.</i> Сохранение памяти о Великой Отечественной войне через цифровые технологии: методика создания цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» и ее образовательное значение	5
<i>Сергеенкова В. В.</i> Новейшие подходы и методы в преподавании дисциплины «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» на факультетах Белорусского государственного университета	17

АРМИЯ И ТЫЛ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

<i>Александрович С. С.</i> ГРУ РККА и партизанское движение в годы Великой Отечественной войны	24
<i>Апажеева Е. Х., Лаврова Н. С.</i> Операция «Багратион» в судьбах ветеранов Великой Отечественной войны Кабардино-Балкарии	30
<i>Ивицкий А. М.</i> К вопросу о количестве воздушных таранов, совершенных советскими летчиками-истребителями в годы Великой Отечественной войны	36
<i>Колобаева У. А.</i> Агитация и пропаганда в БССР в годы Великой Отечественной войны	43
<i>Купченко К. В.</i> Операция «Багратион» в белорусской, польской и российской историографии	49
<i>Мацукевич С. Д.</i> Деятельность органов прокуратуры на территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны	54
<i>Лосева Д. С.</i> Подвиг бойцов 873-го артиллерийского полка 33-й армии 2-го Белорусского фронта у деревни Ратковщина	61
<i>Надточаев В. Н.</i> Из истории отечественных спецслужб: операция «Мотря»	70
<i>Панков Ю. В.</i> «...не стало еще одного советского города». Бомбардировка Гомеля люфтваффе в середине августа 1941 г.	76
<i>Петаченко Г. А., Шабасова М. А.</i> Роль У. А. Гарримана в советско-американских отношениях в годы Великой Отечественной войны	82
<i>Сидорова С. О.</i> Вклад белорусских связистов в победу в Великой Отечественной войне	90
<i>Яценко К. В.</i> Куряне — герои операции «Багратион»	96

ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОДПОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

<i>Аргунов О. Н.</i> Мирное население в условиях немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны: проблема выживания (на материалах Курской области)	101
<i>Богданович А. Б., Каркин Ю. В., Щур А. С.</i> Борьба партизан и подпольщиков Витебщины в годы Великой Отечественной войны (на примере деятельности В. Е. Лобанка)	107
<i>Козак К. И.</i> Стратегия германской оккупационной политики на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: планы и реализация	114
<i>Лукашевич А. М.</i> 208-й партизанский отряд имени И. В. Сталина: формирование и боевая деятельность (1941–1942)	122
<i>Менча В. А.</i> Награждения казахстанцев-партизан Барановичского партизанского соединения медалью «Партизану Отечественной войны»	134
<i>Мирзоева С. Г., Бегидова Л. З.</i> Участие уроженцев Кабардино-Балкарии в партизанском движении на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны	140
<i>Петрович И. К.</i> Полоцкое патриотическое подполье 1941–1944 гг. в контексте истории антинацистского сопротивления на территории БССР	146
<i>Ратько А. Ф.</i> Казахстанцы в составе командования партизанских отрядов Барановичской области БССР в годы Великой Отечественной войны	152
<i>Тарасенкова Т. И.</i> Жизнь смолян в оккупации (1941–1943)	160
<i>Хришкевич Т. Г.</i> Организация труда и карточной системы на оккупированной Псковщине (по материалам государственного архива Псковской области)	166

БЕЛАРУСЬ И МИР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

<i>Данченко А. А.</i> Белорусская эмиграция в США в межвоенный период	172
<i>Кононова П. Е.</i> Жанровые и стилистические особенности кинематографа БССР в 1924–1939 гг.	178
<i>Платонов К. А.</i> Деятельность советских агитаторов в период выборов в Народное собрание Западной Беларуси (октябрь 1939 г.)	183
<i>Рындин С. Н.</i> Иностранцы военнопленные на территории Беларуси: опыт Первой мировой войны	190
<i>Старовойтов М. И.</i> Демографический потенциал Беларуси накануне Второй мировой войны	197
<i>Хадасевіч Г. С.</i> Эканамічныя пераўтварэнні ў Заходнебеларускім рэгіёне (верасень 1939 – чэрвень 1941 гг.)	206

Яноўскі А. А. «Мощный щит на западных рубежах советской страны» —
ваенна-фізкультурная справа ў БДУ 1920–1930-х гг. 214

Янушевіч І. І. Антираелигиозная работа партийных и государственных структур
в западных областях БССР накануне Великой Отечественной войны 232

БЕЛАРУСЬ И МИР В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Гужалоўскі А. А. Аднаўленне музейнай сеткі БССР у 1944–1950 гг. 238

Брилева Т. И. Материальное положение и социальное обеспечение белорусов,
эвакуированных из Польши в БССР в 1944–1947 гг. 245

Лисовская Т. В. Структурное оформление евангельско-баптистского движения
в БССР в 1943–1959 гг. 251

Мартинкевич И. А. Меры социальной поддержки инвалидов
Великой Отечественной войны и семей погибших воинов в 1943–1953 гг. 259

Медведева А. А. Отражение социально-экономических, политических и культурных
новостей в газете «Колхозник Беларуси» в 1950 г. 268

Поляк Н. А. Социальные трансформации в БССР
в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. 273

Сальков А. П. Белорусский сюжет разработки проекта мирного договора
с Италией накануне и в ходе Парижской мирной конференции (ПМК) 1946 г. 278

Соломкина Н. С. Использование архивных документов в БССР после
Великой Отечественной войны (1945–1960) 284

Талалуева К. И. Трудовой подвиг белорусских женщин в послевоенные годы 290

Хомич Д. А. Восстановление общественно-политической жизни БССР
в 1943–1953 гг. 296

Чеченев И. О. Политика Боливарианской Республики Венесуэла в отношении
латиноамериканской интеграции при правлении У. Чавеса 302

Шалькевич В. Д. Вклад ученых из Восточной Европы в развитие
словацкой академической науки (1920-е – 1940-е гг.) 308

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ, КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Бычкова Т. В. Информационные ресурсы Национального архива
Республики Беларусь по истории геноцида белорусского народа
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 313

Волкова А. И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси
в освещении современных зарубежных СМИ 317

Довгялло М. С. «Неудобное прошлое» Второй мировой войны в исторической
политике отдельных восточноевропейских стран 324

Долюк С. Г., Лепеш О. В. Деятельность профессорско-преподавательского состава
БПИ в годы Великой Отечественной войны (по материалам музея истории БНТУ) ... 332

<i>Наумчик А. А., Федоров Г. А.</i> Российские загранучреждения в странах дальнего зарубежья как мнемонические акторы Великой Отечественной войны (2022–2024) ...	340
<i>Репин В. В.</i> Формирование и сохранение в Словакии памяти об участнике антифашистского сопротивления на территории Беларуси, словацком капитане Яне Налепке	347
<i>Рожкова С. Н.</i> Советско-германские отношения накануне Второй мировой войны в белорусской историографии	354
<i>Рыжанкова А. С.</i> Партизанские рукописные журналы: анализ оформления	362
<i>Сергееenkova В. В.</i> Бессмертный подвиг моей семьи в годы Великой Отечественной войны	368
<i>Третьяков А. В.</i> Историческая память — основа государственного суверенитета Беларуси и России	376
<i>Холтобина Л. С.</i> Юные партизаны Беларуси и память о войне	382
<i>Шадурский В. В.</i> Операция «Багратион» и боевая деятельность белорусских партизан летом 1944 г. в англоязычной историографии	388

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА**

**Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 80-летию проведения
Белорусской стратегической наступательной
операции «Багратион» и освобождения Беларуси**

Минск, 12 июня 2024 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. В. Репин*
Компьютерная верстка *Д. Н. Бузун*
Дизайн обложки *С. В. Вайтович*

Подписано в печать 04.12.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,13. Уч.-изд. л. 23,65.
Тираж 40 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика